

ISSN (print) 2686-9764 ISSN (online) 2782-1986

Том 18, № 4 (68), 2024

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

**Volume 18, No. 4 (68),
2024**

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2024, том 18, № 4 (68)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка
материалов только
с разрешения редакции
журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Некрасов В. Н. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравалева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армении, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армении;

Антонян Ю. М. – главный научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160033, г. Вологда,
ул. Текстильщиков,
д. 20а

Телефоны:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс
41253 по электронному
каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
09.12.2024

Тираж 1000 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бабаян С. Л. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Букалерева Л. А. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянский И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки), отнесен к категории К2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	348
БОДРОВ Н. Ф., ЛЕБЕДЕВА А. К. Перспективы правового регулирования и алгоритм маркировки генеративного контента	348
КАРПУНИНА В. В. К вопросу об особенностях понятия и роли юридической техники в развитии пенитенциарного права на современном этапе	358
ЛАПШИН В. Ф., НЕКРАСОВ В. Н. Дифференциация ответственности и законодательная техника как ключевые направления научных исследований Ярославской уголовно-правовой школы (на примере диссертаций представителей Северо-Западного региона)	367
КУРГУЗКИНА Е. Б., ВЛАСОВА Н. А. Некоторые проблемы квалификации уголовно наказуемых массовых беспорядков	376
КУНЦ Е. В., ЛАТЫШЕВА Л. А. Гуманизм в процессе назначения и исполнения наказаний в отношении женщин	385
БАКУЛИН В. К. Категория «угроза» в теории и практике уголовно-исполнительного права	391
ЯКОВЕЦ Е. Н. Исторический аспект пенитенциарной денацификации	398
КОЛОКОЛОВ Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (системный анализ текущей официальной уголовной политики и противоречивой судебной практики)	411
НАГОРНЫХ Р. В. Дискреционные полномочия в сфере публичного управления и принципы их реализации в деятельности уголовно-исполнительной системы	428
КАЛУЖИНА М. А., ПУХАРЕВА Т. С. Психологические аспекты анализа и оценки современного состояния кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы	434
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	443
МАРЬИН М. И., ТЕРЕГУЛОВА О. А. Особенности формирования благоприятного социально-психологического климата в территориальных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации	443
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	449
СКЛЯРЕНКО И. С., БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ М. А. Методические основания развития института наставничества в правоохранительных органах	449

Научная статья
УДК 343.3/7:004
doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.001

Перспективы правового регулирования и алгоритм маркировки генеративного контента

НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧ БОДРОВ

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, bodrovnf@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9005-3821>

АНТОНИНА КОНСТАНТИНОВНА ЛЕБЕДЕВА

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, tonya109@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9344-2103>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу механизмов правового регулирования генеративного контента в Российской Федерации, алгоритма его маркирования. Анализ действующего законодательства показывает, что возрастание роли технологий искусственного интеллекта в современном обществе диктует необходимость совершенствования существующих, а также разработки новых норм для правового регулирования оборота генеративного контента. Российский законодатель предпринимает первые попытки разработки законодательных мер контроля за оборотом генеративного контента, однако в настоящее время отсутствует даже унифицированное определение дипфейка как основополагающего понятия данной сферы. *Цель:* на основе существующей классификации видов генеративного контента описать существующие виды его маркировки, представить определение дипфейка. *Методы:* сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* анализ видов генеративного контента, целей его распространения демонстрирует необходимость создания эффективных правовых и технологических механизмов регулирования. Разработаны теоретические положения о структуре субъектов создания и распространения генеративного контента, предложены рекомендации по установлению их правовых обязанностей и ответственности. *Выводы:* механизмы правового регулирования генеративного контента на данном этапе сводятся к следующему: закрепление обязанности технологических компаний и пользователей, создающих генеративный контент, использовать водяные знаки для маркирования контента в целях информирования иных лиц о генеративной природе контента; установление ответственности за отказ от маркировки или удаление какого-либо вида маркировки, неправомерное использование биометрических персональных данных для создания дипфейка; учет общественной опасности деяний, совершаемых с использованием дипфейка в качестве средства.

Ключевые слова: дипфейк; генеративный контент; правовое регулирование; маркировка контента; ответственность.

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Благодарность: публикация подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему: «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУНИОКТР: 124012000079-6

Для цитирования: Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Перспективы правового регулирования и алгоритм маркировки генеративного контента // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 348–357. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.001.

Original article

Prospects of Legal Regulation and Algorithm for Marking Generative Content

NIKOLAI F. BODROV

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, bodrovnf@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9005-3821>

ANTONINA K. LEBEDEVA,

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, tonya109@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9344-2103>

Abstract

Introduction: the article analyzes mechanisms for legal regulation of generative content in the Russian Federation and considers an algorithm of marking generative content. The analysis of current legislation shows that the increasing role of artificial intelligence technologies in modern society necessitates the improvement of existing norms, as well as the development of new ones for the legal regulation of generative content turnover. The Russian legislator is trying to develop legislative measures to control the turnover of generative content, but currently there is not even a unified definition of a deepfake as a fundamental concept of this sphere. *Purpose:* on the basis of the existing classification of generative content types to describe the existing types of generative content labelling and to present the definition of a deepfake. *Methods:* comparative-legal, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic, legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms, are applied. *Results:* the analysis of existing types of generative content, the purposes of its distribution demonstrates the need to create effective legal and technological mechanisms for regulating generative content. Theoretical provisions on the structure of subjects of creation and distribution of generative content are developed and recommendations on establishing their legal duties and responsibilities are offered. *Conclusions:* the mechanisms of legal regulation of generative content at this stage are reduced to the following: establishing the obligation of technology companies and users who create generative content to use watermarks to mark the content in order to inform other persons about the generative nature of the content; establishing liability for the refusal of marking or removal of any type of marking; establishing liability for the misuse of biometric personal data for the creation of a deepfake.

Key words: deepfake, generative content, legal regulation, content marking, liability.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

Acknowledgments: This publication has been prepared as part of the work under the state assignment on the topic “The Russian legal system in the realities of digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)”. The EGISUNIOKTR registration number: 124012000079-6.

For citation: Bodrov N.S., Lebedeva A.K. Prospects of legal regulation and algorithm for marking generative content. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 348–357. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.001.

Введение

Технологии искусственного интеллекта (ИИ), позволяющие создавать различные виды контента, –

мощный инструмент для творческого самовыражения, востребованный в самых разных сферах человеческой деятельности – от искусства до, например,

маркетинга. Однако бесконтрольное распространение различного генеративного контента, созданного при помощи современных нейросетевых алгоритмов, способных синтезировать текст, графику и звуки, уже сейчас приводит к серьезным последствиям, заслуживающим должного внимания законодателя и правоприменителя.

Важнейшей проблемой стал практически бесконтрольный доступ к биометрическим персональным данным лица на основе тех медиаматериалов, которые в последние годы распространялись в открытом доступе в социальных сетях, системах обмена мгновенными сообщениями, сервисах облачного хранения, на файлообменниках, в системах хранения данных программ видео-конференц-связи и видеохостингах. Указанные материалы уже сейчас являются основой для создания цифровых продуктов в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированных полностью или частично при помощи нейросетевых технологий для цели введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом [1]. Подобного рода продукты являются по своей сути содержательным наполнением термина «дипфейк».

Усугубляет рассматриваемую проблематику тот факт, что технологии нейросетевого синтеза дипфейк-контента уже достаточно давно перешли в разряд сервисов по запросу, когда, используя специально настроенные приложения или сайты, пользователь с любым уровнем технической подготовки может пошагово следовать инструкциям и создать дипфейк. Коммерциализация технологий искусственного интеллекта, бесспорно, является серьезной угрозой для информационной безопасности общества и государства.

Так, по данным полиции Гонконга, финансовый служащий выплатил 25 миллионов долларов после видеозвонка с финансовым директором, внешность и голос которого были синтезированы злоумышленником с использованием нейросетевых технологий [2].

Стоит признать и риски ошибок второго рода, когда системы биометрической идентификации будут ошибочно отказывать пользователям, полагаясь на ложные срабатывания детекторов дипфейков. Например, в системе Admitad пользователю было отказано в обслуживании в результате видеоверификации, поскольку система ошибочно классифицировала его внешность как дипфейк [3].

Даже предварительные результаты анализа статистики правонарушений, связанных с распространением дипфейков, показывают весьма негативную динамику. Так, например, ссылаясь на отчет платформы проверки личности Sumsb, исследователи сообщают, что различные инциденты с дипфейками в финансовом секторе выросли на 700 % в 2023 г. по сравнению с предыдущим годом [4].

Если год назад законодатель считал нецелесообразным криминализацию использования технологий искусственного интеллекта в преступных целях [5], то сейчас для российской правовой системы очевидна потребность в создании механизмов правового регулирования генеративного контента [6], в том

числе и в качестве квалифицирующего признака [7] преступления. Законопроект предусматривает внесение в некоторые статьи УК РФ дополнительного квалифицированного состава – совершение преступления «с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) потерпевшего или иного лица, а равно с использованием биометрических персональных данных потерпевшего или иного лица» [7].

Изменения планируется внести в части таких статей УК РФ, как «Клевета», «Кража», «Мошенничество», «Вымогательство», «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» (ч. 2.1 ст. 128.1, п. «д» ч. 3 ст. 158, ч. 2.1 ст. 159, п. «д» ч. 2 ст. 163, п. «в» ч. 2 ст. 165).

Законодатель не дает четкого определения фальсифицированных или искусственно созданных голосов. Однако, исходя из содержания пояснительной записки и отзывов на законопроект, можно предположить, что под ними подразумеваются дипфейки.

Однако перечень статей представляется нам крайне ограниченным [8], список реальных и потенциальных угроз, связанных с использованием и распространением дипфейков, значительно шире.

Так, по нашему мнению, в самое ближайшее время распространение систем генеративного синтеза контента приведет к существенной трансформации преступлений (в первую очередь, способов их совершения):

- против личности (ст. 110, 128.1, 146 УК РФ);
- в сфере экономики (ст. 159, 159.3, 159.6, 185.3 УК РФ),
- против общественной безопасности и общественного порядка (ст. 205.2, 207, 207.1, 207.3, 242, 242.1, 272–274 УК РФ);
- против государственной власти (ст. 280, 280.1, 280.3, 280.4, 282, 282.4, 284.2, 303 УК РФ),
- против мира и безопасности человечества (ст. 354 УК РФ) [9].

Данный прогноз строится на том, что в составах указанных выше преступлений дипфейк наиболее вероятно может быть использован в качестве орудия совершения преступления.

Подход законодателя в части выделения крайне ограниченного перечня статей в указанном выше законопроекте нам представляется не совсем верным. Появление новых квалифицированных составов на данном этапе не решит проблему использования и распространения дипфейков, а первоочередной задачей является создание новых и усовершенствование существующих механизмов регулирования оборота генеративного контента, созданного при помощи искусственного интеллекта.

В отзыве на законопроект сказано, что «в отраслевом законодательстве не урегулированы вопросы использования технологий подмены личности (дипфейк). Таким образом, введение предлагаемого регулирования в уголовное законодательство не представляется возможным из-за отсутствия корреспондирующих норм материального законодательства, что влечет существенные риски формирования некорректной правоприменительной практики» [10].

Таким образом, предлагая защиту граждан от дипфейков, разработчики законопроекта не уточняют, что конкретно подразумевается под термином «дипфейк». Корректность использования термина «искусственная аудиозапись» с позиций судебной экспертологии и судебно-следственной практики вызывает сомнения по причине того, что отражает существенно более широкий объем понятия.

По нашему мнению, термин «дипфейк» необходимо определить следующим образом: дипфейк – это цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий для цели введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом. Необходимо закрепить понятие дипфейка в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Одной только имплементации концепции дипфейка в российское законодательство явно недостаточно, поскольку за пределами внимания законодателя остаются вопросы правовой регламентации создания, использования и распространения генеративного контента, а для правоприменения важно четко отграничивать дипфейк от других видов генеративного контента.

Более того, осуществляя научные исследования в сфере терминологического обеспечения описанной проблематики, мы пришли к выводу, что в научной и нормативно-технической литературе в настоящий момент отсутствуют не только определение, но и подходы к описанию такого явления, как «селффейк» (с англ. self – «себя» или «сам»).

Обобщая результаты оценки рисков противоправного распространения генеративного контента, полагаем, что под селффейком следует понимать дипфейк, сгенерированный пользователем на основе его собственных биометрических данных с целью совершения противоправных действий, направленных на уклонение от ответственности или введение в заблуждение других лиц относительно событий, представленных как происшедших с самим пользователем. Примером таких событий могут быть ситуации страхового мошенничества [11], когда пользователи при помощи алгоритмов нейросетевого синтеза генерируют фотографии с повреждениями имущества для получения страховых выплат. В такой ситуации сотрудники страховых организаций могут вступать в сговор со злоумышленниками и предоставлять вместо фотографий предстрахового осмотра изображения, сгенерированные нейросетью.

Правовые механизмы противодействия распространению и использованию дипфейк-контента должны предоставлять возможность как обычным пользователям, так и лицам, обладающим специальными знаниями, осуществить детекцию такого контента. Если в качестве механизмов обнаружения дипфейков можно предусмотреть меры судебно-экспертного противодействия [12], то мерами предотвращения использования и распространения дипфейков является разработка правовых норм, направленных на

урегулирование технологий и процессов введения обязательной маркировки генеративного контента.

Дипфейк является лишь разновидностью генеративного контента. Распространяя такой контент, создатели не скрывают источник его происхождения, даже если результат генерации достигает высокой степени реалистичности. В ходе правомерного использования генеративного контента необходимо обеспечить доступность информации о способе его создания. Распространение же дипфейков связано с сокрытием способа имитации аутентичного контента. Для информирования пользователей о факте генерации контента при помощи технологий искусственного интеллекта необходимо разработать нормы, предусматривающие обязательность эффективного маркирования любого генеративного контента.

В настоящее время уже невозможно предусмотреть хоть сколько-нибудь эффективные меры запрета на создание генеративного контента. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124, подчеркивается необходимость закрепления благоприятных нормативно-правовых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, полный же запрет на технологии генеративного искусственного интеллекта таких условий, конечно же, не реализует. Потенциальные и реальные угрозы исходят не от факта создания технологий для генерации различного контента, а при недобросовестном использовании результатов такой генерации без указания способа получения цифрового продукта. Можно с уверенностью утверждать, что существует риск использования и распространения генеративного контента, который легко может быть ошибочно принят за аутентичный.

Способы маркирования генеративного контента

Для упорядочивания оборота генеративного контента без ущерба для информационной безопасности и предотвращения дезинформации необходимо предусмотреть действенные способы маркирования и ограничить его использование без соответствующей маркировки.

В подобной ситуации механизмы правового регулирования фактически сводятся к созданию норм о маркировании генеративного контента с целью поддержания информационной осведомленности пользователей о таком контенте и его происхождении. В разных сферах (в том числе для сферы судопроизводства) пригодные для практического применения технологии уже используются. Законодательство, таким образом, должно ограничивать оборот генеративного контента и устанавливать ответственность за преодоление механизмов информирования о генеративной природе контента.

Вместе с механизмами правового регулирования необходимо также разработать и технологические способы маркировки. В первую очередь возникает потребность в единых международных стандартах в области маркировки генеративного контента. Процесс и технологии распространения дипфейков не имеют географических границ. Генеративный контент создается, используется и распространяется во

всем мире. Следовательно, необходима разработка унифицированных стандартов маркировки генеративного контента, чтобы дать возможность пользователям легко их детектировать, независимо от языка, используемой технологической платформы или государства, на территории которого проживает потребитель контента.

Среди используемых в настоящее время способов достаточно широкое распространение получила графическая маркировка. В качестве маркеров в таких системах выступают краткий текст к какому-либо цифровому продукту (например, «создано при помощи ИИ») по аналогии с маркировкой иноагентов или экстремистских организаций (федеральные законы от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»), или же графические объекты, используемые по аналогии с маркировкой информационной продукции в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Такая маркировка носит уведомительный характер, но в силу простой формы представления не может быть использована в специализированных сферах, например, в сфере судопроизводства.

Технологически более сложным вариантом является маркировка с помощью водяных знаков. Ватермарки (с англ. watermarks – водяные знаки) представляют собой цифровые подписи, которые встраиваются в цифровые файлы, например, изображения, видеофонограммы и фонограммы. Они могут использоваться для идентификации источника происхождения цифрового продукта, предотвращения несанкционированного копирования или распространения, а также для отслеживания перемещения контента [8].

Так, Группа компаний «Телесистемы», существующая на российском рынке более 20 лет, разрабатывает и производит диктофоны EDIC-mini [13]. Файлы с фонограммами, записанными на диктофоны данной марки, снабжаются определенными цифровыми маркерами подлинности записи (с дополнительными метаданными), что позволяет защитить запись от несанкционированного использования и осуществить проверку целостности файлов. Данная функция является крайне востребованной в судебно-следственной и экспертной практике.

Компания «Hour One», создающая так называемые цифровые аватары, использует водяной знак «AV» (Altered Visuals, «измененные визуальные эффекты») [14] для маркирования своих видео. Как указывают разработчики, делается это из уважения права конечного пользователя знать, что видео было сгенерировано с помощью технологий искусственного интеллекта.

Для предотвращения распространения дипфейков и дезинформации крупные корпорации уже имеют опыт подтверждения аутентичности цифровых продуктов. Коалиция за происхождение и подлинность контента (The Coalition for Content Provenance and Authenticity) предлагает определенную марки-

ровку для подтверждения аутентичности контента: «Content Credentials “iconoftransparency”» (стандарт C2PA) [18].

Разработанный коалицией технологический стандарт C2PA позволяет креаторам встраивать метаданные в цифровые продукты для проверки их происхождения и связанной с ними информации. Стандарт предназначен не только для генеративных изображений, его использование планируется и производителями фотокамер, медиакомпаниями, создающими визуальный контент для сертификации источника и происхождения медиаконтента. В свою деятельность интегрировали данный стандарт такие компании, как OpenAI, Adobe, Microsoft, Publicis Groupe, Leica, Nikon.

Подобная маркировка будет содержать как невидимые для глаза пользователя метаданные, хранящиеся в файле, так и видимый водяной знак CR, который будет появляться в левом верхнем углу каждого изображения.

Изображения, сгенерированные при помощи таких нейросетей, как ChatGPT и DALL-E с февраля 2024 г. включают метаданные C2PA. Для проверки истории изображения пользователь может использовать их сервис «Content Credentials Verify» [16]. Однако используемый подход маркировки распространяется только на графические формы генеративного контента. Кроме того, пользователь может удалить маркировку, сделав обычный скриншот сгенерированного изображения, тем самым создается новый файл с чистыми метаданными. Водяной знак также может быть удален при кадрировании изображения.

Более того, компания Microsoft объявила о создании сервиса «Azure OpenAI Service», который добавляет невидимые водяные знаки ко всем изображениям, генерируемым с помощью DALL-E [17]. Подобный сервис существует у компании и при генерации синтезированных голосов при помощи их разработки – Azure AI Speech [18], встраиваемые водяные знаки позволяют определить, была ли синтезирована речь с помощью Azure AI Speech, а также какой голос был использован при генерации.

Компания Google представила бета-версию инструмента для встраивания цифровых водяных знаков непосредственно в изображения, аудио, текст или видео, созданные при помощи искусственного интеллекта, – SynthID [19]. Данный инструмент позволяет пользователям встраивать цифровой водяной знак непосредственно в цифровые продукты, созданные искусственным интеллектом. Впоследствии на основе этих водяных знаков возможно осуществлять верификацию контента, но только если он был сгенерирован с помощью моделей искусственного интеллекта от Google.

Существуют сервисы, предлагающие встраивать водяные знаки для аудиофайлов, чтобы предотвратить использование данных пользователя моделями искусственного интеллекта, отслеживая их обратно к источнику. Свои технологии для создания водяных знаков предлагают и разработчики систем для синтеза и клонирования звучащей речи. Например, компания Resemble AI разработала сложный глубокий нейросетевой водяной знак «PerTh» [20], который по-

звоняет встраивать незаметные данные в генерируемую звучащую речь, создавая невидимый водяной знак. По мнению разработчиков, данный знак трудно удалить, однако возможность проверки имеется только для фонограмм, сгенерированных с помощью Resemble AI.

Нейросеть MyVocalAI [21] предлагает различные возможности для синтеза и клонирования звучащей речи и обеспечивает пользователей возможностью создания водяных знаков для маркирования генеративного контента. Однако пользователи с платной подпиской (от тысячи рублей в месяц) получают техническую возможность удалять маркировку, создавать фонограммы с клонированными головами, не только непосредственно записывая свой голос, но и загрузив любые фонограммы любого диктора.

В связи с тем что значительный объем генеративного контента распространяется в социальных сетях, эффективным инструментом может стать создание служб на различных социальных платформах, которые автоматически бы распознавали генеративный контент и уведомляли бы пользователей об этом. Несмотря на технологическую трудоемкость данного процесса, некоторые корпорации имеют достаточные ресурсы для создания таких сервисов.

Например, видеохостинговый сервис Youtube (иностранное лицо, владеющее информационным ресурсом, является нарушителем законодательства Российской Федерации) также заявил о новой обязанности пользователей раскрывать информацию о том, является ли загружаемое видео измененным или синтезированным [22]. Кроме того, компания заявила, что их последнее обновление будет также автоматически выявлять подобный контент и ставить данные лейблы в описание к видео. Однако пользователи уже заявляют, что механизм детекции сгенерированного контента пока не отлажен и работает крайне нестабильно, имеют место случаи, когда аутентичный контент был распознан как сгенерированный. Компания также планирует в ближайшие несколько месяцев наладить алгоритм удаления генеративного контента, если пользователи увидят, что для его создания были использованы пользовательские лицо или голос. Однако нельзя исключить случаи злоупотребления данным правом, когда, например, публичные персоны будут подавать заявку на удаление дискредитирующих их видео, сообщая, что данный контент является сгенерированным, в то время как он является аутентичным.

Компания Meta (деятельность организации признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации) заявила, что планирует маркировать изображения, видео, аудио в своих социальных сетях текстом «Made with AI» (сделано с помощью ИИ), если сами разработанные алгоритмы выявят признаки сгенерированного с помощью нейросетей контента либо если пользователь сам уведомит об этом. Если фотореалистичное изображение сгенерировано с помощью их нейросети Meta AI (принадлежит Meta Platforms Inc – организации, деятельность которой признана экстремистской и запреще-

на на территории Российской Федерации), оно уже маркируется текстом «Imaginedwith AI» [23].

В июне 2024 г. данная компания представила технологию для встраивания в файлы с фонограммами клонированной речи особых водяных знаков «AudioSeal» [24]. Вместе с технологией для создания водяных знаков представили и средство для детекции данных водяных знаков, что существенно упрощает верификацию клонированного голоса. По заявлению разработчиков, применяемые водяные знаки устойчивы даже в случае различных вариантов редактирования звукозаписи. Водяной знак представляет собой определенный сигнал в сгенерированной фонограмме, который не различим для человеческого уха. Сведения об устойчивости маркировки в ситуации квалифицированного монтажа фонограммы в открытой печати отсутствуют.

AudioSeal представляет собой метод локализованного водяного знака речи, он совместно обучает две сети: генератор, который предсказывает аддитивную форму волны водяного знака на входном аудиосигнале, и детектор, который выдает вероятность наличия в аудиосигнале водяного знака.

Сервис для создания различных видов контента Descript, который также дает возможность создавать ИИ-дикторов, имея их 30-секундное согласие на запись, при сохранении фонограммы с записью клонированного голоса дает выбор: сохранить ли файл с метаданными (где будет содержаться информация, что сервис Descript использовался при создании файла) или без них.

По нашему мнению, простым в реализации механизмом для маркирования генеративного контента, в первую очередь для его детекции среди аутентичного, является встраивание в метаданные файла информации о том, с использованием какого сервиса генерация была осуществлена. Дополнительным механизмом аутентификации может послужить также, например, включение идентификационного номера этой генерации. Но важно учесть технологическую возможность изменения или удаления информации в метаданных сгенерированных объектов, что существенно уменьшает эффективность использования подобной маркировки в целях судебного установления обстоятельств.

Некоторые механизмы правового регулирования могут быть взяты, например, из сферы применения блокчейн-технологии. Так, например, специализированные ресурсы [25] прогнозируют технологические решения, которые, по нашему мнению, могут быть имплементированы в отечественное законодательство.

Несмотря на очевидный потенциал блокчейн-технологии в маркировании контента, ее существенным недостатком остаются высокие технологические издержки на реализацию этого процесса.

Технологически водяные знаки подразделяются на два основных типа: хрупкие и прочные. Хрупкие легко разрушаются при манипуляциях пользователей с носителем, прочные – более устойчивы к манипуляциям, но их сложнее обнаружить обычному пользователю, не обладающему специальными знаниями.

Например, в качестве механизма проверки видео на предмет аутентичности может быть использована технология кодирования видео в неизменяемые блокчейны (в индустрии подобные технологии реализуют такие компании, как FactomAxiom).

Подобно рода технологии на начальном этапе могут быть имплементированы в процессуальное законодательство, например, для формальной оценки цифровых файлов судом. Во всяком случае, подобные решения представляются реальными, применимыми и востребованными правоприменительной практикой.

Таким образом, существующие методы маркирования контента представляют собой разнообразные технологии, каждая из которых имеет свои особенности и области применения. На данный момент можно выделить следующие основные виды маркирования:

- водяные знаки;
- встраивание служебной информации в метаданные файла;
- блокчейн-технологии для маркирования контента;
- визуальная маркировка.

Каждый из этих видов обладает как достоинствами, так и ограничениями, и выбор конкретного способа маркирования зависит от задач и характера самого контента.

В некоторых странах уже внедрены определенные механизмы правового регулирования распространения генеративного контента, связанные с его обязательной маркировкой. Так, например, п. 133 Акта о регулировании искусственного интеллекта, разработанного и одобренного Европейским парламентом [26], содержит меры по маркированию генеративного контента:

- водяные знаки, идентификация метаданных, криптографические методы подтверждения происхождения и подлинности контента, методы протоколирования, отпечатки пальцев или другие методы, в зависимости от обстоятельств;
- такие методы и способы должны быть совместимыми, эффективными и надежными, насколько это технически возможно, с учетом имеющихся методов или их сочетания, таких как водяные знаки, идентификация метаданных, криптографические методы подтверждения происхождения и подлинности контента, методы регистрации, отпечатки пальцев или другие методы, в зависимости от обстоятельств.

Конкретные меры правового регулирования оборота генеративного контента уже разработаны в Китайской Народной Республике, где на уровне межведомственного взаимодействия разработано Положение об администрировании службы глубокого синтеза информации в сети Интернет [27]:

- ст. 7 предусматривает ответственность компаний, предоставляющих ресурсы для синтеза контента;
- ст. 9 предписывает использование механизмов идентификации пользователей систем генеративного синтеза;
- ст. 16 обязывает производить маркировку генеративного контента. Подобная мера не только снижает криминогенный потенциал генеративного контента, но и создает условия для установления единого

источника происхождения распространяемых файлов.

Прогрессивный опыт китайских коллег должен быть имплементирован в отечественное законодательство, но для успешного противодействия преступлениям, использующей генеративный контент для совершения преступлений, требуется в первую очередь разработка рамочных международных актов.

В США представлен законопроект «AI Disclosure Act of 2023» (Закон о раскрытии информации об искусственном интеллекте) [28], согласно которому предполагается наложить на пользователей обязанность раскрывать информацию о том, что что-либо было создано при помощи искусственного интеллекта.

Тем не менее важно отметить, что уже существуют сервисы по противодействию маркировке. Например, популярный сервис с открытым доступом достаточно успешно удаляет водяные знаки с различных изображений (<http://dewatermark.ai.ru>).

При этом отсутствие международных технологических стандартов для маркировки генеративного контента фактически сводит на нет любые меры правового регулирования. Без совместных координированных усилий по созданию единых механизмов правового регулирования маркировки генеративного контента все вышеперечисленные способы являются не эффективными.

Эксперты группы при ООН (Консультативный орган высокого уровня по искусственному интеллекту) предложили рекомендации по регулированию искусственного интеллекта в сентябре 2024 г. в докладе «Управление искусственным интеллектом в интересах человечества» [29]. В докладе отмечается опасность распространения дипфейков и подчеркивается важность разработки общих стандартов аутентификации контента и его цифрового происхождения.

О важности укрепления международного сотрудничества в области использования технологий искусственного интеллекта как одной из основных задач развития искусственного интеллекта в Российской Федерации говорится и в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта.

Выводы

Принимая во внимание рассмотренную структуру субъектов, механизмы правового регулирования генеративного контента сводятся к следующему:

- установление обязанности технологических компаний и пользователей, создающих генеративный контент, использовать водяные знаки для маркирования контента в целях информирования иных лиц о генеративной природе контента;
- установление ответственности за отказ от маркировки или удаление какого-либо вида маркировки;
- установление ответственности за неправомерное использование биометрических персональных данных для создания дипфейка;
- учет общественной опасности деяний, совершаемых с использованием дипфейка в качестве средства совершения противоправного деяния;
- разработка и процессуальная регламентация средств обеспечения аутентичности цифровых доказательств в судопроизводстве.

Подводя промежуточный итог в рассмотрении вопроса о разработке механизмов правового регулирования и алгоритмах маркировки генеративного контента, следует заключить, что технологии искусственного интеллекта для создания генеративного контента уже получили обширное распространение на территории различных стран и правовых систем, стали частью многих видов человеческой деятельности. Указанное является причиной фактической невозможности установления какого-либо эффективного правового за-

прета на создание генеративного контента. Поэтому создание национальных правовых норм имеет важное значение, но не обеспечит информационную безопасность государства в долгосрочной перспективе. Только международное сотрудничество в сфере правового регулирования искусственного интеллекта и создание единых универсальных норм об обязательном маркировании генеративного контента будут действенным средством в борьбе с дипфейками и защите общества и государства от их пагубного воздействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // *Юридические исследования*. 2023. № 11. С. 26–41.
2. Финансовый работник выплатил 25 миллионов долларов после видеозвонка с подставным финансовым директором. URL: <https://edition.cnn.com/2024/02/04/asia/deepfake-cfo-scam-hong-kong-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 20.09.2024).
3. Admitad отказал в выплате 600к, так как сказал, что я дипфейк. URL: https://pikabu.ru/story/admitad_otkazal_v_vyplate_600kTk_skazal_chno_ya_dipfejk_11295845?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing (дата обращения: 20.09.2024).
4. Дипфейки приходят в финансовый сектор. URL: <https://www.wsj.com/articles/deepfakes-are-coming-for-the-financial-sector-0c72d1e5> (дата обращения: 20.09.2024).
5. В правительстве не поддержали законопроект об уголовной ответственности за дипфейки. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17922853> (дата обращения: 24.09.2024).
6. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : проект федерального закона № 718834-8 (внесен 16.09.2024 сенаторами Российской Федерации А. А. Клишасом, А. Г. Шейкиным, Н. С. Кувшиновой, Р. В. Смашневым, депутатом Государственной Думы Д. В. Бессарабовым). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8> (дата обращения: 24.09.2024).
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : проект федерального закона № 718538-8 (внесен 16.09.2024 депутатом Государственной Думы Я. Е. Ниловым, Сенатором Российской Федерации А. К. Пушкиковым). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 24.09.2024).
8. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Понятие дипфейка (deepfake) в российском праве, его классификация и проблемы правового регулирования // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2023. Т. 48, № 4 (68). С. 173–181.
9. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Угрозы и вызовы в эпоху генеративного искусственного интеллекта с учетом криминального потенциала дипфейков // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 г. / сост. : А. Р. Акиев, Т. А. Бадзгарадзе. СПб., 2024. С. 62–65.
10. Официальный отзыв от 22 июля 2024 г. № ДГ-П4-23438 на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вносимый в Государственную Думу депутатом Государственной Думы Я. Е. Ниловым. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/594966-8?ysclid=m3cngyb18t186499919> (дата обращения: 24.09.2024).
11. Предупреждение о том, что изображения «мелких подделок» – это «следующее крупное мошенничество», которое поразит Британию. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13373513/shallowflake-scam-warning-car-insurance.html> (дата обращения: 18.09.2024).
12. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Дипфейк как объект судебной экспертизы // *Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы* : сб. докладов науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г. Н. Новгород, 2024. С. 42–50.
13. EDIC-mini – диктофоны для вашей безопасности. URL: <https://www.telesys.ru/Products/EM> (дата обращения: 16.09.2024).
14. Ethics. URL: <https://hourone.ai/ethics/> (дата обращения: 16.09.2024).
15. Представляем значок официальных учетных данных для контента. URL: <https://c2pa.org/post/contentcredentials/> (дата обращения: 16.09.2024).
16. Content credential. Проверьте содержимое, чтобы найти больше информации. URL: <https://contentcredentials.org/verify> (дата обращения: 16.09.2024).
17. Водяные знаки в режиме предварительного просмотра в службе Azure OpenAI. URL: <https://techcommunity.microsoft.com/t5/ai-azure-ai-services-blog/watermarks-in-preview-in-azure-openai-service/ba-p/4253344> (дата обращения: 26.09.2024).
18. Речь искусственного интеллекта Azure. URL: <https://azure.microsoft.com/en-us/products/ai-services/ai-speech?msocid=04b5abc717656a530541bfde16f56b4b> (дата обращения: 16.09.2024).
19. Идентификация контента, созданного искусственным интеллектом, с помощью SynthID. URL: <https://deepmind.google/technologies/synthid/> (дата обращения: 26.09.2024).
20. Нейронный водяной знак Resemble может предотвратить использование ваших данных моделями ИИ, отслеживая их происхождение. URL: <https://www.resemble.ai/watermarker/> (дата обращения: 20.09.2024).
21. Клонировать свой голос, чтобы петь, говорить и не только... URL: <https://myvocal.ai/billing> (дата обращения: 20.09.2024).

22. YouTube Blog – Official Blog for Latest YouTube News&Insights. URL: <https://blog.youtube> (дата обращения: 20.09.2024).
23. Cloud Level. Ваши облака попадают сюда. URL: <https://about.fb.com/news/> (дата обращения: 20.09.2024).
24. Proactive Detection of Voice Cloning with Localized Watermarking / Robin San Roman, Pierre Fernandez, Alexandre Défossez, Teddy Furon, Tuan Tran, Hady Elsahar. URL: <https://arxiv.org/abs/2401.17264> (дата обращения: 20.09.2024).
25. Deep Fake Challenge. Любая идентификация имеет нулевую ценность, если ее можно обмануть. URL <https://deepfakechallenge.com/> (дата обращения: 20.09.2024).
26. European Parliament legislative resolution of 13 March 2024 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union Legislative Acts (COM(2021)0206 – C9-0146/2021 – 2021/0106(COD)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0138_EN.html (дата обращения: 06.09.2024).
27. Государственное информационное управление Интернета и три других ведомства выпустили «Положение об управлении углубленным обобщением информационных услуг Интернета». URL: https://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949318230.htm (дата обращения: 06.09.2024).
28. H.R.3831 – AI Disclosure Act of 2023. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/3831/text?s=1&r=1> (дата обращения: 06.09.2024).
29. Управление искусственным интеллектом на благо человечества : заключительный доклад. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf (дата обращения: 30.09.2024).

REFERENCES

1. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. The concept of deepfake in Russian law, classification of deepfake and issues of their legal regulation. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, 2023, no. 11, pp. 26–41. (In Russ.).
2. Finance worker pays out \$25 million after video call with deepfake chief financial officer. *CNN*. Available at: <https://edition.cnn.com/2024/02/04/asia/deepfake-cfo-scam-hong-kong-intl-hnk/index.html> (accessed September 20, 2024).
3. *Admitad otkazal v vyplate 600k, t.k skazal chto, ya dipfeik* [Admitad refused to pay 600k, because it said that I was a deepfake]. Available at: https://pikabu.ru/story/admitad_otkazal_v_vyplate_600k_tk_skazal_chto_za_dipfeik_11295845?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing (In Russ.). (Accessed September 20, 2024).
4. Deepfakes are coming for the financial sector. *The Wall Street Journal*. Available at: <https://www.wsj.com/articles/deep-fakes-are-coming-for-the-financial-sector-0c72d1e5> (accessed September 20, 2024).
5. The government did not support a draft law on criminal liability for deepfakes. *Informatsionnoe agentstvo TASS* [TASS News Agency]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/17922853> (In Russ.). (Accessed September 24, 2024).
6. *O vnesenii izmenenii v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii : projekt federal'nogo zakona No. 718834-8 (vnesen 16.09.2024 senatorami Rossiiskoi Federatsii A.A. Klishasom, A.G. Sheikinyam, N.S. Kuvshinoy, R.V. Smashnevym, deputatom Gosudarstvennoi Dumy D.V. Bessarabovym)* [On Introducing Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Draft Federal Law No. 718834-8 (introduced on September 16, 2024 by Senators of the Russian Federation A.A. Klishas, A.G. Sheikin, N.S. Kuvshinova, R.V. Smashnev, State Duma Deputy D.V. Bessarabov)]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8> (accessed September 24, 2024).
7. *O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: projekt federal'nogo zakona № 718538-8 (vnesen 16.09.2024 deputatom Gosudarstvennoi Dumy Ya.E. Nilovym, Senatorom Rossiiskoi Federatsii A.K. Pushkovym)* [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Draft Federal Law No. 718538-8 (introduced on September 16, 2024 by State Duma Deputy Ya.E. Nilov, Senator of the Russian Federation A.K. Pushkov)]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (accessed September 24, 2024).
8. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. The concept of a deepfake in Russian law, its classification of deepfakes and problems of legal regulation. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Dagestan State University*, 2023, vol. 48, no. 4 (68), pp. 173–181. (In Russ.).
9. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Threats and challenges in the era of generative artificial intelligence, taking into account the criminogenic potential of deepfakes. In: *Sankt-Peterburgskii mezhdunarodnyi kriminalisticheskii forum: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Saint Petersburg International Forensic Forum: proceedings of the international scientific and practical conference. Saint Petersburg, June 10–11, 2024]. Saint Petersburg, 2024. Pp. 62–65. (In Russ.).
10. *Ofitsial'nyi otzyv ot 22 iyulya 2024 g. No DG-P4-23438 na projekt federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii", vnosimyi v Gosudarstvennyuyu Dumu deputatom Gosudarstvennoi Dumy Ya.E. Nilovym* [Official review No. DG-P4-23438 of July 22, 2024 on the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation", submitted to the State Duma by State Duma Deputy Ya.E. Nilov]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/> (accessed September 24, 2024).
11. Warning that "shallowfake" images are the "next big scam" to hit Britain: Fraudsters are mocking-up pictures of car damage to con insurers – with number of cases surging by 300 per cent in a year. *Mail Online*. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13373513/shallowflake-scam-warning-car-insurance.html> (accessed September 18, 2024).
12. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Deepfake as an object of forensic examination. In: *Natsional'nye i mezhdunarodnye tendentsii i perspektivy razvitiya sudebnoi ekspertizy: sb. dokladov nauch.-prakt. konf. s mezhd. uchastiem, g. Nizhnii Novgorod, 22–23 maya 2024 g.* [National and international trends and prospects for the development of forensic examination: collection of reports of the scientific and practical conference with international participation, Nizhny Novgorod, May 22–23, 2024]. Nizhny Novgorod, 2024. Pp. 42–50. (In Russ.).
13. *EDIC-mini — diktofony dlya vashei bezopasnosti* [EDIC-mini voice recorders for your safety]. Available at: <https://www.telesys.ru/Products/EM> (accessed September 16, 2024).
14. *Ethics*. Available at: <https://hourone.ai/ethics/> (accessed September 16, 2024).
15. *Introducing official content credentials icon*. Available at: <https://c2pa.org/post/contentcredentials/> (accessed September 16, 2024).

16. *Content credentials*. Available at: <https://contentcredentials.org/verify> (accessed September 16, 2024).
17. *Watermarks in preview in Azure OpenAI Service*. Available at: <https://techcommunity.microsoft.com/t5/ai-azure-ai-services-blog/watermarks-in-preview-in-azure-openai-service/ba-p/4253344> (accessed September 26, 2024).
18. *Azure AI Speech*. Available at: <https://azure.microsoft.com/en-us/products/ai-services/ai-speech?mssockid=04b5abc717656a530541bfde16f56b4b> (accessed September 16, 2024).
19. *DeepMind*. Available at: <https://deepmind.google/technologies/synthid/> (accessed September 26, 2024).
20. *Resemble.ai*. Available at: <https://www.resemble.ai/watermarker/> (accessed September 20, 2024).
21. *Myvocal.ai*. Available at: <https://myvocal.ai/billing> (accessed September 20, 2024).
22. YouTube Blog – Official Blog for Latest YouTube News&Insights. Available at: <https://blog.youtube>. (accessed September 20, 2024).
23. *Cloud Level*. Available at: <https://about.fb.com/news/> (accessed September 20, 2024).
24. Roman R.S., Fernandez P., Défossez A., Furon T. et al. *Proactive detection of voice cloning with localized watermarking*. Available at: <https://arxiv.org/abs/2401.17264> (accessed September 20, 2024).
25. *Deep fake challenge*. Available at: <https://deepfakechallenge.com/> (accessed September 20, 2024).
26. *European Parliament legislative resolution of 13 March 2024 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union Legislative Acts (COM(2021)0206 – C9-0146/2021 – 2021/0106(COD))*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0138_EN.html (accessed September 6, 2024).
27. [Departmental rule “Regulation on the Administration of the Deep Information Synthesis Service on the Internet”]. Available at: https://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949318230.htm (accessed September 6, 2024).
28. *H.R.3831 – AI Disclosure Act of 2023*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/3831/text?s=1&r=1> (accessed September 6, 2024).
29. *Governing AI for humanity: final report*. Available at: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf (accessed September 30, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧ БОДРОВ – кандидат юридических наук, президент Международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доцент кафедры судебных экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, bodrovnf@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9005-3821>

АНТОНИНА КОНСТАНТИНОВНА ЛЕБЕДЕВА – кандидат юридических наук, член Международной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доцент кафедры судебных экспертиз Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, tonya109@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9344-2103>

NIKOLAI F. BODROV – Candidate of Sciences (Law), President of the Union of Criminalists and Criminologists, Moscow, Russia, associate professor at the Forensic Expertise Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, bodrovnf@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9005-3821>

ANTONINA K. LEBEDEVA – Candidate of Sciences (Law), Member of the Union of Criminalists and Criminologists, Moscow, Russia, associate professor at the Forensic Expertise Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, tonya109@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9344-2103>

Статья поступила 10.10.2024

К вопросу об особенностях понятия и роли юридической техники в развитии пенитенциарного права на современном этапе

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА КАРПУНИНА

Воронежский институт ФСИН России, Воронеж, Россия, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

Реферат

Введение: в современных условиях развития нашего государства требуются новые подходы к понятию и инструментарию юридической техники. Широкий подход к понятию юридической техники значительно увеличивает сферу ее ответственности, осуществляя выход за рамки исключительно внешней обработки правовых актов, обеспечивая внутреннюю согласованность и социальную обусловленность норм права. В этой связи реализация инструментальных возможностей юридической техники может оказать положительное влияние на развитие новых отраслей права, в частности пенитенциарного права. *Методы:* принципы диалектико-материалистического познания, требующие объективного и всестороннего изучения предмета в совокупности его противоречивых сторон, а также комплекс общенаучных (анализ, синтез, индукция и дедукция) и частно-правовых (формально-юридический) методов. *Цель:* анализ прикладных возможностей широкого подхода к юридической технике как технике правового регулирования в формировании и развитии пенитенциарного права как относительно самостоятельной отрасли современного российского права. *Выводы:* в состав юридической техники как техники правового регулирования непосредственно включаются нормативные и процедурные технико-юридические средства (приемы), они позволяют обеспечить совершенствование законодательства, необходимый уровень его социальной эффективности. Повышение социальной эффективности уголовно-исполнительного права неотделимо от идей и ценностей гуманизации исполнения уголовных наказаний. Укрепление этой тенденции в совокупности с постепенным расширением предмета уголовно-исполнительного права создает необходимые предпосылки для формирования относительно новой отрасли пенитенциарного права, обусловленной появлением либо обновлением редакции уголовно-исполнительного кодекса либо принятием пенитенциарного кодекса. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию как действующих правовых институтов, так и новых институтов, появление которых позволило бы обоснованно вести речь о пенитенциарном праве.

Ключевые слова: юридическая техника; правовое регулирование; отрасль права; пенитенциарное право; законодательство; нормы права.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Карпунина В. В. К вопросу об особенностях понятия и роли юридической техники в развитии пенитенциарного права на современном этапе // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 358–366. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.002.

Original article

Describing the Specifics of the Concept and Role of Legal Technique in the Development of Penitentiary Law at the Present Stage

VIKTORIYA V. KARPUNINA

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

Abstract

Introduction: modern conditions of the development of our state require new approaches to the concept and tools of legal technique. A broad approach to the concept of legal technique significantly increases the scope of its responsibility, going beyond the exclusively external processing of legal acts, ensuring internal consistency and social conditionality of the norms of law. In this regard, the implementation of instrumental capabilities of legal technique can have a positive impact on the development of new branches of law and, in particular, penitentiary law. *Methods:* principles of dialectical-materialistic cognition, requiring an objective and comprehensive study of the subject in the totality of its contradictory sides, as well as a set of general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and private legal (formal legal) methods. *Purpose:* to analyze applied possibilities of a broad approach to legal technique as a technique of legal regulation in the formation and development of new penitentiary law as a relatively independent branch of modern Russian law. *Conclusion:* the composition of legal technique as a technique of legal regulation directly includes normative and procedural technical and legal means (techniques), which help improve legislation and its social effectiveness. Improving social effectiveness of penal law is inseparable from the ideas and values of humanizing the execution of criminal penalties. Strengthening of this trend, combined with gradual expansion of the subject of penal law, create the necessary prerequisites for the formation of a relatively new branch of penitentiary law, the emergence of which is possible with the advent of either an updated version of the Penal Code or with the adoption of the Penitentiary Code. The article presents concrete proposals to improve both existing and new legal institutions, the emergence of which would make it possible to reasonably talk about penitentiary law.

Keywords: legal technique; legal regulation; branch of law; penitentiary law; legislation; norms of law.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Karpunina V.V. Describing the specifics of the concept and role of legal technique in the development of penitentiary law at the present stage. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 358–366. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.002.

Введение

На современном этапе развития юридической науки прослеживается отчетливая тенденция широкого понимания юридической техники. В основе этого подхода лежит представление о юридической технике как технике правового регулирования. Следует заметить, что еще в начале XX в. западноевропейские ученые рассматривали технику в тесной связи с правом и правовым регулированием. Так, Г. И. Муромцев акцентирует внимание на следующих подходах к этому явлению: в работах И. Колера, Ж. Рипера отражается взгляд на технику как искусство адаптации абстрактных принципов к правовой жизни; В. Штаммлер обращает внимание на связь техники с интеллектуальной стороной правотворчества, развитием научных концепций и систематизации права; Л. Дюги, Р. Демог воспринимают технику как инструментальное явление, совокупность средств и процедур, обеспечивающих достижение правовых целей [1, с. 16–17].

Исследователи также указывают на неразрывный характер права, техники и регулирования, при этом рассматривая технику в качестве средства достижения определенных целей, в числе которых наиболее общей является установление и поддержание порядка в обществе [2, с. 7].

В восприятии юридической техники наблюдается определенный возврат к истокам. Исходные подходы, сформулированные в начале XX в., оказываются весьма актуальными и в XXI в. Как представляется, одним из важных следствий широкого понимания юридической техники является стремление уйти от формально-догматического восприятия права, увидеть в нем «живой» регулятор, который может и дол-

жен подстраиваться под ритм общественных потребностей и интересов. Иными словами, юридическая техника выступает тем инструментом, который обеспечивает социальную обусловленность и развитие права, его совершенствование.

Юридическая техника как средство формирования пенитенциарного права

Формирование новых отраслей права – это довольно сложный процесс, во многом определяемый объективными законами общественного развития. В этой связи отрасль права представляет собой устойчивое образование, которое в меньшей степени зависит от усмотрения государства и его должностных лиц, нежели содержание какого-либо закона.

В отношении пенитенциарного права в юридической науке высказаны полярные взгляды. Одни ученые (А. М. Бобров, Н. А. Мельникова) считают преждевременным утверждать о появлении пенитенциарного права. Их аргументация строится вокруг тезиса об отсутствии самостоятельного предмета и метода регулирования, поэтому ни в настоящее время, ни в отдаленной перспективе нет оснований выделять пенитенциарное право в качестве новой отрасли или подотрасли права [3].

Отчасти указанные авторы правы. В настоящее время утверждать о существовании самостоятельного предмета и метода пенитенциарного права, качественно отличающихся от предмета и метода уголовно-исполнительного права, было бы ошибкой. Однако считаем, что А. М. Бобров, Н. А. Мельникова заблуждаются в том, что исключают саму возможность появления пенитенциарного права как самостоятельной отрасли. Как минимум, эта точка зрения носит дискуссионный характер в силу непрерывности обще-

ственного и государственного развития, поэтому исключать постепенную эволюцию уголовно-исполнительного права в право пенитенциарное нельзя. Кроме того, особенности современной уголовной и уголовно-исполнительной политики непосредственно содержат предпосылки, способствующие образованию соответствующего нормативного комплекса. На содержании этих особенностей остановимся чуть позднее.

Обратим внимание на то, то термин «пенитенциарное право» постепенно входит в оборот юридической науки. Отдельные ученые допускают прямую аналогию пенитенциарного и уголовно-исполнительного права (Р. Б. Головкин [4, с. 25], В. А. Уткин [5, с. 70]). Другие исследователи отмечают, что в настоящее время допустимо вести речь о существовании комплексного явления. Так, С. М. Оганесян считает, что пенитенциарное право следует рассматривать в качестве комплексной отрасли права [6]; по мнению Р. А. Ромашова, следует вести речь о межотраслевой нормативной общности [7].

В основе широкого подхода лежит идея комплексного регулирования, в соответствии с которым предмет пенитенциарного права включает в себя элементы других отраслевых образований. Например, Р. А. Ромашов утверждает, что пенитенциарные отношения имеют общий объект – пенитенциарную среду. Именно такая особенность позволяет говорить о пенитенциарном праве как межотраслевой нормативной общности, объединяющей как специализированные правовые акты, так и акты, имеющие опосредованное отношение к пенитенциарным коммуникациям [8, с. 242]. Именно поэтому «в нормативную общность пенитенциарного права, наряду с нормами и институтами уголовно-исполнительного права, входят нормы уголовного, уголовно-процессуального, конституционного, административного, гражданского, трудового права и других отраслей» [9, с. 215].

На наш взгляд, позиция Р. А. Ромашова справедлива лишь отчасти. Прежде всего, следует сказать о дискуссионности самого феномена межотраслевой нормативной общности. Нет ясности в вопросе о статусе, особенностях и месте этой общности в системе российского права. Непонятно, следует ли ее рассматривать в качестве межотраслевого института либо комплексной отрасли права. Последнее понятие было подвергнуто обоснованной критике в российской юриспруденции и не получило широкого распространения, в отличие от понятия «комплексный институт».

Комплексные институты довольно распространены в российском праве, простейшим из них является институт собственности. В этой связи позволим себе высказать предположение, уточняющее представление о пенитенциарном праве как межотраслевой нормативной общности. Пенитенциарное право включает в себя уголовно-исполнительное право, а также ряд комплексных институтов, состоящих из норм различных отраслей права. Таким образом, следует вести речь о постепенном расширении предмета уголовно-исполнительного права, количественные

изменения на определенном этапе могут привести к качественному скачку в виде появления пенитенциарного права.

В настоящее время характерной особенностью пенитенциарных правоотношений и формирующегося пенитенциарного права является их комплексность, о чем справедливо пишет Р. А. Ромашов. В этой связи хотелось бы отметить, что пенитенциарные правоотношения могут служить правообразующим фактором для развития уголовного права, появления и развития отдельных составов. Например, в соответствии со ст. 321 УК РФ уголовно наказуемыми являются действия осужденных, связанные с причинением вреда жизни и здоровью другим осужденным, совершенные в целях воспрепятствовать их исправлению. Иными словами, исправление и воспитательная работа как важнейшие ориентиры уголовно-исполнительного законодательства обеспечиваются мерами уголовно-правового характера. Установление ответственности является прямым следствием того, что противодействие воспитательному процессу имеет серьезное дезорганизующее значение для деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Представляется, что комплексный характер предмета формирующегося пенитенциарного права оказывает соответствующее влияние и на метод регулирования. Как известно, под методом регулирования понимается совокупность приемов и способов воздействия на общественные отношения, при этом метод регулирования считается дополнительным критерием образования соответствующей отрасли.

Действующее уголовно-исполнительное право, а соответственно и пенитенциарное право как его возможный преемник, регулирует не только процесс отбывания уголовного наказания, но и ряд иных отношений (в частности, трудовые, образовательные отношения). Следует отметить, что, в отличие от диспозитивного метода, используемого в трудовом праве, действующее уголовно-исполнительное законодательство основывается на императивных началах, поскольку содержит запрет прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов, при этом отказ от работы или прекращение работы являются злостным нарушением (ст. 103 и 116 УИК РФ). Аналогичный подход можно встретить при анализе метода правового регулирования. В частности, ст. 108 УИК РФ устанавливает обязательность профессионального обучения или среднего профессионального образования для осужденных, не имеющих профессии (специальности), по которой они могут работать в исправительном учреждении.

Таким образом, метод регулирования трудовых и образовательных отношений существенно отличается от метода, соответственно, трудового и образовательного права. Приведенный пример позволяет высказать суждение о справедливости позиции Р. А. Ромашова, подчеркивающего комплексный характер пенитенциарных правовых отношений.

Использование специфического технико-юридического инструментария позволяет обеспечить специфику в содержании предмета и метода правового

регулирования. Прежде всего, эта специфика проявляется в характере используемых правовых конструкций и правовых предписаний.

На наш взгляд, комплексный характер регулируемых действующим уголовно-исполнительным правом общественных отношений содержит в себе предпосылку для дальнейшего развития и расширения предмета уголовно-исполнительного права. Эта тенденция имеет устойчивый характер и в обозримом будущем может способствовать появлению пенитенциарного права как полноценной отрасли российского права. Важная роль в этом процессе отводится юридической технике.

На современном этапе происходит усиление гуманистических начал в практике исполнения уголовных наказаний. Роль юридической техники заключается в пересмотре отдельных положений действующего уголовно-исполнительного законодательства в части повышения гарантий прав и законных интересов осужденных. Следует обратить внимание на то, что действующая Концепция развития уголовно-исполнительной системы закрепляет в качестве одной из целей повышение эффективности обеспечения прав лиц, содержащихся под стражей и отбывающих наказания. При этом устанавливаются довольно конкретные меры, улучшающие положение указанных лиц. В частности, предполагается увеличение количества свиданий осужденных с родственниками, а также посылок, телефонных разговоров; предусматривается реализация права подозреваемых, обвиняемых и осужденных на отправление и получение электронных писем, электронное обращение к уполномоченным по правам человека; планируется создания доступной среды для инвалидов, а также увеличение норм вещевой довольствия, питания, жилой площади.

Реализация указанных шагов характеризует гуманистическую направленность пенитенциарной политики. В этой связи справедливы рассуждения Р. А. Ромашова о том, что наказание следует воспринимать не как кару, которая демонстрирует мощь и безжалостность государства в отношении маленького человека, а как наказание, способствующее осознанию вины за совершенное преступление и деятельное раскаяние. Иными словами, пенитенциарное право – это не просто терминологическое «переобувание» привычного нам названия уголовно-исполнительного права, а мировоззренческие изменения, связанные с восприятием, созданием и реализацией технико-юридического инструментария правового регулирования пенитенциарных отношений. При этом поменяться должны не только нормы, но и отношение к ним, а равно и к их адресатам.

Таким образом, масштабные изменения пенитенциарного законодательства невозможны без осмысленного использования юридической техники. Следует также отметить, что роль техники не должна сводиться лишь к оформлению государственной воли. Функциональное предназначение юридической техники заключается в оптимизации и совершенствовании законодательства.

Важным предназначением юридической техники является устранение различного рода дефектов. К

примеру, Ю. П. Колесникова указывает на существование таких дефектов, которые связаны с определением статуса субъектов, неверной идентификацией объекта, установлением оснований юридически значимых последствий, а также несоответствием закрепляемых последствий [10, с. 45–48].

Вместе с тем требуется не только устранять существующие дефекты, но и развивать действующие институты, а в ряде случаев формировать новые. На необходимость использования юридической техники для уточнения содержания норм уголовно-исполнительного законодательства указывает О. В. Демидова [11, с. 30–31].

Обратим внимание на то, что широкий подход к понятию юридической техники связан с восприятием ее в качестве средства реализации правовой логики. Понятие последней не имеет однозначной трактовки, нам ближе позиция В. К. Бабаева [12, с. 20], который включает в общее понятие логики права формальную и диалектическую логику, тем самым в основе правовой логики лежат объективные государственно-правовые закономерности. Подробный анализ этих закономерностей связан с характеристикой содержательных правил юридической техники, однако в силу объема статьи и характера предмета рассмотрения анализ этих закономерностей в контексте взаимодействия логики права и юридической техники представляется излишним.

Понимание юридической техники как техники правового регулирования актуализирует вопрос ее состава, иными словами, необходимо проанализировать технико-юридический инструментарий, с помощью которого осуществляются совершенствование и развитие пенитенциарного права.

Технико-юридический инструментарий совершенствования пенитенциарного права

По мнению М. Л. Давыдовой, в состав юридической техники следует включать технико-юридические средства (приемы) и правила. Интерес представляет идея включения в состав инструментария нормативных (правовые предписания) и доктринальных (понятия, дефиниции, классификации) [2, с. 26], содержательных (направлены на выбор варианта регулирования, его корректное закрепление и реализацию) и процедурных элементов (различные процедуры юридической деятельности, которые способны существенно повысить ее качество) [2, с. 28].

Как представляется, осуществить исчерпывающий обзор технико-юридического инструментария крайне проблематично. В этой связи акцент будет сделан лишь на некоторых из них.

В числе относительно новых технико-юридических средств, использование которых необходимо для дальнейшего развития пенитенциарного права, отметим понятие «добросовестность отбывания уголовного наказания». В действующем уголовно-исполнительном законодательстве указанное понятие не содержится. Вместе с тем отдельные институты тесно связаны с ним. В частности, речь идет о злостном уклонении от отбывания наказания. Это понятие используется по отношению к обязательным работам (ст. 30 УИК РФ), штрафу (ст. 32 УИК РФ), исправитель-

ным работам (ст. 46 УИК РФ), ограничением свободы (ст. 58 УИК РФ), однако по непонятным причинам отсутствует применительно к лишению свободы.

Как представляется, исполнение наказания связано с активным исполнением осужденным тех или иных обязанностей, вытекающих из характера уголовного наказания. В отношении лишения свободы физическое нахождение лица в границах учреждения еще не может указывать на отбывание наказания в смысле добросовестного выполнения возложенных на него обязанностей.

К сожалению, в настоящее время систематическое совершение нарушений, в том числе и злостных нарушений установленного режима, не может квалифицироваться как злостное уклонение от отбывания лишения свободы. Фактически можно вести речь о закреплении сугубо формального подхода к процессу отбывания уголовного наказания. Вместе с тем формирование пенитенциарного права как права, основывающегося на гуманитарной парадигме, наряду с гарантиями прав осужденных должно основываться и на сбалансированной системе обязанностей, основой которых могла бы выступить презумпция их добросовестного исполнения.

Закрепление в законодательстве понятия «добросовестность отбывания уголовного наказания» могло бы иметь следующую форму: «Исполнение уголовного наказания осуществляется осужденными добросовестно. Период уклонения от выполнения обязанностей, установленных соответствующим уголовным наказанием, не может быть засчитан в срок отбывания уголовного наказания». Следует оговориться и сказать, что конкретные признаки, указывающие на уклонение от отбывания лишения свободы, требуют отдельного рассмотрения. На наш взгляд, требуется проведение отдельных исследований, направленных на определение конкретных видов и форм проявления уклонения от отбывания наказания. Можно высказать предположение, что указанные формы связаны с систематическим совершением злостных нарушений установленного режима отбывания наказания. Однако вопрос о том, должен ли факт признания осужденного злостным нарушителем с неизбежностью влечь вывод о том, что он уклоняется от отбывания наказания, остается открытым и требует отдельного анализа. Вместе с тем законодательное закрепление указанного понятия послужило бы выработке единого подхода к организации исполнения уголовных наказаний.

Кроме того, презумпция добросовестности могла бы внести ясность в вопрос об условности либо безусловности замены неотбытого наказания более мягким. По мнению М. Р. Баласанова, условный характер применения замены наказания является эффективным способом устранения неоправданно льготного положения лиц, злостно уклоняющихся от отбывания заменяющего наказания [13, с. 192]. Иными словами, если осужденный недобросовестно относится к отбытию более мягкого наказания, чем лишение свободы, то должен быть механизм возвращения исходного уголовного наказания.

В числе заслуживающих внимания технико-юридических средств развития пенитенциарного права можно назвать преюдицию. Д. С. Даланов справедливо указывает на необходимость законодательного закрепления пенитенциарной преюдиции [14, с. 33].

Ярким примером нормативных технико-юридических средств служат правовые конструкции, которые не только организуют и систематизируют правовое регулирование, но и сами выступают в качестве правового предписания. Например, важной конструкцией является признание осужденного злостным нарушителем установленного режима отбывания наказания. В настоящее время основания и порядок признания осужденного злостным нарушителем регламентируются ст. 116 УИК РФ. Хотелось бы обратить внимание на два технико-юридических недостатка существующей правовой конструкции. Во-первых, факт признания находится в непосредственной зависимости от вида наказания, а не личности осужденного и характера допущенного им нарушения. Во-вторых, конструкция не предусматривает механизма снятия с осужденного статуса злостного нарушителя.

Считаем, что указанный пробел следует устранить. Необходимо учитывать, что признание осужденного злостным нарушителем не является мерой наказания, однако может приводить к определенным негативным последствиям для осужденного в виде изменений условий содержания, перевода в тюрьму, установления административного надзора после освобождения. В этой связи считаем, что признание осужденных злостными нарушителями должно осуществляться исключительно за совершение ими наиболее опасных нарушений режима. Кроме того, в случае отсутствия нарушений установленного режима в течение года статус злостного нарушителя должен быть с осужденного снят. Эта мера позволит повысить мотивацию осужденных к исправлению и отказу от нарушений режима отбывания наказания.

К относительно самостоятельному направлению совершенствования пенитенциарного права следует отнести развитие его процедурно-процессуальной природы. Обратим внимание на то, что уголовно-исполнительное право занимает промежуточное положение между нормами процессуального и материального права. С одной стороны, уголовно-исполнительное право содержит нормы, закрепляющие порядок отбытия наказания, с другой – процессуальная сторона выражена недостаточно, нет четких стадий, которые бы были отделены одна от другой. Правовые процедуры уголовно-исполнительного права, не имея процессуальной природы, фактически оказываются материально-правовыми. Однако полноценная характеристика уголовно-исполнительного права в качестве отрасли материального права также проблематична, поскольку она (по крайней мере, в настоящее время) является производной от отрасли уголовного права и предназначена логически завершить механизм охранительных правоотношений.

Действующая модель УИК РФ преимущественно тяготеет к модели кодекса материального права, поскольку отдельных процедурно-процессуальных элементов не содержит. В этой связи примечате-

лен Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (далее – приказ Минюста России № 110). Указанный подзаконный акт фактически определяет многочисленные процедуры порядка исполнения уголовного наказания, связанные с получением осужденными посылок, реализацией права на свидание, выходом на работу, приемом пищи, приобретением продуктов питания, оказанием дополнительных платных услуг, проведением обысков, изъятием запрещенных предметов, а также рядом иных вопросов. Более того, помимо собственно процедурных норм, приказ содержит и материальные нормы, касающиеся правового статуса осужденных, в частности перечисляет их основные права и обязанности.

Как представляется, предмет регулирования данного приказа выходит за рамки подзаконного уровня, по своей роли и значению этот акт вполне может быть охарактеризован как «закон в материальном смысле слова». В этой связи стоит обратить внимание на содержание ст. 2 УИК РФ, которая в ч. 1 закрепляет, что уголовно-исполнительное законодательство состоит из кодекса и иных федеральных законов, а в ч. 2 содержит перечень отдельных правовых порядков, относящихся к предмету уголовно-исполнительного законодательства (порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, применения средств исправления осужденных; порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; порядок освобождения от наказания; порядок оказания помощи освобождаемым лицам).

Таким образом, формально в соответствии со ст. 2 УИК РФ приказ Минюста России № 110 не может быть включен в состав уголовно-исполнительного законодательства, хотя фактически роль и значение этого акта сопоставимы с самим УИК РФ. Выходом из сложившихся формальных противоречий может быть включение процедурных норм в УИК РФ. Безусловно, это приведет к увеличению объема кодекса, однако обеспечит большую стабильность регулирования, а также изменит практику превалирования роли подзаконного регулирования. Вопрос об отнесении отдельных процедур к уровню законодательного, а не подзаконного регулирования должен стать предметом отдельного рассмотрения.

Считаем возможным вести речь о постепенной эволюции уголовно-исполнительного права как смежной материально-процессуальной отрасли в сторону полноценной процессуальной отрасли права за счет появления четких, формализованных и отделенных друг от друга правовых стадий. В настоящее время имеются к этому определенные предпосылки. Как минимум можно вести речь о двух крупных стадиях: 1) отбывание наказания; 2) наблюдение за лицом, отбывшим уголовное наказание.

Если в отношении первой вопросов не возникает, то относительно второй могут возникнуть возражения: лицо отбыло наказание, а значит, пенитен-

циарное право «теряет связь с этим лицом». Однако это представляется неверным. Во-первых, следует указать на действующий в настоящее время институт административного надзора как превентивную меру, обусловленную как степенью общественной опасности лица, ранее совершившего преступление, так и характером пенитенциарных правоотношений, участником которых он являлся (в частности, речь идет о признании осужденного злостным нарушителем, что указывает на существенные либо многочисленные нарушения режима, допущенные им в период отбывания наказания). Во-вторых, законом о probationi предусматривается оказание помощи отдельным категориям осужденных.

Считаем справедливым высказывание В. Н. Чорного о том, что предмет уголовно-исполнительного законодательства не должен ограничиваться регулированием средств исправления осужденных как цели уголовного наказания. Эта отрасль законодательства должна стать ресоциализационной отраслью, «включать регулирование тех отношений, которые возникают у осужденного как субъекта, отбывшего наказание, но сохраняющего в течение судимости ограничительный правовой статус» [15, с. 28]. Иными словами, пенитенциарное право как «ресоциализационное право», в интерпретации В. Н. Чорного, должно сохранять свое влияние на лиц до момента погашения судимости. С позицией исследователя солидарен и В. Е. Южанин, отмечающий, что расширение предмета уголовно-исполнительного права возможно лишь в пределах сроков судимости [16, с. 36]. Тенденции расширения предмета уголовно-исполнительного права придерживается также А. Я. Гришко, который полагает, что отношения, связанные с административным надзором за лицами, освобождающимися из мест лишения свободы, также относятся к предмету уголовно-исполнительного права [17, с. 89].

Полагаем, что действующий в настоящее время институт административного надзора может быть дополнен институтом административного наблюдения, предусматривающим возможность для государства получить информацию о лице (как минимум о месте жительства и работы), отбывшем уголовное наказание, до момента погашения судимости.

Внимание и наблюдение за лицами, освобожденными либо отбывшими уголовное наказание, обуславливается следующими статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, в 2023 г. 99 891 чел. совершил преступления при различных видах рецидива; досрочно были освобождены и совершили преступления 13 894 чел.; совершили преступление, не отбыв уголовное наказание, – 111 161 чел.; 216 521 чел. имели неснятые или непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения дела [18]. Указанные цифры наглядно иллюстрируют то, что после выхода из исправительного учреждения пенитенциарные правоотношения не должны прекращаться.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что в ряде случаев происходит своеобразное замещение технико-юридических средств. Например, А. Л. Сантатов и соавторы высказывает интересное пред-

положение об изменениях юридической техники в связи с реализацией идей гуманизма. Так, аксиома общественной опасности лица замещается специфической презумпцией в связи с исключением воспитательных колоний усиленного режима для несовершеннолетних осужденных, ранее отбывавших лишение свободы [19, с. 108–109].

В завершение хотелось бы отметить, что технико-юридический инструментарий может быть использован и для повышения уровня социальной обусловленности норм. Экономика России нуждается в притоке рабочих рук и одним из средств, решающих эту задачу, является такой вид наказания, как принудительные работы. В частности, В. И. Селиверстов указывает, что в исправительных центрах, согласно результатам той же переписи, трудом обеспечены 97,6 % осужденных [20, с. 44]. Вместе с тем наблюдается негативная тенденция, связанная с назначением данного вида наказания. Фактически доля осужденных к принудительным работам по приговору суда оставалась почти неизменной [20, с. 45]. В соответствии со статистическими данными Судебного департамента в 2023 г. принудительные работы были назначены в отношении 15 342 чел. [21].

В. И. Селиверстов обращает внимание на то, что основным тормозом для назначения судьями принудительных работ является предусмотренный в УК РФ «экзотический» порядок назначения принудительных работ, требующий дополнительной аргументации у суда при назначении данного вида наказания [20, с. 46].

Как представляется, действующее ограничение дискреции судей в части назначения принудительных работ носит избыточный и алогичный характер. Содержащаяся в ч. 1 ст. 53.1 УК РФ оговорка об альтернативности принудительных работ лишению свободы

представляется избыточной, также считаем неоправданным установление порядка назначения принудительных работ, содержащегося в ч. 2 ст. 53.1 УК РФ. Считаем, что обоснованию подлежит лишь возможность назначения дополнительного наказания. Если же наказание относится к числу основных, то требование его обоснования является чрезмерным и подлежит исключению. В этой связи необходимо признать утратившими силу ч. 1, 2 ст. 53.1 УК РФ, снятие излишних ограничений предоставит судам больше возможностей по назначению принудительных работ.

Заключение

В рамках настоящей статьи была предпринята попытка показать, насколько важно интерпретировать юридическую технику как технику правового регулирования. Роль юридической техники недопустимо сводить лишь к внешним атрибутам правовых актов, обеспечению их «внешней красоты». Юридическая техника связана с внутренними глубинными процессами регулирования в целом, отражает закономерности и логику правового регулирования.

В этом контексте юридическая техника предназначена обеспечить социальную и юридическую эффективность законодательства, а также его соответствующие изменение и развитие, закономерным итогом которых может стать появление относительно новой отрасли пенитенциарного права.

Формирование пенитенциарного права как самостоятельной отрасли находится в тесной зависимости от использования юридической техники в части как совершенствования существующих, так и формирования новых правовых институтов. В этой связи особое внимание следует обращать не только на формальные, но и содержательные, процедурные, доктринальные и нормативные технико-юридические инструменты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Муромцев Г. И. Юридическая техника (некоторые теоретические аспекты) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 1. С. 9–20.
2. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку : моногр. / под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. Владимир, 2022. 242 с.
3. Бобров А. М., Мельникова Н. А. Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права? // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 118–126.
4. Головкин Р. Б. Пенитенциарное право: некоторые аспекты теории и практики его действия // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2014. № 1 (1). С. 25–32.
5. Уткин В. А. Отечественная наука уголовно-исполнительного права: очерк истории // Уголовная юстиция. 2017. № 9. С. 69–77.
6. Оганесян С. М. Пенитенциарная система государства: историко-теоретический и правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 554 с.
7. Ромашов Р. А. Уголовно-исполнительное и пенитенциарное право: теоретические аспекты понимания и соотношения // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 3. С. 69–73.
8. Ромашов Р. А. Пенитенциарное право: феноменология и системность // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 234–244.
9. Ромашов Р. А. Поощрительные санкции в нормах пенитенциарного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 4. С. 213–224.
10. Колесникова Ю. П. Отдельные юридико-технические дефекты уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, влияющие на деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4. С. 42–49.
11. Демидова О. В. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: проблемы формализации правовых норм // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 3. С. 25–34.
12. Бабаев В. К. Советское право как логическая система : учеб. пособие. М., 1978. 211 с.

13. Баласанов М. Р. Условный характер применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания как путь совершенствования данного института уголовного права // *Пенитенциарная наука*. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 186–195.
14. Даланов Д. С. К вопросу о понятии пенитенциарной преюдиции // *Человек: преступление и наказание*. 2011. № 2. С. 30–34.
15. Чорный В. Н. Тенденции развития уголовно-исполнительного права в современных условиях // *От исправительно-трудового права к уголовно-исполнительной отрасли : материалы междунар. науч.-практ. семинара*. Рязань, 2006. С. 25–29.
16. Южанин В. Е. Соотношение целей и задач уголовного закона, наказания и его исполнения // *Пенитенциарная наука*. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 30–38.
17. Гришко А. Я. Уголовно-исполнительный закон будущего: направления реформирования // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014. № 4. С. 88–93.
18. Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ за 12 месяцев 2023 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 21.04.2024).
19. Санташов А. Л., Герасимова Е. В., Ласточкин А. Н. О средствах законодательной техники в уголовном и уголовно-исполнительном праве (статический и динамический аспекты) // *Журнал прикладных исследований*. 2023. № 9. С. 104–110.
20. Селиверстов В. И. Принудительные работы: перспективы, пределы и риски развития // *Пенитенциарная наука*. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 43–50.
21. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2023 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 21.04.2024).

REFERENCES

1. Muromtsev G.I. Legal technique (some theoretical aspects). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Law Studies*, 2000, no. 1, pp. 9–20. (In Russ.).
2. *Teoriya i metateoriya yuridicheskoi tekhniki: ot pravosoznaniya k pravoporyadku: monogr.* [Theory and metatheory of legal technique: from legal awareness to law and order: monograph]. Ed. by Averin A.V., Davydova M.L. Vladimir, 2022. 242 p.
3. Bobrov A.M., Mel'nikova N.A. Is there any reason to single out penitentiary law in the system of Russian law? *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2, pp. 118–126. (In Russ.).
4. Golovkin R.B. Penitentiary law: some aspects of the theory and practice of its operation. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika = Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 1(1), pp. 25–32. (In Russ.).
5. Utkin V.A. Domestic science of penal enforcement law: an essay on history. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2017, no. 9, pp. 69–77. (In Russ.).
6. Oganesyans S.M. *Penitentsiarnaya sistema gosudarstva: istoriko-teoreticheskii i pravovoi analiz: dis. ... d-ra yurid. nauk* [penitentiary system of the state: historical, theoretical and legal analysis: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 2005. 554 p.
7. Romashov R.A. Penal and penitentiary law: the theoretical aspects of understanding and relationship. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 3, pp. 69–73. (In Russ.).
8. Romashov R.A. Penitentiary law: phenomenology and consistency. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, no. 3, pp. 234–244. (In Russ.).
9. Romashov R.A. Incentive sanctions in the norms of penitentiary law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Law Studies*, 2014, no. 4, pp. 213–224. (In Russ.).
10. Kolesnikova Yu.P. Certain legal and technical defects of criminal, criminal procedure and criminal executive legislation affecting the activities of institutions and bodies executing criminal penalties. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2019, no. 4, pp. 42–49. (In Russ.).
11. Demidova O.V. Criminal Executive Code of the Russian Federation: problems of formalization of legal norms. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2022, no. 3, pp. 25–34. (In Russ.).
12. Babaev V.K. *Sovetskoe pravo kak logicheskaya sistema: ucheb. posobie* [Soviet law as a logical system: study guide]. Moscow, 1978. 211 p.
13. Balasanov M.R. Conditional nature of the application of the substitution of the unserved part of punishment with a milder penalty as a way to improve this criminal law institution. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2, pp. 186–195. (In Russ.).
14. Dalanov D.S. On the question of the concept of penitentiary prejudice. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2011, no. 2, pp. 30–34. (In Russ.).
15. Chorny V.N. Trends in the development of penal enforcement law in modern conditions. In: *Ot ispravitel'no-trudovogo prava k ugolovno-ispolnitel'noi otrasli: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. seminara* [From correctional labor law to the penal branch: materials of international scientific practice workshop]. Ryazan, 2006. Pp. 25–29. (In Russ.).
16. Yuzhanin V.E. Correlation of goals and tasks of criminal law, punishment and its execution. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 30–38. (In Russ.).
17. Grishko A.Ya. Penal law of the future: directions of reforming. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 4, pp. 88–93. (In Russ.).
18. *Otchet o kharakteristike prestupleniya, ego retsidiva i povtornosti po chislu osuzhdennykh po vsem sostavam prestuplenii Ugolovnogo kodeksa RF za 12 mesyatsev 2023 goda* [Report on the characteristics of the crime, its recidivism and recurrence by the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation for 12 months of 2023]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (accessed April 21, 2024).

19. Santashov A.L., Gerasimova E.V., Lastochkin A.N. On the means of legislative technique in criminal and penal enforcement law (static and dynamic aspects). *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, 2023, no. 9, pp. 104–110. (In Russ.).

20. Seliverstov V.I. Forced labor: prospects, limits and risks of development. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 43–50. (In Russ.).

21. *Otchet o chisle privlechennykh k ugolovnoi otvetstvennosti i vidakh ugolovnogo nakazaniya za 12 mesyatsev 2023 goda* [Report on the number of persons brought to criminal liability and types of criminal punishment for 12 months of 2023]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (accessed April 21, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА КАРПУНИНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Воронежского института ФСИН России, Воронеж, Россия, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

VIKTORIYA V. KARPUNINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil Law and Process of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

Статья поступила 25.04.2024

Научная статья

УДК 343.2/7

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.003

Дифференциация ответственности и законодательная техника как ключевые направления научных исследований Ярославской уголовно-правовой школы (на примере диссертаций представителей Северо-Западного региона)

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия,
kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕКРАСОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,
vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

Реферат

Введение: в статье сквозь призму результатов диссертационных исследований, подготовленных представителями образовательных организаций Северо-Западного региона под руководством Л. Л. Кругликова, раскрывается многогранность и уникальность таких доктринальных направлений, как дифференциация уголовной ответственности и законодательная техника в уголовном праве. *Цель:* посредством обращения к работам некоторых учеников Л. Л. Кругликова описать феномен Ярославской уголовно-правовой школы XX–XXI вв. – Школы Кругликова. *Методы:* правовой, аналитический, историко-сравнительный, а также метод деконструкции. *Результаты:* проведенный анализ показал, что подготовленные представителями вузов Северо-Западного региона диссертационные исследования охватывают довольно широкий круг проблем как Общей, так и Особенной частей уголовного права. Вместе с тем все названные в статье работы выполнены в русле теории дифференциации ответственности и правил законодательной техники и стали вкладом в формирование и развитие Ярославской уголовно-правовой школы. *Выводы:* исследования представителей школы в своей совокупности внесли значимый вклад в разработку проблем отраслевой и межотраслевой дифференциации ответственности, а также законодательной техники отечественного и зарубежного уголовного права. Проведенный анализ диссертационных исследований, осуществленных под руководством Л. Л. Кругликова, позволил сделать вывод о том, что избранное им доктринальное направление дифференциации ответственности и законодательной техники оказалось универсальным для всей теории уголовного права.

Ключевые слова: уголовное право; дифференциация уголовной ответственности; законодательная техника; Ярославская уголовно-правовая школа.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Лапшин В. Ф., Некрасов В. Н. Дифференциация ответственности и законодательная техника как ключевые направления научных исследований Ярославской уголовно-правовой школы (на примере диссертаций представителей Северо-Западного региона) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 367–375. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.003.

Differentiation of Liability and Legislative Technique as Key Areas of Scientific Research of the Yaroslavl Criminal Law School (Case Study of Dissertation Research by Representatives of the Northwestern Region)

VALERII F. LAPSHIN

Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

VASILII N. NEKRASOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

Abstract

Introduction: the article reveals the versatility and uniqueness of doctrinal scientific directions, such as differentiation of criminal liability and legislative technique in criminal law, through the prism of results of dissertation research prepared by representatives of educational organizations of the Northwestern region under the leadership of L.L. Kruglikov. *Purpose:* by considering works of L.L. Kruglikov's students, to describe a phenomenon of the Yaroslavl criminal law school of the XX-XXI century – the "Kruglikov School". *Methods:* the study is based on legal, analytical, historical and comparative methods, as well as the method of deconstruction. *Results:* the analysis shows that the dissertation research prepared by representatives of universities in the Northwestern region covers a fairly wide range of problems of criminal law. At the same time, all the works mentioned in the article were carried out within the theory of differentiation of liability and the rules of legislative technique and became a contribution to the formation and development of the Yaroslavl criminal law school. *Conclusion:* the research of representatives of the school in its entirety made a significant contribution to the development of problems of sectoral and intersectoral differentiation of liability, as well as legislative techniques of domestic and foreign criminal law. The analysis of dissertation research conducted under the guidance of L.L. Kruglikov shows that the doctrinal direction of differentiation of liability and legislative technique chosen by him turned out to be universal for the entire theory of criminal law.

Keywords: criminal law; differentiation of criminal liability; legislative technique; Yaroslavl criminal law school.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Lapshin V.F., Nekrasov V.N. Differentiation of liability and legislative technique as key areas of scientific research of the Yaroslavl criminal law school (case study of dissertation research by representatives of the Northwestern region). *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 367–375. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.003.

Введение

11 января 2025 г. отмечает 85-летний юбилей выдающийся российский ученый-юрист Лев Леонидович Кругликов. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации – вот далеко не полный перечень официальных оценок тех научных заслуг, которые имеются у Лева Леонидовича на данный момент.

В лексиконе представителей отечественной правовой доктрины уже давно используется неофициальное наименование «Ярославская юридическая школа». Это образование объединяет несколько поколений ученых-юристов, проводивших свои исследования в Ярославском государственном университете имени П. Г. Демидова и (или) готовивших свои диссертации под руководством представителей про-

фессуры данного вуза. Среди множества ярких имен ярославских ученых, представляющих различные отрасли правовой науки, имя Л. Л. Кругликова заслуженно занимает особое место, поскольку он является создателем уникальной научной уголовно-правовой школы, сочетающей в себе проблематику отраслевой и межотраслевой дифференциации ответственности, а также законодательной техники отечественного и зарубежного уголовного права.

Научный фундамент школы сформирован результатами докторской диссертации Льва Леонидовича, тема которой определялась следующим образом: «Правовые средства обеспечения справедливости наказания в процессе его индивидуализации» [1]. Эта работа получила неоднозначную оценку в научной среде, породила большое количество споров и

обсуждений. Некоторые ученые в период ее выхода в свет вообще отрицали научную значимость обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, полагая, что они выполняют сугубо техническую функцию для незначительной количественной корректировки размера или срока избранного вида наказания. Однако, несмотря на негативные настроения, имевшие место в научном сообществе, Лев Леонидович в 1986 г. успешно защитил диссертацию и добился присвоения искомой ученой степени доктора юридических наук.

Продолжая поиск ответов на вопросы о правовых категориях, существенно меняющих общественную опасность совершенного преступления и (или) личности преступника, а также исследуя значение общих начал юридической техники и их реализации в уголовном праве, Лев Леонидович заложил базу нового научного направления.

В настоящее время труды Ярославской уголовно-правовой школы являются основой созданной Л. Л. Кругликовым теории дифференциации ответственности и законодательной техники в уголовном праве. Ни одно современное исследование в указанной области не обходится без анализа и учета позиции Л. Л. Кругликова, представленной как в его многочисленных научных трудах, так и в работах его учеников, подготовивших и защитивших диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук.

Ярославская уголовно-правовая школа сегодня насчитывает несколько десятков исследователей, учившихся в аспирантуре при кафедре уголовного права и процесса (позднее – уголовного права и криминологии) Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Многие из них живут и работают в Ярославле, но немалую часть исследователей Л. Л. Кругликова составляют представители Северо-Западного федерального округа, которые еще в начале своей научной карьеры осуществляли преподавательскую деятельность в Вологодском институте права и экономики ФСИН России, Северном (Арктическом) федеральном университете, Вологодском государственном педагогическом университете, Северо-Западном филиале Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина и др.

Представить полный обзор всех диссертаций, подготовленных под научным руководством Льва Леонидовича, вряд ли возможно по причине значительного объема научного материала, однако даже на примере краткого анализа исследований Ярославской уголовно-правовой школы, проведенных учеными Северо-Западного федерального округа, можно оценить всю многогранность и широту научного направления, предложенного Л. Л. Кругликовым, а также раскрыть его уникальный талант как Ученого и Учителя.

Основная часть

Подготовленные представителями вузов Северо-Западного федерального округа диссертационные исследования по вопросам дифференциации уголовной ответственности и законодательной техники формулирования уголовно-правовых предпи-

саний охватывают довольно широкий круг проблем из плоскости как Общей, так и Особенной частей уголовного права. Результативность и высокая теоретико-практическая значимость этих исследований подтверждалась решениями диссертационных советов, созданных на базе ведущих вузов страны – центров современной юридической науки: Казанского (Приволжского) федерального университета, Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Саратовской государственной юридической академии, Волгоградской академии МВД России, Кубанского государственного аграрного университета.

Ряд учеников Л. Л. Кругликова в своих работах обращались к отдельным проблемам Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Одним из первых таких исследований стала диссертация С. А. Манойловой «Эмоции в уголовном праве». В ней эмоции рассматриваются как юридически значимый признак, влияющий на выбор и установление уголовной ответственности. По мнению автора, уголовно-правовое значение эмоций следует ставить в зависимость не от их объективного (подлежащего установлению) проявления, а от их влияния на психическое (субъективное) содержание преступного деяния (иначе – от степени их выраженности, характера и интенсивности воздействия на осознанный контроль личности). В работе детально исследовано влияние эмоций на квалификацию преступлений, уголовную ответственность и наказание [2, с. 12, 19–22].

Рассмотрение проблемных аспектов Общей части УК РФ в части незавершенной преступной деятельности продолжил В. Н. Некрасов. Им разработана концепция конструирования норм о неоконченном преступлении с помощью приемов и средств законодательной техники и сквозь призму дифференциации ответственности. Автором предложена оригинальная научная концепция, согласно которой к видам неоконченного преступления отнесены не только приготовление к преступлению и покушение на преступление, но и добровольный отказ от доведения преступления до конца. Анализ норм о неоконченном преступлении позволил выявить спектр используемых законодателем при их конструировании средств и приемов законодательной техники. Отдельные предложения по совершенствованию уголовного законодательства сформулированы на основе анализа межотраслевой дифференциации ответственности за незавершенную преступную деятельность [3, с. 8–9].

Исследованию способа совершения преступления как признака уголовно наказуемого деяния и дифференцирующего средства посвящена диссертация С. В. Шиловского. В ней автор обратился к сложной, но узловой и очень важной для уголовного права проблеме точности и единообразия описания в уголовном законе объективных признаков преступного деяния, причем уголовно-правовые свойства способа преступления изучены им сквозь призму оптимальности дифференциации уголовной ответственности и законодательной техники. В числе прочего отмеченные обстоятельства придали рассматриваемой работе научную новизну и позволили ее автору сфор-

мировать концептуальное представление о способе совершения преступления как признаке уголовно наказуемого деяния и дифференцирующем средстве [4, с. 7–9].

Довольно большое количество аспирантов определили тематику своих исследований в области теории наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.

Одним из первых на Северо-Западе кандидатскую диссертацию под руководством Л. Л. Кругликова защитил В. Ф. Ширяев. В своей работе о наказании как одном из элементов уголовно-правового воздействия он доказывал, что уголовно-правовое воздействие на преступника обеспечивается комплексом мер, дифференцирующих уголовную ответственность в зависимости от тяжести совершенного преступления, типовых особенностей личности виновного и иных обстоятельств, имеющих юридическое значение. Анализируя практику реализации уголовной ответственности, автор дал критическую оценку заявленным в уголовном законе целям наказания. По его мнению, уголовно-правовое воздействие должно включать в себя не только возмездие для виновного, но и компенсацию потерпевшему вреда/ущерба, причиненного в результате совершения преступления. Здесь же были предложены основные правовые характеристики probationi как меры эффективного уголовно-правового воздействия, которая реализуется через индивидуально подобранные интенсивные программы воспитательного, образовательного, трудового и иного характера, не предполагая изоляции осужденного от общества [5, с. 7–10].

Продолжил исследование природы смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств С. П. Донец. Им установлены основные юридически значимые признаки, которые присущи каждому из обстоятельств, перечисленных в ст. 61 и 63 УК РФ. Это предопределяет возможность унифицированной оценки любого фактического обстоятельства, которое могло бы претендовать на роль смягчающего или отягчающего наказание, в процессе индивидуализации уголовной ответственности. На этом же основании автор предпринял попытку обосновать нецелесообразность использования приема закрытого перечня в отношении института отягчающих наказание обстоятельств. Такое ограничение, по его мнению, лишает суд возможности объективно оценить общественную опасность личности преступника и, соответственно, вынести решение, не противоречащее принципу справедливости. Эти и некоторые другие выводы, сформулированные по итогам исследования, легли в основу предложений по изменению и дополнению уголовно-правовых норм об общих и специальных правилах назначения наказания [6, с. 4–6].

Единственным ученым, применившим ключевые положения теории дифференциации ответственности и законодательной техники к нормам уголовно-исполнительного законодательства, стал А. Л. Сантасов. Им были успешно осуществлены поиск и последующая систематизация средств дифференциации ответственности, применяемых не при выборе, а в процессе исполнения уже назначенного на-

казания в виде лишения свободы. При этом предмет исследования ограничивался пределами применения данного наказания в отношении несовершеннолетних осужденных. В итоге была выделена совокупность дифференцирующих исполнение лишения свободы обстоятельств, характеризующих уголовно-правовой статус осужденного (несовершеннолетний), режим пенитенциарного учреждения, условия отбывания наказания и др. [7, с. 4–6].

Соотношение дифференциации ответственности, реализованной в отечественном уголовном законе и уголовных законах отдельных государств Западной Европы, стало предметом диссертационного исследования О. Н. Чупровой. Глубокий сопоставительный анализ положений уголовных законов ряда европейских государств позволил классифицировать дифференциацию ответственности по нескольким видам оснований, таким как стадия реализации ответственности, количество совершенных преступлений, момент окончания преступной деятельности. Каждый из элементов предложенной классификации был подробно изучен на предмет наличия характерных для него средств дифференциации уголовной ответственности, после чего были сформулированы выводы об их влиянии на решение о выборе меры ответственности, а также об особенностях и предпочтительности приемов технико-юридического оформления выявленных дифференцирующих уголовную ответственность средств [8, с. 7–9].

Попытка рассмотрения уголовной ответственности через призму социально-правового конфликта предпринята Е. В. Попаденко, хотя предметом ее научного поиска выступили альтернативные наказанию превентивные средства, используемые в отечественном и зарубежном законодательстве. Она обратила внимание на то, что альтернативные наказанию меры уголовно-правового воздействия обладают значительным предупредительным потенциалом, а потому довольно часто используются правоприменителем в зарубежных странах. Для обеспечения баланса интересов личности (преступника), потерпевшего, общества и государства автор доказала необходимость расширения практики применения различных видов освобождения от уголовной ответственности и от наказания, которые также рассматриваются в качестве отдельных видов дифференциации уголовной ответственности – отправной точки ее реализации [9, с. 6–8].

Предусмотренные уголовным законом меры, применяемые к уклоняющемуся от наказания осужденному, с позиции дифференциации ответственности и законодательной техники изучены Е. А. Тимофеевой. Уклонение и злостное уклонение от отбывания наказания обладают довольно существенным социально-негативным потенциалом. Последнее при определенных условиях может требовать самостоятельного установления уголовной ответственности. Уклонение от отбывания назначенного наказания автор склонна рассматривать в качестве одного из средств межотраслевой дифференциации как уголовной, так и административной ответственности. В этой связи были предложены формы ответственности за уклонение от

каждого вида наказания, предусмотренного уголовным законом, и доказана необходимость осуществления дифференциации уголовной ответственности по видам составов соответствующих преступлений против правосудия [10, с. 8–12].

Наконец, О. Л. Строганова исследовала общие начала и специальные правила назначения уголовного наказания и дала комплексное обоснование ряда юридически значимых признаков, установление которых в процессе выбора вида и размера (срока) наказания существенно влияет на определение окончательной меры ответственности. Применение специальных правил назначения наказания при наличии тех или иных средств дифференциации уголовной ответственности, предусмотренных нормами Общей части, должно осуществляться исходя из медианных значений наиболее строгого наказания, а не его верхних или нижних границ.

Правовая неопределенность отдельных положений института наказания закономерно вызывает трудности в процессе правоприменения. Для обеспечения единообразного понимания сущности отдельных обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, автор указал на необходимость корректировки содержания некоторых специальных норм, регламентирующих назначение наказания [11, с. 8–17].

Некоторые из учеников Л. Л. Кругликова реализовали свои научные интересы, изучая отдельные институты Особенной части отечественного уголовного права. Так, В. Ф. Лапшин исследовал вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники применительно к отдельной группе экономических преступлений. К моменту защиты кандидатской диссертации им была предпринята попытка обоснования необходимости выделения специфических видов объектов уголовно-правовой охраны, совокупность которых формирует родовый объект гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». Это позволило выстроить многоуровневую классификацию указанных уголовно наказуемых посягательств, одним из элементов которой стали преступления в сфере распределения финансовых ресурсов. Здесь же предлагались отдельные решения по формированию диспозиций и санкций «финансовых» норм уголовного и административного законодательства [12, с. 7–10].

Особенностям уголовно-правовой охраны свободы профессиональной деятельности журналистов посвятила свою работу Е. В. Красильникова. Предмет ее исследования ограничился содержанием диспозиции и санкции ст. 144 УК РФ, рассмотренным через призму дифференциации уголовной ответственности и правил техники построения норм уголовного закона. Достаточно подробно с позиций юридической и лингвистической науки ею изучались различные средства законодательной техники: правовой язык, юридические конструкции, презумпции, правовые аксиомы, фикции и правовые символы. Особое внимание было уделено компоненту юридического языка – правовым идиомам, используемым в качестве универсальных языковых моделей. Развернутый анализ сущности общественных отношений

(объекта уголовно-правовой охраны), возникающих в процессе профессиональной деятельности журналистов, предопределил ряд научно обоснованных решений об установлении и реализации межотраслевой дифференциации юридической ответственности за общественно опасные посягательства в указанной сфере. На основе полученных результатов были сформулированы предложения о внесении в УК РФ и КоАП РФ изменений и дополнений относительно особенностей охраны правомочий журналиста, которые используются в процессе профессиональной деятельности [13, с. 6–9].

Удачная попытка сочетания теории дифференциации уголовной ответственности, законодательной техники и криминологической теории виктимности была реализована Л. А. Колпаковой на примере охраны интересов семьи. Основой предложений по корректировке содержания ст. 150, 151 и 156 УК РФ послужили результаты проработки социального, правового и криминологического содержания семьи, конфликта в сфере семейных отношений и потерпевшего – жертвы семейного насилия в различных его вариациях (криминальное, физическое, психическое). Комплексная и всесторонняя оценка общественной опасности деяний, направленных против интересов семьи, позволила обосновать необходимость включения в нормы не только Особенной, но и Общей части положений о средствах дифференциации уголовной ответственности, которыми корректировались институты назначения наказания (в том числе условно), а также иных мер уголовно-правового воздействия [14, с. 6–10].

После защиты кандидатских диссертаций некоторые ученики Л. Л. Кругликова расширили заявленные ранее границы предмета научного исследования. Успешные решения в этой области позволили им выйти на новый уровень результативности – подготовить и защитить работы на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Так, В. Ф. Лапшин в 2004–2016 гг. в разрезе проблематики дифференциации ответственности и законодательной техники изучал особенности выделенной им группы финансовых преступлений. Они включаются в систему общественно опасных посягательств, предусмотренных нормами гл. 22 УК РФ. Всесторонний анализ финансовых отношений как предмета нормативно-правового регулирования отечественного финансового, налогового и административного права позволил исследователю пересмотреть содержание указанных общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны. Им доказано, что финансовые отношения являются разновидностью публичных отношений, основанных на принципе власти-подчинения, в которых управомоченной стороной выступает или государство в целом, или его органы и учреждения на региональном и местном уровнях. Хозяйствующие субъекты и граждане в финансовых правоотношениях представляют только неуправомоченную сторону, что является одним из основных признаков, разграничивающих финансовые и экономические отношения. Государство, органы региональной и муниципальной власти

как участники финансовых отношений преследуют политические, социальные и иные цели, которые не связаны с получением прибыли от осуществляемого целевого финансирования. Более того, многие проекты и программы, обеспеченные бюджетным финансированием, могут быть заведомо убыточны, что с позиции экономического бизнес-анализа признается бесперспективной и недопустимой хозяйственной деятельностью. Однако государство в рамках финансовых отношений реализует эти проекты, выполняя функции, не характерные для институтов предпринимательства. Это еще одна отличительная особенность финансовых отношений, не позволяющая признать их составной частью отношений экономических.

Наконец, любое финансовое правонарушение в первую очередь причиняет вред публичным интересам, то есть охраняемым законом интересам общества и государства. Экономические отношения, включая отношения собственности, если и нарушаются (ставятся под угрозу нарушения) в результате совершения финансовых преступлений, то далеко не в первую очередь. Такая юридическая специфика указывает на возможность признания тех или иных видов общественных отношений в сфере экономической деятельности лишь дополнительным или факультативным объектом в составах финансовых преступлений.

Все это в совокупности позволило доказать, что общественные отношения в сфере экономической деятельности и даже отношения в сфере экономики, охраняемые нормами раздела VIII УК РФ, лишь частично включают в себя финансовые отношения – самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Исходя из этого был обоснован вывод о необходимости переоценки общественной опасности всех финансовых преступлений. Оставаясь частью преступлений в сфере экономической деятельности, финансовые преступления относятся преимущественно к категориям небольшой или средней тяжести. С учетом высокой социальной значимости финансов, некоторых юридических особенностей совершения финансовых преступлений, а также количественных и качественных характеристик негативных последствий, наступающих в результате их совершения, сформулирован вывод о высокой общественной опасности преступлений рассматриваемой группы. Это не только предопределяет необходимость пересмотра санкций соответствующих норм. Особенной части, но и исключает возможность применения льготных механизмов освобождения от уголовной ответственности и наказания виновных в совершении финансовых преступлений.

Преимущественно на основе результатов исследований Л. Л. Кругликова об особенностях законодательной техники формирования уголовно-правовых предписаний В. Ф. Лапшиным предложен общий алгоритм построения составов финансовых преступлений, а также определены особенности применения средств и приемов законодательной техники при описании такого общественно опасного деяния, как финансовое правонарушение. В связи с этим полу-

чили очередной виток развития идеи Л. Л. Кругликова о правилах системного («блочного») использования квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, особенности которых были обозначены В. Ф. Лапшиным применительно ко всем составам финансовых преступлений.

В части особенностей установления и реализации ответственности за совершение финансовых преступлений предложен комплекс доказательств увеличения строгости уголовно-правового воздействия. Это выражается не только в повышении верхних границ санкций соответствующих уголовно-правовых норм и дополнительном применении мер имущественного характера, но и в отказе от обязательного освобождения виновного от уголовной ответственности, если последний полностью возместил причиненный преступлением вред. Практика обязательного освобождения от уголовной ответственности, складывающаяся на основе постулата «заплатил – не привлекут», была подвергнута серьезной критике по причине снижения степени превентивности борьбы с финансовой преступностью [15, с. 9–17].

Первым и, пожалуй, единственным учеником Л. Л. Кругликова, использовавшим ключевые идеи теории дифференциации ответственности и законодательной техники в отношении уголовно-исполнительного законодательства как в кандидатской, так и в докторской диссертации, стал А. Л. Санташов. Так, если в кандидатской диссертации он обращался к вопросам законодательной техники и дифференциации ответственности применительно к проблемам исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, то в докторской диссертации предпринял попытку разработки и обоснования концепции совершенствования уголовно-правового и уголовно-исполнительного содержания ответственности несовершеннолетних.

Использование общих положений о дифференциации ответственности позволило А. Л. Санташову выявить средства дифференциации ответственности несовершеннолетних не только в уголовном, но и уголовно-исполнительном праве. Более того, автору удалось не только определить, но и систематизировать их. В работе обоснована необходимость выделения категории «ответственность несовершеннолетних в уголовном праве», включающей в себя уголовную и иные виды ответственности несовершеннолетних, предусмотренные нормами УК РФ и УИК РФ, закрепления в законодательстве единых сквозных целей мер уголовно-правового воздействия, конкретизации правового статуса несовершеннолетних осужденных в правоотношениях с учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания.

Благодаря применению положений законодательной техники проведен анализ использования технико-юридических правил при их распределении и описании в нормах уголовно-исполнительного законодательства. Отмеченное позволило сформулировать предложения по повышению эффективности конструирования норм об ответственности несовершеннолетних, нарушивших уголовно-правовой

запрет. Оригинальными являются выводы автора о динамическом аспекте компонентов законодательной техники, непоследовательности средств дифференциации ответственности несовершеннолетних.

А. Л. Санташовым предпринята попытка соотнести дифференциацию и индивидуализацию ответственности на примере несовершеннолетних осужденных. Так, им исследованы проблемы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних не только как субъекта преступления, но и как субъекта ответственности. В частности, А. Л. Санташовым обоснован вывод, согласно которому дифференциация и индивидуализация ответственности и наказания несовершеннолетних должны носить сквозной межотраслевой характер (в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве) и обеспечивать преемственность отраслей права. Им выдвинута идея о совершенствовании дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних при уклонении их от отбывания наказания, а также предложение о целесообразности содержания лиц в возрасте 18 лет – 21 года, переведенных из воспитательных колоний, в колониях-поселениях. Заслуживают внимания авторская периодизация этапов (вех) развития отечественного законодательства о дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних, а также выявленный положительный опыт ряда зарубежных стран в части углубления дифференциации и индивидуализации ответственности [16, с. 9–15].

Поиску оптимальной научно-теоретической концепции охраны общественных отношений в сфере инновационной деятельности в уголовном праве посвящена докторская диссертация В. Н. Некрасова. Данный ракурс исследования обусловлен современными социальными вызовами, связанными с развитием инновационной деятельности и необходимостью должного безопасного применения ее результатов. Традиционно инновация раскрывается преимущественно как категория, используемая в экономической науке и подчеркивающая технический (научно-технический) характер создаваемых и внедряемых разработок в промышленности и производстве. Однако в настоящее время инновационная деятельность стала неотъемлемой частью любой сферы общественной жизни и лежит в основе общественного развития. Указанное находит проявление в изменениях общественных отношений под воздействием цифровой трансформации, развития систем робототехники и искусственного интеллекта и т. п. На этом основании В. Н. Некрасов рассматривает инновацию как составную часть современного объекта уголовно-правовой охраны и анализирует действующий уголовный закон на предмет его соответствия тому комплексу вызовов, которые возникают в период трансформации формы и содержания общественных отношений.

В диссертации дано понятие инновационной деятельности и раскрыта его связь со смежными катего-

риями, охарактеризованы общественные отношения в соответствующей сфере, а также представлен круг норм, направленных на уголовно-правовую охрану отношений в области инновационной деятельности. Отдельное внимание уделено характеристике современных тенденций уголовной политики в части охраны инновационных общественных отношений, ретроспективному и компаративному анализу ответственности за общественно опасные посягательства на отношения в сфере инновационной деятельности. На основе проведенной классификации раскрыты особенности видов инновационной деятельности в уголовном праве.

В. Н. Некрасовым разработана авторская научно-теоретическая концепция охраны общественных отношений в обозначенной сфере деятельности, включающая в себя обоснование необходимости выделения инновационных отношений в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, а также аргументированное утверждение, согласно которому нормы о преступлениях в области инновационной деятельности образуют уголовно-правовой институт.

Нужно отметить, что указанная диссертация по ряду аспектов стала продолжением кандидатской диссертации В. Н. Некрасова, поскольку в работе уже применительно к инновационным отношениям получили дальнейшую научную разработку вопросы обеспечения дифференциации ответственности и совершенствования законодательной техники оформления уголовно-правовых предписаний. В работе сформулированы предложения по использованию отдельных компонентов законодательной техники в нормах о преступлениях в сфере инновационной деятельности, критически оценена и уточнена совокупность средств дифференциации ответственности за совершение такого рода преступлений [17, с. 9–15].

Заключение

Сейчас, анализируя труды, подготовленные под руководством Л. Л. Кругликова, можно с уверенностью сказать, что избранное им доктринальное направление дифференциации ответственности и законодательной техники оказалось универсальным для всей теории уголовного права. Нет ни одного вопроса уголовно-правовой науки, который бы не соприкасался с данной областью и который нельзя было бы рассмотреть через призму дифференциации уголовной ответственности и законодательной техники.

Ни один из учеников Льва Леонидовича не отошел от данного направления в исследовательской работе. Несмотря на то, что все эти молодые ученые, в сущности, занимались решением частных проблем наук уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, в итоге каждая диссертация стала вкладом в формирование Ярославской уголовно-правовой школы – Школы Кругликова. Вне всякого сомнения, научно-организационная деятельность нашего Учителя является беспрецедентным феноменом, не имеющим аналогов в новейшей истории отечественного уголовного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кругликов Л. Л. Правовые средства обеспечения справедливости наказания в процессе его индивидуализации : дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1985. 365 с.
2. Манойлова С. А. Эмоции в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 28 с.
3. Некрасов В. Н. Нормы о неоконченном преступлении: проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 27 с.
4. Шиловский С. В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 28 с.
5. Ширияев В. Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. 28 с.
6. Донец С. П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве (правовая природа, классификация, проблемы учета) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 20 с.
7. Санташов А. Л. Исполнение лишения свободы в отношении несовершеннолетних: вопросы законодательной техники и дифференциации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 26 с.
8. Чупрова О. Н. Дифференциация ответственности в уголовном праве стран континентальной Европы и России: компаративистский аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 27 с.
9. Попаденко Е. В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов: российский и зарубежный опыт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 28 с.
10. Тимофеева Е. А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 29 с.
11. Строганова О. Л. Конструирование и применение уголовно-правовых норм о силе влияния отдельных обстоятельств дела на наказание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 29 с.
12. Лапшин В. Ф. Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 28 с.
13. Красильникова Е. В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 29 с.
14. Колпакова Л. А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 28 с.
15. Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и реализации ответственности за финансовые преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2016. 50 с.
16. Санташов А. Л. Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. 46 с.
17. Некрасов В. Н. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере инновационной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 36 с.

REFERENCES

1. Kruglikov L.L. *Pravovye sredstva obespecheniya spravedlivosti nakazaniya v protsesse ego individualizatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal means of ensuring the fairness of punishment in the process of its individualization: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Yaroslavl, 1985. 365 p.
2. Manoilova S.A. *Emotsii v ugovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Emotions in criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2005. 28 p.
3. Nekrasov V.N. *Normy o neokonchennom prestuplenii: problemy zakonodatel'noi tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Norms on unfinished crime: problems of legislative technique and differentiation of liability: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2013. 27 p.
4. Shilovskii S.V. *Sposob soversheniya prestupleniya kak priznak ugovolno-nakazuemogo deyaniya i differentsiruyushchee sredstvo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The method of committing a crime as a element of a criminally punishable act and a differentiating agent: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saratov, 2014. 28 p.
5. Shiryayev V.F. *Nakazanie v sisteme mer ugovolno-pravovogo vozdeistviya: sodержanie, problemy sovershenstvovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Punishment in the system of measures of criminal legal impact: content, problems of improvement: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan', 2001. 28 p.
6. Donetsk S.P. *Smyagchayushchie i otyagchayushchie obstoyatel'stva v ugovnom prave (pravovaya priroda, klassifikatsiya, problemy ucheta): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mitigating and aggravating circumstances in criminal law (legal nature, classification, accounting problems): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2003. 20 p.
7. Santashov A.L. *Ispolnenie lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnikh: voprosy zakonodatel'noi tekhniki i differentsiatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Execution of deprivation of liberty in relation to minors: issues of legislative technique and differentiation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2006. 26 p.
8. Chuprova O.N. *Differentsiatsiya otvetstvennosti v ugovnom prave stran kontinental'noi Evropy i Rossii: komparativistskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Differentiation of responsibility in the criminal law of the countries of continental Europe and Russia: a comparative aspect: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Volgograd, 2008. 27 p.
9. Popadenko E.V. *Alternativnye sredstva razresheniya ugovolno-pravovykh konfliktov: rossiiskii i zarubezhnyi opyt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Alternative means of resolving criminal law conflicts: Russian and foreign experience: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2008. 28 p.
10. Timofeeva E.A. *Ugovolno-pravovye sredstva reagirovaniya na uklozenie (zlostnoe uklozenie) ot otbyvaniya nakazaniya: problemy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noi tekhniki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal law means

- of responding to evasion (malicious evasion) from serving a sentence: problems of differentiation of responsibility and legislative technique: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2008. 29 p.
11. Stroganova O.L. *Konstruirovaniye i primeneniye ugolovno-pravovykh norm o sile vliyaniya ot del'nykh obshchestvennykh interesov na nakazaniye: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Construction and application of criminal law norms on the force of influence of individual circumstances of the case on punishment: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2014. 29 p.
12. Lapshin V.F. *Prestupleniya v sfere raspredeleniya finansovykh resursov: voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noi tekhniki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Crimes in the field of financial resource allocation: issues of differentiation of responsibility and legislative technique: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2004. 28 p.
13. Krasil'nikova E.V. *Vosprepyatstvovaniye zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov (st. 144 UK RF): voprosy zakonodatel'noi tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Obstruction of the legitimate professional activities of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of legislative technique and differentiation of responsibility: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2007. 29 p.
14. Kolpakova L.A. *Nasilie v sem'e: viktimologicheskii aspekt, differentsiatsiya otvetstvennosti i voprosy zakonodatel'noi tekhniki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Domestic violence: victimological aspect, differentiation of responsibility and issues of legislative technique: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2007. 28 p.
15. Lapshin V.F. *Teoreticheskie osnovy ustanovleniya i realizatsii otvetstvennosti za finansovye prestupleniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical foundations of the establishment and implementation of liability for financial crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2016. 50 p.
16. Santashov A.L. *Teoreticheskie osnovy differentsiatsii i individualizatsii otvetstvennosti nesovershennoletnikh v ugolovnom i ugolovno-ispolnitel'nom prave: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical foundations of differentiation and individualization of juvenile responsibility in criminal and penal enforcement law: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2019. 46 p.
17. Nekrasov V.N. *Ugolovno-pravovaya obshchestvennykh otnoshenii v sfere innovatsionnoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal law of public relations in the field of innovation: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2022. 36 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе и правовым вопросам Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕКРАСОВ – доктор юридических наук, заместитель начальника Вологодского института права и экономики ФСИН России по учебной работе, Вологда, Россия, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

VALERII F. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Vice Rector for Research and Legal Affairs of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

VASILII N. NEKRASOV – Doctor of Sciences (Law), Deputy Head for Academic Affairs of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

Статья поступила 07.10.2024

Некоторые проблемы квалификации уголовно наказуемых массовых беспорядков

ЕЛЕНА БОРИСОВНА КУРГУЗКИНА

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА ВЛАСОВА

Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Реферат

Введение: статья посвящена отдельным спорным вопросам квалификации признаков уголовно наказуемых массовых беспорядков, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы. *Цель:* на основе анализа проблем применения некоторых квалифицирующих признаков массовых беспорядков разработать предложения по совершенствованию уголовного законодательства. *Методы:* сравнительно-правовой, структурно-логический, метод диалектического познания, индукции, дедукции, анализа, синтеза и др. *Результаты:* дается характеристика таких законодательных признаков массовых беспорядков, как использование оружия, оказание вооруженного сопротивления, организация массовых беспорядков, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков и др. Исследованы спорные вопросы отдельных элементов состава уголовно наказуемых массовых беспорядков. *Выводы:* на основе исследования теоретических положений, норм уголовного закона и обширного эмпирического материала выработаны предложения по уточнению ст. 212 УК РФ. Предлагается авторское понятие использования оружия и оказания вооруженного сопротивления в ходе массовых беспорядков, определяется совокупность лиц, относящихся к представителям власти в рамках применения ст. 12 УК РФ, доказывается необходимость конкретизации граждан, участвующих в охране общественного порядка. Проводится анализ организации массовых беспорядков и подготовки организатора массовых беспорядков. Усматривается необходимость разграничения призывов к насилию над гражданами и призывов к массовым беспорядкам. Предлагается исключить признак насилия над гражданами из диспозиции ст. 212 УК РФ как избыточный.

Ключевые слова: массовые беспорядки; представитель власти; использование оружия; призывы к массовым беспорядкам; уголовно-исполнительная система; ФСИН России.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кургузкина Е. Б., Власова Н. А. Некоторые проблемы квалификации уголовно наказуемых массовых беспорядков // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 376–384. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.004.

Original article

On Some Problems of Qualifying Criminally Punishable Mass Riots

ELENA B. KURGUZKINA

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

NATAL'YA A. VLASOVA

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Abstract

Introduction: the article is devoted to certain controversial issues of qualification of elements of criminally punishable mass riots committed in penitentiary institutions. *Purpose:* based on the analysis of the problems of applying some qualifying elements of mass riots, to develop proposals for improving criminal legislation. *Methods:* comparative-legal, structural-logical, method of dialectical cognition, induction, deduction, analysis, synthesis, etc. *Results:* the article has characterized legislative elements of mass riots, such as the use of weapons, provision of armed resistance, organization of mass riots, persuasion, recruitment or other involvement of a person in the commission of mass riots, etc. Controversial issues of individual elements of the composition of criminally punishable mass riots are studied. *Conclusion:* based on the study of theoretical provisions, norms of the criminal law and extensive empirical material, proposals are developed to clarify Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author's concept of the use of weapons and armed resistance during mass riots is proposed, the totality of persons belonging to government representatives within the framework of the application of Article 12 of the Criminal Code of the Russian Federation is determined, the need to specify citizens involved in the protection of public order is proved. The analysis of the organization of mass riots and the training of the organizer of mass riots is carried out. There is a need to distinguish between calls for violence against citizens and calls for mass riots. It is proposed to exclude an element of violence against citizens from the disposition of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation as redundant.

Keywords: mass riots; government representative; use of weapons; calls for mass riots; penal system; Federal Penitentiary Service of Russia.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kurguzkina E.B., Vlasova N.A. On some problems of qualifying criminally punishable mass riots. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 376–384. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.004.

Введение

Значительный уровень общественной опасности и достаточная распространенность массовых беспорядков, особенно в учреждениях ФСИН России, определяют насущность разработки и улучшения методов противодействия этим деяниям. Одной из центральных задач борьбы с массовыми беспорядками следует признать совершенствование уголовно-правовых мер противостояния данному преступному явлению.

Тяжесть таких уголовно наказуемых деяний существенно возрастает при их осуществлении в местах отбывания наказания. Подготовка самих беспорядков, вооруженность участников, обучение их организаторов и других участников, а также непосредственное руководство исследуемыми криминальными деяниями приводят к одновременному причинению вреда значительному числу объектов уголовно-правовой охраны.

Обсуждение

Одним из признаков уголовно наказуемых массовых беспорядков является применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих. Законодатель не уточняет, что следует понимать под их применением. Можно согласиться с А. М. Багметом в том, что использование оружия и иных перечисленных предметов и веществ в ходе массовых беспорядков должно влечь уголовную ответственность в случае посягательства на жизнь или здоровье граждан, а также на уничтожение или повреждение материальных объектов [1, с. 80]. Однако угрозу применения оружия и иных

общеопасных предметов в ходе массовых беспорядков вряд ли можно считать уголовно наказуемой, поскольку в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ в качестве квалифицирующего признака она не указана. Если в деянии содержатся составы незаконного изготовления, ношения, хранения оружия, то такие деяния квалифицируются отдельно. Возможно, следует включить угрозу применения оружия и других предметов, которые можно использовать в качестве оружия, в исследуемую норму. Но пока таких изменений нет, вменять указанную угрозу виновному в организации массовых беспорядков или участникам массовых беспорядков нельзя, поскольку аналогия права и аналогия закона в уголовном праве России недопустимы.

Уголовно наказуемым является применение любого оружия, огнестрельного и неогнестрельного, а также любых взрывчатых, отравляющих веществ, а также иных предметов, представляющих опасность для окружающих и используемых в качестве оружия (это могут быть камень, прут, палка, бутылка и т. п.).

На наш взгляд, ошибочно мнение С. К. Кудашкина о том, что под применением оружия и иных объектов при массовых беспорядках следует понимать и их демонстрацию, использование для устрашения и т. п. [2, с. 104]. Думается, что такие действия нельзя считать применением оружия. Это следует из анализа ст. 24 Федерального закона «Об оружии», в котором указано, что «применению оружия должно предшествовать четко выраженное предупреждение об этом лица, против которого применяется оружие, за исключением случаев, когда промедление в применении оружия создает непосредственную опасность

для жизни людей или может повлечь за собой иные тяжкие последствия. При этом применение оружия в состоянии необходимой обороны не должно причинить вред третьим лицам». Из этого вытекает, что применение законодателем определяется именно как использование его поражающих свойств.

Достаточно неопределенным является и такой признак массовых беспорядков, как оказание вооруженного сопротивления представителям власти. Подобные действия не требуют дополнительной квалификации по ст. 318 УК РФ. Причем вооружение, поскольку законодатель не конкретизирует, о каком оружии идет речь, в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» может быть любое: огнестрельное, холодное, метательное, газовое. Однако в этой ситуации встает вопрос о таких предметах бытового назначения, как, например, топор, нож, шило и т. п. К холодному оружию они не относятся, и, вероятно, их применение требовало бы дополнительной квалификации, если бы в диспозиции не было такого квалифицирующего признака, как насилие. Следовательно, в таких случаях представляется излишней дополнительная квалификация деяния по ст. 318 УК РФ. Тем не менее существует позиция о необходимости такой дополнительной квалификации. При этом делается отсылка к п. 9 разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» о том, что хулиганские действия, связанные с сопротивлением представителю власти, в ходе которого применено насилие, как неопасное, так и опасное для жизни и здоровья, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УК РФ и соответствующей частью ст. 318 УК РФ [3, с. 153].

Полагаем, что данная аналогия не совсем уместна, поскольку постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации не является нормативным правовым актом. Это комментарий высшего судебного органа страны, который относится к иному составу преступления. Дополнительная квалификация при применении простого насилия в ходе массовых беспорядков и неприменение дополнительной квалификации при вооруженном сопротивлении являются явно несоразмерными.

Требует осмысления и понятие «представитель власти» применительно к ст. 212 УК РФ. Дефиниция «представитель власти» содержится в примечании к ст. 318 УК РФ: «Представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости».

В некоторой степени этот вопрос разрешен Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319

УК РФ». В п. 2 перечислены органы, относящиеся к правоохранительным: «органы прокуратуры Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, органы внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба безопасности, Федеральная служба исполнения наказаний, таможенные органы Российской Федерации, органы принудительного исполнения Российской Федерации, органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации и другие государственные органы при осуществлении ими правоохранительной деятельности».

Однако в постановлении не разъясняется, кого же следует отнести к иным должностным лицам, наделенным в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости.

В п. 11 постановления указывается, что «должностными лицами контролирующих органов являются, например, должностные лица органов Федеральной налоговой службы, Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, наделенные в установленном законом порядке полномочиями по организации и (или) осуществлению указанного контроля (надзора) в соответствующих сферах деятельности в отношении неподведомственных им субъектов».

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 22.03.1995 № 45 «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» к лицам правоохранительных и контролирующих органов, подлежащим защите, относятся: 1) судьи, арбитражные заседатели, присяжные заседатели; 2) прокуроры; 3) следователи; 4) лица, производящие дознание; 5) лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность; 6) сотрудники и федеральные государственные гражданские служащие органов внутренних дел Российской Федерации; 6.1) сотрудники и федеральные государственные гражданские служащие учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; 6.3) военнослужащие, сотрудники и федеральные государственные гражданские служащие войск национальной гвардии Российской Федерации; 6.5) военнослужащие и федеральные государственные гражданские служащие Вооруженных Сил Российской Федерации; 6.6) сотрудники органов внешней разведки Российской Федерации; 6.7) сотрудники федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, военнослужащие спасательных воинских формирований и федеральные государственные гражданские служащие федерального органа исполнительной власти в области предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий; 7) сотрудники органов федеральной службы безопасности; 8.2) сотрудники Следственного комитета Российской Федерации; 9) сотрудни-

ки и федеральные государственные гражданские служащие органов принудительного исполнения Российской Федерации; 10) работники контрольных органов Президента Российской Федерации, осуществляющие контроль за исполнением законов и иных нормативных правовых актов, выявление и пресечение правонарушений; 11) сотрудники органов государственной охраны; 12) работники таможенных и налоговых органов, антимонопольных органов, федеральных органов государственного контроля, Федеральной службы по финансовому мониторингу, Счетной палаты Российской Федерации, а также иные категории государственных и муниципальных служащих по перечню, устанавливаемому Правительством Российской Федерации; 13) близкие лиц, перечисленных в пунктах 1–12 части первой настоящей статьи; 14) граждане Российской Федерации, уволенные со службы (работы) в органах внутренних дел Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны, в отношении которых осуществлялась государственная защита в соответствии с настоящим Федеральным законом при наличии сохраняющейся угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество указанных лиц.

Исходя из указанного, все перечисленные лица могут быть отнесены к пострадавшим при вооруженном посягательстве на них в процессе массовых беспорядков или при оказании им сопротивления в ходе пресечения таких беспорядков.

Один из неразрешенных вопросов – следует ли считать представителем власти военнослужащего, выполняющего законную деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в ходе массовых беспорядков? Полагаем, что да, поскольку указанный выше Федеральный закон включает в число представителей власти и контролирующих органов военнослужащих, а также федеральных государственных гражданских служащих Вооруженных Сил Российской Федерации.

Однако анализ ст. 317 УК РФ указывает на то, что военнослужащий, осуществляющий охрану общественного порядка и безопасности, не входит в состав правоохранительных органов, выступая самостоятельно.

Вместе с тем из смысла практической деятельности военнослужащих по охране общественного порядка и общественной безопасности, в том числе и при массовых беспорядках, их следует относить к органам власти, однако в примечании к ст. 318 УК РФ они не упоминаются, поэтому посягательство на данных лиц в ходе массовых беспорядков, видимо, надо дополнительно квалифицировать по ст. 317, 318 УК РФ и т. д.

Думается, что эту противоречивую ситуацию следует устранить, внося изменение в примечание к ст. 318 УК РФ, указав в нем и военнослужащих, охраняющих правопорядок.

Также выделим проблему вооруженного сопротивления гражданам, участвующим в охране общественного порядка в ходе массовых беспорядков. Участие

в таких мероприятиях регламентируется Федеральным законом от 22.04.2014 № 44 «Об участии граждан в охране общественного порядка». Граждане имеют право участвовать в мероприятиях по охране общественного порядка по приглашению полиции и иных правоохранительных органов в качестве внештатных сотрудников полиции, народных дружинников, в составе общественных объединений правоохранительной направленности.

Все эти лица должны пользоваться дополнительной защитой, если в ходе массовых беспорядков в отношении них были применены деяния, указанные в ч. 1 ст. 212 УК РФ. Логика диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ требует всех перечисленных лиц, участвующих в охране общественного порядка и обеспечении безопасности, защищать уголовно-правовыми мерами наравне с представителями власти в случае посягательства на них в ходе массовых беспорядков.

Организация массовых беспорядков может выражаться в планировании действий, составляющих уголовно наказуемые массовые беспорядки, подбор людей для участия в преступлении, распределение между ними обязанностей, приискание орудий и средств для его совершения, руководство действиями участников во время массовых беспорядков. Причем организаторы могут вовлекать участников в уже начавшиеся противоправные действия. Организатор может как заранее планировать и готовить массовые беспорядки, так и внезапно начать организовывать и руководить ими.

Так, приговором Верховного Суда Республики Хакасия в г. Абакане 5 сентября 2017 г. по ч. 1 ст. 212 УК РФ был осужден Т., организовавший совместно с другими лицами массовые беспорядки в учреждении уголовно-исполнительной системы, сопровождавшиеся погромами, поджогами, уничтожением имущества.

24 июля 2016 г. с 12 до 22 ч, находясь в помещении отряда ИК-35, Т. и лица № 1, № 2, стремясь обеспечить массовый характер планируемых ими беспорядков, встретились с осужденными – лицами № 3, 4, 5, 6, 7, 8, которым сообщили о своих преступных намерениях организовать на территории ИК-35 массовые беспорядки среди осужденных с целью нарушения (дестабилизации) установленного порядка отбывания наказания, оказания давления на руководство ИК-35 и УФСИН России для ослабления условий режима отбывания наказания, предложив принять участие в данных беспорядках в качестве их организаторов, на что они согласились, в результате чего вступили с Т., лицами № 1 и № 2 в предварительный сговор на совершение массовых беспорядков.

В целях воспрепятствования законным действиям сотрудников ИК-35 по блокированию массовых беспорядков Т. и лица № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 договорились сразу после их начала вывести из строя систему видеонаблюдения, забаррикадировать входы, выходы и оконные проемы жилых помещений, а также организовать совершение аналогичных действий осужденными отрядами № 2–4, о чем их должно было предупредить лицо № 5. После этого лица № 3, 4, 6, 7 должны были принять участие в переговорах с пред-

ставителями администрации ИК-35, УФСИН России, в ходе которых от имени осужденных, участвующих в массовых беспорядках, выдвинуть требования об ослаблении условий режима отбывания наказания. 24 июля 2016 г. около 22 ч 5 мин. подготовленные массовые беспорядки начались. При этом Т. путем погрома и поджога причинил исправительному учреждению имущественный ущерб на общую сумму 5069,80 руб. Кроме того, в указанный период времени Т. баррикадировал при помощи подручных средств (кровати, тумбочки, табуреты) оконные проемы, входы и выходы из отряда, а также руководил действиями других осужденных, участвовавших в массовых беспорядках, призывал баррикадировать окна и двери, давал указания следить из окон за сотрудниками УФСИН России, призывал к совершению массового самоубийства в случае попытки подавления их противоправных действий, для чего раздавал осужденным лезвия [4]. Указанные действия продолжались вплоть до 5 ч 30 мин 25 июня 2016 г., когда массовые беспорядки были пресечены. Таким образом, Т. заранее осуществил подготовку массовых беспорядков, в процессе их осуществления вносил коррективы в план и руководство.

Динамично развивающиеся массовые беспорядки могут выйти за пределы предполагаемых организатором действий участников. Деяния организатора могут служить пусковым механизмом к действию массы соучастников, которые в дальнейшем развиваются спонтанно. Однако за организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, уничтожением имущества, погромами и т. д., лицо, их организовавшее или руководившее ими, должно нести полную ответственность, поскольку его умысел был направлен на организацию массовых беспорядков.

В соответствии с ч. 1 ст. 212 УК РФ уголовной ответственности подлежит также и лицо, подготовившее организатора массовых беспорядков, сопровождавшихся указанными в законе действиями, а также лицо, подготовившее участников уголовно наказуемых массовых беспорядков.

Необходимо подчеркнуть, что как оконченные следует квалифицировать деяния организатора уже после того, как массовые беспорядки состоялись. В случае предотвращения правоохранительными или иными органами массовых беспорядков факт их организации либо подготовки организатора либо участника, в случае предупреждения, не может считаться оконченным составом преступления. Полагаем, что в подобной ситуации необходима квалификация этих деяний как приготовление к рассматриваемому составу.

Вызывает сомнение целесообразность введения законодателем в 2016 году ч. 1¹ ст. 212 УК РФ, так как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием и другими деяниями, указанными в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ, представляют собой не что иное, как подстрекательство к совершению преступления (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Поэтому в случае наличия подстрекательства к совершению массовых беспорядков деяние виновного следует квалифицировать

по ч. 4 ст. 33 и ч. 1 или 2 ст. 212 УК РФ. В связи с этим следует согласиться с мнением С. К. Кудашкина о необходимости исключения ч. 1¹ ст. 212 УК РФ [2, с. 104].

Место совершения массовых беспорядков может быть любым. Существует мнение о том, что в большинстве случаев это общественные места: парки, улицы, площади [9, с. 44]. С данным утверждением трудно согласиться, поскольку проведенное нами выборочное исследование приговоров приводит к выводу, что чаще всего массовые беспорядки происходят в местах лишения или ограничения свободы.

Например, 05.06.2019 приговором Кольского районного суда Мурманской области по ч. 2 ст. 212 УК РФ П. был осужден за то, что «он, отбывая наказание в виде лишения свободы, находясь на территории третьего локального участка Мурманского УФСИН России, решил принять активное участие в массовых беспорядках, проходивших на территории исправительного учреждения, выражая протест и общее недовольство порядком и условиями отбывания наказания. Преследуя личные интересы и противопоставляя их интересам общества и государства... непосредственно принял участие в массовых беспорядках, сопровождавшихся погромами и уничтожением имущества, а именно, П., разбив остекление окна... повредил в кабинете мебель и предметы, а также дверной блок с наличником, электрофурнитуру... чем привел помещение в состояние, непригодное для дальнейшего использования. Обломки поврежденного имущества выбрасывал на улицу через разбитое окно, где другие осужденные развели костер и сжигали поврежденное имущество. В результате умышленных преступных действий П.... уничтожено и повреждено имущество, принадлежавшее Мурманскому УФСИН России... на общую сумму 12 531 рубль, а также была нарушена нормальная деятельность исправительного учреждения» [6].

Следует согласиться с тем, что «беспорядки и массовые акции осужденных в пенитенциарных учреждениях часто обусловлены организационно-управленческими недостатками, среди которых некомпетентность персонала или неэффективная организация условий и режима отбывания наказания» [7, с. 79]. К этому еще можно добавить, что сама по себе концентрация в одном месте лиц с криминальными наклонностями, зачастую настроенных негативно к требованиям дисциплины и режима, способствует криминальным взрывам в виде массовых беспорядков.

Квалифицируя участие в массовых беспорядках, необходимо всесторонне изучить конкретные деяния каждого участника преступления. Только присутствие в толпе еще не образует состава участия в уголовно наказуемых массовых беспорядках. Уголовная ответственность наступает лишь в отношении тех, кто совершил насилие, либо уничтожение имущества, либо поджог, либо участвовал в погроме, либо оказал вооруженное сопротивление представителю власти.

Уголовная ответственность по ч. 2 ст. 212 УК РФ за участие в массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных

устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, а равно за подготовку лица для организации массовых беспорядков или участия в них, наступает с 14-летнего возраста (ст. 20 УК РФ), а за все остальные составы, содержащиеся в ст. 212 УК РФ, – с 16 лет. Перечень составов преступлений, за которые наступает уголовная ответственность с 14 лет, определяются законодателем исходя из возможности осознания несовершеннолетним в данном возрасте общественной опасности, противоправности и наказуемости подобных массовых беспорядков. Думается, что в 14-летнем возрасте сложно определить само понятие уголовно наказуемых массовых беспорядков. Конструкция состава, предложенная законодателем, оставляет много вопросов. Иногда даже у специалистов нет единого мнения по многим квалифицирующим признакам в силу размытости законодательных формулировок и неоднозначности толкования норм. По-видимому, разобравшись в этом подростку еще сложнее. В этой связи считаем, что необходимо повысить возрастной порог и установить общий возраст уголовной ответственности за совершение массовых беспорядков с 16 лет, а с 14 лет привлекать к уголовной ответственности подростков только за совершение в ходе массовых беспорядков конкретных преступлений, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Субъективная сторона организации уголовно наказуемых массовых беспорядков представляет собой вину в форме умысла. Ряд правоведов считает, что умысел может быть в основном только прямым, хотя исследователями допускается и совершение указанных массовых беспорядков с косвенным умыслом. При совершении данных преступлений обязательным факультативным признаком выступает мотив, который реализуется путем стремления нарушить общественный порядок [8, с. 19; 4, с. 4].

Следует признать, что организация массовых беспорядков может осуществляться как с прямым, так и с косвенным умыслом, поскольку организатор далеко не всегда в состоянии предвидеть и контролировать все действия участников массовых беспорядков. Особенность массовых беспорядков в том и состоит, что после их начала участники нередко действуют спонтанно и какого-то четкого плана не придерживаются. Однако организатор все же должен нести ответственность за все деяния участников, поскольку в целом именно массовые беспорядки входили в его планы, поэтому вина организатора возможна как в форме прямого, так и косвенного умысла.

Позиция тех, кто считает, что организация массовых беспорядков может быть только с прямым умыслом, представляется неверной. Организатор не может заранее спланировать все последствия массовых беспорядков, но может предполагать их наступление или относиться к ним безразлично, что не умаляет его вины. Сама формулировка диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ о массовых беспорядках, сопровождавшихся (не сопровождавшихся), говорит об оценке вины организатора после свершившихся событий, что как

раз и подчеркивает возможность косвенного умысла. Данные деяния не зря связываются с термином «беспорядок», что подчеркивает стихийное начало, толчок к которому и общее руководство которым осуществляет организатор.

Дополнительной квалификации в период массовых беспорядков требует совершение иных противоправных действий, не указанных в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ, например кражи. Вместе с тем трудно согласиться и с точкой зрения И. Ю. Коноваловой, что в деяния участников массовых беспорядков, сопряженных с насилием, не входят и требуют дополнительной квалификации убийства, изнасилования, разбоя, грабежи и т. п. [10, с. 240].

К сожалению, законодатель не конкретизировал, какие именно действия охватываются понятием «насилие», которое содержится в ч. 1 ст. 212 УК РФ, что дает основания произвольно считать любые насильственные действия либо включенными, либо не включенными в объективную сторону массовых беспорядков, что создает трудности при квалификации данного преступления. Полагаем, что соответствующие изменения необходимо внести в формулировку ч. 1 ст. 212 УК РФ. На наш взгляд, до внесения уточнений в закон для правильной квалификации деяния следует тщательно устанавливать субъективную сторону преступления: в случае осознания лицом, что насильственные действия он совершает в рамках участия в массовых беспорядках, преступление должно квалифицироваться только по соответствующей части ст. 212 УК РФ.

Однако если насильственные и иные преступления совершены в период массовых беспорядков, но не в связи с ними, такие преступления квалифицируются только по соответствующим составам без дополнительной квалификации по ст. 212 УК РФ.

В ч. 3 ст. 212 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за призывы к массовым беспорядкам, сопровождавшимся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества и другими деяниями, перечисленными в ч. 1 ст. 212 УК РФ либо к участию в них. Призывы могут осуществляться в любой форме (устной, письменной, жестами) и должны подталкивать людей к совершению уголовно наказуемых массовых беспорядков. С точки зрения законодателя, ответственность за призывы должна наступать только после того, как массовые беспорядки, сопровождавшиеся перечисленными деяниями, будут совершены, что говорит об оконченном деянии. В связи с этим мы не можем согласиться с И. Ю. Коноваловой в том, что исследуемые призывы следует считать оконченными с момента осуществления таких обращений вне зависимости от того, удалось или не удалось побудить людей к совершению таких действий [10, с. 240].

Прослеживается дискуссионность мнений о моменте окончания подстрекательства. Не только в науке, но и в правоприменительной практике нет единого подхода. Так, например, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 01.02.2011 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности

уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъяснил, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК РФ.

Наряду с этим в Пленуме Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ) может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т. п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие. При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог.

Таким образом, по ст. 150 и 151 УК РФ подстрекательство считается оконченным только после совершения либо начала совершения преступления, а по ст. 230 УК РФ для признания преступления оконченным достаточно только самого факта склонения в любом виде безотносительно к тому, начал ли склоняемый потреблять наркотические или иные средства.

Что касается призывов к совершению исследуемого состава преступления, полагаем, что нужно исходить из следующего. Фактически призывы представляют собой подстрекательство к совершению преступления, если другое лицо было склонено к такому путем уговоров, подкупа, угрозы или другим способом (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Подстрекательство считается оконченным в момент получения согласия исполнителя или исполнителей, независимо от того, совершил ли подстрекаемый преступление или нет. Редакции же ч. 1, 3 ст. 212 УК РФ свидетельствуют, что в данном случае призывы будут являться уголовно наказуемыми лишь после того, как подстрекаемые совершили деяния, влекущие ответственность за массовые беспорядки.

В частности, Клиновский городской суд Брянской области 11.03.2015 осудил по ч. 2, ч. 3 ст. 212 УК РФ О., который, находясь в расположении отряда № ФКУ ИК-6 УФСИН России, действуя в составе группы лиц, совместно с осужденными отряда № 3, грубо нарушая общественный порядок и общественную безопасность, демонстрируя явное неуважение к обществу, в связи с недовольством к группе положительно зарекомендовавших себя осужденных, с целью участия в массовых беспорядках, разбивал стекла в окнах отряда № 3, ломал кровати и табуреты и выбра-

сывал мебель из оконных проемов отряда № 3. Кроме того, в ходе участия в массовых беспорядках О. с целью вовлечения к участию в массовых беспорядках иных осужденных, осознавая, что своими действиями совершает общественно опасное деяние, которое может парализовать нормальное функционирование и работу исправительного учреждения, обеспечивающего изоляцию осужденных от общества, и может нанести имущественный ущерб, из окна отряда № 3 громкими выкриками: «Дайте поддержку, поддержите нас!» призывал осужденных отрядов № 2, 5, 6, 8, 9, не принимавших участие в массовых беспорядках, к участию в них.

В ходе массовых беспорядков действиями О. совместно с иными лицами совершены погромы, в результате чего уничтожено, приведено в полную негодность имущество ФКУ ИК-6 УФСИН России на общую сумму 588 412 руб. 68 коп. [11].

Конкретизируя уголовную ответственность, когда речь идет о массовых беспорядках, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, законодатель использует причастие «сопровождавшихся», тем самым показывая, что квалифицировать любые деяния, с этим связанные, можно только после совершения этих деяний. Если бы законодатель употребил выражение «массовые беспорядки, сопровождающиеся...», то это означало бы, что определенные действия должны были осуществляться в момент призыва к ним. Однако установить, были ли они в действительности совершены определенными лицами, можно только после окончания деяния. Следовательно, и конкретная квалификация массовых беспорядков также возможна уже после их совершения.

Отдельно следует остановиться на предусмотренной ч. 3 ст. 212 УК РФ уголовной ответственности за призывы к насилию над гражданами. Данное положение не вписывается в общую схему ответственности за массовые беспорядки, поскольку они включают в себя деяния, уже сопровождавшиеся насилием, а призывы просто к насилию над гражданами вообще не имеют отношения к массовым беспорядкам и их нецелесообразно помещать в ст. 212 УК РФ. Если речь идет о призывах к любым насильственным действиям, в том числе и по отношению к гражданам в ходе массовых беспорядков, то это охватывается диспозицией ч. 3 ст. 212 УК РФ. Считаем, что призывы к насилию над гражданами необходимо исключить из диспозиции как избыточные и не относящиеся к данному составу преступления.

Часть 4 ст. 212 УК РФ предусматривает ответственность за прохождение лицом обучения, заведомо для него проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них. В диспозиции указанной нормы перечислены навыки и умения, приобретение которых заведомо в целях организации массовых беспорядков или участия в них влечет уголовную ответственность. Этот перечень не явля-

ется исчерпывающим. Приобретение иных навыков и умений, кроме перечисленных, в целях совершения массовых беспорядков также должно влечь уголовную ответственность. Определение иных навыков и умений относится к оценочным категориям и отдано на усмотрение правоприменителя.

Сравнительный анализ санкции ч. 4 ст. 212 УК РФ с иными санкциями указывает на некоторый диссонанс. Обнаруживается несоответствие принципу справедливости: наказание за прохождение обучения в виде лишения свободы – от 5 до 10 лет, за подстрекательство к массовым беспорядкам по ч. 1¹ ст. 212 УК РФ – от 5 до 10 лет, участие в уголовно наказуемых массовых беспорядках по ч. 2 ст. 212 УК РФ – от 3 до 8 лет.

Возможно, норму об обучении следует выделить в отдельную статью по аналогии со ст. 205³ УК РФ, так же как и ст. 205² УК РФ, определив их санкции корреляционно с деяниями по организации массовых беспорядков или участию в них.

Законодатель допускает компромисс в целях предотвращения прохождения лицом обучения заведомо для него в целях организации уголовно наказуемых массовых беспорядков или в целях участия в них. Примечание к ст. 212 УК РФ предусматривает освобождение от уголовной ответственности лиц, проходящих или проходивших такое обучение, если лицо сообщило органам власти о его прохождении и активно способствовало выявлению лиц, также проходивших обучение, финансирующих обучение, сообщило о местах обучения и иные, указанные в законе сведения. При выполнении обоих условий в совокупности лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности.

Иными словами, лицо должно не только сообщить властям о прохождении им обучения, но и обязательно еще регламентированным в уголовном законодательстве образом активно способствовать выявлению лиц, так или иначе задействованных в исследуемом преступлении.

Результаты

Полагаем, что под применением оружия и иных используемых в таком качестве объектов при массовых беспорядках нельзя признавать их демонстрацию, использование для устрашения и т. п. Факт применения оружия в ходе массовых беспорядков следует вменять лишь в случае его использования по назначению.

Оказание вооруженного сопротивления представителям власти в ходе массовых беспорядков не требует дополнительной квалификации по ст. 318 УК РФ.

Внесены предложения по определению круга лиц, которых следует относить к представителям власти и к иным должностным лицам, наделенным в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, а также к гражданам, участвующим в охране общественного порядка, применительно к квалификации массовых беспорядков.

Исследован вопрос о моменте окончания преступления в виде организации массовых беспорядков. При этом предлагается считать таким моментом совершение организуемых массовых беспорядков.

Непосредственное участие в массовых беспорядках необходимо отличать от простого пассивного присутствия в месте совершения массовых беспорядков, не образующего состав исследуемого преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Багмет А. М. Криминология уголовного закона: проблемы правового регулирования массовых беспорядков как вида насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 76–84.
2. Кудашкин С. К. К вопросу об объективных признаках составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 212 УК РФ // Вестник Московского ун-та МВД России. 2019. № 3. С. 101–106.
3. Вдовиченко К. Г. Актуальные вопросы квалификации массовых беспорядков // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 153–155.
4. Приговор Верховного Суда Республики Хакасии № 2-5/2017 от 05.09.2017 по делу № 2-5/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oT7NsigCBnVh/> (дата обращения: 01.02.2024).
5. Павлов В. Г. Объективная сторона массовых беспорядков // Царскосельские чтения. 2014. XVIII. С. 41–44.
6. Приговор Кольского районного суда Мурманской области № 1-81/2019 от 05.06.2019 по делу № 1-81/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JSsfMF1IXs1h/> (дата обращения: 01.02.2024).
7. Кумышева М. К. К вопросу о массовости в уголовно-правовой характеристике массовых беспорядков // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 79–81.
8. Новиков А. В. Преступления против общественного порядка, сопряженные с посягательством на собственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 25 с.
9. Векленко С. В., Якунин А. И. Особенности субъективной стороны массовых беспорядков // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 3. С. 4–11.
10. Коновалова И. Ю. Массовые беспорядки. Социально-психологические и уголовно-правовые аспекты // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, кн. 6. С. 238–241.
11. Приговор Клиновского городского суда Брянской области № 1-70/2015 от 11.03.2015 по делу № 1-70/2015. URL: <https://actofact.ru/case-32RS0015-1-70-2015-2015-02-16-2-0/> (дата обращения: 01.02.2024).

REFERENCES

1. Bagmet A.M. Criminal law criminology: problems of legal control of riots as a type of violent criminality. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 1, pp. 76–84. (In Russ.).

2. Kudashkin S.K. On the issue of objective signs of corpus delicti for which responsibility is provided for by Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo un-ta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3, pp. 101–106. (In Russ.).
3. Vdovichenko K.G. Actual issues of qualification of mass riots. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2014, no. 4 (50), pp. 153–155. (In Russ.).
4. *Prigovor Verkhovnogo Suda Respubliki Khakasii No. 2-5/2017 ot 05.09.2017 po delu No. 2-5/2017* [Verdict of the Supreme Court of the Republic of Khakassia No. 2-5/2017 of September 5, 2017 in case No. 2-5/2017]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/oT7NsigCBnVH/> (accessed February 1, 2024).
5. Pavlov V.G. The objective side of mass riots. In: *Tsarskosel'skie chteniya* [Tsarskoye Selo readings]. 2014. No. 18. Pp. 41–44. (In Russ.).
6. *Prigovor Kol'skogo raionnogo suda Murmanskoi oblasti No. 1-81/2019 ot 05.06.2019 po delu No. 1-81/2019* [Verdict of the Kola District Court of the Murmansk region No. 1-81/2019 of June 05, 2019 in case No. 1-81/2019]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/JSsfMF1IXs1h/> (accessed February 1, 2024).
7. Kumysheva M.K. On the question of mass characterization in the criminal law characteristics of mass riots. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 3, pp. 79–81. (In Russ.).
8. Novikov A.V. *Prestupleniya protiv obshchestvennogo poriyadka, sopryazhennyye s posyagatel'stvom na sobstvennost': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Crimes against public order involving encroachment on property: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saratov, 2009. 25 p.
9. Veklenko S.V., Yakunin A.I. Features of the subjective side of mass riots. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 3, pp. 4–11. (In Russ.).
10. Konovalova I.Yu. Mass riots. Socio-psychological and criminal-legal aspects. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific Notes of Kazan State University. Series: Humanities*, 2007, vol. 149, no. 6, pp. 238–241. (In Russ.).
11. *Prigovor Klintsovskogo gorodskogo suda Bryanskoi oblasti No. 1- 70/2015 ot 11.03.2015 po delu No. 1-70/2015* [Verdict of the Klintsovsky City Court of the Bryansk region No. 1- 70/2015 of March 11, 2015 in case No. 1-70/2015]. Available at: <https://actofact.ru/case-32RS0015-1-70-2015-2015-02-16-2-0/> (accessed February 1, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕЛЕНА БОРИСОВНА КУРГУЗКИНА – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА ВЛАСОВА – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Москва, Россия, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

ELENA B. KURGUZKINA – Doctor of Sciences (Law), professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

NATAL'YA A. VLASOVA – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Статья поступила 15.06.2024

Научная статья

УДК 343.83

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.005

Гуманизм в процессе назначения и исполнения наказаний в отношении женщин

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУНЦНаучно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>**ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАТЫШЕВА**Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,
mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Реферат

Введение: одним из приоритетных направлений современной уголовной и уголовно-исполнительной политики является гуманизация назначения и исполнения наказания. Наличие даже самого гуманного, справедливого законодательства еще не приводит к желаемой цели. В свою очередь, это обязывает рассматривать законодательство как неотъемлемый элемент уголовной политики, которая должна своевременно реагировать на происходящие изменения в социуме, учитывать современные реалии и тенденции. *Целью* исследования является определение системности гуманизации назначения наказаний и его исполнения, взаимосвязи санкций, закрепленных в отечественном уголовном законодательстве, с эффективностью уголовно-правового реагирования государства на преступления, совершаемые женщинами, в том числе имеющими малолетних детей. *Методы:* историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, дескриптивный, статистический методы и метод правового моделирования. *Результаты* исследования подтверждают необходимость формулирования стратегии гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства о борьбе с преступлениями, совершаемыми женщинами. *Выводы:* при выборе мер процессуального принуждения и уголовного наказания следует учитывать данные, относящиеся к характеристике личности (возраст, состояние здоровья, род занятий, семейное положение, наличие малолетних детей, лиц, находящихся на иждивении, и другие индивидуальные обстоятельства).

Ключевые слова: гуманизм; исполнение наказания; личность женщины; наказание; уголовная политика; уголовно-исполнительная политика.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кунц Е. В., Латышева Л. А. Гуманизм в процессе назначения и исполнения наказаний в отношении женщин // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 385–390. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.005.

Original article

Humanizing Imposition and Enforcement of Sentences on Women

ELENA V. KUNTS Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>**LYUDMILA A. LATYSHEVA**Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

© Кунц Е. В., Латышева Л. А., 2024

Abstract

Introduction: humanization of assignment and execution of punishment is one of the priority vectors of modern criminal and penal policy. The existence of even the most humane and just legislation does not yet lead to the desired goal. In turn, this obliges to consider legislation as an integral element of criminal policy, which should timely respond to the ongoing changes in society, taking into account modern realities and trends. *Purpose:* to determine consistency of humanization of sentencing and its implementation, relationship between sanctions enshrined in domestic criminal legislation and effectiveness of the state's criminal legal response to crimes committed by women, as well as women with young children. *Methods:* historical-legal, formal-legal, comparative-legal, descriptive, statistical methods and the method of legal modeling. The *results* of the study confirm the need to formulate a strategy for the humanization of criminal and penal legislation on combating crimes committed by women. *Conclusion:* when choosing measures of procedural coercion and criminal punishment, it is necessary to take into account the data related to the characteristic of a woman, her age, state of health, occupation, marital status, presence of minor children, dependents and other individual circumstances.

Key words: humanism; enforcement of punishment; women's identity; punishment; criminal policy; penal policy

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kunts E.V., Latysheva L.A. Humanizing imposition and enforcement of sentences on women. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 385–390. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.005.

Введение

Гуманизм проявляется не только в сущности отечественного права, его юридической природе, принципах, но и в том, как оно практически осуществляется, в каких формах, с помощью каких методов. В этой связи в настоящее время отдельные институты отечественного уголовного и уголовно-исполнительного права перестали носить исключительно репрессивный характер, в большей степени усилены воспитательным и исправительным потенциалом. Подобное положение дел обусловлено демократизацией и глобализацией общества, приоритетом свободы при избрании меры пресечения и назначения уголовного наказания, как следствие, признанием прав и свобод высшей ценностью.

Следует согласиться с позицией М. Р. Баласанова, который отмечает, что актуальность того или иного правового феномена обусловлена различными факторами: социально-экономическими, политическими условиями жизни общества и существования государства [1, с. 187].

Следовательно, гуманизация при назначении и исполнении уголовных наказаний обязывает законодателей и правоприменителей учитывать особенности и специфические потребности граждан, прежде всего женщин.

В этой связи формирование отечественного законодательства, практики его применения должно быть не только гендерным, позволяющим учитывать особенности полов, но и гендерно-чувствительным, реагирующим на специфические особенности и потребности конкретного лица, совершившего преступление. Гендерная чувствительность представляет собой подход, учитывающий специфические социальные, культурные, экономические и политические контексты жизнедеятельности женщин и мужчин [2, с. 14].

С учетом этого стратегия гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, направленная на борьбу с женской преступностью, должна основываться на ограничении случаев за-

ключения под стражу женщин, совершивших насильственные преступления, имеющих малолетних детей, и подозреваемых с тяжелыми заболеваниями.

В свете реформирования уголовно-исполнительной системы пристальное внимание ученых обращено на вопросы гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. В настоящее время отдельные аспекты гуманизации в процессе назначения и исполнения наказаний в отношении женщин затрагиваются в трудах Д. Ю. Алексева, С. Э. Апатова, И. В. Ветровой, В. Ю. Голубовского, Н. А. Ивановой, Е. В. Кунц, Л. А. Латышевой, Н. И. Полищука, Т. Н. Радочиной, В. И. Селиверстова, Ю. П. Сивельщикова.

Основная часть

Определенные проявления гуманизации исполнения наказания в отношении женщин отмечаются на протяжении всей истории российского государства. В современном периоде деятельность уголовно-исполнительной системы направлена на усовершенствование института условно-досрочного освобождения, предоставления дополнительных свиданий и выездов в отношении женщин, имеющих малолетних детей.

В свою очередь, одним из основных направлений развития уголовно-исполнительной системы в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. указывается совершенствование уголовно-исполнительной политики в целях ее гуманизации, включая нормативно-правовое регулирование. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации одобрен в первом чтении законопроект об ограничении ареста в отношении отдельных категорий граждан, в частности женщин, обвиняемых в совершении преступлений небольшой тяжести [3].

Федеральным законом от 12.12.2023 № 591-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» предусмотрены преобразования, направленные на гуманизацию уголовного законодательства в отношении женщин, отбывающих на-

казание в виде лишения свободы за совершение преступления небольшой тяжести и имеющих детей, которые находятся в доме ребенка исправительного учреждения.

Однако судебная практика подтверждает, что одним из наиболее часто назначаемых женщинам видов наказаний продолжает оставаться лишение свободы. Так, в 2023 г. лишение свободы на определенный срок было назначено 15 760 женщинам. Вместе с тем к иным видам наказаний, не предусматривающим изоляцию от общества (ограничение свободы, ограничение по военной службе, исправительные работы, обязательные работы, принудительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штраф), приговорено 40 042 женщины [4]. Отсюда следует вывод, что лишение свободы назначается почти 28 % осужденных, то есть фактически каждой третьей женщине. В данном случае обращают на себя внимание частота назначения данного вида наказания по сравнению с другими, а также сроки лишения свободы. Например, лишение свободы на срок до года назначено 3222 женщинам, а на срок от 5 до 8 лет – 2711 [5]. Очевидно, что разница не существенна.

Отдельные ученые, изучающие особенности распространения криминальной субкультуры среди женщин, установили, что тюремная субкультура не способствует совершенствованию исправительного воздействия, адаптации в условиях изоляции и ресоциализации после освобождения. В период отбывания наказания часть осужденных демонстрирует нормы поведения отрицательной направленности, которые существенно влияют на процесс исправления, ограничивают возможности сотрудничества в развитии открытых конструктивных отношений между сотрудниками и осужденными [5, с. 349].

Условия изоляции могут негативно сказываться на рассматриваемой категории граждан, в частности, у них затруднительно проходит и процесс адаптации к местам лишения свободы. Например, у осужденных женщин чаще возникают стрессовые состояния, болезненное переживание отрыва от семьи [6, с. 107], тяжелое переживание разводов и неустроенности личной жизни [7, с. 32].

Что же касается наказаний, не связанных с изоляцией от общества, то данный спектр расширяется, однако и здесь имеет место ряд сложностей при реализации. Например, одними из последних изменений, дополняющих уголовное законодательство, было включение такого вида наказания, как принудительные работы. Поскольку данный вид наказания относительно новый, практика его назначения и исполнения не наработана должным образом, в этой связи имеются отдельные проблемные моменты. Принудительные работы не назначаются беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет (ч. 7 ст. 53.1 УК РФ). Следовательно, осужденной, имеющей ребенка в возрасте от трех лет, может быть назначено уголовное наказание в виде принудительных работ. Таким образом, невозможно избежать отрыва матери от ребенка, что, в свою очередь, может негативно сказаться на ресоциализации осужденной женщины и психологическом самочувствии ее детей.

Дома ребенка, в отличие от исправительных учреждений, в исправительных центрах не предусмотрены. При этом реализовать право на проживание с ребенком, тесное общение может не каждая осужденная, так как, согласно ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ, проживать с семьей на арендованной или собственной жилой площади в пределах муниципального образования, на территории которого расположен исправительный центр, может только осужденный, не допускающий нарушений правил внутреннего распорядка исправительных центров и отбывший не менее одной трети срока наказания [8, с. 45].

Следует отметить, что существующая система уголовных наказаний, применяемых к женщинам, не всегда эффективна в контексте достижения целей наказания. Это касается в том числе и наказаний, не предусматривающих изоляцию от общества. Об этом свидетельствуют данные рецидивной преступности женщин.

При относительно небольшой разнице численности мужчин (46,5 %) и женщин (53,5 %) в России [9] доля женщин в общей структуре преступности составляет лишь 16,3 % [10], а доля осужденных женщин, отбывающих лишение свободы, – всего 8,8 % [12]. При этом доля женщин среди повторно отбывающих лишение свободы еще меньше и составляет 5,7 % (мужчин – 94,3 %) [11].

Указанные положения обуславливают необходимость обновления уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в отношении женщин, а также совершенствование практики его реализации, поиск и внедрение новых вариантов видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера, позволяющих реализовать дифференцированный и индивидуализированный подход. Важно понимать, что можно оказать воздействие на женщин, не прибегая к карательным мерам и не назначая суровые виды наказаний, в рамках предупреждения повторной преступности. Речь идет, например, о назначении женщинам наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и применении иных мер уголовно-правового характера за совершение ненасильственных преступлений различных категорий.

Несмотря на то что женщина совершила преступление, она продолжает оставаться женщиной с присущими ей характеристиками, особенностями, потребностями и проблемами, которые, несомненно, должны учитываться при привлечении ее к уголовной ответственности, что, в свою очередь, должно найти отражение в размерах и сроках наказаний, выборе вида исправительного учреждения для отбывания лишения свободы и других аспектах. Законодатель предпринимает попытки дифференцировать и индивидуализировать уголовную ответственность женщин, но это не происходит в полном объеме. Например, для женщин, совершивших преступление, независимо от категории, за исключением преступлений небольшой и средней тяжести, рецидива предусмотрено отбывание наказания только в исправительной колонии общего режима.

Необходимо предусматривать дополнительные привилегии в отношении отдельных категорий осужденных женщин, в частности беременных и имеющих

малолетних детей. Репродуктивная функция женщины априори обуславливает ее особое льготное положение. Следует указать, что различия между полами, как подразумевает социокультурный подход, формируются обществом. Согласно концепции материнства Нэнси Чодороу девочки изначально готовятся к материнству [12]. Это должно быть учтено при формировании уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении женщин.

Женщина уже наказана тем, что отбывает назначенное судом наказание, но при этом целесообразно реализовывать имеющиеся у нее права и законные интересы. Например, в условиях пенитенциарного учреждения важно по возможности привлекать женщин не только к традиционно женским видам труда. Обращает на себя внимание тот факт, что основной вид производства в исправительных учреждениях – швейное [13, с. 42]. Это, в свою очередь, может затруднить возможность трудоустроиться после освобождения, поскольку на рынке труда востребованными становятся более узкие специальности, что диктуется развитием информационно-телекоммуникационных технологий, компьютеризацией процессов производства. Речь идет о различных областях, в том числе образовании, сельском хозяйстве, сфере услуг, финансов и т. д. Женщина в этом плане находится в несколько дискриминируемом положении.

Также следует отметить, что система наказаний и мер уголовно-правового характера, применяемых к женщинам, их реализация изначально должны предполагать гуманистические начала. Весьма интересно понятие гуманизации применительно к уголовно-исполнительной системе раскрывается в исследовании С. Э. Апатова. В частности, он указывает, что гуманизацию необходимо воспринимать как совокупность мер, которые должны способствовать изменению внутреннего содержания пенитенциарных учреждений [14]. Важно отметить, что успешная реабилитация осужденных в местах лишения свободы имеет особое значение в предупреждении рецидивной преступности [15].

В свою очередь, Е. В. Решетникова вводит понятие «социализация гуманизма», важным средством которой является межличностное взаимодействие и регулирование (очеловечивание) ближайшей социальной среды [16, с. 10].

Резюмируя, можно сказать, что сегодня назрела необходимость применения к женщинам, совершившим ненасильственные преступления, в исключительных случаях беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, наказаний, не связанных с изоляцией от общества, выбора возможных альтернатив, расширения перечня мер уголовно-правового характера, поиска принципиально новых. Как вариант, возможно провести аналогию с принудительными мерами воспитательного воздействия, применяемыми к несовершеннолетним.

Ю. П. Синельников указывает на использование ареста для достижения целей наказания, отмечая, что арест рассматривается как перспективное наказание и может стать действенным средством исправительного воздействия на женщин, поскольку пребывание

в течение нескольких месяцев в арестном доме исключает привыкание к условиям изоляции, позволяет сохранить социально полезные связи, привычки, привязанности, образ мышления, не провоцирует нервные болезни и отклонения в психике [17].

Научный и практический интерес представляет фрагментарное (прерываемое) заключение, которое подразумевает отбывание уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок небольшой и средней длительности по частям. Как отмечает А. Ф. Ковалев, в Бразилии осужденный выходные и праздничные дни проводит в специальном центре с применением образовательных и воспитательных мероприятий, причем длительность пребывания не может быть менее пяти часов [18, с. 687].

Целесообразно продумать возможные варианты расширения перечня оснований для освобождения осужденных женщин за преступления ненасильственного характера от уголовной ответственности и наказания, а также действенные механизмы совершенствования применения досрочного освобождения от отбывания наказания. Возможно в отношении отдельных категорий осужденных женщин, например отбывающих наказание за ненасильственные преступления, беременных, имеющих малолетних детей, продумать более облегченные варианты замены наказания на более мягкий вид. Как вариант предусмотреть дополнительные виды условий отбывания наказания в исправительных колониях общего режима, предназначенных для отбывания наказания женщинами.

Выводы

Успешное возвращение женщины в общество возможно при реализации индивидуального подхода при назначении и исполнении уголовных наказаний. Несомненно, должны быть учтены специфические потребности, особенности и характеристики каждой. В данном контексте речь идет о формировании гендерно чувствительного законодательства. Акцент в процессе ресоциализации должен быть сделан на значимых для осужденной сторонах. Следует принимать во внимание категорию преступления, степень его общественной опасности. Так, В. Р. Алексейцев предлагает сменить акценты в уголовном законодательстве в сторону смягчения наказаний за преступления, не связанные с угрозой жизни и здоровью человека [19]. В этой связи целесообразно по возможности назначать женщинам наказания, не связанные с изоляцией от общества, и применять иные меры уголовно-правового характера за совершение ненасильственных преступлений различных категорий. В перспективе следует продумать аналогию с принудительными мерами воспитательного воздействия, применяемыми к несовершеннолетним, внедрить в практику использование фрагментарного заключения, ареста как альтернативы лишению свободы.

Кроме этого, особого внимания требует проблема сохранения репродуктивной функции женщины, поскольку в большинство женщин в перспективе могут иметь детей. Семья, материнство являются важным криминогенным фактором для женщины. При этом семья и семейно-брачные отношения, занимающие важное место в жизни женщины, в последние годы

все в большей степени подвержены распаду или искажению [20].

Целесообразно установить правила, в соответствии с которыми женщина, имеющая малолетних детей, может быть заключена под стражу и в последующем ей может быть назначено наказание в виде лишения свободы только в связи с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступле-

ния. Сформулированные рекомендации связаны с дальнейшей гуманизацией уголовного и уголовно-исполнительного законодательства как основного средства реагирования на преступления, совершаемые женщинами. Они могут выступить основой для последующих перспективных научных направлений гуманизации отечественного законодательства в данном научном поиске.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баласанов М. Р. Условный характер применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания как путь совершенствования данного института уголовного права // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 187–195.
2. Крель В. К. Научно-теоретические основы и практико-ориентированная специфика гендерной чувствительности при подготовке и проведении массовых событийных мероприятий : магистер. дис. Минск, 2021. 75 с.
3. Депутаты поддержали законопроект Верховного суда о гуманизации Уголовно-процессуального кодекса. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6297285?ysclid=m2x84bv0bl222626404> (дата обращения: 20.06.2024).
4. Библиодосье. Законодательное обеспечение процесса гуманизации для женщин, находящихся в местах принудительного содержания : круглый стол Комитета Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства. М., 2024. 34 с.
5. Минстер М. В. Некоторые условия, способствующие совершению рецидива преступлений лиц женского пола // Человек: преступление и наказание. 2019. № 3. С. 343–351.
6. Радочина Т. Осужденные женщины в тюрьмах Англии // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 6. С. 103–108.
7. Кунц Е. В. Преступность среди женщин и ее предупреждение в современной России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 49 с.
8. Красильников М. С. Проблемы реализации принудительных работ и лишения свободы в колонии-поселении в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 39–46.
9. Численность населения Российской Федерации по полу на начало года. Статистика. Демография // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.07.2024).
10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–май 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/51988292/> (дата обращения: 24.07.2024).
11. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 24.07.2024).
12. Фирсова Е. М. Особенности гендерных различий // Молодой ученый. 2016. № 29 (133). С. 336–339.
13. Латышева Л. А. Ресоциализация женщин, осужденных к лишению свободы: отечественный и зарубежный опыт : моногр. Вологда, 2019. 121 с.
14. Апатов С. Э. Гуманизация наказаний в российском уголовном законодательстве и ее значение // Молодой ученый. 2023. № 33 (480). С. 20–22.
15. Amali S. E., Sibanyoni E. K., Tshivhase N. Incarceration for Reformation or Deformation? // International Journal of Criminology and Sociologi. 2021. Iss. 10. Pp. 562–571.
16. Решетникова Е. В. Сущность современного гуманизма и основные направления его социализации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 2005. 28 с.
17. Синельников Ю. П. Законодательное обеспечение процесса гуманизации для женщин, находящихся в местах лишения свободы // Коммунистическая партия Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/226629.html?ysclid=m2x8gfrfp9186234211> (дата обращения: 26.06.2024).
18. Ковалев А. Ф. Фрагментарное лишение свободы как инновационная альтернатива уголовному наказанию в виде лишения свободы на определенный срок // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 685–688.
19. Алексейцев В. Р. Движение за гуманизацию общества (тезисы). URL: https://razumru.ru/humanism/journal2/61_62/alekseitsev.htm (дата обращения: 15.07.2024).
20. Алексеев Д. Ю. Особенности причинного комплекса женской преступности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prichinnogo-kompleksa-zhenskoj-prestupnosti> (дата обращения: 15.07.2024).

REFERENCES

1. Balasanov M.R. Conditional nature of the application of the substitution of the unserved part of punishment with a milder penalty as a way to improve this criminal law institution. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 187–195. (In Russ.).
2. Krel' V.K. *Nauchno-teoreticheskie osnovy i praktiko-orientirovannaya spetsifika gendernoi chuvstvitel'nosti pri podgotovke i provedenii massovykh sobytiinykh meropriyatii: magister. dis.* [Scientific and theoretical foundations and practice-oriented specificity of gender sensitivity in the preparation and conduct of mass events: master's thesis]. Minsk, 2021. 75 p.
3. Deputies supported the draft law of the Supreme Court on the humanization of the Criminal Procedure Code. *Kommersant*: *ofitsial'nyi sait* [Kommersant: official website]. Available at: <https://www.kommersant.ru> (accessed June 20, 2024).
5. *Bibliodos'ye. Zakonodatel'noe obespechenie protsesssa gumanizatsii dlya zhenshchin, nakhodyashchikhsya v mestakh prinuditel'nogo sodержaniya): kruglyi stol komiteta Gosudarstvennoi Dumy po zashchite sem'i, voprosam ottsovstva, materinstva i detstva* [Legislative support of the humanization process for women in places of forced detention:

- round table of the State Duma Committee on Family Protection, Paternity, Motherhood and Childhood]. Moscow, 2024. 34 p.
5. Minster M.V. Some conditions conducive to the commission of recidivism of crimes by women. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2019, no. 3, pp. 343–351. (In Russ.).
6. Radochina T. Convicted women in prisons in England. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2013, no. 6, pp. 103–108. (In Russ.).
7. Kunts E.V. *Prestupnost' sredi zhenshchin i ee preduprezhdenie v sovremennoi Rossii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Crime among women and its prevention in modern Russia: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2006. 49 p.
8. Krasil'nikov M.S. Problems of the implementation of forced labor and imprisonment in a colony settlement in relation to pregnant women and women with young children. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2017, no. 3 (32), pp. 39–46. (In Russ.).
9. The population of the Russian Federation by gender at the beginning of the year. Statistics. Demographics. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: ofitsial'nyi sait* [Federal State Statistics Service: official website]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (In Russ.). (Accessed July 24, 2024).
10. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–mai 2024 goda* [A brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–May 2024]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/51988292/> (In Russ.). (Accessed July 24, 2024).
11. *Dannye sudebnoi statistiki* [Judicial statistics data]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (In Russ.). (Accessed July 24, 2024).
12. Firsova E.M. Features of gender differences. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2016, no. 29 (133), pp. 336–339. Available at: <https://moluch.ru/archive/133/37027/> (In Russ.). (Accessed July 12, 2024).
13. Latysheva L.A. *Resotsializatsiya zhenshchin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt: monogr.* [Resocialization of women sentenced to imprisonment: domestic and foreign experience: monograph]. Vologda, 2019. 121 p.
14. Apatov S.E. Humanization of punishments in Russian criminal legislation and its significance. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2023, no. 33 (480), pp. 20–22. Available at: <https://moluch.ru/archive/480/105526/> (In Russ.). (Accessed July 12, 2024).
15. Amali S.E., Sibanyoni E.K., Tshivhase N. Incarceration for reformation or deformation? *International Journal of Criminology and Sociology*, 2021, no. 10, pp. 562–571.
16. Reshetnikova E.V. *Sushchnost' sovremennogo gumanizma i osnovnye napravleniya ego sotsializatsii: avtoref. diss. ... kand. filosof. nauk* [The essence of modern humanism and key directions of its socialization: Candidate of Sciences (Philosophy) dissertation abstract]. Irkutsk, 2005. 28 p.
17. Sinel'shchikov Yu.P. Legislative support of the humanization process for women in prison. *Kommunisticheskaya partiya Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Communist Party of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://kprf.ru> (In Russ.). (Accessed June 26, 2024).
18. Kovalev A.F. Fragmented imprisonment as an innovative alternative to criminal punishment in the form of imprisonment for a certain period. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2021, no. 15, pp. 685–688. (In Russ.).
19. Alekseitsev V.R. Movement for the humanization of society (theses). *Zdravyy smysl = Common Sense*, 2011, no. 4 (61), 2012, no. 1 (62). Available at: https://razumru.ru/humanism/journal2/61_62/alekseitsev.htm (In Russ.). (Accessed June 15, 2024).
20. Alekseev D.Yu. Features of the causal complex of female crime. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, 2009. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prichinnogo-kompleksa-zhenskoy-prestupnosti> (In Russ.). (Accessed June 15, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА КУНЦ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности Центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАТЫШЕВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

ELENA V. KUNTS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Sentences Associated with Deprivation of Liberty and the Study of Penitentiary Crime of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penitentiary System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

LYUDMILA A. LATYSHEVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Статья поступила 05.08.2024

Научная статья

УДК 348.8

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.006

Категория «угроза» в теории и практике уголовно-исполнительного права

ВАЛЕРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БАКУЛИНКазанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, peltonen_87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1513-7355>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу содержания междисциплинарной категории «угроза», являющийся составным элементом методологии наук уголовно-правового комплекса. Понимая сложность разработки данного оценочного понятия, считаем, что отсутствие определения понятия «угроза» в отраслях криминального цикла скажется на эффективности правоприменительной и правотворческой деятельности. *Цель:* на основе исследования норм УИК РФ, содержащих термин «угроза», выработать предложения и рекомендации по повышению эффективности уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения и дать определение понятию «угроза» в уголовно-исполнительном праве. *Методы:* совокупность общенаучных (анализ, синтез, индукция и т. д.), частнонаучных и специальных методов (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический). *Результаты:* исследование правовой категории «угроза» в сфере исполнения уголовных наказаний позволило выделить следующие виды угроз: а) угроза жизни и здоровью в связи с заболеванием близкого родственника осужденного; б) угроза в отношении осужденных со стороны других осужденных, персонала и иных лиц; в) угрозы, которые создают непосредственно осужденные; г) угрозы в период введения режима особых условий. Выявлены объекты воздействия угроз и источники (субъекты) угроз в уголовно-исполнительной системе. Отмечено, что категория «угроза» проявляется в такой социальной реальности, как пенитенциарная преступность. *Выводы:* предложено ограничить правоприменительное усмотрение при обеспечении права на личную безопасность осужденных, содержащихся в исправительной колонии особого режима. Определены понятия «угроза» в уголовно-исполнительном праве, «пенитенциарная преступность», а также в свете последних изменений, внесенных в ст. 85 УИК РФ, понятия «карантин» и «реальная угроза вооруженного нападения на исправительное учреждение» как новые основания введения режима особых условий в исправительном учреждении.

Ключевые слова: категория «угроза»; пенитенциарная преступность; объекты угроз; субъекты угроз; классификация видов угроз.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Бакулин В. К. Категория «угроза» в теории и практике уголовно-исполнительного права // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 391–397. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.006.

Original article

Category of “Threat” in the Theory and Practice of Penal Law

VALERII K. BAKULIN Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, peltonen_87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1513-7355>

Abstract

Introduction: the article analyzes the content of the interdisciplinary category of “threat”, which is an integral element of the methodology of criminal law sciences. Understanding the complexity of

developing a definition of this evaluative concept, we believe that its lack will affect the effectiveness of law enforcement and law-making activities. *Purpose*: based on the study of norms of the Penal Code of the Russian Federation containing the term of “threat”, used in that interpretation, to develop proposals and recommendations for boosting effectiveness of penal legislation and practice of its application and to define the concept of “threat” in penal law. *Methods*: a set of general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), private scientific and special methods (formal legal, comparative legal, statistical). *Results*: the study of the legal category of “threat” in the field of the execution of criminal penalties makes it possible to roughly group threats into the following types: a) threat to life and health in connection with the illness of a close relative of the convicted person; b) threat against convicts from other convicts, staff and other persons; c) threats that are created directly by the convicted; d) threats during the introduction of a regime of special conditions. The objects of influence of threats and sources (subjects) of threats in the penal system are identified. It is noted that the category of “threat” manifests itself in such social reality as penitentiary crime. *Conclusions*: it is proposed to limit the law enforcement discretion in ensuring the right to personal safety of convicts held in a special regime correctional facility intended to serve a sentence of imprisonment. The author defines concepts of “threat” in penal law and “penitentiary crime”, as well as in the light of recent amendments made to Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation describes concepts of “quarantine” and “real threat of an armed attack on a correctional facility” as new grounds for introducing a regime of special conditions in a correctional institution.

Keywords: category of “threat”; penitentiary crime; objects of threats; subjects of threats; classification of types of threats.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Bakulin V.K. Category of “threat” in the theory and practice of penal law, *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 391–397. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.006.

Введение

Бесспорно, функционирование системы исполнения уголовных наказаний, в которой суммарно находится около 1 млн 300 человек (данные на 1 мая 2024 г.), включая осужденных к уголовным наказаниям, сопряженным с изоляцией от общества и без таковой, а также штатную численность персонала ФСИН России, связано с наличием рисков (в том числе и коррупционных), опасностей (кроме прочего, и религиозной радикализации), угроз, носящих субъективный и объективный характер. Угроза в юридической терминологии в общем виде трактуется как выраженное в любой форме намерение причинить тот или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам. По мнению Л. Б. Смирнова, для обеспечения состояния защищенности уголовно-исполнительной системы важно добиться баланса между безопасностью учреждений данной системы и степенью возможных угроз [[1, с. 327]. В данном исследовании речь пойдет о видах угроз, регулируемых нормами УИК РФ.

Как правило, каждая наука использует уникальный набор основополагающих категорий, которые формируют методологический фундамент соответствующей области знаний. Эти ключевые категории задают начальные параметры для теоретической структуры данной науки, служа ориентирами, которые обеспечивают научный поиск и разработку методов исследования [2].

Хотя концепция угроз не относится к основным понятиям философии, она занимает ключевую позицию в области изучения национальной безопасности. В контексте Стратегии национальной безопасности России, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, угроза определяется как набор обстоятельств и элементов, которые могут непосредственно или опосредованно нанести вред интересам государства. При этом национальные

интересы Российской Федерации охватывают жизненно важные аспекты благополучия личности, стабильности общества и государственного суверенитета, а также их безопасное и динамичное развитие.

Термин «угроза» в контексте теории национальной безопасности благодаря своей универсальности и многогранности находит отражение в законодательстве, особенно в отраслях уголовно-правового комплекса. Однако, несмотря на его широкое применение, в уголовном кодексе четкое определение «угрозы» не приводится.

В российском уголовном законодательстве понятие «угроза» применяется с различными юридическими нюансами. В УК РФ данный термин эксплицитно присутствует в заголовках лишь двух статей: ст. 119 (угроза убийством или нанесением тяжкого вреда здоровью) и ст. 296 (преступления, связанные с угрозами и насилием в контексте судопроизводства и предварительного следствия). Однако как критерий для оценки действий термин «угроза» находит свое отражение в тексте свыше пятидесяти статей УК РФ, например ст. 126, 127.1, 127.2, 131–133, 211, 247, 286, 318, 321 и др. Это указывает на то, что угроза выполняет функцию уголовно-правовой категории, принимая разные формы в зависимости от контекста: может выступать как способ совершения преступления, характеризовать особенности преступного деяния или служить обстоятельством, усугубляющим ответственность.

В сфере исполнения уголовных наказаний категория «угроза» находит свое выражение в таком социальном явлении, как пенитенциарная преступность, представляющем угрозу пенитенциарной безопасности в частности и национальной безопасности государства в целом, а также в механизме обеспечения прав, свобод и законных интересов сторон уголовно-исполнительных правоотношений.

Пенитенциарная преступность – это совокупность преступлений, совершаемых субъектами и участниками уголовно-исполнительных правоотношений в учреждениях ФСИН России, исполняющих наказания, требующие изоляции от общества пожизненно или на определенный срок, а также не предполагающие изоляции, как, например, исполнение принудительных работ.

В УИК России слово «угроза» в разных интерпретациях присутствует в восьми статьях, а именно в ч. 1, 2 ст. 13, ст. 50, ч. 12 и 2.1 ст. 85, ч. 1 ст. 97, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 127, ч. 1 ст. 162 и ч. 2 ст. 60.18.

Учитывая, что угрозы в сфере исполнения уголовных наказаний могут касаться уголовно-исполнительной системы непосредственно и опосредованно, иметь разные объекты и субъекты (субъекты, обеспечивающие безопасность в уголовно-исполнительной системе, и субъекты – источники угроз), классифицируем данные угрозы на следующие виды: 1) угроза жизни и здоровью в связи с заболеванием близкого родственника осужденного; 2) угроза в отношении осужденных со стороны других осужденных, персонала и иных лиц; 3) угрозы, которые создают сами осужденные; 4) угрозы в период введения режима особых условий.

Основная часть

Угроза жизни и здоровью в связи с заболеванием близкого родственника осужденного.

Наличие тяжелой болезни у члена семьи осужденного представляет собой основание для применения гуманистических начал в системе исполнения наказаний, позволяя тем самым расширить права осужденных во время отбытия срока. Хотя критическое состояние здоровья родственника не является прямой угрозой для безопасности учреждения, исполняющего наказания, но отказ в предоставлении возможности встречи с ним может непосредственно повлиять на обстановку в местах лишения свободы, спровоцировать недовольство и дестабилизацию, что косвенно затрагивает вопросы безопасности учреждения.

Угроза жизни близкого родственника осужденного, по УИК РФ, является особым частным случаем и рассматривается как исключительное личное обстоятельство, которое может дать осужденному возможность покинуть территорию исправительной колонии с определенными условиями.

При исключительных личных обстоятельствах лица, подвергшиеся наказанию в виде ограничения свободы, могут получить разрешение от уголовно-исполнительной инспекции на временный выезд за границы своего муниципалитета в соответствии с п. «а» ч. 4 ст. 50 УИК РФ. При аналогичных условиях осужденным к лишению свободы может быть предоставлена возможность совершения краткосрочных поездок на срок до одной недели, при этом время в пути не учитывается (п. «а» ч. 1 ст. 97 УИК РФ). В этом контексте возможность выезда для осужденных является не безусловным правом, а скорее законным интересом, ответственность администрации учреждения за предоставление такой возможности остается под вопросом и реализуется на ее усмотрение.

Таким же образом при специфических личных ситуациях военнослужащим, отбывающим наказание в дисциплинарных воинских частях, могут быть разрешены выезды за их пределы на срок до семи суток, исключая время, необходимое на дорогу туда и обратно (ст. 162 УИК РФ).

Естественный характер угрозы жизни и здоровью близкого родственника осужденного из-за заболевания выражается в объективной опасности, имеющей универсальную природу и потенциал к возникновению у любого индивида, страдающего от какого-либо недуга. Источником такой угрозы является заболевание человека.

Итак, угрожающее жизни заболевание близкого родственника осужденного в некоторых случаях может опосредованно касаться безопасности функционирования исправительных учреждений, если администрация необоснованно широко превысит пределы усмотрения, закрепленные в УИК РФ, установив запрет осужденному навестить тяжелобольного родственника.

Угрозы в отношении осужденных со стороны других осужденных, персонала и иных лиц.

Угрозы в отношении осужденных, описанные в УИК РФ, включают в себя угрозы личной безопасности для лиц, осужденных к отбыванию наказания в виде принудительных работ, ареста или срочного лишения свободы (ч. 2 ст. 13 УИК РФ), а также угрозы для тех, кто осужден к пожизненному лишению свободы (ч. 1 ст. 127 УИК РФ).

Гарантирование личной безопасности осужденных включает в себя юридически закрепленное право на защиту их жизни и здоровья во время отбытия срока наказания. В случае возникновения угрозы ответственным сотрудникам предписывается предпринять необходимые меры для обеспечения безопасности осужденного, включая его перевод в условия, исключающие риск для жизни или здоровья, а также выполнение других действий для нейтрализации подобных угроз [3, с. 72].

Объектом угроз в различных учреждениях, включая исправительные центры, исправительные учреждения, арестные дома, колонии особого режима для пожизненно осужденных, являются права, свободы и законные интересы лиц, отбывающих наказания в данных учреждениях.

Субъектами, представляющими угрозу безопасности, могут быть сотрудники исправительных учреждений, осужденные, а также лица, не имеющие отношения к данной территории и находящиеся как внутри, так и за ее пределами. Большинство правонарушений, как отмечает В. В. Бочкарев, совершается следственно-арестованными и осужденными, однако незначительное количество совершенных правонарушений приходится на иных лиц и сотрудников системы исполнения уголовных наказаний, что увеличивает возможные угрозы для уголовно-исполнительной системы [4, с. 25].

В первой половине 2024 г. в Федеральную службу исполнения наказаний России было направлено 139 заявлений от осужденных и членов их семей о пере-

воде с целью защиты персональной безопасности (АППГ – 195) [5].

Следует обратить внимание в данном контексте на особенность процедуры реализации права осужденных на личную безопасность. При возникновении угрозы личной безопасности осужденные к принудительным работам, аресту или лишению свободы имеют право обратиться с заявлением к любому должностному лицу с просьбой об обеспечении личной безопасности, которое обязано безотлагательно принять все необходимые меры для гарантирования этой безопасности.

Когда же возникает угроза личной безопасности лица, отбывающего пожизненное лишение свободы, оно также может подать обращение к руководству исправительной колонии с просьбой о защите. Однако возможный перевод в условия одиночного содержания зависит исключительно от решения начальника учреждения. Согласно ч. 1 ст. 127 УИК РФ у осужденных к пожизненному лишению свободы формально закреплено не прямое право, а лишь законный интерес на обеспечение личной безопасности, исполнение которого не является обязательным для администрации учреждения, оставляя за ней право принятия соответствующего решения по собственному усмотрению.

Мы убеждены в недопустимости использования субъективного правоприменения в данной ситуации. Осужденные, отбывающие пожизненный срок, должны иметь гарантированное право на личную безопасность в соответствии со ст. 127 УИК РФ с учетом рисков, связанных с возможностью легкого совершения убийства одного осужденного другим в условиях маломестной камеры, и того, что убийца фактически останется безнаказанным, за исключением того, что на основании ч. 5 ст. 79 УК РФ ему не будет применено условно-досрочное освобождение от отбывания этого самого сурового наказания. Однако практика демонстрирует пренебрежение к этому аспекту со стороны осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы. Примером может служить решение Торбеевского районного суда Республики Мордовия от 05.03.2020, где Д. А. Ильесов, осужденный на пожизненное заключение, был признан виновным в убийстве сокамерника и приговорен к 14 годам лишения свободы в той же исправительной колонии [6].

Угрозы, которые создают сами осужденные

Угрозы, создаваемые осужденными, по УИК РФ, также подразделяются на два вида. Во-первых, категория «угроза» фигурирует в рамках ч. 3 ст. 116 УИК РФ «Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы» и, во-вторых, в ч. 2 ст. 60.18 «Надзор за осужденными к принудительным работам и меры по предупреждению нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ».

Так, законодательство квалифицирует угрозы, совершаемые осужденными без признаков совершения преступления, как грубое нарушение порядка отбывания наказания. По данным В. А. Уткина, в первом полугодии 2021 г. в исправительных учреждениях было зарегистрировано 276 972 случая на-

рушений режима, из которых 9 тыс. признаны злостными. Большинство из них связаны с изготовлением, хранением или пересылкой запрещенных предметов (4163), следом идут повторные нарушения, совершенные в течение года (2921), и отказы от трудовой деятельности (1005). Кроме того, значительный объем (719) составляют случаи угрозы или неповиновения официальным лицам, а также их оскорбления без доказательств преступного деяния [7].

Как отмечает Р. З. Усеев, с чем мы полностью согласны, российское уголовно-исполнительное законодательство на данный момент страдает от недостаточности в толковании основополагающих терминов и категорий, за исключением определений, приведенных в ст. 9, 82 УИК РФ [8, с. 118].

Выдвигается вопрос о сущности угрозы в отсутствие элементов преступного деяния. Учитывая, что угроза, согласно ч. 1 ст. 116 УИК РФ, не квалифицируется как уголовное преступление, аналогичное тем, что оговорено в ст. 119, 321 УК РФ, возникает вопрос о природе угрозы как нарушения дисциплинарного порядка в пенитенциарном контексте. Интересует вопрос, какие именно угрозы, не влекущие за собой уголовной ответственности, подпадают под дисциплинарную ответственность в пенитенциарной системе? А. А. Крашенинников указывает на наличие в УК РФ статей, предусматривающих ответственность за действия, представляющие общественную опасность, включая угрозы (общим числом до восьмидесяти различных составов) [9, с. 44], однако кодекс не содержит однозначной дефиниции понятия «угроза». Аналогичным образом, УИК РФ не содержит четких законодательных определений, охватывающих «угрозу» как серьезное нарушение режима отбывания наказания осужденными к лишению свободы.

Для предотвращения субъективизма в применении законов, уменьшения коррупционного фактора, а также для повышения качества законов и их эффективности в сфере уголовно-исполнительного законодательства крайне важно внедрение терминологии, которая отличается ясностью определений, глубиной смысла, доступностью для понимания и сжатостью изложения.

С нашей точки зрения, с учетом опасности для правопорядка в уголовно-исполнительной системе угроз, исходящих от осужденных, целесообразно исключить категорию «угроза» из числа злостных нарушений режима и перевести ее в ранг уголовно наказуемого преступления при наличии доказательственной базы. Данный вывод коррелируется с мнением В. С. Епанешникова, который утверждает, что угрозы против сотрудников учреждений исполнения наказаний должны выходить за рамки дисциплинарного нарушения и квалифицироваться как уголовные преступления [10, с. 336].

Категория «угроза» используется и при исполнении наказаний, не предполагающих изоляцию, например принудительных работ.

В соответствии с функциями контроля и надзора администрация исправительного центра своим решением может поместить в безопасное помещение для краткосрочного содержания сроком на 24 часа

осужденного к принудительным работам, который своим поведением создает угрозу жизни или здоровью окружающих либо самому себе. В данном случае угроза конкретизирована, в ч. 2 ст. 60.18 УИК РФ речь идет об уголовно наказуемой угрозе, предусмотренной ч. 1 ст. 109 УК РФ.

Объектами угроз, создаваемых осужденными в исправительных учреждениях и исправительных центрах, являются порядок исполнения и отбывания наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ, а также права, свободы и законные интересы осужденных, персонала и иных лиц. Субъектами угроз выступают только осужденные к лишению свободы и принудительным работам.

Угрозы в период введения режима особых условий

Предложенную нами классификацию угроз завершают угрозы, возникающие в период установления режима особых условий в исправительных учреждениях.

Под режимом особых условий подразумевается уникальный правовой режим для исправительных учреждений, ответственных за исполнение уголовных наказаний, который адаптирует стандартные нормы уголовно-исполнительного права, касающиеся статуса субъектов и участников данных правоотношений. Это включает в себя модификацию процесса и условий исполнения наказаний [11].

Возникновение особых событий как вокруг территории, так и в пределах самого исправительного учреждения служит основанием для реализации режима особых условий. Согласно п. 1 ст. 85 УИК РФ введение чрезвычайных обстоятельств, включая чрезвычайное или военное положение, режим повышенной готовности, чрезвычайные ситуации или карантин на ограниченной территории Российской Федерации, влечет возможность реализации данного режима в исправительных учреждениях, расположенных в этих районах. Такие меры также могут быть активированы при происшествиях, включающих захват заложников, массовые беспорядки или групповое несоблюдение порядка, а также при реальной угрозе нападения на объект или при необходимости введения карантинных ограничений внутри учреждения.

В обновленной версии ст. 85 УИК РФ термин «угроза» употребляется в ч. 1 и фактически речь идет о двух видах угроз в период введения режима особых условий: внешних и внутренних. С внесением дополнений и изменений в ст. 85 УИК РФ вид внешних и внутренних угроз увеличился.

В настоящее время к внешним относятся угрозы, связанные с введением чрезвычайного или военного положения. Например, военное положение вводится в случае непосредственной угрозы агрессии, чрезвычайное положение – для защиты от внешней или внутренней угрозы и поддержания общественного порядка.

В данную группу относится и режим повышенной готовности, представляющий комплекс мероприятий, проводимых экстренными службами и ответственными лицами в соответствии с законодательно закрепленными полномочиями, направленный на сокращение и ликвидацию угрозы возникновения чрез-

вычайной ситуации и митигацию возможных отрицательных последствий.

Согласно Федеральному закону от 21.12.1994 № 68-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» чрезвычайные ситуации характеризуются как условия в определенном районе, вызванные аварией, грозным природным событием, катастрофой, эпидемией заболеваний с высоким риском для населения, наводнением, землетрясением или иным бедствием. Такие ситуации приводят или могут привести к гибели людей, вреду здоровью населения и экосистеме, ощутимым экономическим потерям и сбоям в обычном функционировании общества.

Однако введение режима чрезвычайной ситуации можно отнести и к разряду внутренних угроз, то есть имеющих место быть и в учреждениях уголовно-исполнительной системы (например, эпидемии инфекционных заболеваний, угрожающих здоровью населения).

К числу обстоятельств, при которых может быть объявлен режим особых условий, относятся карантинные ограничения в исправительных учреждениях, находящихся в определенных районах. Согласно Федеральному закону от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» карантин устанавливается на контрольно-пропускных пунктах государственной границы Российской Федерации, в пределах страны, на территориях отдельных регионов, муниципалитетов, а также в учреждениях и на предприятиях различных сфер деятельности при угрозе появления и распространения инфекционных болезней.

Следует отметить, что введение карантина также можно отнести к числу внутренних угроз, ибо в самой ч. 1 ст. 85 УИК РФ подчеркивается, что режим особых условий может быть установлен при введении ограничительных мероприятий (карантина) в пределах исправительного учреждения. Кроме того, карантин, как нам представляется, не является элементом содержания понятия «чрезвычайная ситуация», так как устанавливается в случае возникновения и распространения именно инфекционных заболеваний. Также нельзя отождествлять термины «карантинное отделение» (ч. 2 ст. 79 УИК РФ) и «карантин» (ч. 1, ч. 2.1 ст. 85 УИК РФ). Карантин – это комбинация административных ограничительных и режимных противоэпидемических мероприятий, направленных на разрыв механизма передачи инфекций, устанавливаемых на срок до 40 дней и выше. Карантинное отделение – это жилое помещение, где в течение 15 суток проводится комплекс организационно-технических, психолого-педагогических, профилактических и медико-санитарных мероприятий, направленных на адаптацию осужденных в исправительном учреждении на период отбывания наказания.

К внутренним угрозам в рамках ч. 1, ч. 2.1 ст. 85 УИК РФ относятся пенитенциарные угрозы: захват заложников, массовые беспорядки или групповые неповиновения.

Дополнительной причиной для установления режима особых условий в исправительном учреждении служит констатация реальной угрозы, сопровождающейся применением оружия на объектах ФСИН России. Данное основание для введения режима особых условий, в нашем понимании, относится к внешним грозам.

Угроза вооруженного налета на исправительное учреждение может исходить только извне. Совершенные внутри исправительного учреждения разного рода нападения на осужденных, сотрудников и иных лиц, погромы, поджоги, уничтожение и повреждение имущества квалифицируются как массовые беспорядки.

Основания для применения режима особых условий (ст. 85 УИК РФ) неразрывно связаны с понятиями реальной угрозы и непосредственной угрозы, которые, несмотря на вариативность формулировок в тексте статьи, по своей сути являются синонимичными. Под реальной угрозой вооруженного нападения на исправительное учреждение понимается не просто потенциальная опасность, которая может проявиться в долгосрочной перспективе, а угроза, которая уже имеет место или ожидается в непосредственном будущем.

Учитывая изложенное, следует акцентировать внимание на том, что реализация расширенного перечня критериев для применения режима особых условий в исправительном учреждении направлена не на сужение содержания и объема прав, свобод и законных интересов осужденных, а на допустимое и временное их ограничение в социально значимых целях и усиление юридических гарантий обеспечения прав, свобод осужденных, персонала и иных лиц в период действия пенитенциарного правового режима.

В соответствии с российским законодательством полномочия по введению режима особых условий на срок до одного месяца принадлежат директору Федеральной службы исполнения наказаний или главе территориального управления уголовно-исполнительной системы регионального уровня. Данное действие требует согласования с Генеральным прокурором Российской Федерации или местным прокурором. Вместе с тем руководитель исправительного учреждения не обладает таким правом. Однако в случае возникновения прямой опасности для жизни или

здоровья осужденных, сотрудников учреждения или других лиц он может по собственной инициативе ввести временные ограничения, указанные в ч. 2 ст. 85 УИК РФ, и должен незамедлительно оповестить об этом уполномоченное лицо, которое в течение трех дней после получения соответствующего уведомления должно либо утвердить введение режима особых условий, либо отменить ранее примененные меры, согласно ч. 4 ст. 85 УИК РФ.

Объектом угроз в период введения режима особых условий является правовое положение осужденных, персонала и иных лиц, а также общественная безопасность и общественный порядок. Субъектами угроз в указанный период могут быть осужденные, персонал и иные лица, находящиеся как на территории исправительного учреждения, так и за его пределами. Как было уже отмечено, источником угроз напрямую или косвенно могут быть стихийные бедствия и введение особых правовых режимов в районе расположения исправительного учреждения.

Заключение

Разработанная нами система категоризации угроз и выстроенная классификационная модель видов угроз, существующих в уголовно-исполнительной системе, позволяют дать следующее определение понятию «угроза»: угроза в уголовно-исполнительном праве – это совокупность обстоятельств, факторов и условий объективного и субъективного характера, создающих в сфере исполнения уголовных наказаний прямую или косвенную возможность нарушения прав, свобод и законных интересов субъектов и участников уголовно-исполнительных правоотношений.

Неотъемлемой чертой любой юридической науки является ее явная связь с правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельностью. Правовая доктрина и юридическая практика неразделимы. Практика исполнения наказаний в настоящее время не может эффективно формироваться и развиваться без знания положений, выводов и рекомендаций пенитенциарной науки. С учетом вышеизложенного считаем, что категория «угроза» как элемент злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы должна быть исключена из ч. 1 ст. 116 УИК РФ и переведена в «ранг» преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов Л. Б. Пенитенциарная безопасность и проблемы ее обеспечения // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1-4), № 4. С. 326–334.
2. Куликов Е. А. Философские категории в правовой науке и правовые категории: проблемы теории и методологии // Юридические исследования. 2017. № 10. С. 59–77.
3. Bakulin V. K., Bakulina L. V., Khalilov R. N. Comparative European and International law and Russian Human Rights. Mauritius, 2021. 92 p.
4. Бочкарев В. В. Безопасность уголовно-исполнительной системы: объекты, угрозы, средства и субъекты ее обеспечения // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2 (43). С. 21–30.
5. Обзор о работе с обращениями граждан в ФСИН за I квартал 2024 г. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/management/obzor-obrashcheniy-grazhdan/> (дата обращения: 01.06.2024).
6. Дело Ильесова Д. А. от 06.03.2022, Мордовия, Тарбеевский районный суд. URL: http://torbeevsky.mor.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=351 (дата обращения: 01.06.2024).
7. Уткин В. А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1(57). С. 29–36.

8. Усеев Р. З. Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения: проблемы интерпретации, ответственности и безопасности в местах лишения свободы // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 117–121.
9. Крашенинников А. А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск, 2002. 179 с.
10. Епанешников В. С. Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / науч. ред. А. С. Михлин. М., 2008. 336 с.
11. Кашуба Ю. А., Алексеев А. Ю. Юридическая сущность режима особых условий // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16 (1-4), № 3. С. 306–311.

REFERENCES

1. Smirnov L.B. Penitentiary security and problems of its provision. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2019, vol. 14 (1–4), no. 4, pp. 326–334. (In Russ.).
2. Kulikov E.A. Philosophical categories in legal science and legal categories: problems of theory and methodology. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Research*, 2017, no. 10, pp. 59–77. (In Russ.).
3. Bakulin V.K., Bakulina L.V., Khalilov R.N. *Comparative European and International law and Russian Human Rights*. Mauritius, 2021. 92 p.
4. Bochkarev V.V. Security of the penal system: objects, threats, means and subjects of its security. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 2 (43), pp. 21–30. (In Russ.).
5. *Obzor o rabote s obrashcheniyami grazhdan v FSIN za I kvartal 2024 g.* [Overview of the work with citizens' appeals to the Federal Penitentiary Service for the first quarter of 2024]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/management/obzor-obrashcheniy-grazhdan/> (accessed June 1, 2024).
6. *Delo Il'esova D.A. ot 06.03.2022, Mordoviya, Tarbeevskii raionnyi sud* [The case of Il'esov D.A. of March 6, 2022, Mordovia, Tarbeev District Court]. Available at: http://torbeevsky.mor.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=351 (accessed June 1, 2024).
7. Utkin V.A. Rationality of coercion as a principle to regulate execution of prison sentences. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1(57), pp. 29–36. (In Russ.).
8. Useev R.Z. Malicious disobedience to the requirements of a correctional facility administration: problems of interpretation, liability and security in detention facilities. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2019, no. 13, pp. 117–121. (In Russ.).
9. Krasheninnikov A.A. *Ugroza v ugovnom prave Rossii (problemy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya)* [Threat in criminal law of Russia (problems of theory and practice of legal regulation)]. Ed. by Chuchaev A.I. Ul'yanovsk, 2002. 179 p.
10. Epaneshnikov V.S. *Kommentarii k ugovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Penal Code of the Russian Federation] Ed. by. Mikhlin A.S. Moscow, 2008. 336 p.
11. Kashuba Yu.A., Alekseev A.Yu. The legal nature of the special conditions regime. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2021, vol. 16 (1–4), no. 3, pp. 306–311. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАЛЕРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БАКУЛИН – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия, peltonen_87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1513-7355>

VALERII K. BAKULIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, peltonen_87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1513-7355>

Статья поступила 12.07.2024

Исторический аспект пенитенциарной денацификации

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ

Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Реферат

Введение: в статье автор обращается к историческому аспекту вопроса о пенитенциарной денацификации в СССР и России. Исторический опыт пенитенциарной денацификации в условиях специальной военной операции на территории Украины представляет теоретический и практический интерес. *Цель:* описать исторический опыт денацификации в условиях советской исправительно-трудовой системы 40–50-х гг. XX в. *Методы:* всеобщий метод познания – диалектический материализм, основывающийся на законах диалектики; формально-логические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, аналогия; общенаучные методы: наблюдение, сравнение, описание и др.; частнонаучный метод исторической аналогии. *Результаты:* в работе приводятся статистические данные и примеры, раскрывающие различные аспекты пенитенциарной практики в отношении украинских националистов. Представлен анализ становления и развития идеи украинского радикального национализма. Материал статьи представляет интерес для практической деятельности современных органов и учреждений исполнения наказаний, в частности для повышения эффективности работы с лицами, являющимися приверженцами радикальной идеологии украинского национализма. *Выводы:* современной российской уголовно-исполнительной системе необходимо обеспечить реальную денацификацию необандеровцев в местах лишения свободы. Следует также инициировать создание нормативно-правовой базы, обеспечивающей эффективное решение данного вопроса.

Ключевые слова: украинский радикальный национализм; оуновцы; бандеровцы; зверства украинских националистов; уголовно-исполнительная система; подпольные террористические действия; амнистия; неонацисты.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Яковец Е. Н. Исторический аспект пенитенциарной денацификации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 398–410. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.007.

Original article

Historical Aspect of Penitentiary Denazification

EVGENII N. YAKOVETS

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Abstract

Introduction: in the article, the author addresses a historical aspect of the issue of penitentiary denazification in the USSR and Russia. The historical experience of penitentiary denazification in the context of the special military operation on the territory of Ukraine is of theoretical and practical interest. *Purpose:* to describe historical experience of denazification in the conditions of the Soviet correctional labor system of the 1940-1950s. *Methods:* universal method of cognition – dialectical

materialism based on the laws of dialectics; formal logical methods – analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, analogy; general scientific methods – observation, comparison, description, etc.; private scientific method of historical analogy. *Results*: the paper provides statistical data and examples that reveal various aspects of penitentiary practice in relation to Ukrainian nationalists. The formation and development of the idea of Ukrainian radical nationalism is analyzed. The material presented in the article can be used in practical activities of modern penitentiary bodies and institutions, in particular, to increase the effectiveness of work with adherents of the radical ideology of Ukrainian nationalism. *Conclusion*: the modern Russian penal system needs to ensure real denationalization of the neo-Banderites in places of detention. It is also necessary to initiate the creation of a regulatory framework that ensures an effective solution to this issue.

Keywords: Ukrainian radical nationalism; the OUN members; the Banderites; atrocities of Ukrainian nationalists; penal system; clandestine terrorist actions; amnesty; neo-Nazis.

5.1.4. Criminal law sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Yakovets E.N. Historical aspect of penitentiary denazification. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 398–410. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.007.

Стояли звери
Около двери.
В них стреляли,
Они умирали.
Но нашлись те, кто их пожалели,
Те, кто открыл зверям эти двери.
Зверей встретили песни и громкий смех.
А звери вошли и убили всех.

А. Стругацкий

После развала СССР наследники бандеровцев и оуновцев – современные украинские националисты – создали миф о том, что их предшественники боролись против Гитлера и Сталина, являясь основой украинского антифашистского движения сопротивления. Однако на самом деле бандеровцы и оуновцы даже не пытались воевать с гитлеровцами, всячески подчеркивая, что их духовными наставниками явились итальянские фашисты и германские нацисты. Само же появление вооруженных формирований «западнцев» было напрямую связано с политикой Третьего рейха на Западной Украине [1].

В занятых немцами городах и селах, создавая свои «народные комитеты», радикальные украинские националисты заявляли следующее: «Наша власть должна быть страшной для ее противников. Террор для чужинцев-врагов и своих предателей». Национальные меньшинства бандеровцы делили на дружественные и враждебные, рассматривая в качестве последних «москалей, поляков и жидов». Попавших в плен русских солдат предписывалось передавать гитлеровцам или расстреливать на месте. В случае прихода к власти бандеровцы намеревались запретить неукраинцам («чужинцам») занимать государственные посты [2].

Даже сами идеологи «западенской» идеи не скрывали наличия ее генетической связи с фашизмом, уточняя при этом, что «ближайших родственников украинского национализма следует искать не столько в немецком нацизме или итальянском фашизме – продуктах индустриальных и урбанизированных сообществ, сколько среди партий этого типа у аграрных, отсталых в экономическом отношении народов

Восточной Европы: хорватских усташей, румынской Железной гвардии, словацких глинковцев, польского ОНР (ObozNarodowo-Radykalny) и т. п. Украинский национализм был явлением генетически самостоятельным, хотя в своем развитии он испытывал неоспоримые влияния со стороны соответствующих иностранных образцов» [3, с. 530].

Массовые злодеяния осуществлялись нацистами на территории Советского Союза прежде всего в рамках идеологии германского национал-социализма. Активное участие в этих преступлениях принимали пособники гитлеровцев из числа коллаборантов, среди которых были не только украинские националисты, но и представители других национальностей.

Краткий генезис украинского радикального национализма. Как известно, бандеровская идеология зародилась на Западной Украине еще в конце XIX – начале XX в. Ядром так называемого украинского проекта явилось утверждение о том, что «Украина – не Россия, украинцы – не русские». Идея украинства могла остаться выдумкой, если бы за нее ни ухватились спецслужбы Австро-Венгерской империи, под властью которой находилась и Галицкая Русь. К тому времени по воле истории русский народ оказался разделенным, и целью австрийцев явилось дальнейшее ослабление Российской империи как своего потенциального противника.

В ходе Первой мировой войны на базе националистических идей, усиленно продвигавшихся странами Тройственного Союза, появились вооруженные украинские формирования, боровшиеся против стран Антанты. Революционные события в России способствовали дальнейшему укреплению этих сил вначале в рамках создания Украинской народной республики, потерпевшей крах в ходе гражданской войны в России, а затем – в ходе создания ведущими европейскими государствами «санитарного кордона» вокруг Советского Союза. Западная дипломатия всегда рассматривала Россию как геополитическую угрозу и делала особую ставку на разжигание внутри нее националистических настроений, сепаратистских устремлений, насаждение самозванных правителей. Еще в декабре 1917 г. Государственный секретарь США Р. Лансинг отмечал, что любое оппозиционное

движение в России следует поддерживать, даже если мало шансов на его успех [4].

После включения Галичины в состав возрожденной Польши начался новый этап развития украинской национальной идентичности, продолжившийся до Второй мировой войны. Ключевую роль в этом процессе сыграли местные организации украинских националистов, которые сумели не только добиться успехов в пропаганде своих идей, но и стать во главе достаточно мощного вооруженного движения [5]. В межвоенный период националистическое движение на Западной Украине было вовлечено в круг интересов германских спецслужб, намеревавшихся использовать его для ослабления Польши, Чехословакии и СССР. В этот период была образована Организация украинских националистов (ОУН) (организация, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации), которой руководили Е. Коновалец, А. Мельник, С. Бандера и др.

Дальнейшее развитие националистических идей было связано с началом Второй мировой войны. После вступления советских войск на территорию Польши и присоединения к СССР Западной Украины в 1939 г. казалось бы, мечты украинских националистов о воссоединении их родины с восточными областями сбылись. В первое время последние даже помогали частям Красной Армии в нейтрализации сопротивления поляков [6]. Однако достаточно быстро «западненцы» осознали, что пришедший на Западную Украину советский строй враждебен их целям и задачам. В связи с этим в расчете захватить власть на территории всей Украины бандеровцы переориентировались на Германию, которая рассматривалась ими в качестве потенциального противника как Польши, так и Советского Союза. В Берлине же стали позиционировать данную организацию в качестве единственного официального политического представителя украинской эмиграции в Германии, и каждый, считавший себя украинцем, должен был зарегистрироваться именно в ее отделениях [7, с. 109].

Между тем в результате внутривластной борьбы в апреле 1941 г. ОУН (организация, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации) раскололась на две части: ОУН-М (сторонники А. Мельника, который после убийства 23 мая 1938 г. в Роттердаме Е. Коновальца занял его место и впоследствии был завербован абвером) и ОУН-Б (сторонники С. Бандеры, также привлеченного немцами к сотрудничеству).

Наибольший размах деятельность вооруженных националистических формирований на западе Украины приобрела после нападения фашистской Германии на Советский Союз. Уже 28 июня 1941 г. во Львове было провозглашено Украинское правительство во главе с ближайшим соратником С. Бандеры – Я. Стецько. Однако германские власти имели собственные виды на территорию Украины. Гитлеровцы не собирались создавать независимое украинское государство. Славянское население было для идеологов и лидеров нацизма «лишним» на этих плодородных землях. Они не скрывали своих намерений присоединить Украину к рейху с целью постепенного заселе-

ния ее территории немцами. До 75 % украинцев планировалось истребить или изгнать за пределы рейха. Оставшимся была уготована участь дешевой рабочей силы для немецких колонистов [8]. Поэтому Бандера, Стецько и другие руководители ОУН (организация, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации), имевшие отношение к созданию украинского правительства, были арестованы и помещены в немецкие концлагеря до той поры, пока их услуги вновь не потребовались немцам. Основную ставку в тот период гитлеровцы сделали на А. Мельника: именно его отряду было разрешено первым вступить в захваченный фашистами Киев.

В октябре 1942 г. националистами была создана Украинская повстанческая армия (УПА) (организация, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации), начальником Главного военного штаба которой вскоре стал Р. Шухевич [9, с. 432]. В феврале 1943 г. организация была переименована в ОУН-Б под руководством Бандеры. Организация под контролем Мельника стала именоваться «ОУН» (уже без литеры «М»). Армия была создана с учетом всех необходимых требований, предъявляемых к регулярным вооруженным силам, и являлась своего рода армией без государства. Четкая организационная иерархия, жесткая дисциплина, система воинских званий, а также попытки создания уставов и введения единой формы сыграли определенную роль в повышении боеспособности бандеровцев. Организация имела даже систему школ для подготовки офицерского и младшего командирского состава, госпиталей, оружейных мастерских, складов и т. д. Сильной ее стороной являлся личный состав. Подавляющее большинство боевиков разделяли идеи радикального украинского национализма. Свыше 65 % из них составляла сельская молодежь, хорошо ориентировавшаяся в родных местах и имевшая связи с местным населением. Боевые навыки многие украинские националисты приобретали в различных формированиях гитлеровской Германии, в том числе в диверсионном воинском формировании «Бранденбург-800» [10]. Именно при помощи оккупационных германских властей бандеровцы превратились в хорошо вооруженные, многочисленные подразделения пособников фашистов. Состав их был самым разномастным: здесь воевали как идейные боевики, так и принудительно мобилизованные селяне. Встречались обычные уголовники, дезертиры, мародеры, а также люди, научившиеся воевать и не желавшие возвращаться к мирной жизни. К концу войны вооруженные формирования бандеровцев составляли около 75 тыс. Кроме этого, значительное число жителей Украины проходило службу в батальонах «шума» (местной полиции) и отрядах самообороны, которые подчинялись начальникам СС и полиции рейхскомиссариатов. Наряду с бандеровцами они активно участвовали в антипартизанской борьбе и карательных операциях, а также замещали в тыловых районах немецкие войска [11, с. 90, 173].

Зверства бандеровских банд на советской земле и их последующий разгром. Перечислить все преступления, к которым причастны бандеровцы, просто не-

возможно – их слишком много. Поэтому остановимся на основных из них. Действуя в тесном союзе с гитлеровцами, украинские националисты приняли участие во многих акциях по уничтожению евреев, военнопленных, мирного населения. Сами немцы зачастую психологически не выдерживали подобной грязной работы и охотно переключались на бандеровских добровольцев. Украинские националисты причастны к наиболее тяжким преступлениям фашистов.

Так, в конце июня 1941 г. «западцы» произвели зачистку Львова: ими были уничтожены советские и партийные работники, интеллигенция, в первую очередь польская и еврейская. Именно оуновцы занимались уничтожением евреев во Львовском, Теннопольском, Ровенском и других западноукраинских гетто.

Значительная часть убийств евреев в киевском Бабьем Яру также осуществлялась украинскими радикальными националистами, состоявшими на службе у немцев.

На территории России и Белоруссии бандеровцами были сожжены сотни сел и деревень, в том числе 22 марта 1943 г. белорусское село Хатынь. В СССР из соображений межнациональной толерантности умалчивалось, что большую часть подобных акций устрашения выполняли украинские боевики. Они явились ударной силой в таких карательных «антипартизанских» операциях против мирного населения в Белоруссии, как «Болотная лихорадка» в Витебской, «Коттбус» в Минской и «Треугольник» в Брестской областях.

С особой жестокостью убивали они этнических украинцев, отрицавших идеи национализма и подерживавших советскую власть [12].

От рук украинских националистов погибли генерал армии, командующий 1-м Украинским фронтом Герой Советского Союза Н. В. Ватутин, один из руководителей партизанского движения на Украине Герой Советского Союза генерал-майор С. В. Руднев, легендарный советский разведчик-нелегал Герой Советского Союза Н. И. Кузнецов, заместитель командира эскадрильи 104-го гвардейского истребительного авиационного полка Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант М. С. Лиховид и др.

Особо следует упомянуть о зверствах бандеровцев весной 1943 г. в отношении представителей польской и других некоренных национальностей на территории Волыни, оккупированной немецкими войсками. Окружая польские села, они уничтожали всех – женщин, стариков, детей, даже грудных младенцев. Жертв расстреливали, избивали дубинами, рубили топорами. Трупы закапывали в поле, забирали имущество жертв и поджигали их дома. На месте некоторых польских сел оставались лишь обугленные головешки. Массовые убийства польского населения достигли апогея в июле того же года. Более чем в 150 населенных пунктах Волынской области в ходе карательных акций бандеровцев погибло свыше 100 тыс. чел., примерно полмиллиона поляков были вынуждены обратиться в бегство [13].

Степень жестокости вызывала изумление даже у искушенных в таких делах эсэсовцев [14].

Следственные бригады НКВД, расследовавшие преступления бандеровцев, составили список из 135

наиболее часто применявшихся последними способов убийств безоружных лиц. Зверства, практиковавшиеся ими, беспрецедентны и могут ассоциироваться лишь с деяниями римского императора Калигулы, снискавшего у современников и потомков славу жестокого и сладострастного тирана-безумца [15].

Всего от рук карателей-бандеровцев в период Великой Отечественной войны погибло около 850 тыс. евреев, 220 тыс. поляков, более 400 тыс. советских военнопленных и около 500 тыс. мирных украинцев [16].

Наиболее ожесточенные столкновения бандеровцев с частями Красной армии и другими силовыми структурами отмечены в 1944–1946 гг. В справке МВД Украинской ССР от 28.05.1946 приводятся следующие результаты борьбы с бандитизмом на территории западных областей УССР в этот период: проведено около 90 тыс. чекистско-войсковых операций, в ходе которых было убито 110 835 бандитов, задержано 250 676 чел., явилось с повинной 11 485 бандеровцев [17, с. 145–146].

После освобождения территории Западной Украины нашими войсками преступные структуры ОУН-УПА (организация, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации) перешли к подпольным методам террористической деятельности, применявшимся ими до середины 1950-х гг. Согласно официальным данным в этот период они совершили 4904 террористических акта, 195 диверсий, 457 нападений на истребительные батальоны из сельского актива, 645 нападений на колхозы, органы власти и заведения социально-культурной сферы, 359 вооруженных экспроприаций.

Некоторым отрядам украинских радикальных националистов, несмотря на принятые пограничными войсками СССР, ПНР и ЧССР совместные меры, удалось пробиться с боями через территорию Польши и Чехословакии за границу – в Западную Германию и Австрию [10].

За 10 лет борьбы с бандеровским подпольем (с 1945 по 1955 г.) погибли около 25 тыс. советских военнослужащих, сотрудников органов госбезопасности, милиции и пограничников, а также более 32 тыс. из числа советского партактива [18].

Бандеровцы – заключенные советской исправительно-трудовой системы. Первые попавшие в плен бандеровцы, осужденные за свои преступления, стали поступать в советские исправительно-трудовые учреждения в тот период, когда до окончательного разгрома их основных сил было еще далеко. На противодействие последним в местах лишения свободы советские власти были настроены весьма решительно, о чем свидетельствует принятие соответствующих организационно-правовых мер. Так, 19 апреля 1943 г. М. И. Калинин подписал закрытый Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников», где отмечалось, что лица указанных категорий из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение. Пособники из местного

населения, уличенные в оказании содействия злодеяниям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Рассмотрение дел по их обвинению было возложено на военно-полевые суды, создававшиеся при дивизиях действующей армии [19].

В развитие положений этого указа 11 июня 1943 г. Л. П. Берия подписал приказ НКВД СССР № 00968 «Об организации отделений каторжных работ при исправительно-трудовых лагерях НКВД» [20]. В Воркутинском, Норильском и Северо-Восточном (г. Магадан) лагерях было предусмотрено размещение до 10 тыс. осужденных указанных категорий в каждом. В составе Карлага НКВД было организовано отделение для нетрудоспособных и больных, осужденных на каторжные работы. Этим же приказом была утверждена Инструкция о порядке содержания осужденных к каторжным работам в лагерях НКВД.

Как известно, со времен царской России до 1943 г. в СССР не предусматривался такой вид наказания, как каторжные работы. Однако в сложившихся условиях с учетом особой тяжести преступлений, совершенных бандеровцами, введение данного вида наказания, применявшегося в качестве альтернативы смертной казни, являлось вполне оправданным.

Условия отбывания наказания для каторжников характеризовались более жесткими режимными требованиями и повышенной изоляцией. Каторжники (изменники, предатели) содержались отдельно от остальных осужденных и использовались на наиболее тяжелых подземных работах в угольных шахтах, при добыче золота, олова, железной руды, гранитного камня и т. д. [21, с. 106].

По состоянию на 1 мая 1950 г. в лагерях МВД СССР содержалось 61 572 осужденных к каторжным работам (ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 368. Л. 85–86) [22]. В этой связи обращает на себя внимание докладная записка, подготовленная в мае 1945 г. заместителем наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышевым. В ней отмечалось следующее: «Опыт работы с каторжниками в Воркутинском угольном лагере показывает, что осужденные к каторжным работам на 15–20 лет, в условиях специального режима для каторжников теряют перспективу выдержать до конца срока – 15–20 лет – режим и условия каторжных работ. Отсюда моральная подавленность и полное отсутствие стимула для труда, а в результате труд каторжников значительно менее эффективен, чем труд обычных лагерников, при этом потеря трудоспособности заключенных через 5–6 лет практически неизбежна» [23]. Видимо, по этой причине с начала 1950-х гг. суды перестали приговаривать бандеровцев и прочих подпадавших под этот вид наказания лиц к каторжным работам. Лица, ранее осужденные к этому виду наказания, стали переводиться в особые лагеря (особлаги) МВД, которые начали создаваться в 1948 г., а позже – в обычные исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) и исправительно-трудовые колонии (ИТК) с усиленным режимом.

Общая характеристика контингента заключенных из числа украинских националистов. Положение

бандеровцев среди прочих категорий осужденных. В конце войны идейных боевиков, большинство из которых гибло в ходе ликвидации националистических банд советскими силовыми структурами, в массе заключенных бандеровцев было еще относительно немного. В основном среди них доминировали пособники бандитов – выходцы из хуторской среды, не успевшие еще вписаться в колхозный быт и усвоить советскую идеологию. Эти лица в основном привлекались к уголовной ответственности по ч. 2, 8, 9 ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления) и приговаривались к срокам лишения свободы от 10 до 25 лет с отбыванием в ИТУ, находившемся в отдаленной местности. Некоторые из них осуждались и за преступления общеуголовного характера.

Советская власть не была столь кровожадной, как это пытались представить различного рода либеральные идеологи времен перестройки. Еще при И. В. Сталине для бандеровцев и прочих «лесных братьев» стали регулярно проводить амнистии. Советское государство умело сочетать политику кнута и пряника, стараясь не только подавить идейных националистов, но и вернуть к мирной жизни основную часть рядовых боевиков. На Украине инициатором многих амнистий являлся лично первый секретарь ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущев. Первая его докладная записка на имя И. В. Сталина по этому поводу была подготовлена 4 августа 1945 г. В результате этой амнистии советским правоохранительным органам сдались свыше 5 тыс. бандеровцев.

В 1947 г. в СССР был сделан весьма существенный шаг к гуманизации советского уголовного законодательства – отменена смертная казнь [24]. В связи с этим закоренелым бандеровцам и прочим радикальным националистам за особо опасные военные преступления и акты геноцида, совершенные во время Великой Отечественной войны и после ее окончания, высшая мера социальной защиты уже не грозила [25].

На этом фоне в 1947–1948 гг. Н. С. Хрущевым были предприняты усилия, связанные с объявлением еще целого ряда амнистий для боевиков при условии их добровольного отказа от вооруженной борьбы с советской властью и возврата к мирному труду. Население Западной Украины устало от войны и жестокости бандитов. Постепенно люди стали отворачиваться от бандеровцев, в связи с чем последние стали в массовом порядке складывать оружие. В ИТУ хлынул поток сдававшихся властям бандеровцев, обладавших организаторскими способностями и широкими связями в националистической среде. Это привело к упрочению их позиций в местах лишения свободы, в связи с чем оперативная обстановка там заметно ослабилась.

В условиях противостояния блатных и сук (блатные, воевавшие на фронте, вернувшиеся в ИТУ и не принятые воровским сообществом), ослабившего воровское влияние на зонах, бандеровцы, державшиеся обособленно, организовано и обладавшие специфическими навыками выживания в подполье, стали постепенно занимать пустующую властную нишу в ИТУ, а также должности в лагерной структуре, доступные для осужденных. Одновременно они

успешно перенимали присущий воровским сообществам опыт «паразитического выживания» в лагерях [26].

Отношения бандеровцев с различными этническими лагерными диаспорами и категориями заключенных складывались по-разному. Наиболее острые противоречия у них возникали с чеченцами, которых поддерживали заключенные-азиаты. Бандеровцы пытались привлечь на свою сторону грузин и армян, однако в итоге с последними отношения у них также не сложились. По идейным соображениям наиболее прочным являлся союз украинских радикальных националистов с прибалтийскими «лесными братьями» и русскими коллаборационистами-власовцами, которые их всемерно поддерживали [27].

«Западенцам» удалось наладить устойчивые нелегальные контакты с поделщиками, остававшимися на свободе либо содержащимися в других ИТУ. Укреплялись их контакты со спецпоселенцами, перемещенными в отдаленные районы СССР из западных областей Украины [28; 29]. По состоянию на 1 января 1955 г. на учете 9-го управления МГБ СССР состояло 137 578 спецпоселенцев из числа членов семей оуновцев и бандпособников с семьями, высланных из западных областей Украины в 1945–1952 гг. [30].

В 1948 г. бандеровцам удалось создать в рамках системы ИТУ подпольную организацию, получившую название «ОУН-Північ» («ОУН-Север», она же – «Заполярный провод (центр) ОУН»). «ОУН-Север» смогла обеспечить координацию деятельности бандеровского подполья в большинстве мест лишения свободы и спецпоселений. Руководство ИТЛ-ИТК в связи с этим практически утратило возможность внедрения своих агентов в среду украинских националистов. В создавшихся условиях их легко вычисляли и ликвидировали. Невозможно было также склонить на свою сторону тех, кто хотел порвать с бандеровцами. Перевод последних в другой лагерь как мера обеспечения их безопасности ничего не давал. В итоге администрация мест лишения свободы не смогла выявить и изолировать идейных, наиболее активных руководителей указанной организации [31], как не смогла она выработать и эффективных мер противодействия националистической пропаганде среди прочего контингента заключенных, которая в рассматриваемых конкретных условиях приносила бандеровцам желаемые результаты [32, с. 420].

К 1952 г. украинские радикальные националисты составляли в системе ГУЛАГа значительное большинство. Имея четкую иерархию, практически полностью сохранившуюся со времен подпольной борьбы с советской властью, последние смогли вначале подавить блатных и представителей этнических групп среди заключенных, а затем, применив уже апробированные на практике навыки конспиративной деятельности, приступить к постепенной реализации основной своей цели – освобождению из мест лишения свободы.

К этому времени бандеровцы коренным образом изменили парадигму своих действий. От идеи антисемитизма и национализма они перешли к активному сотрудничеству со всеми деструктивными силами,

выступавшими против советской власти. Этнические группировки и русские коллаборационисты рассчитывали на то, что в скором времени начнется глобальный военный конфликт между СССР и США. Повстанческие настроения в ИТУ, подогревавшиеся слухами о том, что «Америка нам поможет», стали широко распространяться среди заключенных различных национальностей. Это вызвало у них определенный оптимизм, вселило уверенность в своих силах и толкнуло на решительные действия в противостоянии с администрацией мест лишения свободы [31].

В качестве первого шага в этом направлении бандеровцам удалось добиться послаблений режима содержания в ИТУ. В результате организованных ими массовых забастовок был установлен 9-часовой рабочий день, разрешены свидания и переписка с родственниками, перевод заработанных денег семьям, увеличение зарплат и т. д. Кроме того, работа в ИТУ стала засчитываться в общий трудовой стаж [33].

Следующий этап противодействия со стороны оуновцев администрации мест лишения свободы принял более серьезный характер и был связан с подготовкой в местах лишения свободы массовых беспорядков. Для этого ими создавались службы собственной безопасности, отделы политического воспитания, материального и технического обеспечения, боевые отряды и группы для осуществления террористических актов – все как в былые времена активного боевого противостояния советским силовым структурам. Являясь опытными конспираторами, оуновцы начали практиковать запугивание и шантаж сотрудников ИТУ, в первую очередь лиц украинской национальности, с целью их склонения на свою сторону, что им нередко удавалось. Самых же «западенцев» завербовать было практически невозможно: даже если они соглашались, то, как правило, сотрудники оперативных частей или чекисты обретали в их лице «двурушников». С выявленными осведомителями администрации ИТК националисты расправлялись не задумываясь. На убийства шли, как правило, лица, осужденные на максимальные сроки лишения свободы, которым, по существу, терять было нечего.

С 1952 по 1953 г. по ГУЛАГу прокатилась волна бунтов. Причем в 1953 г. восстали одновременно шесть ИТУ численностью около 30 тыс. заключенных. Весьма серьезные последствия массовых беспорядков имели место в Степлаге (другое название – Кенгирский лагерь), где украинские и прибалтийские националисты составляли большинство – около 67 %. Их поддержали власовцы, а также значительная часть лагерного контингента. Спланированные массовые беспорядки в Степлаге начались утром 18 мая 1954 г. и продолжались в течение 43 дней. В итоге они были подавлены, правда для этого пришлось применить даже танки. По официальным данным, в результате этих событий погибло 46 заключенных, 7 руководителей бунта были приговорены к смертной казни [33], которая к тому времени частично была восстановлена для изменников Родины, шпионов и подрывников-диверсантов [34].

Бериевская и хрущевская амнистии. В чем их различие? Некоторые источники отмечают, что именно

вследствие тупиковой ситуации, связанной с возросшей агрессивностью в местах лишения свободы «западнцев», стремившихся вырваться на свободу, были введены послабления в режим содержания последних в ИТУ и в конечном итоге принято решение об их амнистии. Они отмечают, что силовыми мерами исправить ситуацию стало практически невозможно, в связи с чем по инициативе Л. П. Берии, являвшегося в тот период министром внутренних дел, в марте 1953 г. после смерти Сталина была объявлена амнистия для заключенных, на основании которой на свободу вышло достаточно большое количество бывших бандеровцев [26].

Однако из мест лишения свободы в тот период смогла выйти на свободу лишь незначительная часть пособников и второстепенных членов бандеровских формирований, у которых неотбытый срок лишения свободы составлял менее пяти лет. В проекте указа Президиума Верховного Совета СССР, предложенном Л. П. Берией, предполагалось освобождение, прежде всего, женщин с детьми до 10 лет, беременных женщин, несовершеннолетних в возрасте до 18 лет, пожилых и тяжелобольных людей. Л. П. Берия в пояснительной записке к данному проекту отмечал, что из 2,5 млн заключенных, содержавшихся в советской исправительно-трудовой системе, только 220 тыс. являлись особо опасными государственными преступниками. На них, как и на других опасных преступников (бандитов, убийц), контрреволюционеров, а также лиц, осужденных за хищения социалистической собственности в особо крупных размерах, амнистия распространяться не должна. Министр предлагал вдвое сократить наказание лицам, осужденным на срок более пяти лет лишения свободы, и отменить ссылку для тех, кто отбывал сроки по ст. 58 УК РСФСР. Л. П. Берия предложил также незамедлительно осуществить декриминализацию менее тяжких хозяйственных, бытовых и должностных преступлений с переводом их в категорию административных правонарушений. Кроме этого, на имя председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова он направил отдельное представление об амнистии всех лиц, осужденных внесудебными органами (в том числе «тройками» НКВД и Особым совещанием ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД), а также полном снятии с них судимости. Речь шла в основном о тех лицах, которые были осуждены в период политических репрессий 1937–1938 гг.

На следующий день после получения записки (27 марта 1953 г.) Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об амнистии» [35], содержание которого полностью соответствовало предложениям министра. Таким образом, Л. П. Берией была инициирована реабилитация не шпионов, диверсантов, вредителей, террористов, власовцев и бандеровцев, которыми был нанесен реальный урон советскому народу и государству, а незаконно осужденных лиц. Однако в годы хрущевской оттепели возобладала иная тенденция, фактически направленная на амнистию истинных врагов Советского государства [25]. Об этом, в частности, свидетельствует содержание Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17.09.1955 «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с

оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [36].

Некоторые авторы полагают, что данная амнистия была вызвана продолжавшимися «смелыми выходами бандеровцев в лагеря», и советская правоохранительная система окончательно распалась в неспособности противостоять ей. Формально она была приурочена к 10-летию Победы в Великой Отечественной войне [37].

А. И. Солженицын, в свою очередь, назвал ее «аденауэровской амнистией»: по его мнению, данная акция явилась своего рода демонстрацией западной общественности доброй воли со стороны советского правительства по отношению к пособникам нацистов [38]. После признания СССР нового западного государства – ФРГ в сентябре 1955 г. в Советский Союз приезжал канцлер ФРГ К. Аденауэр, который, в частности, просил Н. С. Хрущева освободить 38 тыс. немецких военнопленных, еще находившихся в советских исправительно-трудовых учреждениях. Первый секретарь ЦК КПСС пошел навстречу канцлеру, но одновременно с освобождением бывших немецких солдат зачем-то амнистировал и пособников оккупантов. Согласно указу под амнистию не попадали только каратели и лица, осужденные по ст. 58 УК РСФСР (и соответствующим статьям республиканских законов) на сроки свыше десяти лет (причем тем, кто получил большие сроки, их сократили наполовину). С освобождаемых немедленно снимались судимость и поражение в правах. Амнистия распространялась и на коллаборационистов, находившихся за рубежом [39].

Бытует мнение, что амнистии для бандеровцев способствовала третья жена Никиты Сергеевича Н. П. Кухарчук, являвшаяся уроженкой Западной Украины [40]. По свидетельству ряда современников, с самого начала супружеской жизни Нина Петровна, отличавшаяся очень сильным и властным характером, имела влияние на супруга [41].

Большинство бандеровцев, в том числе и те, сроки заключения которых были весьма значительными, вышли после объявления хрущевской амнистии на свободу. Это подтверждают документы, свидетельствующие о том, что если на 1 января 1951 г. в ИТЛ и ИТК МВД СССР содержалось 129 476 лиц, осужденных за повстанчество и политбандитизм, то на 1 апреля 1956 г. их осталось там всего 520 чел. (ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 258. Л. 1–17) [22], причем в это число входили не только бандеровцы, но и радикальные националисты из Белоруссии, Прибалтики и других регионов СССР.

Фактически большинство радикальных украинских националистов провели в местах лишения свободы не более 5–8 лет. Для того чтобы успокоить общественное мнение, распространялся слух, согласно которому те, у кого руки «по локоть в крови», навечно останутся ссыльными в суровых северных краях [32]. На деле же был издан закрытый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.03.1956 № 134/27 «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания

в ссылку на поселение в отдаленные местности» [42], которым отменялась дополнительная мера наказания в виде бессрочной ссылки на поселение лицам, отбывавшим и отбывшим к моменту его издания лишение свободы за особо опасные государственные преступления. Сохранение бессрочной ссылки на поселение и к тому же во внесудебном порядке, который к тому времени был отменен, было признано нецелесообразным. Лица, находившиеся на поселении, от дальнейшего нахождения в ссылке освобождались [43].

Вскоре на основании секретного постановления Совета Министров СССР от 15.05.1956 № 644-376с «О снятии ограничений по спецпоселению с членов семей украинских и белорусских националистов, освобождаемых из ссылки на поселении» (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 568. Л. 338–339) [22] от административного надзора органов внутренних дел были освобождены и лица указанной категории.

Дальнейшая судьба не до конца «денацифицированных» бандеровцев. Как известно, немало бывших украинских боевиков осталось на постоянное жительство в отдаленных районах мест лишения свободы. Они без каких-либо ограничений трудоустроивались на советских предприятиях, где некоторые из них, имевшие соответствующее профильное образование, назначались и на руководящие должности. Их обеспечивали жильем, создавали условия для ведения домашнего хозяйства на приусадебных участках. Многие семьи в поисках лучшей доли уезжали в другие регионы страны. Некоторые незамужние женщины, решившие забыть о своем прошлом, старались вступить в брак с иногородними мужчинами и сменить фамилию. Со временем в таких семьях появлялись дети, которые и не догадывались о том, что их мать являлась пособницей бандеровцев. Однако подобную судьбу выбрали далеко не все «западенцы». Слишком серьезные силы (как внешние, так и внутренние) были заинтересованы в том, чтобы бандеровская идеология сохранялась [40].

Подавляющая часть бывших заключенных-бандеровцев возвратились в родные места. По разным оценкам, на 1 августа 1956 г. на территорию УССР вернулось более 200 тыс. бывших активных участников бандеровских формирований и ссыльных членов их семей. В соответствии с отмеченным выше указом еще от 40 до 60 тыс. их соратников вернулись на Украину из-за границы. Не претерпев процедуру реальной денацификации, и те, и другие начали разносить бациллу национализма по всей республике, расселяясь не только в западных, но и восточных (Одесской, Харьковской, Донецкой, Днепропетровской, Херсонской и др.) ее областях.

Западные кураторы определили для своих подопечных новый вектор противостояния с властями СССР. На этот раз им было предписано усиленно внедряться в партийные и советские органы Украины, занимать в них руководящие посты и под благовидными предлогами постепенно продвигать националистические идеи в массы, создавая в республике альтернативу русскому миру. Уже к 1970-м гг. многие реабилитированные бандеровцы смогли устроиться на работу в райкомы, областные исполнительные комитеты и

другие властные структуры. Их дети, получая высшее образование, также становились чиновниками и ответственными руководителями, в том числе в правоохранительных органах. Согласно советским партийным архивам, в 1980-х гг. от 35 до 50 % сотрудников райкомов и обкомов КПСС на Западной Украине составляли лица, подвергшиеся в свое время амнистии за участие в бандеровском движении [44].

Так, в мае 1972 г. был снят с должности первый секретарь ЦК КПУ П. Е. Шелест с формулировкой «в связи с переходом на другую работу». Однако, по свидетельству В. В. Щербицкого, который 17 лет возглавлял ЦК КПУ после смещения П. Е. Шелеста, истинная причина отставки последнего была вызвана его националистическими воззрениями. Он выступал за самостоятельную Украину и именно во время его пребывания на указанной должности началось массовое внедрение бывших бандеровцев в партийные и государственные органы республики, сопровождавшееся их дальнейшим карьерным ростом [45].

В первые годы обретения Украиной самостоятельности, пользуясь покровительством первых лиц государства, идеи неонацизма стали регенерироваться ускоренными темпами. Достаточно вспомнить президента Л. Кравчука, принявшего участие в развале СССР, который в свое время гордился тем, что, будучи подростком, носил в бандеровский схрон продукты питания. Второй президент республики Л. Кучма написал книгу «Украина – не Россия», чем поставил себя в один ряд с зачинателями украинского радикального национализма. В. Ющенко присвоил звание героя Украины С. Бандере и Р. Шухевичу, а П. Порошенко, фактически развязавший «горячую войну» с русским миром, инициировал использование украинскими силовиками националистического приветствия «Слава Украине – героям слава!». Нынешний президент Украины В. Зеленский, являясь «достойным продолжателем» традиций своих предшественников, несмотря на свои еврейские корни, открыто проповедует идеи неонацизма бандеровского толка.

Выводы

Советское правительство пошло на гуманизацию отношений со своими непримиримыми врагами – радикальными националистами – вовсе не по причине слабости советских силовых структур, в том числе органов исполнения наказания, и их неспособности справиться с ситуацией, сложившейся в местах лишения свободы. При острой необходимости можно было бы еще во времена Сталина-Берии задействовать на полную мощность репрессивный аппарат и поставить бандеровцев на место. Дело тут в другом. Основная причина – политическая. Власти пытались социализировать участников коллаборационистских движений и пойти с ними на социальный компромисс, основная цель которого была одна – найти идеологические подходы к ним.

Напомним о тех шагах, которые были сделаны властями в этом направлении: 1) первая амнистия для боевиков, осуществленная по инициативе Н. С. Хрущева (1945 г.); 2) отмена смертной казни для всех категорий преступников (1947 г.); 3) дополнительные амнистии для боевиков, осуществленные по инициа-

тиве Н. С. Хрущева (1947–1948 гг.); 4) отмена каторжных работ для рассматриваемой категории осужденных (начало 1950-х гг.); 5) существенные послабления режима содержания в ИТУ; 6) бериевская амнистия от 27.03.1953; 7) хрущевская амнистия от 17.09.1955, открывшая путь на свободу большинству бандеровцев; 8) отмена для них ссылки (1956 г.).

Однако в итоге подобная стратегия не сработала.

Причины сложившейся ситуации нам видятся в следующем: недостаточно активное оперативное реагирование на появление в местах лишения свободы подпольной организации «ОУН-Север» (1948 г.); распространение идей украинского радикального национализма среди заключенных (призванные способствовать этому созданные в свое время особые лагеря не решили данной проблемы). Безусловно, усугубило ситуацию продвижение амнистированных бандеровцев во властные структуры УССР.

Таким образом, официальная денацификация Западной Украины в 1940–1950-х гг. не проводилась. В СССР не был принят закон, осуждавший ОУН-УПА (организация, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации).

Как известно, после окончания Второй мировой войны денацификация осуществлялась в некоторых западных странах по решению Ялтинской и Потсдамской конференций, на основании закона о денацификации. Она предусматривала комплекс мер по очищению немецкого и австрийского общества от идей нацизма. Впоследствии процесс денацификации затронул и некоторых бывших сателлитов разгромленной фашистской Германии – Италию, Венгрию, Румынию, Болгарию и др.

Главным недостатком этих мер в тот период явилась их массовость, они сыграли роль не катализатора, а, наоборот, замедлителя данных процессов. При столь массовой чистке в немецком обществе проявился второй негативный фактор: была практически нивелирована разница между рядовыми членами НСДАП и идейными вдохновителями нацистского движения, что нередко позволяло последним избежать более серьезного уголовного наказания. Изначально сконцентрировавшись в этом плане на работе с рядовым гражданами, государственные органы вынуждены были постепенно смягчать режим репрессивных мер, включая проведение амнистий осужденных-нацистов, что подрывало в итоге суть самого процесса денацификации [46].

В 2022 г. после начала специальной военной операции (СВО) Верховным главнокомандующим Вооруженными силами Российской Федерации

В. В. Путиным была поставлена задача – осуществить демилитаризацию и денацификацию Украины. Он же в ходе интервью с Т. Карлсоном пояснил, что под денацификацией Украины следует понимать запрещение всяческих неонацистских движений и необходимость избавиться от тех людей, которые эту теорию и практику оставляют в жизни и стараются ее сохранить [47].

В этой связи денацификация в целом может быть представлена как процесс очищения какой-либо территории от нацизма. Пенитенциарная денацификация, о которой идет речь в данной статье, – один из элементов общей денацификации, реализуемый с помощью пенитенциарного воздействия на конкретных лиц, причастных к совершению преступлений против человечности на почве нацистской идеологии.

К сожалению, в рамках данной статьи вследствие ее ограниченного объема невозможно уделить особое внимание анализу событий, происходящих сегодня в зоне СВО. Однако на одном обстоятельстве хотелось бы остановиться. Все, что сегодня там происходит, возникло не на пустом месте, а исключительно вследствие реанимации бандеровской неонацистской идеологии. В этой связи выжигать каленым железом идеологию необандеровцев в нынешних условиях следует не только на политических фронтах и полях сражений СВО, но и в местах лишения свободы, куда после осуждения попадают пленные сторонники нацистов, виновные в совершении преступлений против человечности.

В данной связи требуется внесение соответствующих изменений и дополнений в отдельные положения российского уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Наряду с этим целесообразно разработать законопроект о денацификации, где должны быть определены понятие этого процесса, а также меры, в том числе пенитенциарные, призванные воспрепятствовать идеологии бандеровцев. Возможно, для идейных неонацистов следует установить такие оптимальные сроки лишения свободы, которые реально смогут обеспечить их дальнейшую ресоциализацию в нормальном человеческом обществе. А для оценки фактического состояния степени их исправления можно было бы предусмотреть применение методик инструментальной диагностики эмоционального состояния человека и осуществления профайлинга, умноженные на возможности использования технологий искусственного интеллекта. Только использование подобных радикальных мер способно обеспечить достижение целей наказания [48] необандеровцев и пресечь распространение националистических идей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Самсонов А. Миф о борьбе украинских националистов против Гитлера. URL: <https://topwar.ru/195127-mif-o-borbe-ukrainskih-nacionalistov-protiv-gitlera.html> (дата обращения: 04.05.2024).
2. Назаров О. Наша власть должна быть страшной // Историк. 2021. № 78. С. 32–35. URL: <https://историк.рф/journal/post/6522> (дата обращения: 16.05.2024).
3. Лысяк-Рудницкий И. П. Между историей и политикой. М.; СПб., 2007. 636 с.
4. История внешней политики СССР. 1917–1985 гг.: в 2 т. М., 1986. Т. 1 (1917–1945 гг.). 534 с.
5. Павлов Д. «Бандеровцы» и формирование национальной идентичности на Украине // Вопросы национализма. 2014. № 2 (18). С. 68–74.

6. Сидорчик А. Польский поход РККА. Почему у СССР в сентябре 1939 года не было выбора // Аргументы и факты. 2019. 18 сент.
7. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. 862 с.
8. Полонский И. Жизненное пространство для избранных. Украину хотели зачистить от прежнего населения. URL: <https://topwar.ru/130322-zhiznennoe-prostranstvo-dlya-izbrannyh-ukrainu-hoteli-zachistit-ot-prezhnego-naseleniya.html> (дата обращения: 16.05.2024).
9. Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. М., 2003. 492 с.
10. Лебедев А. НКВД против УПА – война после Победы. URL: <https://topwar.ru/17965-nkvd-protiv-upa-voyna-posle-pobedy.html> (дата обращения: 13.05.2024).
11. Окоороков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны : моногр. М., 2000. 174 с.
12. О преступлениях бандеровцев от 1940-х годов до наших дней. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/istoricheskie_materialy/1904942/ (дата обращения: 09.07.2024).
13. Макарычев М. 80 лет назад украинские националисты начали Волынскую резню – массовый геноцид мирного населения // Российская газета. 2023. 11 фев.
14. Зверствами бандеровцев был возмущен даже Гитлер. URL: <https://rplawyer.ru/prestupleniya-bandery-protiv-gossii/> (дата обращения: 21.06.2024).
15. Панов В. От Петлюры до Зеленского. Злодеяния украинского национализма как метод борьбы за «незалежность». URL: https://www.stoletie.ru/politika/ot_petlury_do_zelenskogo_181.htm (дата обращения: 17.05.2024).
16. Соколова Е. Люди, будьте бдительны: фашизм возрождается // Правда. 2017. № 132 (30629).
17. Бандеровщина / сост. А. Р. Андреев, С. А. Шумов. М., 2005. 304 с.
18. Корякин О. Как советские спецслужбы разгромили ОУН-УПА // Российская газета. 2015. 19 мая.
19. О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников : указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943. URL: <https://nurnberg1945.ru/posts/ukaz-prezidiuma-verkhovnogo-soveta-sssr-ot-19-aprelya-1943-goda> (дата обращения: 07.05.2024).
20. Об организации отделений каторжных работ при исправительно-трудовых лагерях НКВД : приказ НКВД СССР от 11.06.1943 № 00968. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/177247> (дата обращения: 07.05.2024).
21. Луканин В. В. Каторжные работы в СССР как мера уголовного наказания // Уголовно-исправительное право. 2015. № 2 (20). С. 105–109.
22. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956 гг.) : сб. док. / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М., 2008. 640 с.
23. Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918–1958. М., 2006. 438 с.
24. Об отмене смертной казни : указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.05.1947. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_26.05.1947_об_отмене_смертной_казни (дата обращения: 12.04.2024).
25. Самсонов А. Зачем Хрущев амнистировал бандеровцев и власовцев. URL: <https://msk.kprf.ru/2021/06/03/161398/> (дата обращения: 02.05.2024).
26. Сидоров А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941–1991 гг.). Ростов н/Д, 1999. 64 с.
27. Полонский И. Кенгирское восстание: бандеровцы и «лесные братья» против ГУЛАГа. URL: <https://topwar.ru/157976-kengirskoe-voostanie-banderovcy-i-lesnye-bratja-protiv-gulaga.html> (дата обращения: 09.07.2024).
28. О выселении в порядке ответных мер членов семей оуновцев и активных бандитов в северные районы страны : постановление Совета Министров СССР от 04.10.1948 № 3728-1524сс. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165721-sovet-ministrov-sssr-postanovlenie-3728-1524-ss-o-vyselenii-na-spetsposelenie-s-territorii-zapadnyh-oblastey-ussr-semey-banditov-natsionalistov-i-banditov-otvet-na-sovershennye-banditami-diversionno-terroristicheskie-akty-moskva-kreml> (дата обращения: 09.07.2024).
29. О выселении кулаков с семьями с территории Волынской, Дрогобычской, Львовской, Ровенской, Станиславской, Тернопольской, Черновицкой и Закарпатской областей Украинской ССР : постановление Совета Министров СССР от 23.01.1951 № 189-88сс // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. М., 2004. Т. 1. С. 541–542.
30. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960. М., 2005. 306 с.
31. Светлов М. История противостояния ОУН-УПА в исправительно-трудовых лагерях НКВД-МГБ-МВД. URL: <https://topwar.ru/235107-istorija-protivostojaniya-oun-upa-v-ispravitelnoe-trudovyh-lagerjah-nkvd-mgb-mvd.html> (дата обращения: 03.05.2024).
32. Бовин Б. Г., Казберов П. Н., Бовина И. Б. Радикализация в местах заключения: подход социальной идентичности // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 3. С. 415–424.
33. Якунин И. Почему тысячи украинских националистов в середине 1950-х оказались на свободе в СССР. Историк Юрий Емельянов рассказал КР.RU, как Хрущев выпустил из лагерей бандеровцев и чем это обернулось // Комсомольская правда. 2022. 29 авг.
34. О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам : указ Президиума Верховного Совета СССР от 12.01.1950. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5964#OSHO1DUYfBy9v3pw> (дата обращения: 12.05.2024).
35. Об амнистии : указ Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.1953. URL: <https://base.garant.ru/70805432/> (дата обращения: 04.05.2024).
36. Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : указ Президиума Верховного Совета СССР от 17.09.1955. URL: <https://base.garant.ru/70805408/> (дата обращения: 04.05.2024).

37. Зотов С. Как судили бандеровцев. URL: <https://topwar.ru/62286-kak-sudili-banderovcev.html> (дата обращения: 02.05.2024).
38. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования : в 3 кн. / ред. Н. Д. Солженицына. Екатеринбург, 2006. Кн. 3. Часть шестая. Ссылка. Гл. 6. Ссылное благоденствие. 394 с.
39. Мирная Е. Бандеровцы в почете. Почему Хрущев добился для них амнистии в СССР // Аргументы и факты. 2022. 12 мая.
40. Охота на Бандеру. 1 серия. Найти и обезвредить. URL: https://www.ntv.ru/peredacha/based_on_real_events/m75060/o763265 (дата обращения: 11.05.2024).
41. Спицын Е. Как Хрущев стал украинцем // Литературная газета. 2019. 16 окт.
42. Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности» : указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.03.1956 № 134/27. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8146#ChLxRCU2bIEMDgit> (дата обращения: 11.05.2024).
43. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы : в 3 т. М., 2000. Т. 1. 503 с.
44. Амнистия 1955 года открыла дорогу бандеровскому реваншу, заявили в РВИО. Научный директор РВИО // РИА Новости. 2022. 22 марта. URL: <https://ria.ru/20220322/ukraina-1779473358.html> (дата обращения: 09.07.2024).
45. Спицын Е. Украинская химера, или 23 ступени в пропасть. Часть 1. Кравчук. URL: [https://www.fssb.su/history-state-security-traitors/1418-ukrainskaya-himera-ili-23-stupeni-v-propast-chast-1-kravchuk.html](https://www.fssb.su/history-state-security/history-state-security-traitors/1418-ukrainskaya-himera-ili-23-stupeni-v-propast-chast-1-kravchuk.html) (дата обращения: 15.05.2024).
46. Скоморохов Р. Денацификация: как и кого? URL: <https://topwar.ru/193242-denacifikacija-kak-i-kogo.html> (дата обращения: 20.06.2024).
47. Ринаева И. Полный текст интервью Владимира Путина Такеру Карлсону: что сказал президент // Комсомольская правда. 2024. 9 фев.
48. Дворянсков И. В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 247–259.

REFERENCES

- Samsonov A. *Mif o bor'be ukrainskikh natsionalistov protiv Gitlera* [The myth of the struggle of Ukrainian nationalists against Hitler]. Available at: <https://topwar.ru/195127-mif-o-borbe-ukrainskikh-natsionalistov-protiv-gitlera.html> (accessed May 4, 2024).
- Nazarov O. Our power must be terrible. *Istorik = Historian*, 2021, no. 78, pp. 32–35. Available at: <https://istorik.ru/journal/post/6522> (accessed May 16, 2024).
- Lysyak-Rudnitskii I.P. *Mezhdru istoriei i politiko* [Between history and politics]. Moscow; Saint Petersburg, 2007. 636 p.
- Istoriya vneshnei politiki SSSR. 1917–1985 gg.: v 2 t. T. 1 (1917–1945 gg.)* [The history of the USSR's foreign policy. 1917–1985: in 2 volumes, 1986. Vol. 1 (1917–1945)]. Moscow, 1986. 534 p.
- Pavlov D. Bandera and the formation of national identity in Ukraine. *Voprosy natsionalizma = Issues of Nationalism*, 2014, no. 2 (18), pp. 68–74. (In Russ.).
- Sidorchik A. The Polish campaign of the Red Army. Why the USSR had no choice in September 1939. *Argumenty i fakty = Arguments and Facts*, 2019, September 18.
- Semiryaga M.I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow, 2000. 862 p.
- Polonskii I. *Zhiznennoe prostranstvo dlya izbrannykh. Ukrainu khoteli zachistit' ot prezhnego naseleniya* [Living space for the elite. They wanted to purge Ukraine of its former population]. Available at: <https://topwar.ru/130322-zhiznennoe-prostranstvo-dlya-izbrannykh-ukrainu-hoteli-zachistit-ot-prezhnego-naseleniya.html> (accessed May 16, 2024).
- Zaleskii K.A. *Kto byl kto vo Vtoroi mirovoi voine. Soyuzniki Germanii* [Who was who in the Second World War. Allies of Germany]. Moscow, 2003. 492 p.
- Lebedev A. *NKVD protiv UPA – voina posle Pobedy* [NKVD against the UPA – the war after the Victory]. Available at: <https://topwar.ru/17965-nkvd-protiv-upa-voyna-posle-pobedy.html> (accessed May 13, 2024).
- Okorokov A.V. *Antisovetskie voinskie formirovaniya v gody Vtoroi mirovoi voiny: monogr.* [Anti-Soviet military formations during the Second World War: monograph]. Moscow, 2000. 174 p.
- O prestupleniyakh banderovtsev ot 1940-kh godov do nashikh dnei* [About crimes of the Banderites from the 1940s to the present day]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/istoricheskie_materialy/1904942/ (accessed May 7, 2024).
- Makarychev M. 80 years ago Ukrainian nationalists began the Volhynia massacre – a mass genocide of civilians. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2023, February 11.
- Zverstvami banderovtsev byl vozmushchen dazhe Gitler* [Even Hitler was outraged by atrocities of the Banderites]. Available at: <https://rplawyer.ru/prestupleniya-bandery-protiv-rossii/> (accessed June 21, 2024).
- Panov V. *O Petlyury do Zelenskogo. Zlodeyaniya ukrainskogo natsionalizma kak metod bor'by za "nezalezhnost"* [From Petliura to Zelensky. Atrocities of Ukrainian nationalism as a method of fighting for "independence"]. Available at: https://www.stoletie.ru/politika/ot_petlury_do_zelenskogo_181.htm (accessed May 17, 2024).
- Sokolova E. People, be vigilant: fascism is reborn. *Pravda = Truth*, 2017, no. 132 (In Russ.).
- Banderovshchina* [Banderites]. Comp. by Andreev A.R., Shumov S.A. Moscow, 2005. 304 p.
- Koryakin O. How the Soviet secret services defeated the OUN-UPA. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2015, May 19.
- O merakh nakazaniya dlya nemetsko-fashistskikh zlodeev, vinovnykh v ubiistvakh i istyazaniyakh sovetskogo grazhdanskogo naseleniya i plennykh krasnoarmeitsev, dlya shpionov, izmennikov rodiny iz chisla sovetskikh grazhdan i dlya ikh posobnikov: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 19.04.1943* [On Punishment Measures for Nazi

- Evildoers Guilty of Murder and Torture of the Soviet Civilian Population and Captured Red Army Soldiers, for Spies, Traitors to the Motherland from among Soviet Citizens and Their Accomplices: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 19, 1943]. Available at: <https://nurnberg1945.ru/posts/ukaz-prezidiuma-verkhovnogo-soveta-sssr-ot-19-aprelya-1943-goda> (accessed May 7, 2024).
20. *Ob organizatsii otdelenii katorzhnykh rabot pri ispravitel'no-trudovykh lageryakh NKVD: prikaz NKVD SSSR ot 11.06.1943 No. 00968* [On the Organization of Hard Labor Departments at NKVD Correctional Labor Camps: Order of the NKVD of the USSR No. 00968 of June 11, 1943]. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/177247> (accessed May 7, 2024).
21. Lukanin V.V. Hard labor in the USSR as a measure of criminal punishment. *Ugolovno-ispravitel'noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 2 (20), pp. 105–109. (In Russ.).
22. *NKVD–MVD SSSR v bor'be s banditizmom i vooruzhennym natsionalisticheskim podpol'em na Zapadnoi Ukrainie, v Zapadnoi Belo-russii i Pribaltike (1939–1956 gg.): sb. dok.* [NKVD–Ministry of Internal Affairs of the USSR in the fight against banditry and armed nationalist underground in Western Ukraine, Western White Russia and the Baltic States (1939–1956): collection of documents]. Comp. by Vladimirtsev N.I., Kokurin A.I. Moscow, 2008. 640 p.
23. Ivanova G.M. *Istoriya GULAGa. 1918–1958* [History of the Gulag. 1918–1958]. Moscow, 2006. 438 p.
24. *Ob otmene smertnoi kazni: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26.05.1947* [On the Abolition of the Death Penalty: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of May 26, 1947]. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/Ukaz_Prezidiuma_VS_SSSR_ot_26.05.1947_ob_otmene_smertnoi_kazni (accessed April 12, 2024).
25. Samsonov A. *Zachem Khrushchev amnistiroval banderovtsev i vlasov-tsev* [Why Khrushchev amnestied the Banderites and Vlasovites]. Available at: <https://msk.kprf.ru/2021/06/03/161398/> (accessed May 2 2024).
26. Sidorov A.A. *Velikie bitvy ugovnogo mira. Istoriya professional'noi prestupnosti Sovetskoi Rossii. Kniga vtoraya (1941–1991 gg.)* [Great battles of the criminal world. History of professional crime in Soviet Russia. Book 2 (1941–1991)]. Rostov on Don, 1999. 64 p.
27. Polonskii I. *Kengirskoe vosstanie: banderovtsy i «lesnye bra-t'ya» protiv GULAGa* [Kengir uprising: the Banderites and “forest brothers: against the GULAG]. Available at: <https://topwar.ru/157976-kengirskoe-vosstanie-banderovtsy-i-lesnye-bratja-protiv-gulaga.html> (accessed July 9, 2024).
28. *O vyselenii v poryadke otvetnykh mer chlenov semei ounovtsev i aktivnykh banditov v severnye raiony strany: postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 04.10.1948 № 3728-1524ss* [On the eviction of family members of the OUN and active bandits to the northern regions of the country: Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 3728-1524ss of October 4, 1948]. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165721-sovet-ministrov-sssr-postanovlenie-3728-1524-ss-o-vyselenii-na-spetsposelenie-s-territorii-zapadnyh-oblastey-ussr-semey-banditov-natsionalistov-i-bandposobnikov-v-otvet-na-sovershennyye-banditami-diversionno-terroristicheskie-akty-moskva-kreml> (accessed July 9, 2024).
29. On the eviction of Kulaks with their families from the territory of Volyn, Drogo-Bych, Lviv, Rivne, Stanislavsky, Ternopil, Chernovitsky and Transcarpathian regions of the Ukrainian SSR: Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 189-88ss of January 23, 1951. In: *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov: v 7 t. T. 1* [History of the Stalinist GULAG. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: collection of documents: in 7 volumes. Vol. 1]. Moscow, 2004. Pp. 541–542. (In Russ.).
30. Zemskov V.N. *Spetsposelentsy v SSSR: 1930–1960* [Special settlers in the USSR: 1930–1960]. Moscow, 2005. 306 p.
31. Svetlov M. *Istoriya protivostoyaniya OUN-UPA v ispravitel'no-trudovykh lageryakh NKVD-MGB-MVD* [History of the OUN-UPA confrontation in the NKVD-MGB-MIA correctional labor camps.]. Available at: <https://topwar.ru/235107-istoriya-protivostojaniya-oun-upa-v-ispravitelnoe-trudovykh-lagerjah-nkvd-mgb-mvd.html> (accessed May 3, 2024).
32. Bovin B.G., Kazberov P.N., Bovina I.B. Radicalization in prison: social identity perspective. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 415–424. (In Russ.).
33. Yakunin I. Why thousands of Ukrainian nationalists were released in the USSR in the mid-1950s. Historian Yuri Yemelyanov told KPRU how Khrushchev released the Banderites from camps and how it turned out. *Komsomol'skaya Pravda = Komsomol Truth*, 2022, August 29.
34. *O primenenii smertnoi kazni k izmennikam Rodiny, shpionam, podryvnikam-diversantam: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 12.01.1950* [On the Application of the Death Penalty to Traitors to the Motherland, Spies, Subversive Saboteur: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of January 12, 1950]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5964#OSHO1DUYfBy9v3pw> (accessed May 12, 2024).
35. *Ob amnistii: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 27.03.1953* [On Amnesty: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of March 27, 1953]. Available at: <https://base.garant.ru/70805432/> (accessed May 4, 2024).
36. *Ob amnistii sovetskikh grazhdan, sotrudnichavshikh s okkupantami v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 17.09.1955* [On Amnesty for Soviet Citizens Who Collaborated with the Occupiers during the Great Patriotic War of 1941–1945: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of September 17, 1955]. Available at: <https://base.garant.ru/70805408/> (accessed May 4, 2024).
37. Zotov S. *Kak sudili banderovtsev* [How the Banderites were tried]. Available at: <https://topwar.ru/62286-kak-sudili-banderovtsev.html> (accessed May 2, 2024).
38. Solzhenitsyn A.I. *Arhipelag GULAG. 1918–1956: Opyt khu-dozhestvennogo issledovaniya: v 3 kn. Kn. 3. Chast' shestaya. Ssylka. Gl. 6. Ssyl'noe blagodenstvie* [The GULAG Archipelago. 1918–1956: Experience of scientific research: in 3 books. Book 3. Part 6. Exile. Chapter 6. Exile welfare]. Ed. by Solzhenitsyna N.D., 2006. 394 p.
39. Mirnaya E. The Banderites are honored. Why Khrushchev obtained amnesty for them in the USSR. *Argumenty i fakty = Arguments and Facts*, 2022, May 12. (In Russ.).
40. *Okhota na Banderu. 1 seriya. Naiti i obezvredit'* [Hunting for Bandera. 1 episode. Find and neutralize]. Available at: https://www.ntv.ru/peredacha/based_on_real_events/m75060/o763265 (accessed May 11, 2024).
41. Spitsyn E. How Khrushchev became a Ukrainian. *Literaturnaya gazeta = Literature Newspaper*, 2019, October 16. (In Russ.).

42. *Ob otmene Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 21 fevralya 1948 g. "O napravlenii osobo opasnykh gosudarstvennykh prestupnikov po otbytii nakazaniya v ssylku na poselenie v otdalennye mestnosti": ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 10.03.1956 No. 134/27* [On the Abolition of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of February 21, 1948 "On Sending Especially Dangerous State Criminals after Serving Their Sentences in Exile for Settlement in Remote Areas": Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR No. 134/27 of March 10, 1956]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8146#ChLxRCU2bIEMDg> it (accessed May 11, 2024).

43. *Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy: v 3 t. T. 1* [Rehabilitation: How it was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials: in 3 volumes. Vol. 1]. Moscow, 2000. 503 p.

44. The amnesty of 1955 opened the way for Bandera's revenge, the RVIO Scientific Director M.Yu. Myagkov: Khrushchev's army opened the way for Bandera's revenge. *RIA Novosti = RIA News*, 2022, March 22. Available at: <https://ria.ru/20220322/ukraina-1779473358.html> (In Russ.). (Accessed July 9, 2024).

45. Spitsyn E. *Ukrainskaya khimera ili 23 stupeni v propast'. Chast' 1. Kravchuk* [The Ukrainian chimera or 23 steps into the abyss. Part 1. Kravchuk]. Available at: <https://www.fssb.su/history-state-security/history-state-security-traitors/1418-ukrainskaya-himera-ili-23-stupeni-v-propast'-chast-1-kravchuk.html> (accessed May 15, 2024).

46. Skomorokhov R. *Denatsifikatsiya: kak i kogo?* [Denazification: How and whom?]. Available at: <https://topwar.ru/193242-denatsifikacija-kak-i-kogo.html> (accessed June 20, 2024).

47. Rinaeva I. Full text of Vladimir Putin's interview with Tucker Carlson: what the president said. *Komsomol'skaya Pravda = Komsomol Truth*, 2024, February 9. (In Russ.).

48. Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Российской таможенной академии, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

EVGENII N. YAKOVETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Criminal Law Department of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Статья поступила 18.05.2024

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.008

Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (системный анализ текущей официальной уголовной политики и противоречивой судебной практики)

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

nikita_kolokolov@mail.ru

Реферат

Введение: настоящей публикацией мы завершаем освещение результатов исследования парной категории «значительное – малозначительное» в уголовном праве современной России. *Цель:* изложить анонсированный ранее материал исследования практики применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, содержащейся в решениях Первого кассационного суда общей юрисдикции, дать предметный анализ рационального и иррационального в отнесении тех или иных действий к категории уголовно наказуемых деяний, представить результаты мониторинга практики применения ст. 158.1 УК РФ. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, диалектического познания, анализ и синтез, метод сбора информации (интервьюирование ряда ученых и практиков по вопросу толкования ими ч. 2 ст. 14 УК РФ). Статья содержит *результаты* сравнительного анализа как типовых, так и совершенно различных по своей природе не только правовых, но и чисто организационных ситуаций. Уточнено совокупное доктринальное знание о каждой из анализируемых категорий. *Выводы:* концепция соотношения категорий «форма» и «содержание», «значимое» и «малозначимое» в уголовном праве в российской юридической науке надлежащим образом все еще не разработана. Автор утверждает, что малозначительность деяния не зависит от того, является ли инкриминируемый конкретному лицу состав преступления материальным или формальным (равно усеченным). Главное в преступлении – реальность степени общественной опасности. Автор поддерживает теоретиков и практиков, предлагающих вынести социально значимую проблему малозначительности деяния в уголовном праве на обсуждение Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ); парные категории; уголовное право; фундаментальный принцип права; свобода судебного выбора; общественная опасность; наказательное право; правонарушение; правонарушение, предусмотренное КоАП РФ; уголовный проступок; виртуальная (предполагаемая) польза наказания; реальный социальный вред наказания; судебная практика; единство судебной практики.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (системный анализ текущей официальной уголовной политики и противоречивой судебной практики) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 411–427. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.008.

Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (Systematic Analysis of Current Official Criminal Policy and Controversial Judicial Practice)

NIKITA A. KOLOKOLOV

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia
 Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
 nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract

Introduction: with this publication we conclude the coverage of results of the study of the paired category “significant – insignificant” in criminal law of modern Russia. *Purpose:* to present the previously announced research material on the practice of applying the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation contained in the decisions of the First Court of Cassation of General Jurisdiction, to give a substantive analysis of the rational and irrational in classifying certain actions as criminally punishable acts, and to present results of the monitoring of the practice of applying Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Methods:* historical, comparative legal, dialectical cognition, analysis and synthesis, method of collecting information (interviewing a number of scientists and practitioners on the issue of their interpretation of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article contains *results* of the comparative analysis of both typical and organizational situations. The cumulative doctrinal knowledge about each of the analyzed categories is clarified. *Conclusion:* there is still no properly developed concept for correlating categories of “form” and “content”, “significant” and “insignificant” in Russian legal science. The author argues that the insignificance of the act does not depend on whether the corpus delicti incriminated to a particular person is material or formal. The main thing in the crime is the reality of the degree of public danger. The author supports theorists and practitioners who propose to bring the socially significant problem of the insignificance of an act in criminal law to the discussion of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: insignificance of the act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation); paired categories; criminal law; fundamental principle of law; freedom of judicial choice; public danger; punitive law; offense; offense provided for by the Administrative Code of the Russian Federation; criminal misconduct; virtual (alleged) benefit of punishment; real social harm of punishment; judicial practice; unity of judicial practice.

5.1.4. Criminal law sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (systematic analysis of current official criminal policy and controversial judicial practice). *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 411–427. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.008.

Категории «значительное» и «малозначительное» – знаковые элементы текущей уголовной политики

Определение соотношения понятий значимости и малой значимости в уголовном законе применительно к категориям «степень общественной опасности» и «степень социальной вредности» – исключительная компетенция федерального законодателя, поскольку только ему в рамках концепции разделения властей в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 10, п. «о» ст. 71) предоставлено право официальной криминализации и декриминализации (в том числе частичной) конкретных деяний.

С учетом значимости содеянного классическим примером такой частичной декриминализации априори опасных по своей антигосударственной сущности преступлений (получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ) и посредничество во взятничестве (ст. 291.1 УК РФ)), явилось дополнение 3 июля 2016 г. УК РФ составом «мелкое взятничество» (ст. 291.2) [1].

Принимая данное важное для многих государственных и муниципальных служащих решение в связке «значимое – малозначимое», законодатель разумно исходил из того, что, во-первых, по статистике сумма взятки (как правило, скромного подар-

ка) крайне редко превышает 10 тыс. руб.; во-вторых, основная масса выявленных системой правоохраны лиц, их получающих, – люди по своему социально-правовому настрою в целом позитивные и, главное, для общества не только неопасные, но и очень ему нужные (врачи, преподаватели) [2]; в-третьих, массовый взятокодатель считает, что в случае совершения незначительного правонарушения легче откупиться малыми деньгами, чем нести какое-то формальное наказание [3].

Для сравнения, в тот же день (3 июля 2016 г.) законодатель, осознав, что инструментарий КоАП РФ в отношении заведомо неисправимых «мелких во-ришек» явно не эффективен, криминализировал совершение всех без исключения незначительных краж лицами, которые уже подвергались наказанию в виде административного штрафа за мелкое хищение (ч. 2 ст. 7.27) [4].

Аналогично в 2007–2022 гг. законодателем был разрешен вопрос и о частичной, а то и полной декриминализации причинения побоев и легкого вреда здоровью потерпевшего в ходе бытовых конфликтов как на почве личной неприязни (ст. 116, 116.1 УК РФ), так и при совершении хулиганства (ст. 213 УК РФ), именуемого злостным только ввиду наличия квалифицирующих признаков «особая дерзость» и «исключительный цинизм» [5].

Как видим, категории «значимое» и «малозначимое» в уголовном праве постсоветской России (1991–2024 гг.) не являются чем-то незыблемым, напротив, оказывается, что эти идеологические штампы довольно подвижны, а их стремительная, зачастую даже противоречивая трансформация обусловлена социально-политическими факторами [6].

Очевидно, что криминализацию и декриминализацию тех или иных действий законодатель осуществляет в рамках официальной уголовной политики. Очень многие теоретики и практики, воспитанные на концепциях (имеющих марксистско-ленинские корни), подразумевающих возможность скорой ликвидации преступности, требуют от законодателя четких алгоритмов борьбы с преступниками, перспектива применения которых просматривались бы на десятилетия вперед [7]. Думается, что подобные ожидания применительно к уголовной политике наивны, во-первых, в силу того, что не опровергнут главный постулат криминологии: преступность – вечный спутник человеческого общества.

Неслучайно профессор А. И. Клименко, анализируя политику государства, в пункте первом еще своей кандидатской диссертации, констатировал: «каждому государству присуща идеологическая функция, которую оно осуществляет как явно, так и скрыто» [8]. Особо отметим, что диссертационный совет с данным выводом полностью согласился.

Если часть уголовной политики – априори государственная тайна, то государственный аппарат в сфере борьбы с преступностью зачастую вынужден действовать по правилам правового эксперимента.

Автор этих строк всегда исходил из того, что уголовная политика – «загадочная очевидность» [9]. Ибо, с одной стороны, с преступностью необходимо бо-

роться, а с другой – у государства есть и иные цели. Как отмечал академик В. Н. Кудрявцев, «стратегии борьбы с преступностью – производный продукт» [10, с. 55].

Исследование целого ряда пояснительных записок к проектам федеральных законов, инициаторы которых предлагали модернизировать действующий УК РФ (в основном расширить криминализацию, ужесточить санкции), а равно доверительные беседы с некоторыми из них (включенное наблюдение) позволяют сделать неутешительный вывод: авторы большинства законопроектов профессионалами своего дела не являются, действуют исключительно по интуиции, в рамках признаваемого общей теорией права законодательного эксперимента. Сказанное свидетельствует о том, что эмпирическая база практически всех новейших законодательных инициатив отсутствует, а их лоббисты не знают показателей реальной и латентной преступности, с которой настроились решительно бороться с помощью «дубины» уголовного права, и плохо представляют результаты действия новых законов в будущем.

Так, как все же бороться с преступностью? Профессор В. В. Лунев очень любил спрашивать читателя, что следует сделать в случае кражи ценной вещи в изолированной аудитории: 1) сразу всех обыскать, найти предмет и виновного или 2) расследовать дело в течение многих месяцев и ничего не найти [11]. Очевидно, что известный ученый как минимум лукавил (налицо подмена основания в споре), ибо подвергнуть всех присутствующих в аудитории тщательному и полному обыску, конечно, можно, унизив тем самым сразу всех и каждого, возможно искомая вещь даже найдется, а вот что касается выявления виновного, то опытный вор найдет способ своевременно избавиться от краденого.

Незаконная провокация, нередко фальсификация материалов уголовного дела встречается в современной действительности.

Так, члены оперативной группы, возглавляемой полковником полиции Г. (который официально «исходил из ложно понимаемых интересов службы»), последовательно подбрасывали сити-менеджерам г. Смоленска как взятку один и тот же «входной билет» на участие в благоустройстве города (пакет с 5 млн руб.), после чего от чиновников требовали нести эти деньги «выше», включая губернатора региона. Запущенный Г. механизм провокаций до определенного момента работал без сбоев, испуганные сотрудники администрации оказывали «содействие» органам правоохраны и несли деньги коллегам. И только один глава города категорически отказался участвовать в этом фарсе, деньги губернатору области не понес, за что длительное время дождался решения свой участи в СИЗО. В итоге справедливость восторжествовала, сотрудники МВД России, возглавляемые руководителем одного из структурных подразделений министерства генерал-лейтенантом полиции С. – начальником Г., понесли законное наказание (Апелляционные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 г. № 5-АПУ17-103сс, от 12.04.2017 № 36-АПУ17-10сс).

Зададимся вопросом: в борьбе с преступностью с учетом значимости конкретных ее проявлений любые методы хороши? Вспомним осужденный ныне юридической наукой закон «о трех колосках» (Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»), согласно которому хищение государственного имущества максимально сурово каралось вне зависимости от объема и стоимости похищенного (при этом признаваемый УК РСФСР 1924–1926 гг. институт малозначительности никто не отменял).

Что поделаться с тем, что в отдельные годы наша Фемида была суровой. Например, в 1942 г. «за систематический контрреволюционный саботаж (фактически только за 34 дня прогулов и изготовление фиктивных справок) слесарь Ч. по ст. 58-12 УК РСФСР 1926 г. дважды (!) осуждался к смертной казни». Правда, включая Президиум Верховного Суда СССР, нашлись судьи, которые даже в те суровые годы догадались переквалифицировать содеянное виновным сначала на ст. 58-12 УК РСФСР 1926 г., по которой Ч. было назначено всего 10 лет лишения свободы. Уже в наши дни Президиум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 21.07.2010 № 201п10пр переквалифицировал содеянное Ч. на ч. 1 ст. 72 УК РСФСР 1926 г., смягчив наказание до двух лет лишения свободы.

Как известно, любое судебное действие по своей природе сакрально, ибо имеет глубоко религиозный контент. Поэтому каждое осознанное или неосознанное когнитивное искажение – ошибка в восприятии и интерпретации действительности судами – имеет негативные последствия вне зависимости от того, какие цели при этом преследовались.

Стратегии борьбы с преступностью, о которых писал академик В. Н. Кудрявцев, не исключают применения по отношению к правонарушителю любых мер, от его уничтожения (убийство при задержании, смертная казнь) до взаимовыгодного (пусть и вынужденного) договора между преступником и государством [10]. Подчеркнем, что формы сотрудничества государства с преступником могут быть самыми разными – от назначения мягкого наказания за организацию особо тяжкого преступления [12] до последовательного выдвижения ряда изначально ложных идей, ошибочно кем-то толкуемых как истинные, как было по делу решительного борца с браконьерами в Курганской области, действия которого умышленно квалифицировались как малозначительное деяние [13], или в 1942 г. по делу Ч.

Это только принято считать, что цели уголовной политики предельно просты и понятны всем. Неслучайно профессор Л. В. Головкин отмечает: «если сегодня и есть в уголовно-процессуальной науке что-то по-настоящему актуальное, то это проблема государства и его роли в организации и функционировании судопроизводства» [14, с. 5].

Касаясь проблемы соотношения категорий «значимое» и «малозначимое», законодатель в ч. 2 ст. 14 УК РФ четко заявил об ее существовании, однозначно

передавая (пусть и не без оговорок) решение данного вопроса на усмотрение правоприменителя (дознавателя, следователя, прокурора и суда).

Позволим себе сделать вывод о том, что данная решительность законодателя в конечном итоге пребывает в исключительно сложной корреляции (взаимная зависимость сопоставляемых понятий) со смелостью судебного усмотрения. Некоторые примеры такой практики нами уже описаны. В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приравнивала отдельные имущественные отношения сожителей к аналогичным отношениям супругов, следовательно, был сделан вывод о том, что имущественного преступления вообще не было [15]. В то же время те же судьи отказали Ф. (любовнице мужа экс-сенатора В. А. Петренко) в признании за ней права на де-факто (но не де-юре) подаренный осужденной к реальному лишению свободы автомобиль [16]. Аналогичным образом как малозначительное деяние судебная коллегия расценила самоуправство – фактически самозащиту собственников от недобросовестных контрагентов по гражданско-правовым сделкам [17].

Сказанное означает, что одни и те же по форме социальные явления могут получить в судах как позитивную, так и негативную оценку. В первом случае деяние расценивается как малозначимое, во втором – как значимое.

Вина конкретного лица в любом случае должна быть доказана. Система алгоритмов выявления противоправных (преступных) проявлений ориентирована, во-первых, на массовые правонарушения (преступления), во-вторых, на изобличение правонарушителя (преступника). Исследование парной категории «соотношение значительного и малозначительного» в уголовном праве нам позволило выявить уникальные массовые противоправные проявления, которые, несмотря на социальную значимость, должной правовой оценки так и не получили [18].

Например, в современной России открыто процветает явно криминальный бизнес – изготовление и реализация за умеренную плату подложных чеков, с помощью которых в первую очередь водители-дальнобойщики легализуют свои расходы, якобы понесенные ими, при оплате проезда по платным дорогам, за проживание в отелях и парковку. Имущественный ущерб в данном случае причиняется владельцу денежных средств, который заранее авансирует расходы конкретного водителя. В данной противоправной комбинации: водитель – расхититель (ст. 160 УК РФ), а лицо, изготавливающее подложные чеки («чекист»), – его пособник.

Правоохранительные органы неоднократно пытались разработать методику выявления данной разновидности правонарушений (с учетом объема преступного оборота – преступлений), привлечь виновных в сбыте подложных чеков к уголовной ответственности, но безуспешно, поскольку действующее законодательство требует от органов предварительного расследования и суда в каждом конкретном случае установить не только: 1) личность конкретного «чекиста», который открыто рекламирует свою дея-

тельность, 2) факт сбыта им подложного чека, но и 3) всех потребителей его криминальных услуг и 4) всех потерпевших. Очевидно, что проследить всю цепочку движения подложного чека трудно и затратно, поэтому от уголовного преследования «чекистов» просто отмахнулись, мотивируя это тем, что содеянное ими в каждом конкретном случае не выходит за рамки мелкого хищения (ст. 7.27 КоАП РФ, оперативно-розыскные мероприятия в данном случае законом не предусмотрены), в силу чего, согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, каждое деяние малозначительно [19]. Вместе с тем очевидно, что «чекисты» [20; 21] – категория криминальная, нередко сбыт заведомо подложных чеков организован ранее судимыми лицами. Очевидно также и то, что массовый демонстративный сбор криминальными авторитетами «грязных денег» [22] – явление далеко не малозначительное, следовательно, ему должно быть организовано противодействие.

Скажем больше, метод борьбы с такого рода противоправными проявлениями известен: объективное вменение – уголовный запрет на явно преступное поведение, приносящее правонарушителям немалые доходы.

В то же время не будем отрицать, что определенные меры в сфере борьбы с «чекистами» иногда предпринимаются. Правда, в конкретной ситуации «удар» системой правоохраны был нанесен не по «чекистам», а по неудачливым потребителям их криминальных услуг: четырем офицерам Росгвардии, купившим у не установленных по делу лиц фальшивые чеки на расходы офицеров на жилье в командировке. Существующие в Национальной гвардии современные системы учетов позволили быстро доказать, что чеки подложные.

Однако логического завершения данное начинание так и не получило, хозяев преступного бизнеса никто искать не стал. Удивительно, но факт: сама база преступного явления не заинтересовала ни органы предварительного расследования, ни прокуратуру, ни суд. Несмотря на то что по делам росгвардейцев в общей сложности было постановлено 23 судебных решения (все дела в итоге были прекращены за малозначительностью [23]), ни у одной судебной инстанции не появилось даже желания вынести в адрес органов предварительного расследования и прокуроров частное определение, в котором лицам, осуществляющим борьбу с преступностью, не мешало бы задать вопрос: кто подложные чеки, реализованные офицерам, все же изготовил? Мы вынуждены констатировать, что в рамках текущей уголовной политики деятельность «чекистов» вторична, малозначительна, наличие российской организованной преступности не отрицается, но с ней никто не борется [24].

Приведем второй пример отрицания стороной обвинения наличия значительного в противоправном поведении. Корпорация, сбывающая горюче-смазочные материалы через сеть АЗС, собственными силами выявила систему хищений топлива. Схема преступной деятельности, с одной стороны, оказалась предельно простой, а с другой – высокотехнологичной. С помощью специального оборудования

преступники, курируемые ранее судимыми лицами, организовали массовый недолив горючего потребителям: (удерживали с каждого клиента по литру горючего). Образовавшиеся излишки также реализовывались потребителям, а вырученные в результате этой массовой преступной деятельности деньги присваивались.

Как видим, масштаб обмана, если говорить о конкретном покупателе, минимален, единичное правонарушение в данном случае не выходит за рамки деяния, наказываемого по ст. 7.27 КоАП РФ. Следовательно, говорить об уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ в подобных обстоятельствах не приходится. Формально не наносится ущерб и собственнику, поскольку виновными расхищаются только неучтенные излишки, законное право на которые имеют лишь потребители, обманутые при отпуске автомобильного топлива в розницу.

Как в таком случае квалифицировать действия виновных? В соответствии с ответом Генпрокуратуры Российской Федерации на запрос корпорации от 29.11.2012 № 22-73602 в описанной ситуации оснований для возбуждения уголовного дела по ст. 159 или ст. 160 УК РФ нет, предложено квалифицировать незаконное обогащение по ст. 165 УК РФ (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения) и рекомендовано бороться с нарушителями без применения мер уголовно-правового воздействия. При этом ВНИИ МВД России в ответе на запрос корпорации от 08.11.2012 № 3206 склонился к квалификации содеянного по ст. 159 УК РФ.

Как видим, бизнес самостоятельно выявил и задокументировал явное преступление, однако, как и в случае с «чекистами», нужной статьи в УК РФ правоприменители отыскать не сумели. Что это: пробельность российского уголовного закона или нераспорядительность конкретного правоприменителя, судить читателю. Мы же констатируем: от значимого в противоправной деятельности очередной раз отмахнулись, отнеся его к малозначимому.

Третий пример. Из экономических соображений «Автодор» отказался от системы чек-пойнтов (пропускных пунктов) и с 1 марта 2022 г. ввел безбарьерную систему оплаты, ориентированную только на добросовестных потребителей. В результате столкнулся с тем, что 3–4 % клиентов скрывают номера автомобилей и не оплачивают проезд по платным дорогам. Фактически речь идет об очередной разновидности массовых мелких хищений, действенных методов в изобилии виновных пока нет.

Если учесть, что стоимость проезда на легковом автомобиле по М-12 от Москвы до Казани официально составляет 4481 руб., то уклонение от оплаты проезда – это уже не мелкое хищение, а уголовно наказуемое мошенничество. По данным собственника дорог, только по ЦКАД ежегодно проезжает 80 млн автомобилей, следовательно, ущерб, причиняемый 3–4 % водителей, – значительная сумма.

Система правоохраны в целом ряде случаев заточена не на борьбу с реальным массовым правонарушителем (несмотря на явную степень повышенной

общественной опасности его деятельности), которого она до поры до времени предпочитает не замечать, а всеми силами стремится «расправиться» с мелкими, но реально изобличенными «воришками». Действительно, силы на их оформление затрачены, следовательно, расходы необходимо окупить. Авторы такого подхода к решению проблемы о негативных последствиях осуждения фактически невиновного предпочитают не задумываться.

Что должно произойти, чтобы реальный массовый правонарушитель наконец-то заинтересовал систему правоохраны? Наверное, речь идет о совокупности негативных последствий конкретной преступной деятельности. Общеизвестно, что пьяный водитель за рулем – убийца. Всегда ли состояние алкогольного опьянения водителя однозначно толковалось как преступное? Вспомним волны криминализации и декриминализации данного деяния: 5 октября 1968 г. УК РСФСР 1960 г. дополнен ст. 211.1; 30 ноября 1972 г. данная норма дополнена ч. 2. В конце 1980-х гг. на применение ст. 211.1 УК РФ на уровне «судейского управления» фактически было введено табу. Мотив – если водителя лишит прав, то куда он пойдет работать? Наконец, 24 декабря 1992 г. ст. 211.1 УК РСФСР года из кодекса исключена.

Авторы нового УК РФ с криминализацией управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения спешить не стали. Соответствующая норма (ст. 264.1) появилась в кодексе только по закону от 31 декабря 2014 г., введена в действие с 1 июля 2015 г.

Сколько бы раз «убийца за рулем» за руль вновь не садился, содеянное им за рамки преступления небольшой тяжести не выйдет (ч. 2 ст. 15, ч. 1 и 2 ст. 264.1 УК РФ). Единственное серьезное наказание – возможность конфискации автомобиля. Именно к нему готовятся потенциальные нарушители правил дорожного движения, переводят используемые ими автомобили на родственников.

Сотрудники ГАИ, чтобы задержать потенциально «убийцу за рулем», применяют оружие, при этом страдают пассажиры, в том числе и несовершеннолетние. В обществе дебатировался вопрос: применять оружие в отношении потенциальных преступников или нет?

На тяжесть и значимость содеянного лично указал глава государства! Дело валютчиков Рокотова и других.

Составители книги «Верховный Суд России» случайно привели текст стенограммы заседания Президиума ЦК КПСС от 17 июня 1961 г., на котором лидер СССР Н. С. Хрущев в отсутствие нормы уголовного закона потребовал расстрела валютчиков, угрожая в противном случае Председателю Верховного Суда СССР А. Ф. Горкину увольнением. Результат: презумпция «обратной силы» волевым решением была преодолена, валютчики – расстреляны [25].

Дело Фарбера: прокурор и суд «прислушались» к мнению Президента Российской Федерации В. В. Путина. Органами предварительного расследования директор дома культуры Фарбер обвинялся по ст. 285 и 290 УК РФ в получении денег от под-

рядчика Х., осуществлявшего ремонт здания. В том числе под контролем спецслужб Фарбер получил от Х. 132 тыс. руб. за подписание акта выполненных работ. Резонансное дело, получившее неоднозначную оценку, неоднократно рассматривалось различными судебными инстанциями (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2012). Наконец, по приговору Осташковского городского суд Тверской области от 01.08.2014 Фарбер осужден к 7 годам и 1 мес. лишения свободы. В. В. Путин в интервью «Первому каналу» и агентству АР назвал наказание, назначенное Фарберу, «вопиющим», посчитав это ошибкой. Данных слов оказалось достаточно, чтобы прокуратура уже за пределами сроков на апелляционное обжалование внесла представление, в котором отказалась от обвинения по ст. 285 УК РФ, а по ст. 290 УК РФ просила сократить наказание до 5 лет лишения свободы. Апелляционная инстанция Тверского областного суда благоразумно пошла еще дальше, сократила наказание до 3 лет лишения свободы, то есть до фактически отбытого срока. Осужденный вышел на свободу. Общество восприняло это благосклонно.

Вор пойман с поличным, но что он планировал похитить?

Согласно ст. 158 УК РФ уголовная ответственность за хищение должна наступать неотвратимо.

Обычно полицию упрекают в том, что с розыском воров она не спешит. Казалось бы, совсем другое дело, когда вор пойман с поличным самим потерпевшим и передан сотрудникам полиции. Однако решение о возбуждении в отношении виновных уголовных следует далеко не всегда. Приведем пример, в рамках которого сотрудники полиции доказывают: вынесенное ценное, но все еще не вор.

2 ноября 2014 г. охрана склада получила сигнал о том, что в одном из помещений разбито стекло. Позже сотрудники охраны обнаружили, что двое неизвестных вынесли со склада три короба с дорогостоящими электрическими приборами. На место происшествия были вызваны сотрудники полиции, которым передали заявление о привлечении виновных к уголовной ответственности. Однако 11 ноября 2014 г. оперуполномоченный уголовного розыска ОП-5 УМВД России по г. Курску вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, утвержденное начальником соответствующего отдела полиции.

Свою позицию правоохранители мотивировали простым любопытством виновных, которые, вскрыв один из коробов, увидели прибор, который они похищать не собирались. Не обнаружила нарушений закона в данной ситуации и прокуратура [26].

Одно слово – взрывчатка!

Обычно законодатель, формируя уголовную норму, устанавливающую запрет на оборот какого-либо опасного вещества, закладывает его минимальный размер, с которого его приобретение и хранение становятся общественно опасными (порог наступления ответственности). В целом ряде случаев законодатель различает также мотив незаконного приобретения и хранения определенного вещества.

Согласно ч. 1 ст. 222.1 УК РФ (которой кодекс дополнен 24 ноября 2014 г. Федеральным законом № 370-ФЗ, на текущий момент действует в ред. Федерального закона от 01.07.2021 № 281-ФЗ) вне зависимости от мотива и сроков хранения любой взрывчатки, в любом размере образует состав преступления, за совершение которого предусмотрено альтернативное наказание в виде реального лишения свободы (на срок от 6 до 8 лет) и обязательно со штрафом.

Позиция автора: любая альтернативная санкция – это негативное искусственное образование, которое без разумных к тому оснований существенно ограничивает пределы судейского усмотрения, зачастую ставит суды в тупик. Как известно, в рамках частичной декриминализации законодатель в целом ряде случаев дальновидно существенно расширил пределы судейского усмотрения. Например, фактически полностью обнулен нижний предел санкции по ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда, повлекшее смерть потерпевшего по неосторожности), а ведь зачастую де-факто это умышленное убийство с особой жестокостью. Помнится, на одной из конференций профессор А. В. Наумов, услышав осуждение данной новеллы, прямо спросил ее критика: «Вам известны случаи, когда суды ограничивались указанным в ч. 2 ст. 56 УК РФ минимумом в два месяца?». Ответа не последовало. Анатолий Валентинович заключил: «Наши судьи – мудрые люди, поэтому в жестких инструкциях законодателя не нуждаются».

Мы же вернемся к критике альтернативных санкций, прописанных в ст. 222.1 УК РФ. Неисключено, что наши критики возразят: никто не отменял ст. 64 и 73 УК РФ. Да, это так, но порой для применения этих норм трудно найти основания, да и зачем, если и так видно, что степень общественной опасности крайне мала.

Приведем примеры из судебной практики, как разрешался спор о значительности или малозначительности бесцельного (случайного) хранения от 137 до 293 г пороха – официально взрывчатки. Впрочем, при определенных условиях взрывается не только порох, а очень многие вещества, например: удобрения (взрывы: 1947 г. – Техас-Сити, 2015 г. – Тяньцзинь, 2020 г. – Бейрут), угольная и сахарная пыль и т. д.

Порох «вспыхнул» спустя два года. По приговору суда Н. признана виновной в незаконном приобретении и хранении у себя дома в 2011–2013 гг. взрывчатки (137 г пороха «охотничьего, бездымного»). За совершение данного деяния по ч. 1 ст. 222 УК РФ (еще по старому закону) ей назначено наказание в виде ограничения свободы на 4 месяца. Суд второй инстанции приговор изменил: 1) исключил из осуждения квалифицирующий признак «незаконное приобретение взрывчатых веществ»; 2) признал смягчающим наказание обстоятельством пенсионный возраст осужденной; 3) смягчил наказание до 3 месяцев ограничения свободы.

Суд кассационной инстанции установил: порох Н. достался от мужа-охотника по наследству, о чем она сама добровольно сообщила сотрудникам полиции.

Результат: приговор и апелляционное постановление отменены, уголовное дело – прекращено за отсутствием в действиях Н. состава преступления за малозначительностью (Обзор кассационной практики по уголовным делам Верховного суда Республики Башкортостан (ноябрь–декабрь 2014 г.). Дело № 44у-554/2014). Как видим, сначала форма победила содержание, а затем содержание скорректировало форму [27; 28].

Уголовное дело в отношении С. По версии органов предварительного расследования С. где-то нашел и присвоил банку с 140,62 г бездымного пороха, которую около года хранил у себя дома. Содеянное С. было квалифицировано по ч. 1 ст. 222.1 УК РФ. В соответствии с постановлением Талдомского районного суда от 25.04.2022 № 1-68/22 председатель суда, лично рассмотрев уголовное дело в отношении С., реальной опасности в действиях последнего не заметил, поэтому счел возможным прекратить производство по делу за малозначительностью содеянного. На данное решение государственный обвинитель принес апелляционное представление, в котором указал, что: 1) преступление, в котором обвинялся С., является умышленным, относится к категории тяжких, так как направлено против общественной безопасности; 2) за данное деяние предусмотрено альтернативное наказание – лишение свободы; 3) виновный порох по предложению явившихся к нему сотрудников полиции добровольно не выдал.

Согласно апелляционному определению Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 19.07.2022 № 22-4283/2022 суд второй инстанции до проверки вышеперечисленных доводов не дошел, предпочел углы в производстве фундаментальный апелляционный повод – подсудимый вовремя не был уведомлен о дате судебного разбирательства, поэтому не смог к нему подготовиться. Итог: постановление суда отменено, дело направлено на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе судей. Одной отменой постановления Талдомского суда о прекращении дела апелляция не ограничилась, в адрес председателя суда было вынесено частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 19.07.2022 № 22-4283/2022, в котором обращалось внимание последнего на то, что «стороны должны быть извещены о дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала» (ч. 4 ст. 231 УПК РФ), а копия направляется обвиняемому (ч. 4 ст. 227 УПК РФ).

Первый кассационный суд общей юрисдикции (в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 19.07.2022 № 22-4283/2022) частное определение в адрес судьи, прекратившего уголовное дело в отношении С., отменил (о чем, кстати, просил и прокурор кассационного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации), так как никаких фундаментальных нарушений процессуального закона председательствующим допущено не было.

При повторном рассмотрении уголовного дела Талдомский районный суд, по правилам ст. 64 УК РФ,

назначил наказание ниже низшего предела, указанного в законе, а именно три года лишения свободы со штрафом 5000 руб. Более того, по правилам ст. 73 УК РФ, было принято решение: основное наказание считать условным с испытательным сроком в один год.

Как видим, реальный итог: «хранитель» 140 г взявшего «из ниоткуда» пороха оштрафован всего на 5000 руб. Особо следует отметить, что, если бы осужденный добровольно выдал банку с порохом полиции, он вполне мог бы избежать не только наказания, но и привлечения к уголовной ответственности (примечание к ст. 222.1 УК РФ).

Автор постановления о прекращении уголовного дела за малозначительностью, ссылаясь на явную надуманность позиции апелляционной инстанции, посетовал, что механизм отмены таких решений по инициативе судьи первой инстанции процессуальным законом не предусмотрен. Действительно, обжалуй С. апелляционное определение в Первый кассационный суд общей юрисдикции одновременно с поступлением туда же кассационной жалобы председателемствующего, вполне могло быть, что вторая инстанция «повторно бы села» разбираться в деле С., вот тогда ей пришлось бы в обязательном порядке погрузиться в «высокую материю» значимого и малозначимого: дать оценку всем доводам государственного обвинителя. Однако это совсем другая тема.

Законно приобретенный порох сбыт незаконно. Из постановления Конституционного Суда Российской Федерации усматривается, что Б. (в прошлом охотник) в свое время в рамках действующих на тот период правил законно приобрел 185 г бездымного пороха, который сбыв Ш. Действия Б. были квалифицированы по ч. 1 и 2 ст. 221.1 УК РФ, так как в момент продажи Б. статуса охотника уже не имел. Вичугский городской суд Ивановской области, рассматривающий уголовное дело в отношении Б. по первой инстанции, обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о наличии или отсутствии у лица (охотника), купившего порох на законных основаниях, права сбыть его после того, как он утратил статус охотника.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 13.11.2023 № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 222.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вичугского городского суда Ивановской области» нарушения законодателем принципа конституционности в конструкции ст. 222.1 УК РФ и примечании к ней не усмотрел, малозначительным деянием хранение и сбыт пороха, ссылаясь на степень общественной опасности, не признал, однако прозрачно намекнул, что наказание виновному в любом случае должно быть адекватным тяжести и общественной опасности содеянного.

В данном случае суд подтвердил свою позицию о праве законодателя ввиду степени общественной опасности криминализировать любое действие с любым оружием, даже в том случае если речь идет об антикварном кортике (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.06.2014

№ 18-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 222 УК РФ и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гр. Н.В. Урюпиной»).

Хранение и сбыт пороха – новейшая судебная практика. По приговору Лиманского районного суда Астраханской области от 07.07.2023 С.А. осужден по ч. 1 ст. 222.1 УК РФ к 4 годам лишения свободы со штрафом 30 тыс. руб. Суды второй и третьей инстанции оставили приговор без изменения.

Защитник осужденного принес кассационную жалобу в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, в которой предложил уголовное дело в отношении С.А. прекратить за малозначительностью. Опрошенные нами представители судейского сообщества отметили, что трудно узреть значимое в деянии, если объем хранимого взрывчатого вещества крайне незначителен, следовательно, общественная опасность содеянного в любом случае стремится к нулю. Между Общей и Особенной частями УК РФ образовалось противоречие: несмотря на то что при квалификации содеянного по ст. 222.1 УК РФ мотив хранения взрывчатки значения не имеет, согласно общим правилам назначения наказания суд обязан в любом случае учитывать направленность действий виновного [29].

Согласно протоколу судебного заседания по рассмотрению дела № 25-УД24-11-К4 в кассационном порядке от 27.08.2024 участвующий в суде второй кассации прокурор Генеральной прокуратуры, опираясь на вышеуказанное постановление № 52-П, предложил с учетом конкретных обстоятельств дела ограничиться смягчением наказания С. А., с чем согласилась и судебная коллегия. В итоге в соответствии с Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.08.2024 № 25-УД24-11-К4 состоявшиеся по делу судебные постановления изменены, наказание смягчено до 1 года 4 мес. лишения свободы со штрафом 10 тыс. руб. Также принято во внимание, что С.А. – действующий участник СВО.

Мораль очевидна. Все оружие и боеприпасы, которые достались по наследству, обязательно должны быть зарегистрированы, сданы или уничтожены. Органы правоохраны заточены на поиск оружия и взрывчатых веществ, хранимых без регистрации.

Старый диван: выбросить – можно, забрать себе – нет.

Органами предварительного следствия Б.Т. обвинялась в присвоении старого дивана (ч. 3 ст. 160 УК РФ), состоявшего на балансе детского сада и переданного последней для списания. Постановлением Егорьевского городского суда Московской области от 05.03.2019 уголовное дело в отношении Б.Т. прекращено за малозначительностью (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Представитель детского сада в апелляционной жалобе просил постановление отменить, мотивируя это тем, что диван: 1) не утратил своих потребительских свойств, пригоден к эксплуатации; 2) в установленном законом порядке списан не был, в итоге детсаду причинен ущерб на сумму 4080 руб. (согласно заключению эксперта – 4185 руб.).

Участвующий в деле прокурор полагал: решение первой инстанции оставить без изменения. Согласно Апелляционному определению судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 16.04.2019 № 22-2553/2019 суд второй инстанции, оставляя постановление суда без изменения, сослался на пояснения представителя детского сада, который признал, что заведующая детским садом устно просила Б.Т. выкинуть диван, также указав на необходимость его списания.

Корреляция значимого и малозначимого в нормах права и морали.

Как известно, человеческие отношения регламентируются нормами, в первую очередь морали, а также права (в том числе и позитивного, писанного), если потенциала морали по каким-то причинам недостаточно. Известно также, что нормы права могут оказаться неконституционными и даже аморальными, а вот любое решение суда аморальным быть не может. Ниже анализируются судебные решения, авторы которых четко знают, что мораль первична, поэтому нормы уголовного закона противоречить ей не должны.

«Будьте же вы людьми!»

На вечере, посвященном памяти председателя Московского городского суда З. И. Конева (годы жизни – 1930–2012, годы пребывания в должности – 1989–2000), ее коллега О. В. Свиренко привела интересный пример, характеризующий отношение Зои Ивановны к проблеме соотношения значимого и малозначимого в деянии конкретного лица. На заседании президиума рассматривался надзорный протест по делу, в рамках которого приезжая в Москву женщина была осуждена за разбойное нападение, так как ей были нужны деньги на лечение дочери. Автор протеста жаждал «крови». Члены президиума находились в некотором замешательстве, поскольку преступление, действительно, тяжкое, да и ситуация нестандартная. Председатель суда поняла, что нужно привести какие-то аргументы, которые дошли бы до каждого. Она оглядела членов президиума и сказала: «Будьте же вы людьми!». Президиум единогласно отказал в удовлетворении протеста [30].

Еще один пример. Как поступить в ситуации: женщина осуждена по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 6 годам лишения свободы, суд применил к ней ст. 82 УК РФ – отсрочку исполнения приговора до момента достижения ребенком 14-летнего возраста? Суд второй инстанции отсрочку отменил, а вот суд третьей инстанции вновь применил ст. 82 УК РФ. Сторона обвинения обжаловала данное решение в Судебную коллегию по уголовным делам, мотивируя это тем, что нужды в направлении ребенка в социальное учреждение нет, так как у него есть отец. Осужденной в виду поставлено то, что она выезжала в Беларусь навестить свою мать.

Наш ответ: осужденная – не убийца, трудно понять, чем она досадила стороне обвинения, особенно с учетом того, что жертвы мошенничества порой и сами обманываются рады.

Оставьте детей с матерью.

В последнее время Судебная коллегия предлагает судам найти способ не разлучать детей с ма-

терью. Так, по делу осужденной по ч. 4 ст. 111 УК РФ Ш. установлено, что виновную избивал муж. В силу данного обстоятельства Ш., пребывая в длительной психотравмирующей ситуации, в процессе очередного избиения умышленно ударила мужа ножом, от причиненного ранения последний скончался (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2023 №44-УД23-17-К7).

Необходимо также отметить, что категории «значительное» и «малозначительное» имеют междисциплинарный характер, что, в частности, отмечают М. В. Востриков и О. В. Поликашина [31]. Особо следует подчеркнуть и то обстоятельство, что приученный к конкретным цифрам и суммам российский правоприменитель жалуется на отсутствие в материальном праве детальных регламентов не только по уголовным делам. Так, прокурор Е. В. Яковенко сетует, что суды отказывают прокуратуре в удовлетворении исков об обращении в доход Российской Федерации имущества чиновников (в соответствии с Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам») только в силу того, что их расходы незначительно превысили доходы [32]. Сказанное означает, что «нормотивист» прокурор фактически отказывает судам даже в разрешенном законом праве на усмотрение в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Малозначительность в сфере экономики. Ущерб 4 919 350 руб. не является крупным.

ЗАО «ПО «Электротехник», используя патенты, правообладателем которых выступал АО «КЭАЗ», незаконно предлагало к продаже, хранило и реализовывало контрафактную продукцию. По инициативе правообладателя в рамках оперативно-розыскных мероприятий в 2014 г. были проведены проверочные закупки незаконно реализуемой продукции: 1 октября на сумму 111 995 руб., 27 октября – на сумму 4 807 355 руб.

24 марта 2015 г. заместитель руководителя межрайонного следственного отдела вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и всю изъятую (контрафактную) продукцию, включая автоматические выключатели, закупленные в рамках оперативно-розыскных мероприятий на деньги ООО «Комплексторг-С», передал ЗАО «ПО «Электротехник». Прокуратура данный факт оставила без внимания.

АО «КЭАЗ» обжаловало постановление в порядке ст. 125 УПК РФ. Чтобы выйти из зоны судебного контроля, руководитель МРСО СУ по ЮВАО ГСУ СК РФ по г. Москве оперативно вынес постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, исполнителю дано формальное указание: опросить специалиста Роспатента о возможном нарушении патентных прав АО «КЭАЗ», выполнить иные проверочные мероприятия. 25 августа 2015 г. заместитель руководителя межрайонного следственного отдела вновь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Свое постановление автор обосновал тем, что ущерб на сумму 4 919 350 руб. для АО «КЭАЗ» не является крупным [26].

Анализ кассационной практики Первого Кассационного суда общей юрисдикции.

В процессе исследования проблем, касающихся применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, нами, в частности, изучена соответствующая кассационная практика по делам, рассмотренным судами округа (2021–2022 гг., 1-е полугодие 2023 г.). Установлено: за указанный период с применением ч. 2 ст. 14 УК РФ судебной коллегией по уголовным делам Первого Кассационного суда общей юрисдикции отменены решения нижестоящих судов по 15 делам, в том числе: в 2021 г. прекращено 1 уголовное дело, в 2022 г. – 4, в первом полугодии 2023 г. – 10.

Если принять 2021 г. за точку отсчета в нашем мониторинге, то наблюдается стремительный рост практики применения ч. 2 ст. 14 УК РФ: в 2022 г. в 4 раза, в 1-м полугодии 2023 г. – в 10 раз!

Нами резюмируется, что, применяя ч. 2 ст. 14 УК РФ, судьи Первого Кассационного суда общей юрисдикции исходили из приоритета степени общественной опасности деяния. При этом учитывалась совокупность таких социально значимых обстоятельств, как:

- 1) степень реализации преступных намерений;
- 2) количественные и качественные характеристики похищаемого предмета;
- 3) роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии;
- 4) характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния;
- 5) реально наступившие вредные последствия;
- 6) способ совершения;
- 7) форма вины;
- 8) мотивы и цели виновного лица;
- 9) его предыдущее криминальное и посткриминальное поведение.

В большинстве случаев при обсуждении вопроса о малозначительности деяния суд руководствовался 1) незначительным объемом причиненного материального ущерба, 2) отсутствием в материалах дела доказательств, подтверждающих причинение действиями лица существенного вреда государству, охраняемым уголовным законом интересам общества, 3) полным возмещением ущерба, его размером.

В двух случаях судебная коллегия, отменив решения судов первой и апелляционной инстанций, приняла решение о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях лиц состава преступления ввиду его малозначительности на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ с признанием права на реабилитацию, мотивируя свои выводы отсутствием в обжалуемых судебных решениях аргументированных выводов о наличии общественной опасности, позволяющих оценивать их как преступное деяние.

Пример 1. По приговору мирового судьи судебного участка № 52 Стародубского судебного района Брянской области от 29.04.2022, оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Н.(Т.) за хищение 30 190 руб. 55 коп. осуждена по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ к штрафу в 30 тыс. руб. Первый Кас-

сационный суд общей юрисдикции в постановлении от 27.06.2023 № 77-3028/2023, отменив состоявшееся по делу решения и прекратив дело за отсутствием состава преступления, указал, что Н.(Т.):

- совершила преступления небольшой тяжести;
- к уголовной ответственности привлечена впервые;
- в период совершения инкриминированного деяния была студенткой;
- характеризуется исключительно положительно;
- в полном объеме возместила ущерб, имущественные претензии к ней отсутствуют;
- мировой судья не привел аргументов: а) о наличии существенного вреда, возникновение которого было обусловлено совершением осужденной деяния, б) степени общественной опасности в действиях Н.(Т.), позволяющей расценивать их как преступное деяние, в) существенных последствиях, наступивших в результате преступления.

Пример 2. По приговору мирового судьи судебного участка № 2 Починковского судебного района Нижегородской области от 20.04.2022, оставленному без изменения во второй инстанции, П. осуждена по ч. 1 ст. 139 УК РФ к штрафу в 5 тыс. руб. за то, что в поисках С.Д.С., не получив согласия жилища от С.Н.А., проникла в квартиру последней, нарушив тем самым конституционное право последней на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции Российской Федерации). Суд третьей инстанции, отменяя судебные решения, сослался на цели осужденной, посчитав, что содеянное виновной было обусловлено жизненной ситуацией. Сын потерпевшей задолжал магазину, в квартиру к С.Н.А. П. зашла, чтобы поговорить с должником. Данное не свидетельствует о повышенной общественной опасности действий П., особенно с учетом того, что потерпевшая сама открыла дверь и сообщила, что сын дома (Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2023 № 77-1213/2023).

По аналогичным основаниям отменены приговоры мировых судей и «засилившие» их решения второй инстанции в Брянской и Липецкой областях (Кассационные постановления Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2023 № 77-1868/2023, от 28.06.2023 № 77-3164/2023).

Наряду с прямо предусмотренными УК РФ терминами «малозначительность деяния», «отсутствие его общественной опасности», судьи использовали понятие «незначительность причиненного вреда». Анализируем приговоры и апелляционные решения:

- Волоколамского городского суда Московской области от 07.06.2022 в отношении Ч., осужденного по ч. 1 ст. 161 УК РФ (неквалифицированный грабеж) (Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2023 № 77-2735/2023);
- и.о. мирового судьи судебного участка № 1 судебного района г. Рыльска и Рыльского района Курской области от 10.12.2021 в отношении С., осужденного по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ (Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.06.2022 № 77-3002/2022).

Анализ доступных нам процессуальных документов позволяет сделать вывод, что судьи Первого Кассационного суда общей юрисдикции считают, что для принятия решения о малозначительности деяния, не представляющего общественной опасности, существенное значение имеют: 1) характер деяния; 2) роль и данные о личности субъекта уголовного ответственности; 3) размер вреда и тяжесть наступивших последствий; 4) степень осуществления преступного намерения; 5) способ совершения преступления; 6) роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии; 7) наличие в содеянном обстоятельстве, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части УК РФ. Судьи полагают, что принятию решения о прекращении дела за малозначительностью деяния могут способствовать: 1) наличие негативных последствий; 2) объект преступного посягательства. Впрочем, при отказе в применении ч. 2 ст. 14 УК РФ может быть учтена значимость для потерпевшего того или иного блага, выступавшего в качестве объекта посягательства.

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 14 УК РФ малозначительным является деяние, хотя формально и содержащее признаки состава преступления, но с учетом характера совершенного деяния и роли лица в его совершении, тяжести наступивших последствий, содержания мотивов, целей и иных обстоятельств не представляющее общественной опасности.

Необходимо учитывать все обстоятельства содеянного, сведения, характеризующие субъект уголовной ответственности, в том числе данные о его личности, материальное, социальное положение, степень его вины в совершении инкриминируемого деяния, а также иные имеющие значение для правильного разрешения конкретного дела обстоятельства, в том числе уменьшающие общественную опасность преступления, в частности его поведение, наличие смягчающих и отсутствие отягчающих обстоятельств.

Обстоятельства, относящиеся к постпреступному поведению, например оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и компенсация морального вреда, если ущерб и вред причинены в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, сами по себе не являются безусловным основанием к признанию деяния малозначительным и влекущим отмену приговора ввиду малозначительности деяния, но могут учитываться при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности по иным основаниям либо при назначении уголовного наказания.

Принимая во внимание, что понятие малозначительности деяния относится исключительно к оценочным категориям, а закон связывает понятие малозначительности с существенным вредом, так как признак общественной опасности преступления предполагает именно такое качественное определение, Первым Кассационным судом общей юрисдикции учитывались реально наступившие вредные последствия.

Пример 3. По приговору мирового судьи судебного участка № 1 Энгельсского района Саратовской области от 09.12.2021, оставленному без изменения во второй инстанции, Ш. осужден по п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ. В соответствии с Кассационным постановлением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.10.2022 № 77-5384/2023 установлено, что Ш. незаконно выловил: 6 карасей стоимостью по 500 руб., 2 леща стоимостью по 1000 руб. Отменяя судебные решения и прекращая уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду малозначительности, суд указал:

- на количество и стоимость пойманной рыбы;
- выпуск ее обратно в реку;
- отсутствие доказательств того, что деяние Ш. причинило существенный вред водным биологическим ресурсам;
- используемый способ добычи не являлся опасным для биологических ресурсов.

Судьи в своих решениях отмечают, что признак наступления или возможности наступления вреда в качестве критерия, влияющего на малозначительность, характерен для деяний с материальными составами, поскольку вред, как правило, имеет определенное денежное выражение. Тем не менее нередки случаи прекращения уголовных дел за малозначительностью и по формальным составам.

Пример 4. По приговору мирового судьи Долгоруковского судебного участка Тербунского судебного района Липецкой области от 03.06.2022 В. осужден за два преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 139 УК РФ. Апелляционным постановлением районного суда от 31.08.2022 приговор изменен: В. освобожден от наказания, назначенного ему по факту проникновения в жилище П.; по факту проникновения в жилище С. дело прекращено в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности. По делу установлено, что В. в чужие дома заходил с целью выяснения отношений со С., а последняя пряталась от него в жилище П. Сторона обвинения усмотрела в этом нарушение ст. 25 Конституции Российской Федерации. Первый Кассационный суд общей юрисдикции, прекращая уголовное дело в отношении В. ввиду малозначительности содеянного, указал, что действия последнего были обусловлены «семейными» проблемами». Аргументированных выводов об общественной опасности действий В., позволяющих оценивать их как преступные деяния, состоявшиеся по делу судебные решения не содержали (Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.06.2023 № 77-2966/2023).

По мнению судей, само по себе наличие в действиях субъекта уголовной ответственности отягчающего наказание обстоятельства не является препятствием для признания деяния малозначительным.

Нами установлено, что Первым кассационным судом общей юрисдикции положения УК РФ о малозначительности деяния при наличии обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренных ст. 63 УК РФ, были применены по одному делу.

Пример 5. По приговору мирового судьи судебного участка № 299 Жуковского судебного района

Московской области от 22.12.2020 К. и Л. осуждены по ч. 1 ст. 330 УК РФ каждая. Обстоятельством, отягчающим наказание, признано совершение преступления в составе группы лиц. Суд второй инстанции оставил приговор без изменения. Судом в определении от 29.11.2022 № 77-6112/2022 установлено, что с целью принуждения Г. к возврату Л. денежных средств за некачественные маникюрные услуги, К. и Л. взяли принадлежащие Г. 18 гель-лаков общей стоимостью 10 720 руб. Принимая решение о прекращении в отношении каждой осужденной уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, суд указал, что цели похищать имущество Г. у осужденных не было, следовательно, отсутствовали и данные, позволяющие признать содеянное осужденными преступлением.

Судя по процессуальным актам, судьи считают, что законом не определен круг или категории преступлений, которые могут быть признаны малозначительными. По общему правилу действие ч. 2 ст. 14 УК РФ распространяется на все категории преступлений.

В практике Первого кассационного суда общей юрисдикции нами выявлено всего два случая отмены судебных решений с прекращением уголовных дел в связи с отсутствием в действиях субъектов уголовной ответственности состава тяжкого преступления ввиду его малозначительности на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ с признанием права на реабилитацию.

Пример 6. По приговору Обнинского городского суда Калужской области от 01.06.2021 г., с учетом изменений, внесенных апелляционным определением, Д. осуждена по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Доказано: Д. нашла потерянную банковскую карту и с ее помощью совершила покупку на сумму 445 руб. 17 коп. Прекращая уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, кассационный суд указал на сумму материального ущерба, которая не превышает размер мелкого хищения (Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2022 № 77-630/2022 (№ 77-6024/2021).

Пример 7. По приговору Богородицкого районного суда Тульской области от 23.08.2019 (оставлен без изменения в апелляции) Б. осужден по ч. 3 ст. 160 УК РФ, оправдан по ч. 1 ст. 330 УК РФ на основании п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, на основании п. 1 ч. 2 ст. 133 УПК РФ в связи с оправданием в этой части признано право на реабилитацию. Установлено, что Б., директор МКП «Водоканализационное хозяйство», используя свое служебное положение, заправлял в личных целях принадлежащее ему транспортное средство топливом, являющимся имуществом МКП, чем причинил последнему ущерб на сумму 2928 руб. Принимая решение о прекращении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, суд указал, что в деле отсутствуют доказательства того, что содеянное Б. причинило существенный вред интересам МКП (Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.05.2021 № 77-1207/2022).

Кроме того, суд отметил, что сам по себе способ хищения (Б. – с использованием служебного положе-

ния, Д. – кража с банковского счета) был вменен им без учета конкретных обстоятельств дела.

Как следует из изученных нами документов, Первым кассационным судом общей юрисдикции положения ч. 2 ст. 14 УК РФ к деяниям с административной преюдицией не применялись. Уголовный закон не содержит прямого запрета на признание деяний, совершенных с административной преюдицией, малозначительными в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ. Между тем, решая вопрос о том, является ли деяние малозначительным, суд должен принимать во внимание особенности состава преступления с административной преюдицией, обстоятельства совершенного общественно опасного деяния, данные о личности лица, его совершившего. Так, к обстоятельствам совершенного общественно опасного деяния могут относиться размер причиненного ущерба, его значимость для потерпевшего, период совершения противоправных действий и мотивы их совершения. К данным о личности могут быть отнесены сведения о склонности к совершению общественно опасных деяний, определенной их направленности, исполнении судебных решений в части назначенного административного наказания.

Особо следует отметить, что судом применялись положения о малозначительности при наличии в деяниях квалифицирующих признаков. При принятии решения судом учитывалось, что сам по себе способ совершения преступлений, в том числе путем хищения с банковского счета, с использованием служебного положения, которые являются квалифицирующими признаками соответствующих деяний, без учета конкретных обстоятельств дела, не может быть признан основанием, свидетельствующим о невозможности признания деяния малозначительным.

Вполне закономерно, что в практике суда имелись случаи отказа в удовлетворении ходатайства стороны защиты о прекращении уголовного дела в связи с малозначительностью деяния.

Пример 8. По приговору Советского районного суда г. Орла от 08.09.2021 (без изменения в апелляции) А. осужден по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ за грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья. Оставляя судебные решения без изменения, кассационную жалобу осужденного – без удовлетворения, Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 01.12.2022 № 77-6224/2022 свои выводы об отсутствии основания для прекращения уголовного дела, в том числе вследствие малозначительности содеянного (ч. 2 ст. 14 УК РФ), мотивировал степенью общественной опасности совершенного преступления.

Пример 9. По приговору Ровеньского районного суда Белгородской области от 11.11.2021 К. и Р. осуждены каждый по ч. 3 ст. 256 УК РФ к штрафу. Апелляционным постановлением Белгородского областного суда от 17.01.2022 приговор изменен: исключено из квалификации действий осужденных указание на квалифицирующий признак «с применением способа массового истребления водных биологических ресурсов»; постановлено считать правильной квалификацию их действий по ч. 3 ст. 256 УК РФ как незакон-

ная добыча биологических ресурсов с применением запрещенных орудий. Оставляя судебные решения без изменения, суд в определении от 31.05.2022 № 77-2721/2022, исходя из обстоятельств содеянного осужденными, не усмотрел оснований для применения положений к ним положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Как известно, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» из постановления пленума от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» исключен п. 12, согласно которому гл. 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности, содеянное обвиняемым может быть переключено, а само уголовное дело прекращено (например, в связи с истечением сроков давности, изменением уголовного закона, примирением с потерпевшим, амнистией, отказом государственного обвинителя от обвинения) и т. д., если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются. При этом в соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 2 постановления от 05.12.2006 № 60, Пленум Верховного Суда Российской Федерации обратил внимание, что при рассмотрении вопроса о возможности принятия судебного решения по ходатайству обвиняемого о прекращении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке судам надлежит устанавливать, имеются ли по уголовному делу необходимые для этого условия. Согласно требованиям норм гл. 40 УПК РФ таковыми следует считать в том числе отсутствие оснований для прекращения уголовного дела.

Поскольку малозначительное деяние не является преступлением в силу отсутствия общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ), уголовное дело в этом случае подлежит прекращению за отсутствием состава преступления, а лицо не подлежит уголовной ответственности, полагаем, что вынесение решения о малозначительности деяния при рассмотрении уголовного дела в особом порядке исключается.

Установлено, что Первым кассационным судом общей юрисдикции по одному уголовному делу, рассмотренному в особом порядке судебного разбирательства, были применены положения о малозначительности деяния.

Пример 10. По приговору Кромского районного суда Орловской области от 27.09.2022 Ц. осуждена по ст. 151.1 УК РФ к исправительным работам с лишением права заниматься деятельностью, связанной с продажей алкогольной продукции населению, сроком на один год. На основании ч. 5 ст. 82 УК РФ отменена отсрочка исполнения приговора Железнодорожного районного суда г. Орла от 26.03.2021. На основании ст. 70, п. «в» ч. 1 ст. 71 УК РФ по совокупности приговоров путем полного присоединения неотбытой части наказания по приговору Железнодорожного районного суда г. Орла от 26.03.2021. Ц. назначено наказа-

ние в виде реального лишения свободы на 2 г. 1 мес. с лишением права заниматься деятельностью, связанной с продажей алкогольной продукции населению, на один год. В апелляционном порядке приговор не обжаловался. Установлено, что Ц., будучи привлеченной к административной ответственности вступившим в законную силу постановлением мирового судьи по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетнему, незаконно из корыстных побуждений, с целью получения торговой прибыли, осознавая общественно опасный и противоправный характер своих действий, зная о запрете на розничную продажу алкогольной продукции лицам, не достигшим 18 лет, действуя умышленно, в нарушение требований п. 11 ч. 2 ст. 16 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», в соответствии с которым розничная продажа алкогольной продукции и розничная продажа алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания не допускаются несовершеннолетним, не истребовав документы, удостоверяющие личность, продала несовершеннолетней Е., 10 августа 2004 года рождения, одну банку пива. Указанные действия Ц. суд квалифицировал по ст. 151.1 УК РФ как розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно. Отменяя судебные решения в отношении Ц. и принимая решение о прекращении в отношении нее уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления ввиду его малозначительности, судебная коллегия по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции указала на отсутствие в материалах дела доказательств того, что вмененное осужденной Ц. деяние причинило существенный вред интересам несовершеннолетней Е., которой на момент совершения инкриминированного осужденной деяния исполнилось 17 лет 4 месяца, а также на то, что каких-либо общественно опасных последствий не наступило, деяние не обладает признаками достаточной общественной опасности, которые позволило бы признать его преступлением (Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.04.2023 № 77-1650/2023).

Из изученных нами документов усматривается, что судьи считают, что, исходя из положений ст. 254, 302 УПК РФ, при признании деяния малозначительным судом должен быть постановлен оправдательный приговор, но с учетом складывающейся судебной практики, в том числе Верховного Суда Российской Федерации, возможно прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления в связи с малозначительностью на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ с вынесением постановления или определения суда, что требованиям закона не противоречит.

При принятии решения о прекращении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления ввиду его малозначительности судебной коллегией по уголовным

делам гражданский иск потерпевшей был оставлен без рассмотрения.

Пример 11. По приговору мирового судьи судебного участка № 2 Починковского судебного района Нижегородской области от 20.04.2022 П. осуждена по ч. 1 ст. 139 УК РФ. Постановлено взыскать с П. в пользу С. в счет компенсации морального вреда 5 тыс. руб.; в доход федерального бюджета процессуальные издержки на оплату услуг представителя потерпевшей – 8 тыс. руб. В апелляции приговор оставлен без изменения. Судом третьей инстанции судебные решения в отношении П. отменены (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), гражданский иск потерпевшей в силу ч. 2 ст. 306 УПК РФ оставлен без рассмотрения, так как принято решение о прекращении уголовного дела по реабилитирующему основанию (Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2023 № 77-1213/2023).

По выявленному на основании изучения процессуальных документов мнению судей, в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 133 УПК РФ основанием возникновения права на реабилитацию, в том числе права на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, является прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24 и п. 1, 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Учитывая, что по смыслу закона малозначительным деяние является не в силу закона, а может быть признано таковым по усмотрению суда, установившего, что деяние не представляет той степени общественной опасности, которая позволяла бы расценить его как преступное, по нашему мнению, при признании деяния малозначительным нормы гл. 18 УПК РФ не подлежат применению.

Примеров отказа в праве на реабилитацию при применении судом норм о малозначительности деяния в практике Первого кассационного суда общей юрисдикции нами не выявлено. Судья по всему, в практике данного суда не было дел, при рассмотрении которых заявленное в суде первой и апелляционной инстанций ходатайство о прекращении уголовного дела ввиду малозначительности совершенного деяния не было удовлетворено при наличии оснований применения ч. 2 ст. 14 УК РФ и судом кассационной инстанции было признано незаконным.

Вместе с тем судебные решения Первого кассационного суда общей юрисдикции и нижестоящих судов по двум уголовным делам с учетом положений ч. 2 ст. 14 УК РФ были отменены Верховным Судом Российской Федерации [23].

На основании решений Первого кассационного суда общей юрисдикции можно сделать вывод о том, что судьи считают, что, поскольку, согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, а судебный штраф, назна-

чаемый на основании ст. 76.2 УК РФ лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера, предусмотренным разд. VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера», полагаем, что приоритетному применению подлежат положения УК РФ о малозначительности деяния.

Как показал анализ судебной практики, суды округа, обслуживаемые Первым кассационным судом общей юрисдикции, испытывают затруднения в правоприменительной практике при применении положения УК РФ о малозначительности деяния, требующие разъяснения Верховным Судом Российской Федерации, которые связаны с определением критериев, подлежащих учету при определении малозначительности деяния.

Судьи практически всех звеньев судебной системы как минимум не спешат с применением ч. 2 ст. 14 УК РФ, а как максимум этого боятся.

В то же время отметим, что некоторые проблемы, касающиеся соотношения значительного и малозначительного стали обсуждаться в инстанциях, формирующих уголовную политику. В частности, первый заместитель министра юстиции Российской Федерации Е. Л. Забурчук, выступая на международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора М. Н. Гернета, «Уголовная политика и национальные приоритеты», признал, что при реальности наказуемого правонарушения прекращение уголовного дела за малозначительностью с последующей реабилитацией виновного – нонсенс. Трудно не согласиться с Евгением Леонидовичем, поскольку получается, что не вор должен обществу и государству, а мы все ему, оказывается, должны компенсировать моральный вред.

Впрочем, ситуация не так проста, как кажется на первый взгляд. Разрешаемая судами проблема малозначительности отягощается тем, что некоторые дела, прекращенные по ч. 2 ст. 14 УК РФ, изначально были возбуждены незаконно, так как события – преступления – не было (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации прекратила за малозначительностью дело в отношении С., осужденного по ч. 3 ст. 160 УК РФ за хищение 16 391 руб. (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.09.2024 № 51-УД24-10-К8). Вместе с тем изучение этого дела в отношении руководителя С. позволяет усомниться, что указанная сумма кем-то вообще была похищена. Подобных недомолвок в судебных решениях быть не должно.

Основные научно-практические выводы

1. Междисциплинарная парная категория «значительное – малозначительное» юридической наукой активно разрабатывается. Анализируемое соотношение – категория социальная, политическая и уже в силу этого исторически изменчивая.

2. По общему правилу (ч. 1 ст. 14 УК РФ) в действиях конкретного лица преступно и наказуется в уголовном порядке только то, что в текущий момент представляет реальную общественную опасность.

3. Отнесение тех или иных деяний к категории значительного или малозначительного – исключительная компетенция федерального законодателя (ст. 10, п. «о» ст. 71 УК РФ).

4. При этом в ч. 2 ст. 14 УК РФ законодатель признает, что некоторые деяния, формально подпадающие под описание конкретного преступления, диспозиция которого приведена в Особенной части УК РФ, не обладают той степенью общественной опасности, наличие которой позволило бы квалифицировать содеянное лицом как уголовно наказуемое преступление. Таким образом, законодатель разрешение вопроса о значимости или малой значимости содеянного передает на усмотрение правоприменителя (дознателя, следователя, прокурора и суда). По нашему мнению, направление в суд уголовного дела в отношении лица, совершившего явно малозначительное деяние (ч. 2 ст. 14 УК РФ), – брак в работе стороны обвинения.

5. Утверждаем, что малозначительность деяния не зависит от того, является ли инкриминируемый конкретному лицу состав преступления материальным или формальным (равно усеченным). Главное в преступлении – реальность степени общественной опасности.

6. Исключительно важную роль в определении степени общественной опасности деяния играют данные о личности виновного.

7. В практике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, всех восьми кассационных судов общей юрисдикции, судов уровня субъекта Российской Федерации в последние годы (2020–2024) наметилась устойчивая

тенденция к прекращению спорных (искусственных) уголовных дел за малозначительностью.

8. Корни данной практики в определенной мере просматриваются в затынувшемся отставании норм материального права (ст. 7.27 КоАП РФ и гл. 21 УК РФ) от реалий жизни.

9. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, а также органы предварительного расследования и прокуроры не спешат отступить от буквы закона, мотивируя это необходимостью соблюдения принципа законности, а также тем, что безнаказанность лиц, совершивших деяния малозначительные, подталкивает их к совершению серьезных преступлений.

10. Судьи нижестоящих судебных инстанций в отсутствие специальных разъяснений также не торопятся применять ч. 2 ст. 14 УК РФ. Думается, что анализируемый вопрос удалось бы прояснить в рамках полготовки соответствующего тематического постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

11. Статья 7.27 КоАП РФ предусматривает наступление ответственности за мелкое хищение чужого имуществом на сумму до 1000 руб. (ч. 1) и до 2500 руб. (ч. 2). Лицо, виновное в совершении мелкого хищения, автоматически может быть наказано в административном порядке, в том числе фактически лишением свободы на срок до полумесяца. Отмена приговоров о хищении небольших, но реально в разы больших сумм за малозначительностью (ч. 1 ст. 14 УК РФ) с последующей реабилитацией вообще уводит многих виновных в совершении правонарушения за рамки всех видов ответственности. Сложившуюся ситуацию признать допустимой нельзя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колоколов Н. А. Мелкая взятка (ст. 291.2 УК РФ): парадоксы правоприменения // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 156–161.
2. Колоколов Н. А. О бедном взяточдателе замолвите слово // ЭЖ-Юрист. 2012. № 10 (713). С. 16.
3. Колоколов Н. А. Попались на мелкой взятке: кто виноват? // Юрист спешит на помощь. 2018. № 1. С. 34–37.
4. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (особенности уголовного преследования лиц, подвергнутых административному наказанию за мелкое хищение) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 297–310.
5. Колоколов Н. А. Хулиганство: апофеоз эволюции – особая дерзость абордажа // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 1 (5). С. 153–174.
6. Колоколов Н. А. Уголовное право: новации, инновации, волюнтаризм законодателя и правосознание практика // Библиотека криминалиста. 2015. № 5. С. 89–114.
7. Колоколов Н. А. Уголовная политика: от «концепций» к «дорожной карте» // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 1. С. 33–53.
8. Клименко А. И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
9. Колоколов Н. А. Уголовная политика: загадочная очевидность. М., 2014. С. 3–6.
10. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. 352 с.
11. Лунеев В. В. Очерк 1. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / под ред. В. В. Лунеева. М., 2010. 779 с.
12. Уголовное судопроизводство : в 3 т. / под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 3. С. 168–188.
13. Колоколов Н. А. УАЗом по браконьеру: Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не без повода усомнилась в законности и обоснованности приговора, постановленного мировым судьей по ч. 2 ст. 114 УК РФ в отношении егеря // Мировой судья. 2023. № 1. С. 2–12.
14. Головки Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. М., 2022. 458 с.
15. Колоколов Н. А. Засекреченный прецедент? Да, нет все-таки: «дело Воробей» уже вылетело – не поймаешь! Анализируем образец смелого и исключительно принципиального судебного усмотрения – определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении лица, поспешно осужденного за «хищение» автомобиля у своей сожительницы // Уголовное судопроизводство. 2004. № 1. С. 2–12.

16. Азарова Е. В. К вопросу о смелости судебной усмотрения в уголовном судопроизводстве (критический анализ некоторых публикаций проф. Н. А. Колоколова) // Уголовное судопроизводство. 2004. № 1. С. 17–22.
17. Колоколов Н. А. Самоуправство: два примера отмен незаконных обвинительных приговоров // Уголовный процесс. 2024. № 7. С. 89–93.
18. Колоколов Н. А. Преступление есть, виновных нет // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 68–71.
19. Колоколов Н. А. Изготовление подложного кассового чека: возможности и препятствия для привлечения к уголовной ответственности // Уголовный процесс. 2010. № 2. С. 36–40.
20. Колоколов Н. А. «Чекистский» бизнес // ЭЖ-Юрист. 2010. № 28 (633). С. 6–7.
21. Колоколов Н. А. «Чекисты» – неподсудны? Изготовление подложного контрольно-кассового чека: преступление или доходный бизнес? // Человек и закон. 2010. № 5. С. 85–95.
22. Колоколов Н. А. «Грязные деньги»: боремся с их отмытием или... // Безопасность бизнеса. 2009. № 2. С. 19–24.
23. Колоколов Н. А. «Великий обман» на 6.800 руб.: анализ приговоров мировых судей и некоторых последующих решений Первого КСОЮ и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ // Мировой судья. 2023. № 10. С. 2–14.
24. Колоколов Н. А. Российская cosa nostra // ЭЖ-Юрист. 2010. № 25 (630). С. 1, 4–5.
25. Лебедев В. М., Корчагин А. Ю., Свечникова Л. Г. Верховный Суд России : моногр. Пятигорск, 2012. С. 320–323.
26. Потапова А. В. Адвокат-обвинитель // Уголовное судопроизводство. 2016. № 4. С. 7–10.
27. Колоколов Н. А. Незаконный оборот оружия: форма побеждает содержание // Уголовный процесс. 2014. № 7. С. 34–37.
28. Колоколов Н. А. Оружие – опасное наследство // ЭЖ-Юрист. 2015. № 15. С. 8.
29. Колоколов Н. А. Философия наказания: эволюция нравственности // История государства и права. 2016. № 10. С. 42–47.
30. Вечер памяти. Зоя Корнева // Судья. 2012. № 10. С. 63–64.
31. Востриков М. В., Поликашина О. В. К вопросу о малозначительности деяния: какие признаки общественной опасности относят деяние к малозначительному // Уголовное судопроизводство. 2024. № 4. С. 29–31.
32. Яковенко Е. В. Обращение имущества в доход Российской Федерации как гражданско-правовой инструмент противодействия коррупции: проблемы правоприменения и основные пути их решения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 4 (102). С. 45–51.

REFERENCES

1. Kolokolov N.A. Petty bribery (Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): paradoxes of law enforcement. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1, pp. 156–161. (In Russ.).
2. Kolokolov N.A. Put in a word about the poor bribe taker. *EZh-Yurist = EJ-Lawyer*, 2012, no. 10 (713), p. 16. (In Russ.).
3. Kolokolov N.A. Caught on a petty bribe: who is to blame? *Yurist speshit na pomoshch' = The Lawyer Rushes to the Rescue*, 2018, no. 1. 34–37. (In Russ.).
4. Kolokolov N.A. Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (Features of Criminal Prosecution of Persons Subject to Administrative Punishment for Petty Theft). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 297–310. (In Russ.).
5. Kolokolov N.A. Hooliganism: the apotheosis of evolution – the special audacity of boarding. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii = Library of Criminal Law and Criminology*, 2014, no. 1 (5), pp. 153–174. (In Russ.).
6. Kolokolov N.A. Criminal law: innovations, innovations, voluntarism of the legislator and legal awareness of practice. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2015, no. 5, pp. 89–114. (In Russ.).
7. Kolokolov N.A. Criminal policy: from “concepts” to the “roadmap”. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii = Library of Criminal Law and Criminology*, 2018, no. 1, pp. 33–53. (In Russ.).
8. Klimentko A.I. *Vzaimosvyaz' pravovogo i politicheskogo soznaniya v osushchestvlenii ideologicheskoi funktsii gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The relationship of legal and political consciousness in the implementation of the ideological function of the state: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2005. 28 p.
9. Kolokolov N.A. *Ugovnaya politika zagadochnaya ochevidnost'* [Criminal policy mysterious evidence]. Moscow, 2014. Pp. 3–6.
10. Kudryavtsev V.N. *Strategii bor'by s prestupnost'yu* [Strategies for combating crime]. Moscow, 2003. 352 p.
11. Luneev V.V. ssay 1. Problems of criminal law and other sciences of the criminal cycle. In: Luneev V.V. (Ed.). *Ugovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik ocherkov* [Criminal law. Actual problems of theory and practice: a collection of essays]. Moscow, 2010. 779 p.
12. *Ugovnoe sudoproizvodstvo: v 3 t. T. 3* [Criminal proceedings: in 3 volumes. Volume 3]. Moscow, 2019. Pp. 168–188. (In Russ.).
13. Kolokolov N.A. UAZ poacher: The Judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation, not without reason, doubted the legality and validity of the verdict issued by the justice of the peace under part 2 of Article 114 of the Criminal Code in relation to the huntsman. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2023, no. 1, pp. 2–12. (In Russ.).
14. Golovko L.V. *Gosudarstvo i ego ugovnoe sudoproizvodstvo* [The state and its criminal proceedings]. Moscow, 2022. 458 p.
15. Kolokolov N.A. A classified precedent? Yes, no, after all: the “Sparrow case” has already flown out – you won’t catch it! We analyze a sample of bold and exceptionally principled judicial discretion – the definition of the Judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation in relation to a person hastily convicted of “stealing” a car from his concubine. *Ugovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Proceedings*, 2004, no. 1, pp. 2–12. (In Russ.).

16. Azarova E.V. On the question of the boldness of judicial discretion in criminal proceedings (critical analysis of some publications by Prof. N.A. Kolokolov). *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Proceedings*, 2004, no. 1, pp. 17–22. (In Russ.).
17. Kolokolov N.A. Arbitrariness: two examples of the cancellation of illegal convictions. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2024, no. 7, pp. 89–93. (In Russ.).
18. Kolokolov N.A. There is a crime, there are no guilty. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2014, no. 4, pp. 68–71. (In Russ.).
19. Kolokolov N.A. Making a fake cash receipt: opportunities and obstacles for bringing to criminal liability. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2010, no. 2, pp. 36–40. (In Russ.).
20. Kolokolov N.A. “Chekist” business. *EZh-Yurist = EJ-Lawyer*, 2010, no. 28 (633), pp. 6–7. (In Russ.).
21. Kolokolov N.A. Are “chekists” outside the jurisdiction? Making a fake cash receipt: a crime or a profitable business? *Chelovek i zakon = Man and the Law*, 2010, no. 5, pp. 85–95. (In Russ.).
22. Kolokolov N.A. “Dirty money”: fighting their laundering or ... *Bezopasnost' biznesa = Business Security*, 2009, no. 2, pp. 19–24. (In Russ.).
23. Kolokolov N.A. “The great deception” for 6,800 rubles: analysis of the sentences of magistrates and some subsequent decisions of the First CCOI and the Judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2023, no. 10, pp. 2–14. (In Russ.).
24. Kolokolov N.A. Russian cosa nostra. *EZh-Yurist = EJ-Lawyer*, 2010, no. 25 (630), pp. 1, 4–5. (In Russ.).
25. Lebedev V.M., Korchagin A.Yu., Svechnikova L.G. *Verkhovnyi Sud Rossii: monogr.* [The Supreme Court of Russia: monograph]. Pyatigorsk, 2012. Pp. 320–323. (In Russ.).
26. Potapova A.V. Lawyer prosecutor. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Proceedings*, 2016, no. 4, pp. 7–10. (In Russ.).
27. Kolokolov N.A. Illegal arms trafficking: the form wins the content. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2014, no. 7, pp. 34–37. (In Russ.).
28. Kolokolov N.A. Weapons – a dangerous inheritance. *EZh-Yurist = EJ-Lawyer*, 2015, no. 15, p. 8. (In Russ.).
29. Kolokolov N.A. Philosophy of punishment: evolution morality. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2016, no. 10, pp. 42–47. (In Russ.).
30. Evening of remembrance. Zoya Korneva. *Sud'ya = Judge*, 2012, no. 10, pp. 63–64. (In Russ.).
31. Vostrikov M.V., Polikashina O.V. On the question of the insignificance of an act: what signs of public danger classify an act as insignificant. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Proceedings*, 2024, no. 4, pp. 29–31. (In Russ.).
32. Yakovenko E.V. Conversion of property to the income of the Russian Federation as a civil law instrument for combating corruption: problems of law enforcement and the main ways to solve them. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2024, no. 4 (102), pp. 45–51. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова, профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке, председатель редакционных советов журналов «Мировой судья» и «Уголовное судопроизводство», Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

NIKITA A. KOLOKOLOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of A.S. Griboyedov Moscow University, professor at the Department of Theory and History of Government and Law of the Institute of Social Studies and Humanities of Moscow Pedagogical State University, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in Honorable Retirement, Chairman of the editorial boards of the journals “Justice of the Peace” and “Criminal Judicial Proceeding”, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила 18.09.2024

Дискреционные полномочия в сфере публичного управления и принципы их реализации в деятельности уголовно-исполнительной системы

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Реферат

Введение: статья посвящена актуальным проблемам применения дискреционных полномочий носителями публичной власти в современных условиях развития государства и общества, а также исследованию базовых принципов применения административного усмотрения в деятельности уголовно-исполнительной системы. *Целью* статьи является освещение теоретических и прикладных проблем в области административного усмотрения в деятельности органов и должностных лиц публичной администрации в целом и уголовно-исполнительной системы в частности. *Методологическую основу* работы образуют общенаучные и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, описательный, контент-анализа) методы познания правовой действительности. Обосновываются *выводы* о том, что в настоящее время проблема административного усмотрения в деятельности публичной администрации приобретает новое значение. В условиях постоянного расширения сферы публичного управления, его усложнения, многозадачности и ситуационной неопределенности принятие даже внешне законного решения в перспективе может повлечь неблагоприятные последствия, которые на момент принятия управленческого решения не являются очевидными либо являются трудно прогнозируемыми. В связи с этим возникает вопрос об установлении правовых границ (ориентиров) для действий органов публичной администрации при реализации полномочий в рамках административного усмотрения. Такими ориентирами должны стать закрепленные в законодательстве административно-правовые принципы деятельности органов публичной администрации в сфере осуществления различных направлений подзаконной административной деятельности, в том числе в области подзаконного нормотворчества, принятия управленческих актов общего действия, индивидуальных правоприменительных актов, административных договоров и т. д. Одним из главных преимуществ использования дискреционных полномочий в деятельности уголовно-исполнительной системы является их способность обеспечивать гибкость и адаптивность выработки и принятия управленческих решений, поиск и апробацию новых передовых форм и методов управления. *Научная и практическая значимость* работы состоит в обосновании положений о том, что дискреционные полномочия играют важную роль в совершенствовании деятельности ФСИН России, позволяют ей адаптироваться к изменяющимся условиям, обеспечивать законность и справедливость в принятии управленческих решений. При этом для исключения злоупотреблений и несправедливых решений дискреционные полномочия должны быть ограничены и контролируемы, то есть применяться с соблюдением принципов прозрачности, ответственности и контроля.

Ключевые слова: административное право; дискреционные полномочия; административное усмотрение; административные процедуры; уголовно-исполнительная система.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Нагорных Р. В. Дискреционные полномочия в сфере публичного управления и принципы их реализации в деятельности уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 428–433. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.009.

Discretionary Powers in the Field of Public Administration and Principles of Their Implementation in the Activities of the Penal System

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Abstract

Introduction: the article is devoted to topical problems of the use of discretionary powers by public authorities in modern conditions of the development of the state and society, as well as the study of basic principles of the application of administrative discretion in the activities of the penal system. *Purpose:* to highlight theoretical and applied problems in the field of administrative discretion in the activities of public administration bodies and officials in general and the penal system in particular. *The methodological basis* of the work is formed by general scientific and private scientific (historical-legal, comparative-legal, descriptive, content analysis) methods of cognition of legal reality. The *conclusions* are substantiated that at present the problem of administrative discretion in the activities of public administration is gaining new importance. In the context of the constant expansion of the sphere of public administration, its complexity, multitasking and situational uncertainty, making even an outwardly legitimate decision in the future may entail adverse consequences that are not obvious or difficult to forecast at the time of making a management decision. In this regard, the question arises of establishing legal boundaries (guidelines) for the actions of public administration bodies in the exercise of powers within the framework of administrative discretion. Such guidelines should be administrative and legal principles of the activities of public administration bodies fixed in legislation in the field of implementation of various areas of subordinate administrative activities, including in the field of subordinate rulemaking, adoption of general administrative acts, individual law enforcement acts, administrative contracts, etc. One of the main advantages of using discretionary powers in activities of the penal system is their ability to provide flexibility and adaptability in the development and adoption of managerial decisions, the search and testing of new advanced management forms and methods. Scientific and practical significance of the work consists in substantiating the provisions that discretionary powers play an important role in improving activities of the Federal Penitentiary Service of Russia, allow it to adapt to changing conditions, and ensure legality and fairness in making managerial decisions. At the same time, in order to exclude abuses and unfair decisions, discretionary powers should be limited and controlled, that is, applied in compliance with the principles of transparency, liability and control.

Key words: administrative law; discretionary powers; administrative discretion; administrative procedures; penal system.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Nagornikh R.V. Discretionary powers in the field of public administration and principles of their implementation in the activities of the penal system. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 428–433. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.009.

Введение

Развитие системы публичного управления в России актуализировало большой пласт теоретических и прикладных проблем в области административного усмотрения в деятельности органов и должностных лиц публичной администрации [1, с. 61; 2 с. 51]. Как отмечается в специальной литературе, «в отношении административного усмотрения ни в отечественной правовой науке, ни в законотворческой деятельности до настоящего времени не выработано единого подхода» [3, с. 197]. В этой связи остро возникает вопрос о том, что же сегодня следует понимать под админи-

стративным усмотрением, каковы его содержание и сущность, на каких принципах оно должно применяться в публичном управлении и т. п.

Диалектическая природа административного усмотрения и его внутренняя противоречивость обуславливают возможность его рассмотрения в диаметрально противоположных значениях. С одной стороны, осуществление публичной администрацией своих полномочий всегда дискреционно и связано с необходимостью выбора оптимального решения из большого количества возможных альтернатив в условиях ситуационной неопределенности, многоза-

дачности и многоуровневости управленческих процессов, потребности одновременного достижения целей экономической и социальной эффективности, устранения противоречий и восполнения пробелов в нормативном регулировании и т. п. С другой стороны, при выборе того или иного варианта управленческого решения всегда есть риск нарушения действующего закона, причинения вреда интересам различных участников публичного управления. Более того, иногда возникают ситуации, когда причинение вреда интересам отдельных субъектов публичного правоотношения просто неизбежно ввиду крайней необходимости принятия управленческого решения.

Административное усмотрение в деятельности публичной администрации в новых условиях

В настоящее время проблема административного усмотрения в деятельности публичной администрации приобретает новое значение. В условиях постоянного расширения сферы публичного управления, его усложнения, многозадачности и ситуационной неопределенности принятие даже внешне законного решения в перспективе может повлечь неблагоприятные последствия, которые на момент принятия управленческого решения не являются очевидными либо являются труднопрогнозируемыми.

В связи с этим возникает вопрос об установлении правовых границ (ориентиров) для действий органов публичной администрации при реализации полномочий в рамках административного усмотрения. Такими ориентирами должны стать закрепленные в законодательстве административно-правовые принципы деятельности органов публичной администрации в области осуществления различных направлений подзаконной административной деятельности, в том числе в области подзаконного нормотворчества, принятия управленческих актов общего действия, индивидуальных правоприменительных актов, административных договоров и т. д.

Законодательное закрепление принципов осуществления дискреционных полномочий должно стать отправной точкой в регулировании реализации административной власти органами и должностными лицами публичного управления. Практическую значимость данного вопроса невозможно переоценить, поскольку он напрямую затрагивает создание эффективных гарантий соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, защиты от преступления органами государственной власти, превышения допустимых пределов осуществления административных полномочий.

Правовое регулирование общественных отношений в любой сфере ограничивается объективными пределами, что подразумевает необходимость осуществления публичной управленческой деятельности, в том числе направленной на устранение пробелов в действующем правовом регулировании, адаптации норм права к реальным условиям жизни людей, имеющей, как правило, дискреционный характер. Иными словами, ряд полномочий государственных органов, несмотря на законодательное декларирование, не имеют строго урегулированных административных процедур для реализации. При

этом необходимо учитывать и то, что правовое регулирование в сфере публичного управления имеет объективные пределы, что обуславливает необходимость предоставления органам публичной администрации дискреционных полномочий. В этой связи возникает проблема установления пределов административного усмотрения и ограничения дискреционных полномочий органов и должностных лиц публичной администрации.

Европейский опыт решения данной проблемы связан, прежде всего, с нормативным определением принципов административного усмотрения. Так, Комитетом Министров Совета Европы приняты рекомендации 80(2) от 11.03.1980 «Об осуществлении дискреционных полномочий административными органами» (далее – Рекомендации) [4, с. 1, 2], в которых дискреционные полномочия определяются как полномочия органов публичной власти, которые предоставляют им некоторую степень свободы в отношении принимаемого решения, позволяющую выбирать среди нескольких юридически допустимых решений одно из наиболее подходящих. При этом обращается внимание на то, что «наличие возможности такого выбора требует от представителей публичных органов проявления своего (административного) усмотрения (дискреции)» [5, с. 73].

Особый интерес вызывает и то, что основной сферой применения принципов ограничения дискреционных полномочий в соответствии с указанными Рекомендациями является защита прав, свобод и интересов лиц при принятии административных актов. В свою очередь, под административным актом понимаются административные меры или решения, принимаемые при осуществлении публичной власти и непосредственно затрагивающие права, свободы или интересы физических или юридических лиц.

Рекомендациями также определены основные принципы деятельности административных органов при осуществлении дискреционных полномочий, к которым относятся следующие требования:

1. Обязанность не преследовать иную цель, кроме той, для которой были предоставлены полномочия.
2. Обязанность соблюдения объективности и беспристрастности, принятия во внимание только факторов, имеющих отношение к частному случаю.
3. Обязанность соблюдения принципа равенства перед законом, избегания несправедливой дискриминации.
4. Обязанность поддержания надлежащего баланса между любыми неблагоприятными последствиями, которые его решение может иметь для прав, свобод или интересов лиц и целей, которые преследуются при принятии административного акта.
5. Обязанность принимать свое решение в разумные сроки с учетом рассматриваемого вопроса.
6. Обязанность последовательно применять общие административные правила и с учетом конкретных обстоятельств каждого дела.

Вместе с тем в отечественном законодательстве нет актов, в которых бы закреплялась система принципов осуществления публичной администрацией дискреционных полномочий. В настоящее время

присутствуют лишь отдельные, фрагментарные положения, содержащиеся в нормативных правовых актах различной юридической силы и тематики, которые в той или иной мере выражают такие принципы или, по крайней мере, содержат о них упоминание [6, с. 44]. При этом наличие разрозненных положений, содержащихся в нормативно-правовых актах различного уровня, лишь усугубляет ситуацию, поскольку снижает уровень значимости данных принципов и дискреции как категории.

В то же время ряд указанных принципов находит отражение в актах Конституционного Суда Российской Федерации, что свидетельствует об определенной положительной динамике в решении вопроса об урегулировании дискреции в российской правовой действительности. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 16.10.2020 № 42-П и определениях от 29.10.2020 № 2386-О, № 2492-О неоднократно упоминал категории дискреционных полномочий и усмотрения, что свидетельствует о признании существования данных институтов административного права на высшем уровне.

В теоретическом плане дискреционные полномочия органов публичного управления обычно относят к правомочиям, которые предоставляются органам публичной администрации и их должностным лицам для принятия решений в рамках своей компетенции по своему усмотрению в пределах законов и нормативных актов.

Как отмечается в специальной литературе, административное усмотрение является важным элементом государственного (публичного) управления, позволяющим оперативно, с учетом сложившейся ситуации и на основе действующего законодательства принимать управленческие решения, направленные на защиту публичных интересов [3, с. 199]. Дискреционные полномочия предоставляются для обеспечения гибкости и эффективности публичного управления. Они позволяют органам и должностным лицам публичной администрации самостоятельно определять способы и методы выполнения своих задач, выбирать наиболее оптимальные и целесообразные меры и направления деятельности.

К числу основных признаков дискреционных полномочий возможно отнести:

- свободу выбора управленческого решения, что позволяет органам и должностным лицам публичной администрации выбирать наиболее подходящие решения и методы работы с точки зрения их эффективности и целесообразности;
- ограничение законом, которое обуславливает установление нормативных пределов принятия управленческих решений и обязанности органов и должностных лиц публичной администрации строго и неукоснительно соблюдать требования законности;
- судебный контроль, который обеспечивает возможность судебного обжалования решений органов и должностных лиц публичной администрации;
- прозрачность деятельности и обязательную отчетность органов и должностных лиц публичной администрации.

Внедрение данных принципов в деятельность публичной администрации позволит надлежащим образом ограничить административное усмотрение, обеспечить необходимыми правовыми ориентирами административного управления и контроля за деятельностью органов публичной администрации по применению дискреционных актов и иных действий публичной администрации, то есть обеспечить эффективные гарантии защиты прав, свобод и законных интересов личности и общества от административного произвола.

Дискреционные полномочия в деятельности уголовно-исполнительной системы

Дискреционные полномочия применяются в различных сферах и областях публичного управления, в том числе и в правоохранительной деятельности в целом и в деятельности уголовно-исполнительной системы в частности [7, с. 509].

Уголовно-исполнительная система представляет собой сложную организационную управленческую систему, в которой функционируют различные органы и учреждения, выполняющие задачи в области исполнения уголовных наказаний. Одним из ее важных признаков деятельности является наличие обширных дискреционных полномочий органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, в области принятия управленческих решений по разрешению конкретных дел, реагированию на отдельные случаи или ситуации. Дискреционные полномочия играют важную роль в эффективном функционировании уголовно-исполнительной системы [8, с. 18], позволяя ее органам и учреждениям адаптироваться к изменяющимся условиям и обеспечивать законность и эффективность в своей работе.

Дискреционные полномочия или административное усмотрение в деятельности уголовно-исполнительной системы представляют собой полномочия органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, и их должностных лиц осуществлять решение служебных задач на основе самостоятельного усмотрения в выборе возможных альтернатив. Эти полномочия позволяют органам и учреждениям реагировать на различные ситуации и решать возникающие проблемы в соответствии с конкретными обстоятельствами.

Дискреционные полномочия играют важную роль в эффективном функционировании органов и учреждений, исполняющих наказания, в механизме противодействия коррупции и иных видов пенитенциарной преступности [9, с. 80], позволяют им адаптироваться к изменяющимся условиям и обеспечивать справедливость и эффективность пенитенциарной деятельности [10, с. 195].

Одним из главных преимуществ использования дискреционных полномочий в деятельности уголовно-исполнительной системы является их способность обеспечивать гибкость и адаптивность выработки и принятия управленческих решений, поиск и апробацию передовых форм и методов управления. В условиях постоянно меняющейся политической, экономической и социальной ситуации органы и учреждения, исполняющие уголовные наказания, должны

быть способны принимать решения, основываясь на постоянном анализе своей практической деятельности, экспертной оценке ее эффективности и целесообразности в целях своевременного реагирования на изменения и адаптации к новым задачам, вызовам и угрозам.

Важным аспектом дискреционных полномочий в деятельности уголовно-исполнительной системы является их роль в обеспечении справедливости и соблюдения баланса интересов разных сторон [11; 12, с. 82]. В отличие от общих правил и норм, дискреционные полномочия позволяют принимать во внимание конкретную ситуацию и особенности каждого отдельного случая. Это позволяет должностным лицам учитывать индивидуальные потребности и интересы различных категорий лиц [13, с. 792–794] гарантируя принятие справедливого и равноправного решения.

Важным вопросом реализации дискреционных полномочий в деятельности уголовно-исполнительной системы является контроль за их применением и их ограничение в случае принятия несправедливых решений и злоупотреблений.

В этой связи важными средствами обеспечения законности, прозрачности и открытости принятия решений выступают различные виды внешнего (государственного и общественного) и внутриорганизационного контроля, которые подразумевают проверку законности и обоснованности принятого решения, возможность его отмены в административном либо судебном порядке.

Дискреционные полномочия играют важную роль в развитии и усовершенствовании функционирования уголовно-исполнительной системы. Они позволяют внедрять в деятельность инновационные решения и технологии, например, в области:

- цифровизации сферы исполнения уголовных наказаний;
- применения телекоммуникационных технологий при проведении процессуальных действий в отношении лиц, содержащихся в учреждениях;
- подготовки осужденных к освобождению;
- проведения мероприятий социально-психологической адаптации;
- развития производственного сектора;
- организации обучения и воспитания сотрудников;
- ресурсного обеспечения деятельности и т. д.

Выводы

Применение дискреционных полномочий должно подразумевать ответственность должностных лиц за принятые решения. Опасность волюнтаризма при использовании дискреционных полномочий крайне велика, и это обстоятельство подразумевает необходимость выработки эффективных критериев оценки управленческой деятельности как в целом в уголовно-исполнительной системе, так и отдельных сферах ее функционирования (исполнение наказаний, ресоциализация и социальная адаптация, кадровое и иное ресурсное обеспечение, производственный сектор и т. п.).

В целом следует заключить, что дискреционные полномочия играют важную роль в совершенствовании деятельности уголовно-исполнительной системы, позволяют ей адаптироваться к изменяющимся условиям, обеспечивать законность и справедливость в принятии управленческих решений. При этом для исключения злоупотреблений и несправедливых решений дискреционные полномочия должны быть ограничены и контролируемы, то есть применяться на основе соблюдения принципов прозрачности, ответственности и контроля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нагорных Р. В. Трансформация предмета административного права в условиях становления административного конституционализма в современной России // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 20. М., 2020. С. 61–66.
2. Нагорных Р. В. О целях систематизации административного права и законодательства в условиях реализации доктрины административного конституционализма в современной России // Юридический мир. 2021. № 6. С. 50–54.
3. Старостин С. А. Административное усмотрение в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний: теоретико-доктринальное осмысление // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 196–202.
4. Exercise of Discretionary Powers by Administrative Authorities: Recommendation No.R(80)2 Adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 11 March 1980, and Explanatory Memorandum. URL: <https://rm.coe.int/16804f22ae> (дата обращения: 25.10.2024).
5. Соловей Ю. П. Дискреционный характер административного акта как обстоятельство, исключающее судебную проверку его законности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 72–99.
6. Андриянов В. Н. К проблеме формирования в административном праве принципов государственного управления // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сб. ст. по материалам X юбилейной междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), Санкт-Петербург, 22 марта 2019 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб., 2019. С. 44–48.
7. Нагорных Р. В. Государственная служба в правоохранительной сфере и ее основные признаки // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 4 (52). С. 507–513.
8. Анискина Н. В., Мельникова Н. А. Административная юрисдикция учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в свете нового проекта КоАП РФ // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 17–23.
9. Кириловский О. В., Мельникова Н. А. Правовое регулирование мер социальной защиты в отношении защищаемых лиц из числа сотрудников уголовно-исполнительной системы и пути его совершенствования // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 2 (37). С. 78–83.
10. Профессиональное обучение граждан, впервые принятых на службу в уголовно-исполнительную систему Российской Федерации : учеб. пособие : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. И. А. Янчука. Вологда, 2021. Т. 1. С. 183–217.

11. Оботурова Н. С. Идея прав человека: современные вызовы и тенденции развития // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 9–11 декабря 2021 г.) / под общ. ред. В. Н. Некрасова : в 3 ч. Вологда, 2022. Ч. 2. С. 67–74.
12. Оботурова Н. С. Проблема духовной безопасности современного общества // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 80–86.
13. Нагорных Р. В., Васильева Я. В., Мельникова Н. А. Проблемы модернизации кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в условиях становления доктрины административного конституционализма в современной России // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 4 (56). С. 791–801.

REFERENCES

1. Nagornykh R.V. Transformation of the subject of administrative law in the conditions of the formation of administrative constitutionalism in modern Russia. In: *Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Vyp. 20*. [Scientific works. The Russian Academy of Legal Sciences. Issue 20]. Moscow, 2020. Pp. 61–66. (In Russ.).
2. Nagornykh R.V. On the goals of systematization of administrative law and legislation in the context of the implementation of the doctrine of administrative constitutionalism in modern Russia. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 2021, no. 6, pp. 50–54. (In Russ.).
3. Starostin S.A. Administrative discretion in activities of the Federal Penitentiary Service: theoretical and doctrinal interpretation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 196–202. (In Russ.).
4. *Recommendation No. R (80) 2 of the Committee of Ministers concerning the exercise of discretionary powers by administrative authorities (adopted by the Committee of Ministers on 11 March 1980 at the 316th meeting of the Ministers' Deputies)*. Available at: <https://rm.coe.int/16804f22ae> (accessed October 25, 2024).
5. Solov'ev Yu.P. The discretionary nature of an administrative act as a circumstance precluding judicial verification of its legality. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 4, pp. 72–99. (In Russ.).
6. Andriyanov V.N. On the problem of formation of principles of public administration in administrative law. In: Kaplunov A.I. (Ed.). *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava: sb. st. po materialam X yubileinoi mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sorokinskie chteniya), Sankt-Peterburg, 22 marta 2019 g.* [Actual problems of administrative and administrative procedural law: collection of articles based on the materials of the X anniversary International Scientific AND Practical Conference (Sorokin readings), Saint Petersburg, March 22, 2019]. Saint Petersburg, 2019. Pp. 44–48. (In Russ.).
7. Nagornykh R.V. State service in the law enforcement sphere and its major features. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 507–513.
8. Aniskina N.V., Mel'nikova N.A. Administrative jurisdiction of penal system and authorities in view of the new draft of the Administrative Offense Code of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2023, no. 7. S. 17–23. (In Russ.).
9. Kirilovskii O.V., Mel'nikova N.A. Legal regulation of social protection measures in respect of protected persons from the number of penitentiary system employees and ways to improve it. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2020, no. 2 (37), pp. 78–83. (In Russ.).
10. *Professional'noe obuchenie grazhdan, vpervye prinyatykh na sluzhbu v ugovolno-ispolnitel'nyuyu sistemu Rossiiskoi Federatsii: ucheb. posobie: v 2 t. T. 1* [Vocational training of citizens who were first recruited into the penal system of the Russian Federation: study manual: in 2 volumes. Volume 1]. Ed. by Yanchuk I.A. Vologda, 2021. Pp. 183–217.
11. Oboturova N.S. The idea of human rights: modern challenges and development trends. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Penitentsiarnaya sistema Rossii v sovremennykh usloviyakh razvitiya obshchestva: ot paradigmy nakazaniya k ispravleniyu i resotsializatsii: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 9–11 dekabrya 2021 g.): v 3 ch. Ch. 2* [The penitentiary system of Russia in modern conditions of society development: from the paradigm of punishment to correction and re-socialization: collection of materials of the international scientific and practical conference. (Vologda, December 9–11, 2021)]. Vologda, 2022. Pp. 67–74. (In Russ.).
12. Oboturova N.S. The problem of spiritual security of modern society. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 80–86. (In Russ.).
13. Nagornykh R.V., Vasil'eva Ya.V., Mel'nikova N.A. Modernization issues of staffing the penal enforcement system in the context of formation of an administrative constitutionalism doctrine in modern Russia. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 791–801. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Статья поступила 20.09.2024

Психологические аспекты анализа и оценки современного состояния кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы

МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА КАЛУЖИНА

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

kaluzhina.marishka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4603-4129>

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ПУХАРЕВА

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, [puchareva@](mailto:puchareva@bk.ru)

[bk.ru](mailto:puchareva@bk.ru), <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>

Реферат

Введение: проблема кадрового дефицита в уголовно-исполнительной системе носит комплексный характер, требует реализации экономических, воспитательных, организационно-правовых и иных мер. В решении данной проблемы важная роль принадлежит исследованиям различных отраслей научного знания. В частности, прикладным потенциалом обладает психологическое изучение кадрового состава с целью определения личностно-профессиональных качеств сотрудников, их профессиональных установок, необходимых для решения сложных задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой. Целесообразна разработка новых подходов к исследованию условий труда и быта квалифицированных работников в современных условиях рынка труда. *Цель:* изучить представления о профессиональной сфере жизни сотрудников уголовно-исполнительной системы на примере Южного федерального округа Российской Федерации, определить их обобщенный личностный профиль, выявить профессиональные установки и мнения относительно индивидуальной профессиональной карьеры и актуальных проблем правового института кадрового комплектования ФСИН России в целом; определить риски потенциальной текучести кадров, произвести их оценку посредством выявления признаков, влияющих на данное социальное явление. *Методы:* теоретический, сравнительный анализ, онлайн-опрос, статистический метод, метод ранжирования. *Результаты:* весомую роль играют методики изучения претендента на службу в уголовно-исполнительной системе с учетом современных реалий функционирования исправительных учреждений. Важны своевременная оценка потенциальной текучести кадров, определение признаков, влияющих на субъективную установку сотрудника. К числу признаков отнесены гарантированная уверенность в завтрашнем дне, престижность службы в уголовно-исполнительной системе, ее социальное одобрение, конкурентно способный уровень денежных выплат, социальных гарантий. Необходимо уделять внимание мотивации служения у сотрудников исправительных учреждений, способности выполнять ими миссию по реабилитации и адаптации преступников в социуме. *Выводы:* эффективность российской пенитенциарной системы должна напрямую зависеть от решения ключевой задачи – кадрового комплектования учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (подбор кандидатов на службу, отбор и расстановка кадров, адаптация, превенция текучести кадров).

Ключевые слова: безопасность общества и государства; кадровое обеспечение; уголовно-исполнительная система; текучесть кадров; сотрудник уголовно-исполнительной системы; карьерные ориентации; личностно-профессиональные качества.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Калужина М. А., Пухарева Т. С. Психологические аспекты анализа и оценки современного состояния кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 434–442. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.010.

Original article

Psychological Aspects of Analyzing and Assessing the Current State of Personnel Provision of the Penal System

MARINA A. KALUZHINA

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

kaluzhina.marishka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4603-4129>**TAT'YANA S. PUKHAREVA**Kuban State University, Krasnodar, Russia, puchareva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>

Abstract

Introduction: the problem of personnel shortage in the penal system is complex and requires implementation of economic, educational, organizational, legal and other social measures. In solving this problem, an important role belongs to complex studies of various branches of scientific knowledge. In particular, specific features of the psychological study of the personnel structure in order to determine personal and professional qualities of employees, their professional attitudes regarding those necessary for the successful solution of large and complex tasks have applied potential. The above circumstances determine the advisability of developing new approaches to the study of the issues under consideration, in particular, they require research into the creation of favorable working and living conditions in the context of securing experienced and qualified workers in the staff in the modern conditions of the labor market. *Purpose:* to study ideas about professional activities of the penal system employees on the example of the Southern Federal District of the Russian Federation, to determine their generalized personality profile, to identify their professional attitudes and opinions regarding their individual professional career and current problems of the legal institution of personnel recruitment in the penal system as a whole; to determine current risks of "potential staff turnover", to assess them by identifying and defining the signs that influence this social phenomenon. *Methods:* theoretical analysis, comparative analysis, online survey, statistical method, ranking method. *Results:* methods of studying a candidate for service in the penal system play a significant role, taking into account modern realities of the functioning of correctional institutions. It is crucial to timely assess "potential staff turnover" and identify signs that influence the subjective attitude of the employee. The signs include guaranteed confidence in the future, prestige of service in the penal system, its social approval, a competitive level of cash payments, and social guarantees. It is necessary to pay attention to penal system employees' motivation to serve, the ability to fulfill their mission of rehabilitation and adaptation of criminals to integration into society. *Conclusions:* guidelines for solving the problems of the modern Russian penitentiary system should be based on an integrated approach to solving the key problem – staffing of institutions and bodies of the penal system: selection of candidates for service, selection and placement of personnel, adaptation, prevention of staff turnover.

Key words: public and state security; staffing; penal system; staff turnover; penal system employee; career guidance; personal and professional qualities

5.1.2. Public law (state-legal) sciences.

5.3.9. Legal psychology and security psychology

For citation: Kaluzhina M.A., Pukhareva T.S. Psychological aspects of analyzing and assessing the current state of personnel provision of the penal system. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 434–442. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.010.

Введение

В современных условиях, расширения сферы рационализированного применения мер принуждения, совершенствования функций уголовно-исполнительной системы Российской Федерации возрастает актуальность изучения кадрового обеспечения этого вида правоохранительной деятельности, несоизмеримо повышается социальная значимость института исполнения наказаний. Принятие Федерального за-

кона «О пробации в Российской Федерации» может быть определено как новый этап развития общества, выработка концептуальных подходов по рациональному применению мер принуждения, мер исправительного, социального и иного характера, мер стимулирования правопослушного поведения.

Руководство Федеральной службы исполнения наказаний уделяет постоянное внимание внедрению новых исправительных технологий работы с осужден-

ными, созданию условий для оказания всесторонней помощи освобождаемым лицам, использованию информационных технологий и научных достижений в реализации программ коррекции социального поведения. Решение указанных задач является важнейшей составляющей обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу.

Основным ресурсом достижения поставленных целей выступают сотрудники уголовно-исполнительной системы, их потенциал, личностные, деловые качества. Кадровый дефицит, отмечаемый в последнее время, увеличение некомплекта вызывают озабоченность: усиливается нагрузка на сотрудников, растет физическая и психологическая усталость, усложняется работа адвокатов, следователей, судей. Директор ФСИН России А. А. Гостев на расширенной коллегии в докладе о результатах работы в 2023 г. и основных задачах на 2024 г. озвучил проблемные вопросы, в числе которых был отмечен некомплект сотрудников (за прошедший год он увеличился до 19 %). Необходимо продолжить работу по улучшению условий прохождения службы, комплектованию и обучению личного состава.

Исследователи указывают, что развитие уголовно-исполнительной системы и ее соответствие потребностям российского общества и международным стандартам невозможны без подготовки кадров, способных в принципиально новых социальных условиях оптимизировать деятельность ее структурных подразделений [1]. О. В. Кочкина проводит комплексный анализ организационно-правовой деятельности по кадровому комплектованию и предлагает создать систему оценки эффективности деятельности по кадровому комплектованию учреждений и органов уголовно-исполнительной системы [2]. Изучается кадровая деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, раскрываются причины текучести кадров и основные факторы возникновения кадровых рисков, а также раскрывается роль процедуры наставничества в процессе социально-психологической адаптации персонала к непосредственной профессиональной деятельности [3–5]. При этом исследователи также уделяют внимание показателям кадрового состава территориальных органов и на основе опроса уволившихся сотрудников выявляют одну из основных причин оттока профессионально подготовленных кадров – денежное довольствие [6]. Внимание ученых также направлено на внедрение института пробацции и исследование вопросов подготовки кадров, способных оказывать всестороннюю помощь подозреваемым, обвиняемым, осужденным и лицам, освобожденным от отбывания наказания [7], а также перспективы развития службы пробацции. В частности, речь идет об установлении системы квалификационных требований к должностям службы пробацции, решении вопросов должного, материально-ресурсного и научного обеспечения, необходимости совершенствования нормативно-правового регулирования службы [8–10]. Авторами правомерно рассматриваются психологические аспекты текучести кадров, значимость нематериального сти-

мулирования личного состава [11], психологическое содержание профессиональной компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы [12–15]. Неоднократно подчеркивается, что стратегия подготовки кадров в целом должна обеспечить стабильный и сбалансированный кадровый состав, профессиональное выполнение сотрудниками уголовно-исполнительной системы своих служебных задач как в обычных, так и в сложных оперативных условиях [16; 17]. При этом постулируется, что наряду с кадровой работой необходимо осуществлять психологическое сопровождение персонала, включающее психодиагностику и иные психологические процедуры, поскольку на качество службы влияют и уровень психологической устойчивости, и умение справляться со стрессами, и психологическое благополучие сотрудника в целом [18; 19].

Зарубежные исследователи отмечают схожие проблемы в данном направлении [20–23]. На сегодняшний день пенитенциарные учреждения в ряде европейских стран сталкиваются с большими проблемами из-за нехватки персонала, некачественных отношений между сотрудниками и заключенными, со сложностями в выполнении ожидаемой от них реабилитационной работы, полагают необходимым улучшение подготовки тюремных сотрудников [24]. Специалисты отмечают значимость выработки критериев приемлемости при первичном отборе сотрудников, важность моральных и профессиональных ориентаций поступающих на службу. Крайне важна способность сотрудников исправительных учреждений выполнять свою миссию по реабилитации и безопасной реинтеграции преступников в общество. Ключевые характеристики с точки зрения ценностей, знаний и возможностей сотрудников пенитенциарных служб необходимо тестировать во время первоначального обучения. Необходимо убедиться, что претенденты имеют реальное представление о тюрьмах, посетили тюрьмы и понимают нюансы тюремного уклада жизни. Особо ценным зарубежные исследователи рассматривают наличие у кандидатов рациональных оснований. Например, жизненный опыт необходим для построения конструктивных отношений с заключенными, личной безопасности, преодоления критики, комфорта в рабочей среде. Жизненный опыт желателен для работы с осужденными в тюремных пространствах, чтобы предотвратить действия деструктивной направленности, массовые беспорядки, нарушения режима, безопасности и защищенности объекта [25].

Процедура и методы эмпирического исследования

Цель эмпирического исследования заключается в изучении представлений о профессиональной сфере жизни сотрудников уголовно-исполнительной системы на примере Южного федерального округа Российской Федерации, определении их обобщенного профиля и последующем анализе личностно-профессионального статуса, выявлении профессиональных установок и мнений относительно индивидуальной профессиональной карьеры и актуальных проблем кадрового комплектования службы в целом на основе самоотчетов.

Для реализации обозначенной цели был составлен и размещен в гугл-форме авторский опросник, включающий 28 вопросов, предполагающих ответы открытого и закрытого типов, и проведен анонимный опрос.

Описание выборки исследования

Респондентами стали 70 действующих сотрудников, из них 74 % мужчин и 26 % женщин в возрасте от 23 до 50 лет, средний возраст составил 32 ± 7 лет.

В зарегистрированном браке состоит 47 % опрошенных, в незарегистрированных отношениях – 19 %, холостыми или разведенными являются 34 % респондентов, при этом 15 % женатых сотрудников отметили, что брак повторный. Одного ребенка воспитывают 47 % респондентов, двоих детей – 19 %, троих и более детей – 3 %, не имеет детей 31 % опрошенных.

69 % респондентов – сотрудники с высшим профессиональным образованием, из них высшее юридическое образование имеют 48 % опрошенных, высшее педагогическое или психологическое образование – 27 %, высшее техническое – 25 %. Средний уровень образования имеет 31 % участников. При этом 19 % респондентов получили образование в ведомственных вузах страны, 81 % – в гражданских учебных заведениях.

По стажу службы в уголовно-исполнительной системе респонденты распределились следующим образом: стаж до трех лет имеют 50 % опрошенных, от трех до семи лет – 7 %, от семи до пятнадцати лет – 29 %, от пятнадцати лет и более – 14 % соответственно; 39 % опрошенных отмечают, что на службу поступили сразу же после обучения или службы в армии.

Заметим, что 43 % участников опроса в течение своей профессиональной деятельности место работы не меняли. Другими респондентами в качестве главных причин смены места работы отмечены карьерный рост (4 %), условия СВО (4 %), переезд (8 %) и низкий уровень заработной платы (13 % испытуемых, состоящих в браке, в том числе повторном, и имеющих детей, меняли основное место работы до трех-четырех раз).

В настоящее время службу проходят в ИК – 50 % опрошенных, в СИЗО – 26 %, в территориальных органах – 14 %, в МУСЦ, БМТиВС и других структурах – 10 %; 14 % респондентов работают начальниками отрядов, 29 % – инспекторами отделов безопасности, остальные занимают должности воспитателей, психологов-педагогов, ДПНУ и др.

Результаты исследования представлений сотрудников о службе в уголовно-исполнительной системе и своем профессиональном пути.

Анализ мотивов выбора профессии и места работы показывает, что многих опрошенных в службе во ФСИН России привлекают ранний выход на пенсию (39 %), возможность профессионального роста и развития (23 %), стабильная зарплата (20 %), близость работы от дома (19 %). Также отмечаются такие мотивы, как уверенность в завтрашнем дне (16 %), престижность службы и ее социальное одобрение (7 %). Среди ответов есть и указания на случайность выбора работы (6 %), а также нестандартные отзывы: «в моем руководителе я вижу грамотного, компетент-

ного специалиста» (6 %), «здесь есть возможность защитить диссертацию» (1 %), «было интересно посмотреть, как там все изнутри» (1 %).

Трудоустройство в уголовно-исполнительную систему респондентами было осуществлено следующим образом:

- рекомендации друзей, знакомых, родственников (61 %);
- рекомендации сотрудников, работающих в пенитенциарной системе (23 %);
- объявления о вакансиях, в том числе на сайтах организаций (14 %);
- набор из высших учебных заведений (7 %);
- помощь государственных агентств (служб занятости) (3 %).

Мнения сотрудников о перспективах продолжения службы (ответы на вопрос «Как долго вы планируете работать в уголовно-исполнительной системе?») можно условно объединить следующим образом:

- во-первых, ориентир на собственное самочувствие и профессиональную компетентность: «пока будут силы» (36 %), «пока мои компетенции и знания будут соответствовать занимаемой должности» (26 %);
- во-вторых, ориентир на предусмотренный (ограниченный) срок службы и получение социальных гарантий: «как только подойдет выслуга лет, дающая право на пенсию, я сразу уволюсь» (24 %);
- в-третьих, поиск другой работы: «уволюсь, как только предложат более оплачиваемую работу» (19 %), «постоянно подыскиваю альтернативу этой работе» (4 %).

Важным для опрашиваемых стал вопрос о заработной плате, тема денежного довольствия неоднократно встречалась в ответах к вопросам открытого типа. Респонденты отмечают, что в современных жизненных реалиях необходимо повышение уровня денежных выплат. Так, сотрудники на занимаемой должности хотели бы получать денежное довольствие: от 70 тыс. до 100 тыс. руб. (66 %), от 100 тыс. до 120 тыс. руб. (6 %), от 120 тыс. и более (28 %).

На вопрос о возможности возвращения на службу после увольнения ответили положительно 33 % опрошенных, отрицательно – 37 %, не были уверены в ответе – 30 %.

Привлекательность службы в уголовно-исполнительной системе и отношение к профессиональной карьере в системе правоохранительных органов косвенно отражаются в ответах на вопрос о выборе правоохранительного органа для службы. Большинство опрашиваемых выбирают такие правоохранительные структуры, как ФСИН (30 %), МВД, ОВД (24 %), ФСБ (20 %) (рис. 1).

В целом данные свидетельствуют о направленности большинства респондентов на служение, престижность профессии, стабильность места работы и получение социального пакета.

Одной из нормативно закрепленных гарантий приема на работу выступает институт личного поручительства, цель которого – функциональное воздействие на субъектов правоотношений стимулирую-

ющего характера посредством реализации широкого спектра кадровых технологий, в том числе направленных на укрепление служебной дисциплины, законности, предупреждение правонарушений, сни-

жение текучести кадров, устранение коррупционных рисков, стимулирование поведения кандидата на службу, соответствующего предписаниям службы в уголовно-исполнительной системе.

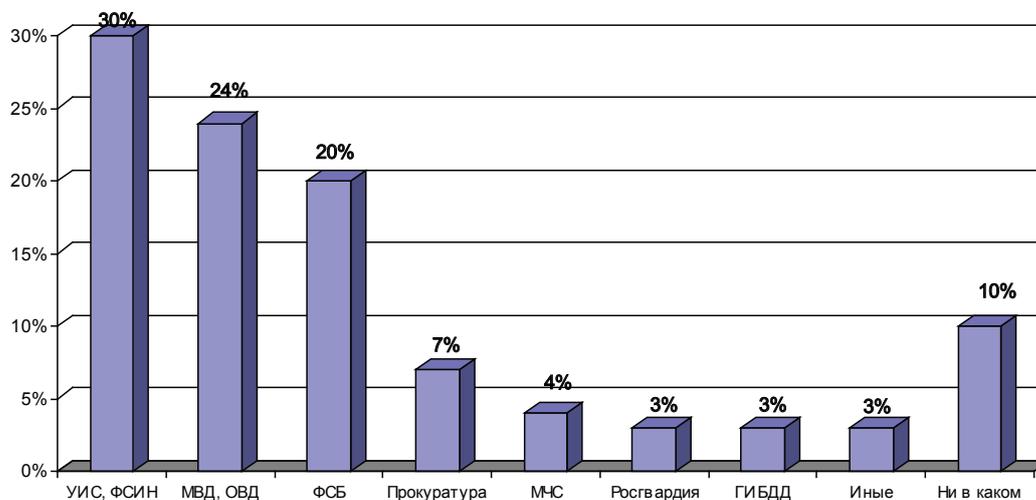

Рис. 1. Распределение мнений респондентов о приоритетном месте службы в правоохранительных органах, % (ответы на вопрос «Если бы Вам довелось выбирать, в каком правоохранительном органе предпочли бы служить?»)

Результаты исследования представлений сотрудников об организационных аспектах службы и направлениях совершенствования (оптимизации функционирования) уголовно-исполнительной системы

На рис. 2 показаны результаты изучения мнений респондентов об институте поручительства. Они свидетельствуют, что данный институт работает не в полную силу, требует совершенствования.

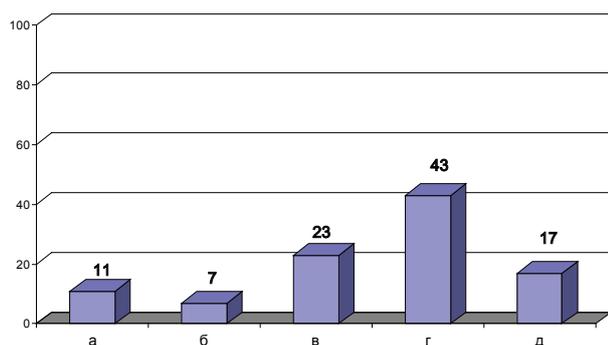

Рис. 2. Распределение мнений респондентов об институте поручительства в уголовно-исполнительной системе, %

Примечание: а) процедура поручительства необходима; б) институт поручительства создает дополнительные сложности при трудоустройстве; в) институт поручительства – гарант качественного отбора сотрудников на службу; г) я ничего об этом не слышал; д) институт поручительства – пустая формальность.

Отметим, что 43 % сотрудников не слышали о наставничестве, а 17 % считают его пустой формаль-

ностью. Вместе с тем 23 % опрошенных уверены, что институт поручительства – гарант качественного отбора сотрудников на службу, 11 % респондентов признают, что эта процедура необходима, поскольку прошли через нее, а 7 % отмечают, что поручительство создает дополнительные сложности при трудоустройстве, так как возникают сложности поиска того, кто мог бы за тебя поручиться.

Текущая текучесть кадров – сложное социальное явление, зависящее от многих обстоятельств как субъективного, так и объективного характера. Рассмотрим психологические аспекты механизма его формирования. Установка на уход (принятие решения) формируется в течение определенного времени. Решение сменить место работы принимается в большинстве случаев при наличии неудовлетворенности своим положением, которая возникает при несоответствии между фактически достигнутыми условиями труда и теми условиями, к которым сотрудник стремится и считает реально достижимыми. В случае устранения возникшего противоречия, то есть приведения в соответствие условий труда, он может изменить свои намерения и остаться на прежнем месте работы.

В основу исследования потенциальной текучести кадров может быть положен сравнительный анализ двух групп сотрудников – удовлетворенных своим положением и неудовлетворенных, причем находящихся на различных стадиях неудовлетворенности (неудовлетворенных, но не желающих сменить место работы; желающих сменить место работы внутри системы; принявших решение об уходе). Определим факторы, существенно влияющие на формирование решения о смене места работы (возраст, стаж, образование, семейное положение, доход на каждого

члена семьи), а также основные мотивы, уровень притязаний.

На рис. 3 показаны результаты изучения суждений респондентов о причинах текучести кадров в уголовно-исполнительной системе. Большинство опрошенных связывают рассматриваемую проблему с низким уровнем денежного довольствия и большими нагрузками (67 % и 63 % соответственно). Также отмечаются причины, связанные с ненормированным режимом работы и неудовлетворительной работой сотрудников кадровых подразделений (44 % и 19 %).

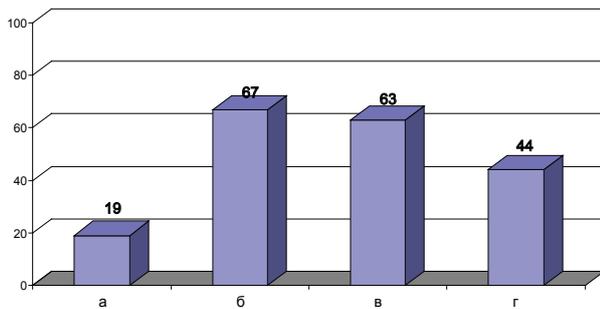

Рис. 3. Распределение мнений респондентов о причинах текучести кадров в уголовно-исполнительной системе, %

Примечание: а) неудовлетворительная работа сотрудников кадровых подразделений по подбору персонала; б) низкое денежное довольствие; в) большая нагрузка на сотрудника; г) ненормированный режим работы.

Отвечая на вопрос «Какие обстоятельства могут способствовать уменьшению числа нарушений служебной дисциплины сотрудниками?», респонденты предполагают, что проблему можно нивелировать за счет:

- повышения заработной платы (61 %);
- повышения качественного уровня комплектования на вакантные должности (43 %);
- повышения престижа службы (41 %);
- уменьшение нагрузки на сотрудника (34 %) (рис. 4).

Также было изучено мнение сотрудников о возможности получения дополнительного образования. Положительно оценили такую возможность 80 % опрошенных, безразлично – 20 %.

Многие респонденты отмечают, что «к сожалению, во время выполнения должностных обязанностей и в целом во время несения службы какие-либо инициативы неприемлемы и не приветствуются совсем», их мнение относительно организационных проблем не учитывается.

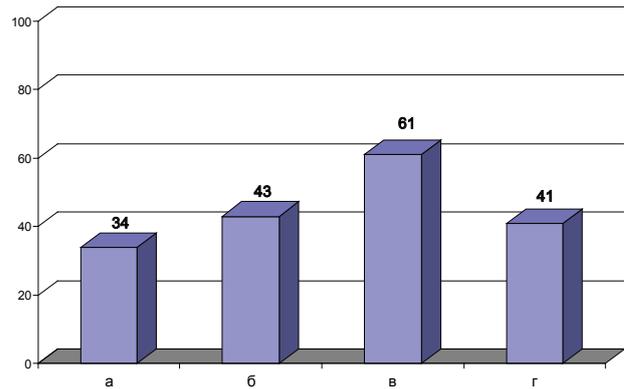

Рис. 4. Распределение мнений респондентов об обстоятельствах, способствующих уменьшению числа нарушений служебной дисциплины, %

Примечание: а) уменьшение нагрузки на сотрудника; б) повышение качественного уровня комплектования на вакантные должности; в) повышение заработной платы; г) повышение престижа службы в УИС.

Результаты исследования личностно-профессиональных качеств сотрудников.

В опроснике был предусмотрен ряд вопросов относительно представлений сотрудников о своих профессиональных и личностных характеристиках.

В первую очередь, важным стало включение вопроса об оценке респондентами уровня своей правовой подготовки (знание действующего законодательства) в сфере исполнения уголовных наказаний. Результаты представлены следующим образом. Уровень своих правовых знаний оценивают как высокий 20 % опрошенных, средний – 63 %, низкий – 9 %, затрудняются ответить – 9 %.

61 % сотрудников уверены, что уровень интеллекта соответствует занимаемой ими должности, а 33 % опрошенных отмечают, что их интеллектуальные способности значительно выше. Вместе с тем некоторые респонденты признаются, что им сложно выстраивать конструктивные отношения с руководителями всех уровней (3 %), а также сложно принимать служебные решения в условиях неопределенности (3 %). При этом подавляющее большинство (97 %) признают, для сотрудника важна активная жизненная позиция. Среди профессионально важных качеств, необходимых сотруднику уголовно-исполнительной системы, респонденты выделяют стрессоустойчивость, способность быстро реагировать на ситуацию и терпеливость (табл. 1).

Таблица 1

Ранговые значения оценки профессионально-личностных качеств респондентами

Профессионально-личностные качества	Ранг (в порядке убывания)	Средний балл
1	2	3
Стрессоустойчивость	1	6,2
Способность быстро реагировать на ситуацию	1	6,2
Терпеливость	2	3,7
Способность доводить начатое до конца	3	2,7
Упорство	3	2,7

1	2	3
Персональная ответственность	4	2,4
Способность приспосабливаться к ситуациям	5	2,1
Мобильность	6	1,7
Способность к концентрации и усидчивости	7	0,3

Таким образом, с точки зрения респондентов, профессиональная результативность сотрудника во многом зависит от умения совладать со стрессовыми ситуациями, своевременно и оперативно реагировать на возникающие трудности и изменяющиеся условия, от обладания выдержкой и повышенной выносливостью.

В табл. 2 представлены результаты ранжирования жизненных целей респондентов. Среди приоритетных индивидуальных жизненных целей сотрудники

отмечают жизнь в достатке, воспитание детей, создание семьи. Актуализация соответствующих потребностей свидетельствует о том, что опрошенные ориентированы на гармонизацию всех сфер своей жизни (семья, дети, работа).

Также примечательно, что, по результатам опроса, положительное отношение к религии отметили 70 % респондентов, отрицательное – 3 %, безразличное – 18 %, затруднились с ответом – 9 %.

Таблица 2

Ранговые значения самооценки жизненных целей респондентами

Жизненные цели	Ранг (в порядке убывания)	Средний балл
Жить в достатке	1	7,2
Воспитать ребенка	2	4,8
Создать семью	3	2,7
Найти интересную работу	4	1,7
Раскрыть свой личностный потенциал	5	0,6
Заработать много денег	5	0,6
Уехать за границу	6	0,3
Затрудняюсь ответить	6	0,3

Соответственно данным проведенного исследования усредненный личностно-профессиональный профиль сотрудника уголовно-исполнительной системы ориентировочно будет выглядеть следующим образом: средний уровень правовой подготовки, интеллектуальные способности соответствуют занимаемой должности, активная жизненная позиция, стрессоустойчивость, способность быстро реагировать на ситуацию, терпеливость, стремление жизнь в достатке, воспитывать детей, создать семью, положительное отношение к религии.

Выводы

Во-первых, решение задач современной российской пенитенциарной системы напрямую зависит от кадрового комплектования учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: подбора кандидатов на службу, отбора и расстановки кадров, адаптации, превенции текучести кадров. Весомая роль отводится анализу базового образовательного уровня кандидата: знаниям, умениям, навыкам – профилю и ведомственной принадлежности образовательных учреждений, уровню личностных, деловых качеств, субъективных установок, жизненных приоритетов как превентивных факторов текучести кадров. На

этапе кадрового отбора с целью снижения экономических затрат путем проведения тестовых опросов и испытаний важно выявить наличие у претендента реального представления о специфике уголовно-исполнительной системы, современных реалиях функционирования исправительных учреждений, укладе, бытовых условиях конкретного места прохождения службы и т. п.

Во-вторых, крайне важна оценка потенциальной текучести кадров. К числу признаков, влияющих на принятие решения о продолжении службы, следует отнести гарантированную уверенность в завтрашнем дне, престижность службы в уголовно-исполнительной системе, ее социальное одобрение, конкурентный уровень денежных выплат, социальных гарантий.

В-третьих, важно уделить внимание мотивации служения у сотрудников исправительных учреждений, способности выполнять миссию по реабилитации и адаптации преступников к жизни на свободе, формированию у них правопослушных установок.

В целом результаты проведенного исследования могут быть полезны при оценке опыта реализации программ кадрового подбора кандидатов на службу в уголовно-исполнительной системе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Огородников В. И., Летунов В. Н. Кадры уголовно-исполнительной системы России на современном этапе // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 116–121.
2. Кочкина О. В. Организационно-правовая деятельность по кадровому комплектованию сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 257 с.
3. Брыков Д. А. Современное состояние кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30 (1–4), № 2. С. 188–196.

4. Долинин А. Ю. Понятие, виды и основные факторы возникновения кадровых рисков в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30 (1–4), № 1. С. 48–57.
5. Брыков Д. А., Долинин А. Ю., Паршков А. В. Роль руководителей и кадровых аппаратов в комплектовании и социально-психологической адаптации кадров уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2020. № 3 (52). С. 106–110.
6. Злотников С. А., Колесова А. В. Кадровое обеспечение Федеральной службы исполнения наказаний на примере УФСИН России по Вологодской области: проблемы и пути их решения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1. С. 23–29.
7. Соколова Е. А. Педагогические аспекты функционирования института пробации в России: к постановке вопроса // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 3. С. 52–57.
8. Старостин С. А., Анискина Н. В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 204–212.
9. Ермасов Е. В. Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний при введении пробации // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1–4), № 2. С. 200–210.
10. Смирнова И. Н., Борисенко И. В. Некоторые аспекты профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 216–219.
11. Шредер О. Б. К вопросу о психологических механизмах текучести кадров и нематериального стимулирования личного состава уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Прикладная юридическая психология. 2023. № 2 (63). С. 129–138.
12. Кириллова Т. В., Пашукова А. Д. Профессиональная компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих с осужденными – бывшими работниками судов и правоохранительных органов // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 64–76.
13. Суслов Ю. Е., Кулакова С. В., Левицкая Л. В. Специфические признаки потенциального вовлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в преступления коррупционной направленности // Психология и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 121–139.
14. Казберов П. Н. Содержательные аспекты психологической подготовки оперативных сотрудников ФСИН России к работе с осужденными за террористическую деятельность // Психология и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 70–82.
15. Горностаев С. В. Психологические препятствия формированию лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы профессионально-служебным группам // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 40–50.
16. Калужина М. В., Пухарева Т. С. Психология оперативно-розыскного противодействия противоправному поведению: моногр. Краснодар, 2023. 238 с.
17. Моторова Н. В. Стратегия подготовки кадров как элемент кадровой политики ФСИН России и задачи образовательных организаций по ее реализации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 66–76.
18. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Характеристика психологического благополучия сотрудников в зависимости от срока службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 8. С. 57–66.
19. Зауторова Э. В. Психологическая устойчивость сотрудников, несущих службу с оружием, в зависимости от выслуги лет в уголовно-исполнительной системе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1 (92). С. 15–20.
20. Boag E., Wilson D. Inside experience: Engagement empathy and prejudice towards prisoners // Journal of Criminal Psychology. 2014. Vol. 4 (1). Pp. 33–43.
21. Minoura S. Offender Rehabilitation Reform in Japan: Effective Cooperation between Professional and Volunteer Probation Officers // International Journal of Law, Crime and Justice. 2018. Vol. 54. Pp. 111–120.
22. Tyler T.R., Shultz J. Procedural Justice and the Future of Corrections // Annual Review of Law and Social Science. 2017. Vol. 13. Pp. 299–320.
23. Kratcoski P.C., Das D.K. Police Education and Training in a Global Society. Lexington Books, 2007. 430 p.
24. Carrie K. Prison Officer Training in Scotland and Norway: Is It Fit for Purpose // Prison Service Journal. 2023. № 267. Pp. 38–42.
25. Ricciardelli R. Correctional Officer Recruitment in Canada's Federal Prison System: An Analysis from the Perspective of the Correctional Officer // Prison Service Journal. 2023. № 267. Pp. 56–65.

REFERENCES

1. Ogorodnikov V.I., Letunov V.N. Personnel of the penal system of Russia at the present stage. *Ugolovno-isspolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 3 (21), pp. 116–121. (In Russ.).
2. Kochkina O.V. *Organizatsionno-pravovaya deyatel'nost' po kadrovomu komplektovaniyu sotrudnikami uchrezhdenii i organov ugolovno-isspolnitel'noi sistem: dis. ... kand. yurid. nauk* [Organizational and legal activity on staffing by employees of institutions and bodies of the penal system: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2019. 257 p.
3. Brykov D.A. The current state of staffing of the penal enforcement system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2022, vol. 30 (1–4), no. 2, pp. 188–196. (In Russ.).
4. Dolinin A.Yu. The concept, types and main factors of the occurrence of personnel risks in the penal enforcement system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2022, vol. 30 (1–4), no. 1, pp. 48–57. (In Russ.).
5. Brykov D.A., Dolinin A.Yu., Parshkov A.V. The role of managers and staff in the recruitment and socio-psychological adaptation of personnel in the penal system. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2020, no. 3 (52), pp. 106–110. (In Russ.).

6. Zlotnikov S.A., Kolesova A.V. Human resourcing in the Federal Penitentiary Service on the example of the FPS of Russia Department in the Vologda Region: problems and ways to solve them. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2023, no. 1, pp. 23–29. (In Russ.).
7. Sokolova E.A. Pedagogical aspects of the functioning of the probation institution in Russia: towards posing the question. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2024, no. 3, pp. 52–57. (In Russ.).
8. Starostin S.A., Aniskina N.V. Probation service in Russia: policy choice and development prospects. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 204–212. (In Russ.).
9. Ermasov E.V. Improvement of regulatory and legal regulation in the field of execution of criminal penalties during the introduction of probation. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2023, vol. 18 (1–4), no. 2, pp. 200–210. (In Russ.).
10. Smirnova I.N., Borisenko I.V. Some aspects of the professional activities of employees penitentiary inspectorates in the context of reform penal system. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State Service and Personnel*, 2022, no. 1, pp. 216–219. (In Russ.).
11. Shreder O.B. On the issue of the psychological mechanisms of staff turnover and non-material incentives for the Personnel of the Penal enforcement system of the Russian Federation. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2023, no. 2 (63), pp. 129–138. (In Russ.).
12. Kirillova T.V., Pashukova A.D. Professional competence of employees of the penal enforcement system working with convicted persons-former employees of courts and law enforcement agencies. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 64–76. (In Russ.).
13. Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V. Construction of a radicalization model and its empirical testing. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024, vol. 14, no. 1, pp. 121–139. (In Russ.).
14. Kazberov P.N. The content aspects of the psychological training of russian federal penitentiary service officers to work with those convicted of terrorist activity. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 70–82. (In Russ.).
15. Gornostaev S.V. Psychological obstacles to the formation of loyalty of employees of the penitentiary system to professional-service groups. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 40–50. (In Russ.).
16. Kaluzhina M.V., Pukhareva T.S. *Psikhologiya operativno-rozysknogo protivodeistviya protivopravnomu povedeniyu: monogr.* [Psychology of operational investigative counteraction to illegal behavior: monograph]. Krasnodar, 2023. 238 p.
17. Motorova N.V. Personnel training strategy as an element of personnel policy of the federal penitentiary service of Russia and tasks of educational organizations for its implementation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 66–76. (In Russ.).
18. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Characteristics of the psychological well-being of employees depending on the length of service in the penitentiary system of the Russian Federation. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2022, no. 8, pp. 57–66. (In Russ.).
19. Zautorova E.V. Psychological stability of armed employees on duty according to the term of service in the penal-executive system. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2023, vol. 28, no. 1 (92), pp. 15–20. (In Russ.).
20. Boag E., Wilson D. Inside experience: engagement empathy and prejudice towards prisoners. *Journal of Criminal Psychology*, 2014, vol. 4 (1), pp. 33–43.
21. Minoura S. Offender rehabilitation reform in japan: effective cooperation between professional and volunteer probation officers. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 2018, vol. 54, pp. 111–120. (In Russ.).
22. Tyler T.R., Shultz J. Procedural justice and the future of corrections. *Annual Review of Law and Social Science*, 2017, vol. 13, pp. 299–320.
23. Kratcoski P.C., Das D.K. *Police education and training in a global society*. Lexington books, 2007. 430 p.
24. Carrie K. Prison officer training and Scotland and Norway: is it fit for purpose. *Prison Service Journal*, 2023, no. 267, pp. 38–42.
25. Ricciardelli R. Correctional officer recruitment in Canada's federal prison system: an analysis from the perspective of the correctional officer. *Prison Service Journal*, 2023, no. 267, pp. 56–65.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА КАЛУЖИНА – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия, kaluzhina.marishka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4603-4129>

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ПУХАРЕВА – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия, puchareva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>

MARINA A. KALUZHINA – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Forensic Science and Legal Informatics of the Kuban State University, Krasnodar, Russia, kaluzhina.marishka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4603-4129>

TAT'YANA S. PUKHAREVA – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, associate professor at the Department of Social Psychology and Sociology of Management of the Kuban State University, Krasnodar, Russia, puchareva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>

Статья поступила 30.07.2024

Научная статья

УДК 340:159.9.07

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.011

Особенности формирования благоприятного социально-психологического климата в территориальных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ МАРЬИН

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, marin_misha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>

ОКСАНА АЗАТОВНА ТЕРЕГУЛОВА

Академия управления МВД России, Москва, Россия, Ksunchik.88@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9309-1690>

Реферат

Введение: от особенностей и состояния социально-психологического климата в коллективе существенно зависят результаты совместной деятельности и ее эффективность, отношение членов коллектива к результатам деятельности в составе группы, удовлетворенность этой деятельностью, межличностными отношениями и общением. Социально-психологический климат играет существенную роль в формировании и развитии организационной культуры, обеспечении служебной и социальной эффективности производственной организации. Актуальность этой проблематики определяется возрастающими требованиями к человеку в совместной трудовой деятельности, усложнением деловых и межличностных отношений в группе, постоянным ростом личностных притязаний членов служебных коллективов. Представляется закономерным возрождающийся интерес исследователей и практиков к изучению социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел Российской Федерации и управлению им. *Методы:* экспресс-методика, разработанная А. Ю. Шальто в сотрудничестве с О. С. Михалюк, экспертно-оценочная методика управленческой деятельности руководителя органов внутренних дел. *Результаты:* в исследовании приняли участие 98 сотрудников ГУ МВД России по Кемеровской, Новосибирской областям, ГУ МВД России по Алтайскому краю. Оценивались социально-психологический климат в служебных коллективах, характер межличностных отношений с точки зрения трех компонентов этого взаимодействия: эмоционального, когнитивного и поведенческого. Кроме того, с помощью экспертно-оценочной методики была установлена выраженность профессиональных качеств у начальника отдела внутренних дел на районном уровне. *Выводы:* установлена взаимосвязь между межличностными отношениями в коллективе, определенным набором профессиональных и личных качеств руководителя и их влиянием на социально-психологический климат в служебном коллективе.

Ключевые слова: социально-психологический климат; профессиональные качества; межличностные отношения; органы внутренних дел; служебный коллектив; руководитель.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Марьин М. И., Терегулова О. А. Особенности формирования благоприятного социально-психологического климата в территориальных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Пенинтенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 443–448. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.011.

On the Formation of a Favorable Socio-Psychological Climate in Territorial Divisions of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation

MIKHAIL I. MAR'IN

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, marin_misha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>

OKSANA A. TEREGULOVA

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, Ksunchik.88@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9309-1690>

Abstract

Introduction: the process and results of joint activities and their effectiveness, the attitude of members of this team to results of their own activities as part of the group, satisfaction with this activity, interpersonal relationships and communication significantly depend on the characteristics and state of a socio-psychological climate in the team. The socio-psychological climate plays an essential role in the formation and development of organizational culture, ensuring the service and social efficiency of a production organization. Scientists' interest in this issue is mainly determined by increasing demands on a person in joint work, complication of business and interpersonal relations in a group, and constant growth of personal claims of team members. It seems natural that there is a resurgent interest of researchers and practitioners in studying the socio-psychological climate in service teams of the internal affairs bodies of the Russian Federation and its management. *Methods:* the study covered 98 respondents – employees of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Oblast, the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Altai Krai, and the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Novosibirsk Oblast. The express methodology developed by A.Yu. Shalyto in collaboration with O.S. Mikhalyuk and the expert evaluation methodology of the management activity of the head of the internal affairs body are used. *Results:* the authors assess a socio-psychological climate in service teams of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Oblast, the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Altai Krai, and the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Novosibirsk Oblast, the nature of interpersonal relations in terms of 3 components of this interaction: emotional, cognitive and behavioral. In addition, with the help of expert assessment methods, the severity of professional qualities of the head of the internal affairs body at the regional level is established. *Conclusion:* the interrelation between interpersonal relations in the team, a certain set of professional and personal qualities of the head and their influence on the socio-psychological climate in the service staff of the internal affairs body at the regional level is identified.

Keywords: socio-psychological climate; competencies; interpersonal relations; internal affairs body; office staff; head.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Mar'in M.I., Teregulova O.A. On the formation of a favorable socio-psychological climate in territorial divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 443–448. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.011.

Введение

На руководителя в соответствии с его должностным регламентом возлагается персональная ответственность не только за выполнение территориальным органом внутренних дел и его личным составом поставленных государством и обществом общих и специальных задач правоохранительного характера, но и создание сотрудникам наиболее благоприятных условий осуществления служебной деятельности [1, с. 20]. К числу такого рода условий относится как создание, так и поддержание благоприятного социально-психологического климата в служебном коллективе [2, с. 58].

Исследование социально-психологического климата является актуальным вопросом для любого служебного коллектива, так как он способствует повышению эффективности выполнения оперативно-служебных задач, дисциплинированности и организованности в подразделениях, а также способствует удовлетворенности сотрудников условиями и результатами своей деятельности [3, с. 22; 4, с. 145]. Позитивный, основанный на принципах справедливости, уважения, объективности, доверия социально-психологический климат не может образоваться самопроизвольно [5, с. 58]. Он является результатом систематической и кропотливой деятельности всего

руководящего состава органа внутренних дел, направленной на установление доверительных отношений между сотрудниками, развитие их личностных и моральных качеств, повышение чувства ответственности за совместную деятельность, развитие сплоченности и взаимовыручки, согласованности среди коллег [6, с. 320; 7, с. 280].

Качественная и результативная деятельность руководителя органа внутренних дел по администрированию правоохранительной и иной деятельности вверенного ему служебного коллектива априори подразумевает наличие у субъекта внутриведомственного управления соответствующей компетентности, а также определенного набора личностных качеств [8, с. 54; 9, с. 186]. Системообразующим элементом эффективного управления выступает наличие у начальника способностей как к формированию, так и последующему поддержанию благоприятного социально-психологического климата с целью максимальной эффективности деятельности территориального органа внутренних дел [10, с. 131].

Относительно недавнее реформирование структуры Центрального аппарата МВД России в части создания в его структуре Главного управления по работе с личным составом, введения должности заместителя министра внутренних дел России по работе с личным составом, а также введения в штатные расписания территориальных органов внутренних дел должности заместителя руководителя по соответствующему направлению служебной деятельности однозначно указывает на значимость для руководства страны и министерства вопроса обеспечения должных условий служебной деятельности, организации труда и отдыха личного состава [11, с. 35; 12, с. 48]. Чрезвычайно значимым среди такого рода условий является формирование в служебном коллективе социально-психологического климата, который бы в полной мере соответствовал критерию «благоприятный» [13, с. 52].

Целью данного исследования является изучение деятельности руководителя органа внутренних дел и его профессиональных качеств, влияющих на создание и поддержание во вверенном ему служебном коллективе благоприятного социально-психологического климата [14, с. 43].

Методы исследования

В исследовании приняли участие 98 сотрудников трех служебных коллективов, из них 21 руководитель и 77 подчиненных (ГУ МВД России по Кемеровской области, ГУ МВД России по Алтайскому краю, ГУ МВД по Новосибирской области).

1. Экспресс-методика, разработанная А. Ю. Шалыто в сотрудничестве с О. С. Михалюк и предназначенная для максимально быстрого и объективного исследования состояния социально-психологического климата в коллективе. Экспресс-методика позволяет не только оценить существующий в коллективе на момент проведения исследования социально-психологический климат, но и обнаружить специфические аспекты его поступательного развития, которыми может в практическом плане воспользоваться руководитель для улучшения социально-психологического климата [15, с. 19].

В ходе исследования полученная информация систематизируется по нескольким параметрам, оказывающим непосредственное влияние на показатели социально-психологического климата: 1) данные общего характера, иллюстрирующие базовые социальные, демографические показатели коллективов (информация о списочной и фактической численности органов внутренних дел, количестве аттестованных сотрудников и работников, их половой принадлежности, данные об основных возрастных группах лиц, образующих служебный коллектив); 2) информация, отражающая наиболее типичные характеристики тех отношений межличностного характера, которые устойчиво возникают в исследуемом служебном коллективе. В рамках сбора информации по указанному параметру нами выявлялась специфика восприятия опрошенными сотрудниками и работниками органов внутренних дел как тех отношений межличностной природы, которые существуют в коллективе, так и самого коллектива. Во внимание берутся воздействующие на респондентов компоненты поведенческой, когнитивной, а также эмоциональной природы. По каждому компоненту респонденту задавался по три вопроса с приведением образца возможного ответа. Каждый вопрос предполагал относительно шаблонный ответ, оцениваемый в пределах от «+1» до «-1».

Для того чтобы каждый компонент обладал максимально целостной и объективной иллюстрацией, полученные от респондентов ответы учитываются по заранее разработанному шаблону. Для того чтобы максимально объективно охарактеризовать каждый компонент блока ответов в опросном листе, нами была применена следующая методика:

– в тех случаях, когда респондентами в качестве ответов на задания в опросном листе отмечались варианты «+++», «++0» или же «++-», данная реакция расценивалась как положительная;

– в тех случаях, когда респондентами в качестве ответов на задания в опросном листе отмечались варианты «--», «-- +» или же «-- 0», ответ подлежал отнесению к категории отрицательных;

– все остальные реакции, а равно пропуск респондентом своей реакции на предложенное ему задание, относились к разряду неопределенных.

После того как все опросные листы были обработаны и соответствующим образом исчислены положительные, отрицательные и неопределенные реакции респондентов, было проведено вычисление средней оценки по каждому блоку вопросов опросного листа. Вопросы были сгруппированы с учетом трех базовых компонентов: эмоционального, когнитивного и поведенческого. По результатам исследования климат оценивается как благоприятный, неблагоприятный либо отнесен к категории неопределенных.

2. Экспертно-оценочная методика управленческой деятельности руководителя органа внутренних дел.

Существенной характеристикой и системообразующим звеном любого служебного правоохранительного коллектива является его руководитель – начальник органа внутренних дел. В связи с этим в рамках изучения роли руководителя в создании и поддержании благоприятного социально-психологического

климата нам было важно выявить его управленческие качества. Оценка производилась подчиненными и самим руководителем органа внутренних дел.

В листах экспертной оценки управленческих качеств начальника были отображены несколько, на наш взгляд, наиболее типичных характеристик руководителя. Респонденты давали свою оценку каждому качеству, беря за основу шкалу оценивания от одного до пяти. Средний балл экспертной оценки управленческих качеств руководителя органа внутренних дел позволил нам высказать суждение об уровне сформированности у руководителя управленческой компетентности для создания благоприятного социально-психологического климата в коллективе.

Результаты

Используемые в ходе исследования методики, позволяют оценить характер межличностных отношений в служебных коллективах ОВД на районном уровне с точки зрения трех компонентов этого взаимодействия: эмоционального, когнитивного и поведенческого. Можно отметить положительную оценку всех трех компонентов взаимоотношений между членами служебных правоохранительных коллективов (индексы показателей лежат в интервале 0,33 – 1). Это говорит о том, что в целом в коллективе присутствует дружественная, уважительная атмосфера, а социально-психологический климат является благоприятным (табл. 1).

Таблица 1

Особенности межличностных отношений в коллективе

Исследуемые параметры	Компоненты		
	эмоциональный	когнитивный	поведенческий
Средние значения по группе	0,9	0,8	1

На рис. 2 отражены результаты оценки поведенческого, когнитивного и эмоционального компонентов взаимоотношений между аттестованными сотрудниками различных служб и подразделений органов внутренних дел.

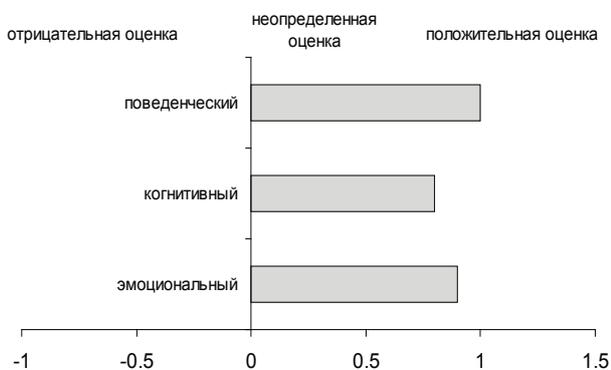

Рис. 2. Характер взаимоотношений в служебном коллективе территориальных ОВД на районном уровне

Согласно полученным данным в ходе экспертного опроса подчиненных сотрудников (табл. 2) у начальников исследованных районных органов внутренних дел высоко развита управленческая компетентность.

В табл. 2 приведены оценки, характеризующие степень выраженности тех или иных качеств у начальников, а также показатели, характеризующие оценку этих же качеств самим руководителем.

Таблица 2

Оценка качеств руководителя территориального органа внутренних дел на районном уровне

Исследуемые параметры		Оценка эксперта	Самооценка руководителя
Качества руководителя	Трудолюбие	5	4
	Общественная активность	5	4
	Забота о людях	5	3
	Требовательность	4	3
	Тактичность	5	4
	Общительность	5	5
	Способность разбираться в людях	5	3
	Критичность	3	3
	Ответственность	5	5
Среднее значение		4,7	4

С точки зрения опрошенных начальников у них практически отсутствует необходимый уровень критичности, наличествует недостаточно высокая способность разбираться в людях, требовательность и проявление заботы о подчиненном личном составе. Подчиненные оценивают качества субъекта внутриведомственного управления несколько выше, хотя считают, что среднестатистическому начальнику районного не хватает критичности и требовательности к членам подчиненного ему служебного коллектива.

Обсуждение результатов

В ходе исследования было установлено, что социально-психологический климат в обследуемых коллективах можно считать благоприятным. Руководители и подчиненные сотрудники стремятся проводить совместно не только рабочее, но и свободное время (поведенческий компонент). Хорошо относятся друг к другу, ценят своих коллег (эмоциональный компонент). Кроме того, они хорошо знают друг друга, так как большинство из них достаточно давно работают вместе (когнитивный компонент).

Данные исследования говорят о высокой степени развития горизонтальных связей в коллективе органа внутренних дел. Подобная картина свидетельствует о больших потенциальных возможностях анализируемых служебных коллективов, связанных с ресурсом использования не только официально-правовых, закрепленных в ведомственных нормативных правовых актах и должностных регламентах (должностных инструкциях), но и личных взаимоотношений.

Высокий уровень сформированности управленческой компетентности начальников территориальных органов внутренних дел во многом определяет

характер сложившегося в исследованных типичных коллективах социально-психологического климата.

Обнаруженные тенденции (высокие оценки эксперта) в сочетании с данными об удовлетворенности руководством со стороны подчиненных говорят о позитивном характере развития иерархических взаимосвязей структуры коллектива, которые являются существенным фактором благоприятности имеющегося в служебном коллективе органа внутренних дел социально-психологического климата.

Заключение

Благоприятный социально-психологический климат зависит от многих факторов. Если социально-психологический климат не будет положительным, это окажет серьезное влияние на межличностные отношения [16, с. 47; 17, с. 43].

К числу первостепенных функций социально-психологического климата в коллективе органа внутренних дел следует отнести:

- объединительно-консолидирующую функцию;
- поощрительно-стимулирующую функцию;
- уравнивающе-стабилизирующую функцию;
- административно-регулирующую функцию [18, с. 65; 19, с. 66].

Структурная организация благоприятного социально-психологического климата в служебном коллективе находится в прямой зависимости от двух элементов: отношения участников служебного коллектива к реализуемой ими совместной правоохранительной деятельности, а также от происходящих меж ними общественных отношений, возникающих и реализуемых как в рамках иерархической подчинен-

ности, так и на горизонтальном уровне. И те, и другие обладают собственной индивидуальной спецификой.

По результатам проведенных исследований установлено, что руководитель создает и поддерживает в подчиненном ему служебном коллективе благоприятный социально-психологический климат, так как проявляет тактичность к личному составу служб, подразделений и аппаратов органов внутренних дел, а также находит понимание сотрудников и работников. Фактически респонденты указали, что руководитель коллектива всегда готов прийти на помощь. Он предпринимает достаточные усилия для предотвращения конфликтов, конфликтов деструктивного характера в подчиненном служебном коллективе. Начальник стремится осуществлять распределение служебных обязанностей между сотрудниками различных служб и подразделений, но в случае невыполнения порученного берет ответственность на себя, используя административно-властный ресурс, лично руководит выполнением порученных вышестоящим руководством служебных правоохранительных задач.

Особо важным моментом является стремление руководителя к самосовершенствованию, развитию управленческих компетенций, а также личностных качеств, влияющих на психологическую атмосферу в коллективе и эффективность его работы. У руководителей, не сформировавших у себя в полной мере навыки самоконтроля, такие стрессы ведут к срывам на нервной почве, профессиональным заболеваниям, преждевременному выгоранию и профессиональной деформации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вахнина В. В., Нуриев Р. Р. Психологические особенности саморегуляции сотрудников органов внутренних дел с различными типами поведенческой активности // Академическая мысль. 2023. № 1 (22). С. 20–25.
2. Полякова О. Б. Категория и структура профессиональных деформаций // Национальный психологический журнал. 2014. № 1 (13). С. 55–62.
3. Степанищев А. Г. Психологические особенности деятельности сотрудников органов внутренних дел в экстремальных условиях : учеб.-метод. пособие. Барнаул, 2017. 25 с.
4. Романов В. В. Юридическая психология. М., 2017. 488 с.
5. Шелепова М. А. Профессиональная активность как фактор формирования коммуникативной компетенции сотрудника органов внутренних дел // Педагогические науки. 2020. № 5. С. 302–306.
6. Moeller C., Kwantes C.T. Too Much of a Good Thing? Emotional Intelligence and Interpersonal Conflict Behaviors // The Journal of Social Psychology. Vol. 155 (4). Pp. 314–324.
7. Zeidner M., Kloda I. Emotional intelligence (EI), conflict resolution patterns, and relationship satisfaction: Actor and partner effects revisited // Personality and Individual Differences. Vol. 54 (2). Pp. 278–283.
8. Ткаченко Т. С. Моральная деформация сотрудников ОВД // Философские проблемы права и правоохранительной деятельности сотрудников ОВД. М., 2015. 96 с.
9. Прохоров А. А. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М., 2015. С. 350.
10. Yip J.A., Schweitzer M.E., Nurmohamed S. Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2018. Vol. 144. Pp. 125–144.
11. Бочкова М. Н. Девиантное поведение сотрудников органов внутренних дел: обзор исследований в современной российской психологии // Прикладная психология и педагогика. 2023. Т. 8. № 1. С. 43–50.
12. Рыбников В. Ю., Марьин М. И. Копинг-поведение сотрудников МВД России и их индивидуальная устойчивость в экстремальных и чрезвычайных ситуациях // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2005. № 3. С. 46–50.
13. Бочкова М. Н., Мешкова Н. В. Эмоциональный интеллект и социальное взаимодействие: зарубежные исследования // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 2. С. 49–59.
14. Ульянина О. А. Психологическая подготовка лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский» : учеб.-метод. пособие. М., 2021. 65 с.
15. Степанищев А. Г., Рыбин Д. Н. Методы психологической саморегуляции в деятельности участковых уполномоченных полиции : учеб.-метод. пособие. Барнаул, 2020. С. 76–78.
16. Ткаченко Т. С. Моральная деформация сотрудников ОВД // Философские проблемы права и правоохранительной деятельности сотрудников ОВД. М., 2015. 96 с.

17. Пряхина М. В., Шарапов А. О., Шех О. И. Технологии психологической профилактики организационного стресса сотрудников МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. Т. 53, № 1. С. 261–268.
18. Wolhendler B. Creativity, Delinquency, and Production of Unsolicited Violent Content in Drawings: Doctor of Philosophy in Psychology Diss. ProQuest LLC, 2015.
19. Чуносос М. А., Таранин М. А. Психологическая саморегуляция как условие успешного выполнения сотрудником ОВД оперативно-служебных задач // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-3. С. 371–373.

REFERENCES

- Vakhnina V.V., Nuriev R.R. Psychological features of self-regulation of employees of internal affairs bodies with various types of behavioral activity. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2023, no. 1 (22), pp. 20–25. (In Russ.).
- Polyakova O.B. Category and structure of professional deformations. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2014, no. 1 (13), pp. 55–62. (In Russ.).
- Stepanishchev A.G. *Psikhologicheskie osobennosti deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del v ekstremal'nykh usloviyakh: uchebno-metodicheskoe metod. posobie* [Psychological features of the activities of law enforcement officers in extreme conditions: educational and methodical manual]. 2017. 25 p.
- Romanov V.V. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. Moscow, 2017. 488 p.
- Shelepova M.A. Professional activity as a factor forming the communicative competence of the employee of the internal affairs. *Pedagogicheskie nauki = Pedagogical Sciences*, 2020, no. 5, pp. 302–306. (In Russ.).
- Moeller C., Kwantes C.T. Too much of a good thing? emotional intelligence and interpersonal conflict behaviors. *The Journal of Social Psychology*, vol. 155 (4), pp. 314–324.
- Zeidner M., Kloda I. Emotional intelligence (EI), conflict resolution patterns, and relationship satisfaction: actor and partner effects revisited. *Personality and Individual Differences*, vol. 54 (2), pp. 278–283.
- Tkachenko T.S. Moral deformation of police officers. In: *Filosofskie problemy prava i pravookhranitel'noi deyatel'nosti sotrudnikov OVD* [Philosophical problems of law and law enforcement activities of police officers]. Moscow, 2015. 96 p.
- Prokhorov A.A. *Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyanii: fenomenologiya, mekhanizmy, zakonomernosti* [Self-regulation of mental states: phenomenology, mechanisms, patterns]. Moscow, 2015. P. 350.
- Yip J.A., Schweitzer M.E., Nurmohamed S. Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2018, vol. 144, pp. 1250–144.
- Bochkova M.N. Deviant behavior of law enforcement officers: a review of research in modern Russian psychology. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika = Applied Psychology and Pedagogy*, 2023, vol. 8, no. 1, pp. 43–50. (In Russ.).
- Rybnikov V.Yu., Mar'in M.I. Coping-behavior of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia and their individual stability in extreme and emergency situations. *Chelovecheskii faktor: problemy psikhologii i ergonomiki = Human Factor: Problems of Psychology and Ergonomics*, 2005, no. 3, pp. 46–50. (In Russ.).
- Bochkova M.N., Meshkova N.V. Emotional intelligence and social interaction: foreign studies. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 49–59. (In Russ.).
- Ul'yagina O.A. *Psikhologicheskaya podgotovka lits, v pervye prinyatykh na sluzhbu v organy vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii po dolzhnosti sluzhashchego "Politseiskii": ucheb.-metod. posob.* [Psychological training of persons who were first recruited to the internal affairs bodies of the Russian Federation as a Policeman: educational and methodical manual]. Moscow, 2021. 65 p.
- Stepanishchev A.G., Rybin D.N. *Metody psikhologicheskoi samoregulyatsii v deyatel'nosti uchastkovykh upolnomochennykh politsei: ucheb.-metod. posob.* [Methods of psychological self-regulation in the activities of district police commissioners: educational and methodological manual]. Barnaul, 2020. Pp. 76–78.
- Tkachenko T.S. Moral deformation of police officers. In: *Filosofskie problemy prava i pravookhranitel'noi deyatel'nosti sotrudnikov OVD* [Philosophical problems of law and law enforcement activities of police officers]. Moscow, 2015. 96 p. (In Russ.).
- Pryakhina M.V., Sharapov A.O., Shekh O.I. Technologies of psychological prevention of organizational stress of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, vol. 53, no. 1, pp. 261–268. (In Russ.).
- Wolhendler B. *Creativity, delinquency, and production of unsolicited violent content in drawings: Doctor of Philosophy in Psychology Dissertation*, 2015.
- Chunosov M.A., Taraniin M.A. Psychological self-regulation as a condition for successful performance by an employee of the Department of Internal Affairs of operational and service tasks. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2018, no. 58–3, pp. 371–373. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ МАРЬИН – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, marin_misha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>

ОКСАНА АЗАТОВНА ТЕРЕГУЛОВА – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, Москва, Россия, Ksunchik.88@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9309-1690>

MIKHAIL I. MAR'IN – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, marin_misha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>

OKSANA A. TEREGULOVA – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor at the Department of Psychology, Pedagogy and HR Management of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, Ksunchik.88@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9309-1690>

Статья поступила 22.07.2024

Научная статья

УДК 37

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.012

Методические основания развития института наставничества в правоохранительных органах

ИННА СЕРГЕЕВНА СКЛЯРЕНКО

Академия управления МВД России, Москва, Россия, ic-k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9520-6797>

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ

Академия управления МВД России, Москва, Россия, bmatula@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4395-5514>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются методические основания развития института наставничества в правоохранительных органах с акцентом на системе МВД России. Заявленная проблема актуализируется путем приведения современной статистики увольнения из органов внутренних дел Российской Федерации. Соответственно, институт наставничества в правоохранительных органах рассматривается как форма педагогического сопровождения профессиональной деятельности молодых сотрудников. Раскрывается функционал института наставничества, делается упор на взаимодействии с молодыми сотрудниками и оказании им помощи в рамках педагогического сопровождения. *Цель:* предпринимается попытка теоретического осмысления понятия наставничества в правоохранительной системе, включая МВД России, ФСИН России, как формы педагогического сопровождения молодых сотрудников. *Методы исследования:* диалектический подход к рассматриваемой проблематике с использованием общих и частных методов научного познания, таких как системно-структурный, догматический, логический и др. *Результат:* авторская позиция выражается в необходимости определения методических оснований института наставничества в правоохранительных органах, включающих принципы, содержание, инструментарий педагогического сопровождения молодых сотрудников и в целом процесс подготовки наставников. *Выводы:* делается вывод о значении и необходимости методических оснований института наставничества в правоохранительных органах. Методические основания развития института наставничества в правоохранительных органах, в том числе МВД России и ФСИН России, с большой долей вероятности влияют на эффективность работы молодых сотрудников за счет педагогического сопровождения их деятельности.

Ключевые слова: методические основания; институт наставничества; наставник; молодой сотрудник; правоохранительные органы; педагогическое сопровождение; профессиональное становление.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Скляренко И. С., Благовещенская М. А. Методические основания развития института наставничества в правоохранительных органах // Пениitenciарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 449–458. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.012.

Methodological Foundations for Developing the Mentoring Institution in Law Enforcement Agencies

INNA S. SKLYARENKO

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, ic-k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9520-6797>

MARIYA A. BLAGOVESHCHENSKAYA

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, bmatula@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4395-5514>

Abstract

Introduction: the article discusses methodological foundations for the development of the institution of mentoring in law enforcement agencies with an emphasis on the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The stated problem is actualized by the authors by providing concretized modern statistics of dismissals from the internal affairs bodies of the Russian Federation. Accordingly, the authors consider the institution of mentoring in law enforcement agencies to be a form of pedagogical support of professional activities of young employees. Justifying the institution of mentoring as a formal social institution, its functionality is revealed, which focuses on interaction with young employees and providing them with assistance within the framework of pedagogical support. *Purpose:* to theoretically comprehend the concept of mentoring in the law enforcement system, including the Ministry of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service on the basis of the category of pedagogical support of young employees. *Methods:* a dialectical approach to the problem under consideration using general and particular methods of scientific cognition, such as: system-structural, dogmatic, logical, as well as the study of generalized experience and the method of studying products of activity. *Results:* the author's position is expressed in the need to determine methodological foundations for the institution of mentoring in law enforcement agencies, including principles, content, tools for pedagogical support of young employees and, in general, the process of training mentors. *Conclusion:* it is important and necessary to develop methodological foundations of the institution of mentoring in law enforcement agencies. The methodological foundations for developing the institution of mentoring in law enforcement agencies, including the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal Penitentiary Service of Russia, most likely affect the effectiveness of young employees due to pedagogical support of their activities.

Keywords: methodological foundations; mentoring institution; mentor; young employee; law enforcement agencies; pedagogical support; professional development.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Sklyarenko I.S., Blagoveshchenskaya M.A. Methodological foundations for developing the mentoring institution in law enforcement agencies. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 449–458. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.012.

Проблема некомплекта кадров в правоохранительных органах продолжает оставаться одной из самых насущных, требующей срочного конструктивного решения, особенно в условиях специальной военной операции.

По данным статистики, за последние четыре года увеличилось количество уволенных молодых сотрудников правоохранительных органов уже на первом году службы. Это касается системы и МВД России, и ФСИН России. По заявлению директора ФСИН России А. А. Гостева, в 2023 г. некомплект увеличился на 4 % и достиг 19,6 % от общей штатной численности ведомства, причем большую часть уволенных составляют молодые сотрудники, прослужившие менее года. [1].

Приведем более конкретные примеры по системе МВД России. Если в 2020 г. из органов внутренних дел уволилось более 1100 чел., что составляет около 8 % от числа принятых на службу, в 2021 г. – более 2000 чел. (12 %), в 2022 г. – более 2100 чел. (15 %). В течение последних трех лет из органов внутренних дел уволилось более 9000 молодых специалистов [2, с. 35; 3, с. 43].

Кроме того, на службу в органы внутренних дел в 2022 г. принято более 68 тыс. граждан Российской Федерации, средний возраст которых составляет 20–25 лет. Более 30 % проходящих сегодня службу сотрудников не достигли возраста 30 лет, 17 % сотрудников имеют стаж службы в органах внутренних дел до трех лет, а 19 % – служат в подразделениях

менее года [2, с. 37; 3, с. 45]. Примечательно и то, что каждый третий молодой сотрудник через два-три года выражает желание сменить место службы, перевестись в другой правоохранительный орган России, а треть уволенных, как правило получивших ведомственное бесплатное образование, находит себе работу в коммерческих структурах и адвокатуре.

Приведенные факты указывают на необходимость специфической управленческой деятельности с определенным контингентом – вновь принятыми на службу сотрудниками.

Касаясь обозначенной проблемы, нельзя не упомянуть об озабоченности ею президентом, правительством, руководством различных ведомств и организаций. Так, в 2024 г. правительством разработан национальный проект «Кадры» со сроками реализации с 2025 по 2030 г., предполагающий создание системы взаимодействия образовательных учреждений и предприятий, открытие площадок для знакомства с производителями, участие работодателей в разработке и реализации учебных планов и профессиональную ориентацию школьников начиная с 6 класса. Предполагается активное включение правоохранительной системы в реализацию данного проекта.

Нельзя не согласиться с целым рядом исследователей (Г. Н. Василенко, Е. С. Денисенко, Д. А. Кеменев, А. А. Никитин и др.), которые убеждены, что одним из способов решения кадровой проблемы в правоохранительных органах является создание института наставничества [4, с. 140; 5, с. 42; 6, с. 198].

По утверждению М. В. Пряхиной, А. С. Душкина, Н. В. Мартиросовой, наставничество является формой обеспечения профессионального становления, развития и адаптации к квалифицированному исполнению должностных обязанностей лиц, в отношении которых оно осуществляется [7, с. 57].

Г. В. Атаманчук, И. П. Марченко подчеркивают, что наставничество имеет признаки кадровой технологии, применяемой в правоохранительных органах, которая помогает сотрудникам повышать свою квалификацию, развиваться профессионально и адаптироваться к новым условиям службы [8, с. 141; 9, с. 128].

Делая акцент на педагогических функциях наставника, полагаем целесообразным представить категорию «наставничество» как педагогическое сопровождение молодых сотрудников правоохранительных органов в профессиональной и служебной деятельности. Рассматривая наставничество через призму педагогического сопровождения, дадим его краткую характеристику.

Прежде всего, нужно сказать, что понятие педагогического сопровождения на современном этапе педагогической науки является достаточно распространенным. Существует большое многообразие трактовок, где педагогическое сопровождение рассматривается как процесс педагогического взаимодействия объекта с субъектом для оказания последней помощи [10, с. 72], процесс создания условий развития [11, с. 178]), созидательная деятельность педагога [12, с. 98], продленная педагогическая поддержка [13, с. 72], инструментарий педагогической

деятельности [14, с. 167], механизм педагогического взаимодействия [15, с. 54], система мер воздействия на процессы образовательной сферы [16, с. 78].

На наш взгляд, педагогическое сопровождение молодых сотрудников правоохранительных органов – это процесс оказания им своевременной профессиональной и социально-педагогической помощи со стороны наставника в виде педагогического (корректирующего, профилактического) влияния на основе диагностики, отслеживания изменений профессионально-личностного развития путем использования общей и частной методики [17, с. 208].

Термин «институт» в контексте исследуемой темы означает определенное общественное явление, причем в профессиональной сфере. Исходя из этого, под институтом наставничества понимаем социальный институт, устойчивую форму организации профессиональной деятельности, включающую совокупность органов, организаций и сотрудников, в том числе наделенных властью, материальными средствами для осуществления профессиональных и социальных функций, ролей, управления, контроля за соблюдением правовых норм, профессиональной и служебной этики.

Институт наставничества как социальный институт является формальным, так как действует по строго установленным предписаниям (законодательные и нормативные документы, должностные инструкции), имеет формальный контроль и может рассматриваться социальным лифтом, способствующим адаптивности, профессиональной социализации, мобильности молодых сотрудников.

Как известно, появление любого социального института – это отклик на потребности общества. Следовательно, появление института наставничества – отклик на потребности профессионального сообщества. Эти потребности связаны с гарантиями в рамках непрерывного образования, профессиональной защиты, поддержания профессионального порядка, сплоченности профессионального сообщества, осуществления коммуникаций внутри коллектива, размещения людей по определенным профессиональным стратам.

Соответственно, институт наставничества в правоохранительных органах – это формальный социальный институт, форма педагогического сопровождения профессиональной деятельности молодых сотрудников правоохранительных органов, включающая совокупность органов, организаций правоохранительной системы России, сотрудников, их руководителей, наделенных управленческими полномочиями и материальными средствами для оказания помощи молодым сотрудникам в их профессиональном становлении, эффективного осуществления ими профессиональных, служебных, правоохранительных, социальных функций.

С другой стороны, наставничество в правоохранительных органах вполне обоснованно рассматривается как социальный институт в связи с тем, что он осуществляет целый ряд социальных функций. Причем сама функция как обязанность или деятельность обладает инструментальной характеристикой, а их

количество и указывает на разнообразие инструментов наставничества в правоохранительных органах:

- интегративная функция – оказание помощи в сплочении и укреплении связей между молодыми и опытными сотрудниками, объединенными институтом наставничества в профессиональном сообществе;

- функция воспроизводства профессиональных и общественных отношений, благодаря действию которой институт наставничества поддерживает устойчивость профессиональной правоохранительной системы России;

- регулятивная функция – оказание помощи молодым сотрудникам в регулировании отношений с руководством, с другими членами профессионального сообщества, с гражданами с опорой на нормы, правила поведения, с учетом существующих санкций и профессиональной этики;

- коммуникативная функция – оказание помощи молодым сотрудникам в обеспечении взаимодействия друг с другом, с другими членами профессионального сообщества за счет определенных правил и этики служебно-профессиональной деятельности.

Также педагогическая составляющая наставничества включает в себя целый комплекс функций, среди которых:

- гуманистическая функция – оказание помощи молодым сотрудникам в формировании и развитии интеллектуального, духовно-нравственного, гражданско-патриотического, физического потенциала личности;

- профессионально-экономическая функция – оказание помощи молодым сотрудникам в овладении профессиональными компетенциями, а значит, подготовке квалифицированных кадров для правоохранительной системы;

- социально-политическая функция – оказание помощи молодым сотрудникам в приобретении определенного социального статуса;

- культурная функция – оказание помощи молодым сотрудникам в усвоении общественной и профессиональной культуры, в развитии творческих способностей;

- социализирующая функция – оказание помощи молодым сотрудникам в служебно-профессиональной деятельности, приносящей пользу обществу, государству, ведомству и самому себе.

Невозможно проигнорировать вопрос о дисфункции в наставничестве, что демонстрирует нарушение стабильности, кадрового равновесия в правоохранительной системе России через появление сбоев и деструктивных ситуаций в работе института наставничества. Современная история правоохранительных органов знает немало примеров с негативными последствиями в решении кадровых вопросов, когда считалось избыточным наличие наставников, соответственно, их не назначали или подходили к этой деятельности с определенной долей формальности. Причем это касается разных силовых структур. Так, в нулевые годы ФСИН России столкнулась с проблемой нехватки опытных сотрудников, которые могли бы передать свой опыт молодежи, в связи с масштабным увольнением по выслуге лет.

Институт наставничества как практика работы с начинающими сотрудниками имеет богатую историю и сегодня продолжает свое развитие, приобретает различные формы реализации. В частности, И. А. Зорина, рассматривая виды наставничества, описывает специфику тьюторства, менторинга, коучинга и фасилитации [18, с. 184].

Институт наставничества в системе МВД России, являясь формальным социальным институтом, определен конкретными нормативными требованиями – федеральными законами от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» и от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также приказами МВД России от 26.06.2020 № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» и от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации». Например, в последнем установлено, что наставник закрепляется за каждым стажером на период его индивидуального обучения, а также за «сотрудником, переведенным на вышестоящую, равнозначную или нижестоящую должность в органах внутренних дел, соответствующую иному функциональному предназначению либо направлению деятельности». Надо отметить, что ни в одном из нормативных правовых актов МВД России не содержится четких критериев отбора наставников, не говорится о процессе их подготовки и недостаточно уделено внимание оценке результатов их деятельности.

Итак, нормативная правовая база наставничества далека от совершенства, но все же она есть. Руководство правоохранительных ведомств, органов, подразделений, рядовые сотрудники понимают необходимость ее совершенствования, что подтверждается наличием научно-теоретических исследований и практических предложений.

В свою очередь, заметим, что институт наставничества в правоохранительных органах предполагает некие методические основания, включающие принципы работы наставников, содержание и инструментарий педагогического сопровождения молодых сотрудников, процесс подготовки и работы наставника.

Отдельно следует сказать о роли руководителя органа, организации, подразделения в институте наставничества. Руководитель, воплощая педагогические функции, выступает наставником у наставников, осуществляет их подготовку, используя общую и частную методики.

Выделим этапы работы руководителя с наставниками.

I этап – диагностический, предполагает отбор наставников посредством беседы, изучения материалов личных дел претендентов и наблюдения за их деятельностью.

II этап – подготовительный. Включает методику подготовки наставников: постановка целей и задач наставнической деятельности; проведение занятий с наставниками, организация индивидуальной и груп-

повой форм работы; представление содержания наставнической деятельности через педагогическое сопровождение молодых сотрудников; представление инструментария наставнической деятельности (методы беседы, разъяснения, инструктирования, консультирования и др.).

Рассмотрим более подробно методические основания развития института наставничества в правоохранительных органах. Методика подготовки наставников предполагает следующее:

1. Целеполагание в работе наставников, включающее постановку задач, обусловленных с осуществлением педагогического сопровождения молодых сотрудников. Очевидно, что целеполагание будет связано с диагностикой молодого сотрудника, которая позволит выявить уровень ряда профессиональных компетенций, поставить задачи по оказанию наставнической помощи.

2. Принципы работы наставников, осуществляющих педагогическое сопровождение молодых сотрудников.

Исследователи предлагают разные совокупности принципов педагогического сопровождения. Так, Е. И. Казакова выделяет принципы рекомендательного характера советов сопровождающего, приоритета интересов сопровождаемого, непрерывности, мультидисциплинарности, стремления к автономизации. А. Н. Копейкин описывал принципы доверия, открытости, комплексности, превентивности, создания благоприятных условий, активизации самостоятельной работы [19, с. 8]. Н. В. Пояркова [20, с. 5] рассматривает принципы ориентации на нравственные ценности, диалогизма, целостности, активности, А. М. Ткаченко – дополнительности и вариативности, опоры на внутренний потенциал субъекта [21, с. 9]. Е. В. Яковлев, Н. О. Яковлева ориентируются на обеспечение полноты комплекса принципов и считают, что основаниями для их выделения должны быть теоретико-методологические подходы к исследованию проблемы, закономерности педагогического сопровождения, субъекты сопровождения и их деятельность, этапы педагогического сопровождения. Выделенные основания, представляющие собой заданные исходные координаты, способствуют выявлению исчерпывающего набора принципов.

Опираясь на результаты эмпирических исследований (Е. И. Казакова, А. Н. Копейкин, Н. В. Пояркова, Э. Л. Черепанов, Е. В. Яковлев, Н. О. Яковлева и др.), полагаем, что в аспекте педагогического сопровождения молодых сотрудников правоохранительных органов для наставников актуальными будут следующие принципы:

– целенаправленности педагогического сопровождения молодого сотрудника. Цель определяет направление и способ действий наставника. Общие цели педагогического сопровождения молодого сотрудника лежат в основе деятельности наставника. Сопоставление настоящего уровня профессионального и личностного развития личности молодого сотрудника с его идеальной моделью позволит разработать программу педагогического сопровождения,

оказания помощи, план ее реализации и подобрать инструментарий в достижении цели;

– системности педагогического сопровождения молодого сотрудника. Суть этого принципа заключается в том, что педагогическое сопровождение рассматривается как система. Система представляет собой совокупность связанных элементов и взаимно влияющих друг на друга. При этом педагогическое сопровождение молодого сотрудника будет подсистемой по отношению к целостному процессу непрерывного образования. Педагогическое сопровождение как подсистема имеет свою структуру элементов (цель и задачи, содержание и инструментарий), взаимосвязанных и взаимозависимых между собой;

– гуманизма в педагогическом сопровождении молодого сотрудника. Предполагает ценность человека, его жизни, рассматривается в поле аксиологического подхода, взывающего к необходимости оказания помощи. При этом сочетание целей государства, ведомства, общества и личности ориентирует сопровождаемого молодого сотрудника на овладение профессией в соответствии с его профессиональными интересами, возможностями и потребностями;

– уважения личности молодого сотрудника в сочетании с разумной требовательностью к нему. Разумная требовательность как помощь целесообразна и определена потребностями педагогического сопровождения, направлена на развитие у молодого сотрудника положительных профессиональных и личностных качеств. Наставник, использующий метод педагогического требования, должен убедиться, что молодой сотрудник четко осознает смысл предъявляемого к нему требования, быть уверенным в том, что этот метод поможет скорректировать профессиональную деятельность и поведение молодого сотрудника, не нанеся ущерба его самоуважению, самолюбие и достоинству;

– опоры на положительные качества личности молодого сотрудника. Опираясь на внутренний потенциал объекта сопровождения, его положительные качества, усиление и развитие которых компенсирует отрицательные черты, наставник формирует положительную профессиональную направленность молодого сотрудника. Оказанная наставником помощь способствует ощущению успеха у молодого сотрудника в овладении новыми формами поведения, удовлетворению от профессиональной реализации, вере в собственные силы, уверенности в достижении профессиональных целей. Этот принцип связан с этапами педагогического сопровождения, со спецификой профессиональной деятельности молодого сотрудника;

– сознательности и активности личности. Молодой сотрудник должен осознать необходимость позитивных перемен в своей профессиональной деятельности и быть мотивирован на эти перемены. Только тогда он становится активным участником этих перемен и будет стремиться их ускорить. В этом случае молодому сотруднику правоохранительных органов необходимо помочь из объекта педагогического сопровождения превратиться в его субъект, что гаран-

тирует положительный результат. При таком условии возникает благоприятное субъект-субъектное взаимодействие в деятельности наставника и молодого сотрудника;

– сочетания прямых и параллельных влияний в педагогическом сопровождении. В оптимизации педагогического сопровождения кроме прямого влияния наставника на личность молодого сотрудника важную роль играет мобилизация социально значимых сил. При этом создается дополнительный вектор влияния. К таким силам относится коллектив сотрудников. Подключая влияние коллектива, используя силу общественного мнения, получаем безусловный эффект в педагогическом сопровождении. Для молодого сотрудника, например, мнение опытных сотрудников, признанных авторитетов руководителей является важным фактором выбора направленности поведения и становления профессионала.

– единства диагностики и педагогического влияния в педагогическом сопровождении. Этот принцип обеспечивает целостность процесса педагогического сопровождения молодого сотрудника и овладение им профессией. Невозможно эффективно влиять, не зная исходных данных об объекте. Трудно подобрать методы и приемы, если нет данных о молодом сотруднике, причинах и характере его поведенческих реакций, особенностях его взаимоотношений в коллективе. Педагогическое сопровождение требует: 1) анализа индивидуальных особенностей личности молодого сотрудника, уровня его подготовки и профессиональных интересов; 2) отслеживания динамики изменений как отклика на оказанную помощь; 3) проведения диагностики в процессе педагогического сопровождения – от постановки цели до ее достижения и получения результатов. Знание индивидуальных особенностей позволяет ускоренно выявить сильные и слабые стороны сотрудника и скорректировать процесс сопровождения;

– обратной пропорциональности, «гиперболы». Важной составляющей наставничества является систематическое взаимодействие наставника и молодого сотрудника. Обратная связь помогает последнему понимать свои успехи и ошибки, что стимулирует саморазвитие и самосовершенствование. Однако возникает необходимость постепенного уменьшения роли сопровождения наставника, оказания помощи и увеличения самостоятельности молодого сотрудника.

Таким образом, основные положения принципа педагогического сопровождения формируют его базу, определяют логику влияния, намечают общую стратегию и конкретную тактику на соответствующих ступенях процесса наставничества.

3. Оказание помощи молодым сотрудникам в профессиональном обучении и воспитании в рамках непрерывного образования.

Говоря о профессиональном обучении, заметим, что речь идет о практико-ориентированном дополняющем обучении, процессе, организованном непосредственно в деятельности, так как наставляемые уже имеют диплом о профессиональном образовании, свидетельство о прохождении первоначальной

подготовки. Однако при выполнении служебных обязанностей у молодых сотрудников возникает целый ряд вопросов и трудностей, поскольку каждая профессиональная деятельность специфична, имеет особый порядок служебной деятельности, подготовки документации и др. Здесь неоценима помощь наставника.

Не менее важно реализуемое наставником содержание воспитания, включающее различные его направления. Прежде всего, это воспитание профессиональное, предполагающее развитие у молодого сотрудника личностных качеств с учетом требований профессиональной и служебной деятельности в современных условиях. Это готовность к выполнению служебного долга по защите прав и законных интересов граждан, к охране общественного порядка.

Приоритетным сегодня становится и патриотическое воспитание. Рассказывая о героических поступках коллег, о ритуалах и традициях, существующих в подразделении, наставник должен подчеркнуть важность сохранения исторической памяти и преемственности поколений.

Хотя профессиональная деятельность сотрудника правоохранительных органов предполагает знание нормативно-правовой базы, все же наставнику не стоит пренебрегать правовым воспитанием. Необходимо развивать у молодого сотрудника уважительное отношение к законодательству.

Не должно оставаться без внимания и нравственное воспитание молодых сотрудников, способствующее развитию моральных качеств гражданина (ответственность за судьбу страны, ценность добра, справедливости, долг, честь).

Эстетическое воспитание в работе наставника, казалось бы, менее востребовано, но грамотный наставник понимает ценность приобщения молодого сотрудника к прекрасному. В этой связи нельзя не согласиться с тезисом И. А. Калиниченко, О. В. Зиборова, А. И. Клименко о том, что сегодня «на смену полицейскому “силовику” приходит полицейский “интеллигент”» [22, с. 7].

4. Инструментарий педагогического сопровождения. Это педагогическая категория, подразумевающая методы и приемы, формы и средства, способствующие достижению целей и задач, реализации содержания для оказания помощи молодому сотруднику.

В качестве примера рассмотрим наиболее эффективные инструменты педагогического сопровождения, методы, приемы и средства, используемые наставниками, выявленные по результатам эмпирического исследования:

– метод примера. Способ воспитания и обучения, при котором наставник оказывает влияние на сознание и эмоции молодых сотрудников путем предъявления положительного или отрицательного образца. Данный метод базируется на закономерности: нечто, воспринимаемое зрением, одновременно фиксируется сознанием, ввиду того что не нуждается в раскодировании, в отличие от слова [23, с. 63]. Практический показ профессиональных действий, участие в реальных служебных ситуациях и разбор конкретных

примеров способствуют более эффективному овладению профессиональными компетенциями. Наставник, демонстрируя способы выполнения тех или иных задач, помогает молодому сотруднику понять, запомнить, а затем воспроизвести правильность выполнения действий и их последовательность;

– метод объяснения. Способ обучения и воспитания, в процессе которого происходит прямое влияние наставника на когнитивную сферу личности молодого сотрудника путем изложения конкретных фактов, толкования законов и закономерностей, важнейших особенностей предмета профессиональной деятельности, отдельных понятий, явлений, в ходе чего осознается значимая для профессиональной деятельности информация. Этот метод предполагает последовательное раскрытие информации, установление причинно-следственных связей, доказательство посредством логически выстроенной аргументации;

– метод разъяснения. Способ обучения и воспитания, в процессе которого происходит подробное, детальное истолковывание предмета профессиональной деятельности с эмоционально-словесным влиянием и ориентацией на конкретного молодого сотрудника;

– метод инструктирования. Способ обучения, который представляет собой проектирование процесса и результата предстоящей профессиональной деятельности путем сочетания объяснения и показа образцов деятельности, разбора ситуаций из профессионально-служебной деятельности. Условиями эффективности использования данного метода являются: ясность указаний наставника, четкость результата, осознание молодым сотрудником значения предстоящей деятельности;

– метод убеждения. Способ обучения и воспитания, состоящий в прямом коммуникативном влиянии на разум, эмоции и чувства, в ходе которого происходит сознательное принятие объектом, в данном случае молодым сотрудником, определенной позиции. Для достижения глубокого осмысления информации, необходимой для профессиональной деятельности, в рамках метода убеждения используется прием доказывания (педагогический прием, рассматривается как часть метода). Любое доказывание строится на законах формальной логики, но применяются различные варианты. Нормативно-правовая апелляция – способ, подразумевающий ссылку на законодательные акты как нечто неопровержимое, ранее доказанное, уже установленное. Способ аналогий предполагает приведение аналогичного случая, сравнительную характеристику с рассматриваемым, что обосновывает необходимость аналогичного решения. Графический способ рекомендует наставнику сопровождать доказательственные рассуждения схемами, рисунками, диаграммами. Доказательство от противного начинается фразой «предположим, что...». Высказанное допущение детально анализируется, сравниваются весомость обоснований существующего и предполагаемого альтернативного положения, последствия того и другого. Данный способ уместен, когда молодой сотрудник настроен скептически, не стремится понять истину, пускается в пространные рассуждения. Способ ак-

центрирования внимания обосновывается следующими фактами. Наставляемый впервые слышит доказательство и ему необходимо его понять, принять здесь и сейчас, в отличие от наставника, который уже продумал логику и аргументы. Для этого наставник акцентирует внимание на собственной речи: быстрый темп, перефразирование при повторении, детализация, краткость формулировок, выделение значимой информации тоном и тембром, подчеркивание, обращение внимания, ключевые слова [23, с. 84].

Мы привели лишь часть инструментов, используемых наставником в педагогическом сопровождении молодых сотрудников. В аспекте профессионального воспитания также отметим методы беседы и поддержки, критики действий и поступков, нравственно-го выбора и создания ситуации успеха.

III этап – рефлексивный. Подведение итогов наставничества, рефлексия, использование методов стимулирования.

Эффективность наставнической деятельности связана с результатом работы как наставляемых, молодых сотрудников, так и самих наставников. Особое значение здесь имеет метод поощрения – метод, основанный на выражении общественной положительной оценки профессиональной деятельности, признании заслуг и закрепляющий желательное поведение объекта. Разновидностей поощрения достаточно много.

Остановимся подробнее на награждении. Проведенное нами эмпирическое исследование показало следующее. На эффективность награждения в виде почетной грамоты МВД России указали 87 % респондентов, ценного подарка – 76 %, объявления благодарности – 69,5 % и ведомственной награды – 56,5 % [24, с. 265].

Полученные результаты указывают на необходимость признания заслуг деятельности наставников в становлении молодых сотрудников, укреплении их желании оставаться в системе МВД России. В наградной политике ведомства существует награда для наставников, однако пилотажный опрос показал редкость ее использования. Многие сотрудники не знают о ее существовании, не имеют представления о том, кто ей награждается, за какие заслуги.

К сожалению, сложность деятельности наставника, связанная с большими ресурсными затратами (временными, энергетическими), отвлечением от решения собственных профессиональных задач, негативно отражается на желании опытных сотрудников становиться наставниками. Фактически это указывает на то, что давно назрела необходимость пересмотра порядка назначения наставников и оценки их деятельности.

Допускаем, что разъяснение ценностного смысла специальной награды в виде нагрудного знака «Почетный наставник МВД» будет в какой-то мере содействовать решению обозначенной проблемы.

Историки в области геральдики считают, что этот знак является прототипом существовавшего с 1981 г. в РСФСР почетного звания «Заслуженный наставник

молодежи». Сегодня знаком «Почетный наставник МВД» награждаются лучшие наставники органов внутренних дел, имеющие стаж службы 15 лет и более и награжденные ранее государственной наградой Российской Федерации или ведомственным знаком отличия МВД России. Нагрудный знак представляет собой лавровый венок с плодами, основание которого перевито лентой с надписью «МВД РОССИИ». В верхней части венка помещено изображение эмблемы органов внутренних дел, внутри венка – изображение сияющего факела на фоне двух скрещенных мечей в ножнах, поверх изображений наложена надпись «ПОЧЕТНЫЙ НАСТАВНИК». В геральдике символ лавровых деревьев означает посредничество при передаче знания, ассоциируется с мудростью и волей к победе, а плоды трактуются как результат и итог деятельности.

Понимание смысла символов, включенных в изображение награды, является важной мотивационной, историко-идеологической, психолого-педагогической составляющей.

Следует отметить, что в системе ФСИН России учреждена подобная ведомственная награда – нагрудный знак «Почетный наставник».

Резюмируя сказанное, отметим, что выделенные методические основания развития института наставничества в правоохранительных органах с большой долей вероятности влияют на эффективность работы молодых сотрудников за счет педагогического сопровождения, подразумевающего оказание им своевременной помощи в разных областях служебной и профессиональной деятельности, способствуют укреплению кадрового потенциала и требуют дальнейшего изучения, углубления, апробации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глава ФСИН заявил о серьезном некомплекте и попросил повысить зарплаты. URL: <https://news.ru/russia/glava-fsin-zayavil-o-sereznom-nekomplekte-i-poprosil-povysit-zarplaty/> (дата обращения: 03.10.2024).
2. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2021 год : сб. аналит. и информ. материалов. М., 2022. 70 с.
3. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации в 2022 году : сб. аналит. и информ. материалов. М., 2023. 78 с.
4. Василенко Г. Н., Денисенко Е. С. Индивидуальное обучение и перспективы развития института наставничества в органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 139–144.
5. Кеменов Д. А. Концептуальная модель института наставничества на государственной службе // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2019. № 5. Т. 8. С. 41–46.
6. Никитин А. А. Институт наставничества в прокуратуре и иных государственных органах России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2 (151). С. 196–203.
7. Пряжина М. В., Душкин А. С., Мартиросова Н. В. Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России на основе компетентностного подхода : моногр. СПб., 2012. 136 с.
8. Атаманчук Г. В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика : моногр. М., 2008. 312 с.
9. Марченко И. П. Особенности процесса трансформации кадрового потенциала государственной (муниципальной) службы в России рубежа XX–XXI веков : дис. ... д-ра социол. наук. Барнаул, 2005. 376 с.
10. Уманский А. Л. Педагогическое сопровождение детского лидерства : моногр. Кострома, 2004. 117 с.
11. Лазарев В. А. Педагогическое сопровождение одаренных старшеклассников : дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 2005. 329 с.
12. Шишкина В. А. Педагогическое сопровождение личностно-профессионального становления будущих учителей изобразительного искусства : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. 386 с.
13. Эльканова П. А. Педагогическое сопровождение социализации подростка: на примере Заполярья : дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 184 с.
14. Куликовская И. Э., Титова А. И. Педагогическое сопровождение развития творчества детей в образовательном пространстве дошкольной организации // Воспитание и обучение детей младшего возраста : сб. материалов ежегод. междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2016. № 5. С. 167–169.
15. Шакурова М. В. Педагогическое сопровождение становления и развития социокультурной идентичности школьников : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007. 361 с.
16. Яковлев Е. В., Яковлева Н. О. Сопровождение как педагогический феномен // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2010. № 4. С. 74–83.
17. Складенко И. С., Черепанов Э. Л. Принципы педагогического сопровождения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в период подготовки к действиям в условиях СВО // История и перспективы исследований проблем работы с личным составом (к 50-летию кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России). М., 2023. С. 206–220.
18. Зорина И. А. Наставничество как социальный институт и его виды в современных реалиях // Управленческое консультирование. 2023. № 10 (178). С. 179–187.
19. Копейкин А. Н. Педагогическое сопровождение боевой подготовки будущих милиционеров : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2007. 20 с.
20. Пояркова Н. В. Педагогическое сопровождение профессионально-нравственного становления будущего учителя в педагогическом колледже : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2009. 24 с.
21. Ткаченко А. М. Педагогическое сопровождение социально-профессиональной самоактуализации курсантов образовательных учреждений ФСБ России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2008. 24 с.
22. Калинин И. А., Зиборов О. В., Клименко А. И. Формирование Ценностных оснований профессионального правосознания сотрудника полиции в процессе образовательной деятельности высших учебных заведений МВД России // История государства и права. 2020. № 10. С. 3–10.
23. Сердюк Н. В., Ходякова Н. В., Складенко И. С. Общая педагогика : учеб. М., 2023. 188 с.

24. Складенко И. С., Благовещенская М. А. Развитие профессиональных и управленческих компетенций сотрудников органов внутренних дел, включенных в кадровый резерв, средствами образования // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : материалы междуна-род. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 28 октября 2022 года). СПб., 2022. С. 263–268.

REFERENCES

1. Glava FSIN zayavil o ser'eznom nekomplekte i poprosil povysit' zarplaty [Head of the Federal Penitentiary Service of Russia announced a serious shortage and asked for a salary increase]. Available at: <https://news.ru/russia/glava-fsin-zayavil-o-sereznom-nekomplekte-i-poprosil-povysit-zarplaty/> (accessed October 3, 2024).
2. Svedeniya o sostoyanii raboty s kadrami organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii za 2021 god: sb. analit. i inform. materialov [Information on the state of work with the personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation for 2021: collection of analytical and informational materials]. Moscow, 2022. 70 p.
3. Svedeniya o sostoyanii raboty s kadrami organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii v 2022 godu: sb. analit. i inform. materialov [Information on the state of work with the personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation for 2022: collection of analytical and informational materials]. Moscow, 2023. 78 p.
4. Vasilenko G.N., Denisenko E.S. Individual training and prospects for the development of the Institute of mentoring in internal affairs bodies. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2, pp. 139–144. (In Russ.).
5. Kemenev D.A. Conceptual model of the Institute of mentoring in public service. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii = Personnel and Intellectual Resources Management in Russia*, 2019, no. 5, vol. 8, pp. 41–46. (In Russ.).
6. Nikitin A.A. Institute of mentoring in the Prosecutor's office and other state bodies of Russia. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2023, no. 2 (151), pp. 196–203. (In Russ.).
7. Pryakhina M.V., Dushkin A.S., Martirosova N.V. *Professiograficheskoe opisaniye osnovnykh vidov deyatel'nosti v sisteme MVD Rossii na osnove kompetentnostnogo podkhoda: monogr.* [A professionographic description of the main types of activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia based on a competence-based approach: monograph]. Saint Petersburg, 2012. 136 p.
8. Atamanchuk G.V. *Sushchnost' gosudarstvennoi sluzhby: istoriya, teoriya, zakon, praktika: monogr.* [The essence of public service: history, theory, law, practice: monograph]. Moscow, 2008. 312 p.
9. Marchenko I.P. *Osobennosti protsessa transformatsii kadrovogo potentsiala gosudarstvennoi (munitsipal'noi) sluzhby v Rossii rubezha XX–XXI vekov: dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Features of the process of transformation of the personnel potential of the state (municipal) service in Russia at the turn of the XX–XXI centuries: Doctor of Sciences (Sociology) dissertation]. Barnaul, 2005. 376 p.
10. Umanskii A.L. *Pedagogicheskoe soprovozhdeniye detskogo liderstva: monogr.* [Pedagogical support of children's leadership: monograph]. Kostroma, 2004. 117 p.
11. Lazarev V.A. *Pedagogicheskoe soprovozhdeniye odarenykh starsheklassnikov: dis. ... d-ra ped. nauk* [Pedagogical support of gifted high school students: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Yaroslavl, 2005. 329 p.
12. Shishkina V.A. *Pedagogicheskoe soprovozhdeniye lichnostno-professional'nogo stanovleniya budushchikh uchiteley izobrazitel'nogo iskusstva: dis. ... d-ra ped. nauk* [Pedagogical support of personal and professional development of future teachers of fine arts: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2006. 386 p.
13. El'kanova P.A. *Pedagogicheskoe soprovozhdeniye sotsializatsii podrostka: na primere Zapolyar'ya: dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical support of adolescent socialization: on the example of the Arctic: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2000. 184 p.
14. Kulikovskaya I.E., Titova A.I. Pedagogical support for the development of children's creativity in the educational space of a preschool organization. In: *Vospitaniye i obucheniye detei mladshogo vozrasta: sb. materialov ezhegod. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Education and training of young children: collection of annual international scientific and practical conference]. Rostov on Don, 2016. Pp. 167–169. (In Russ.).
15. Shakurova M.V. *Pedagogicheskoe soprovozhdeniye stanovleniya i razvitiya sotsiokul'turnoi identichnosti shkol'nikov: dis. ... d-ra ped. nauk* [Pedagogical support for the formation and development of socio-cultural identity of schoolchildren: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2007. 361 p.
16. Yakovlev E.V., Yakovleva N.O. Accompaniment as a pedagogical phenomenon. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt = Modern Higher School: Innovative Aspect*, 2010, no. 4, pp. 74–83. (In Russ.).
17. Sklyarenko I.S., Cherepanov E.L. Principles of pedagogical support for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation during the period of preparation for actions in the conditions of their own. In: *Istoriya i perspektivy issledovaniya problem raboty s lichnym sostavom (k 50-letiyu kafedry psikhologii, pedagogiki i organizatsii raboty s kadrami Akademii upravleniya MVD Rossii)* [History and prospects of research on problems of working with personnel (to the 50th anniversary of the Department of Psychology, Pedagogy and organization of work with personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia)]. Moscow, 2023. Pp 206–220. (In Russ.).
18. Zorina I.A. Mentoring as a social institution and its types in modern realities. *Upravlencheskoe konsul'tirovaniye = Managerial Consulting*, 2023, no. 10 (178), pp. 179–187. (In Russ.).
19. Kopeikin A.N. *Pedagogicheskoe soprovozhdeniye boevoi podgotovki budushchikh militsionerov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical support of combat training of future policemen: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Volgograd, 2007. 20 p.
20. Poyarkova N.V. *Pedagogicheskoe soprovozhdeniye professional'no-nravstvennogo stanovleniya budushchego uchitelya v pedagogicheskom kolledzhe: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical support of the professional and moral formation of a future teacher in a pedagogical college: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Volgograd, 2009. 24 p.

21. Tkachenko A.M. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie sotsial'no-professional'noi samoaktualizatsii kursantov obrazovatel'nykh uchrezhdenii FSB Rossii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical support of socio-professional self-actualization of cadets of educational institutions of the FSB of Russia: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Khabarovsk, 2008. 24 p.
22. Kalinichenko I.A., Ziborov O.V., Klimenko A.I. Formation of the value bases of professional legal awareness of a police officer in the process of educational activity of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*, 2020, no. 10, pp. 3–10. (In Russ.).
23. Serdyuk N.V., Khodyakova N.V., Sklyarenko I.S. *Obshchaya pedagogika: ucheb.* [General pedagogy: textbook]. Moscow, 2023. 188 p.
24. Sklyarenko I.S., Blagoveshchenskaya M.A. *Razvitie professional'nykh i upravlencheskikh kompetentsii sotrudnikov organov vnutrennikh del, vkluchennykh v kadrovyy rezerv, sredstvami obrazovaniya // Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki: materialy mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 28 oktyabrya 2022 goda)* [Development of professional and managerial competencies of employees of internal affairs bodies included in the reserve pool by means of education. Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice: proceedings of the International scientific and practical conference (Saint Petersburg, October 28, 2022)]. Saint Petersburg, 2022. Pp. 263–268. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИННА СЕРГЕЕВНА СКЛЯРЕНКО – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, Москва, Россия, ic-k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9520-6797>

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, Москва, Россия, bmatula@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4395-5514>

INNA S. SKLYARENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Psychology, Pedagogy and HR Management at the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, ic-k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9520-6797>

MARIYA A. BLAGOVESHCHENSKAYA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Psychology, Pedagogy and HR Management at the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, bmatula@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4395-5514>

Статья поступила 30.09.2024

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да (отнесен к категории К2)

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2024, volume 18, no. 4 (68)

science and practice journal

of the Vologda Institute of Law and Economics

of the Federal Penitentiary Service

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007.

Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VILE of the FPS of Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration Number
PI No. FS77-76598
of August 15, 2019

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases:

DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka", electronic periodic reference book «System GARANT»

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

EDITOR-IN-CHIEF:

Vasili N. Nekrasov – Deputy Head for Academic Affairs of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law).

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of the VILE of the FPS of Russia.

EDITORIAL BOARD:

Serzhik S. Avetisyan – professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedural Law of the Russian-Armenian University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia, Chairman of the Armenian Representative Office of the Regional Public Organization "Union of Criminalists and Criminologists", Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Lawyer of the Republic of Armenia;

Yurii M. Antonyan – Chief Researcher at the Research Center No. 1 of the NRI of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the RSFSR;

Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

El'vira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;

Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of Demidov Yaroslavl State University;

Igor' M. Matskevich – Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia);

Vladislav Yu. Panchenko – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov;

Aleksandr N. Pastushenya – Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the International University "MITSO", Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – Deputy Dean for Scientific Work of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V.Lomonosov Moscow State University;

Valerii Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);

Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminology of the Belarusian State University.

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the printing office: Office 20a, Tekstil'shchikov street, Vologda, 160033, Russian Federation

Phones:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Website:
<https://jurnauka-vipe.ru/?Lang=en>

The subscription index in the electronic catalog «Ural-Press» is 41253.

The price is open

© VILE of the FPS Russia

Date of publication:
December 9, 2024

Circulation: 1,000 copies

EDITORIAL COUNCIL:

Sergei L. Babayan – professor at the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice, professor at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the VILE of the FPS of Russia;

Boris Ya. Gavrillov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the VILE of the FPS of Russia;

Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia;

Ivan V. Dvoryanskov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the VILE of the FPS of Russia;

Valentina I. Zubkova – Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Evgenii P. Ishchenko – professor at the Department of Criminology of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Lyubov' V. Kovtunencko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University;

Nodar Sh. Kozaev – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol Branch);

Ivan Ya. Kozachenko – professor at the Department of Criminal Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the VILE of the FPS of Russia;

Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia, Associate Professor;

Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative Law of the VILE of the FPS of Russia;

Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;

Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);

Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia;

Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia;

Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), professor at the Department of Administrative Law of the VILE of the FPS of Russia;

Vyacheslav L. Tsvetkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aleksandr S. Shatalov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Process of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal "Penitentiary Science" is on the List of peer-reviewed academic journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following scientific specialties: 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences); 5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences); 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences); 5.3.9. Legal psychology and accident psychology (psychological sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences), In the current List of the Higher Attestation Commission, the journal is classified as K2.

CONTENT

JURISPRUDENCE	348
BODROV N.F. LEBEDEVA A.K. Prospects of Legal Regulation and Algorithm for Marking Generative Content	348
KARPUNINA V.V. Describing the Specifics of the Concept and Role of Legal Technique in the Development of Penitentiary Law at the Present Stage.	358
LAPSHIN V.F., NEKRASOV V.N. Differentiation of Liability and Legislative Technique as Key Areas of Scientific Research of the Yaroslavl Criminal Law School (Case Study of Dissertation Research by Representatives of the Northwestern Region)	367
KURGUZKINA E.B., VLASOVA N.A. On Some Problems of Qualifying Criminally Punishable Mass Riots	376
KUNTS E.V., LATYSHEVA L.A. Humanizing Imposition and Enforcement of Sentences on Women	385
BAKULIN V.K. Category of “Threat” in the Theory and Practice of Penal Law	391
YAKOVETS E.N. Historical Aspect of Penitentiary Denazification	398
KOLOKOLOV N.A. Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (Systematic Analysis of Current Official Criminal Policy and Controversial Judicial Practice)	411
NAGORNYKH R.V. Discretionary Powers in the Field of Public Administration and Principles of Their Implementation in the Activities of the Penal System.	428
KALUZHINA M.A., PUKHAREVA T.S. Psychological Aspects of Analyzing and Assessing the Current State of Personnel Provision of the Penal System	434
PSYCHOLOGY	443
MAR’IN M.I., TEREKULOVA O.A. On the Formation of a Favorable Socio-Psychological Climate in Territorial Divisions of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation	443
PEDAGOGY	449
SKLYARENKO I.S., BLAGOVESHCHENSKAYA M.A. Methodological Foundations for Developing the Mentoring Institution in Law Enforcement Agencies	449

Original article

UDC 343.3/7:004

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.001

Prospects of Legal Regulation and Algorithm for Marking Generative Content

NIKOLAI F. BODROV

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, bodrovnf@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9005-3821>

ANTONINA K. LEBEDEVA

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, tonya109@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9344-2103>

Abstract

Introduction: the article analyzes mechanisms for legal regulation of generative content in the Russian Federation and considers an algorithm of marking generative content. The analysis of current legislation shows that the increasing role of artificial intelligence technologies in modern society necessitates the improvement of existing norms, as well as the development of new ones for the legal regulation of generative content turnover. The Russian legislator is trying to develop legislative measures to control the turnover of generative content, but currently there is not even a unified definition of a deepfake as a fundamental concept of this sphere. *Purpose:* on the basis of the existing classification of generative content types to describe the existing types of generative content labelling and to present the definition of a deepfake. *Methods:* comparative-legal, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic, legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms, are applied. *Results:* the analysis of existing types of generative content, the purposes of its distribution demonstrates the need to create effective legal and technological mechanisms for regulating generative content. Theoretical provisions on the structure of subjects of creation and distribution of generative content are developed and recommendations on establishing their legal duties and responsibilities are offered. *Conclusions:* the mechanisms of legal regulation of generative content at this stage are reduced to the following: establishing the obligation of technology companies and users who create generative content to use watermarks to mark the content in order to inform other persons about the generative nature of the content; establishing liability for the refusal of marking or removal of any type of marking; establishing liability for the misuse of biometric personal data for the creation of a deepfake.

Key words: deepfake; generative content; legal regulation; content marking; liability.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

Acknowledgements: This publication has been prepared as part of the work under the state assignment on the topic “The Russian legal system in the realities of digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)”. The EGISUNIOKTR registration number: 124012000079-6.

For citation: Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Prospects of legal regulation and algorithm for marking generative content. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 348–357. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.001.

Introduction

Undoubtedly, technologies of artificial intelligence (AI), which help create various types of content, are a powerful tool for creative self-expression, in demand in various spheres of human activity, from art to, for example, marketing. However, uncontrolled distribution of various generative content created with the help of modern neural network algorithms, their ability to synthesize text, graphics and sounds already leads to serious consequences that deserve due attention from legislators and law enforcement officers.

The most important problem of our time is virtually uncontrolled access to biometric personal data of a person based on those media materials that in recent years have been distributed in open access on social networks, instant messaging systems, cloud storage services, file sharing sites, video conferencing software data storage systems and video hosting. These materials are already the basis for creating digital products in the form of text, graphics, sound or a combination of them, generated in whole or in part using neural network technologies for the user to break control systems and get access to data [1]. Such products are essentially the content of the term “deepfake”.

The problem under consideration is aggravated by the fact that the technologies of neural network synthesis of deepfake content can be used by a user with any level of technical training, who using specially configured applications or sites can follow instructions step by step and create a deepfake. The commercial-

ization of AI technologies is undoubtedly a serious threat to the information security of society and the state.

So, according to the Hong Kong police, a financial officer paid 25 million dollars after a video call from a “financial director”, whose appearance and voice were synthesized by an attacker using neural network technologies [2].

Besides, there are risks, when biometric identification systems mistakenly refuse users, relying on false alarms of deepfake detectors. For example, in the Admitad system, the user was denied service as a result of video verification, because the system mistakenly classified his appearance as a deepfake [3].

Even preliminary results of the analysis of the statistics of offenses related to the distribution of deepfakes show a very negative trend. For example, according to the report of the Sumsb identity verification platform, various incidents with deepfakes in the financial sector increased by 700% in 2023 compared to the previous year [4].

If a year ago the legislator considered it inappropriate to criminalize the use of AI technologies for criminal purposes [5], now the Russian legal system clearly needs to create mechanisms for legal regulation of generative content [6], including as an aggravating element [7] of the crime. The draft law provides for the introduction of additional qualified composition into some articles of the Criminal Code of the Russian Federation, such as commission of a crime “using an image or voice (including falsified or artificially created) of the victim or another per-

son, as well as using biometric personal data of the victim or another person" [7].

It is planned to amend the legislation in terms of articles: "Libel", "Theft", "Fraud", "Extortion", "Causing property damage by deception or abuse of trust" (Part 2.1 of Article 128.1, Paragraph "d" of Part 3 of Article 158, Part 2.1 of Article 159, Paragraph "d" of Part 2 of Article 163, Paragraph "c" of Part 2 of Article 165).

The legislator does not give a clear definition of falsified or artificially created voices. However, based on the content of the explanatory note and feedback on the draft law, it can be assumed that they mean deepfakes.

However, the list of articles seems to us to be extremely limited [8], the list of real and potential threats associated with the use and distribution of deepfakes is much wider.

So, in our opinion, in the very near future, the spread of generative content synthesis systems will lead to a significant transformation of crimes (primarily the ways they are committed):

- against the person (articles 110, 128.1, 146 of the Criminal Code of the Russian Federation),
- in the sphere of economics (articles 159, 159.3, 159.6, 185.3 of the Criminal Code of the Russian Federation),
- against public safety and public order (articles 205.2., 207, 207.1, 207.3, 242, 242.1, 272, 273, 274 of the Criminal Code of the Russian Federation),
- against state power (articles 280, 280.1, 280.3, 280.4, 282, 282.4, 284.2, 303 Criminal Code of the Russian Federation),
- against the peace and security of mankind (Article 354 of the Criminal Code of the Russian Federation) [9].

This forecast is based on the fact that in the above-mentioned crimes, deepfakes can most likely be used as an instrument of committing a crime.

The legislator's approach to the determination of an extremely limited list of articles in the above-mentioned draft laws does not seem to be entirely correct. The emergence of new qualified compositions at this stage will not solve the problem of using and distributing deepfakes, and the primary task is to create new and improve existing mechanisms for regulating the turnover of generative content created with the help of artificial intelligence.

The draft law review report states that "the industry legislation does not regulate the use of identity substitution technologies (deepfake). Thus, the introduction of the proposed regulation into criminal legislation is not possible due to the lack of corresponding norms of substantive legislation, which entails significant risks of the formation of incorrect law enforcement practice" [10].

Thus, while offering protection to citizens from deepfakes, the draft law developers do not specify what exactly is meant by the term "deepfake". Correctness of the use of the term "artificial audio recording" from the standpoint of forensic expertise and forensic investigative practice is questionable due to the fact that it reflects a significantly broader scope of the concept.

In our opinion, the term "deepfake" should be defined as follows: a deepfake is a digital product in the form of text, graphics, sound or a combination of them, generated in whole or in part using neural network technologies for the user to break control systems and get access to data.

As for the normative consolidation, it seems to us correct to fix the definition of a deepfake in basic concepts of the Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection".

The implementation of the deepfake concept into Russian legislation alone is clearly not enough, since issues of legal regulation of the creation, use and distribution of generative content remain outside the attention of the legislator, and for law enforcement it is important to clearly distinguish deepfakes from other types of generative content.

Moreover, carrying out scientific research in the field of terminological support for the described problems, we come to the conclusion that at the moment there is not only a definition in the scientific and normative-technical literature, but also approaches to describing such a phenomenon as a fake self.

Summarizing results of the risk assessment of illegal distribution of generative content, we believe that a fake self should be understood as a deepfake generated by a user based on his/her own biometric data in order to commit illegal actions aimed at evading liability or misleading other persons regarding events presented

as having happened to the user him/herself. For example, in situations of insurance fraud [11], users use neural network synthesis algorithms to generate photos with property damage to receive insurance payments. In such a situation, employees of insurance organizations may collide with intruders and provide images generated by a neural network instead of photos, for example, a pre-insurance inspection.

Legal mechanisms to counteract the spread and use of fake content should provide an opportunity for both ordinary users and law enforcement employees to detect such content. If measures of forensic counteraction can be provided as a mechanism for detecting deepfakes [12], then the development of legal norms regulating the technology and processes of introducing mandatory marking of generative content are measures to prevent the use and distribution of deepfakes.

A deepfake is just a kind of generative content. By distributing generative content, creators do not hide the source of its origin, even if the result of generation reaches a high degree of realism. In the course of legitimate use of generative content, it is necessary to ensure the availability of information about the method of its creation. The spread of deepfakes is connected with the concealment of a way to simulate authentic content. To inform users about the fact of content generation by the means of AI technologies, it is necessary to develop norms providing for the mandatory effective marking of any generative content.

Nowadays, there are no effective measures to ban generative content creation. The National Strategy for the Development of Artificial Intelligence approved by the Decree of the President No. 124 of February 15, 2024 fixes the need to “consolidate favorable regulatory conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies”, while a complete ban on generative AI technologies certainly does not implement such conditions. Potential and real threats come not from the fact of creating AI technologies to generate various content, but from the fact of unfair use of the results of such generation without specifying the method of obtaining a digital product. It is safe to say that there is a risk of using and distributing generative content that can easily be mistaken for authentic.

Ways to mark generative content

In order to streamline the turnover of generative content without compromising information security and preventing misinformation, it is necessary to provide effective marking solutions and limit its use without appropriate marking.

In a similar situation, the mechanisms of legal regulation actually boil down to the creation of norms on marking generative content, in order to maintain information awareness of users about such content and its origin. Technologies suitable for practical use are already being used in various fields (including the field of legal proceedings). Legislation, therefore, should limit the turnover of generative content and establish liability for breaking rules of informing about the generative nature of content.

Along with the mechanisms of legal regulation on mandatory marking of generative content, it is also necessary to develop technological marking methods. First of all, there is a need for uniform international standards in the field of marking generative content. The process and technologies of distributing deepfakes have no geographical boundaries. Generative content is created, used and distributed worldwide. Therefore, it is necessary to develop unified standards for marking generative content in order to enable users to easily detect them, regardless of the language, the technology platform used or the state in which the content consumer resides.

Among the currently used marking methods, graphic marking has become quite widespread. Markers in such systems are a short text to a digital product (for example, “created with the help of AI”) by analogy with the marking of foreign agents or extremist organizations (federal laws No. 255-FZ of July 14, 2022 “On Control over Activities of Persons under Foreign Influence”, No. 114-FZ of July 25, 2002 “On Countering Extremist Activities”), or graphic objects used by analogy with the marking of information products in accordance with the Federal Law No. 436-FZ of December 29, 2010 “On the Protection of children from information harmful to their health and development”. Such marking is obviously of a notification nature, but due to the simplicity of its presentation form, it cannot be used in specialized areas, for example, in the field of legal proceedings.

Watermarking is a technologically more complex option. “Watermarks” are digital signatures that are embedded in digital files, such as images, video recordings, and phonograms. They can be used to identify the source of origin of a digital product, prevent unauthorized copying or distribution, as well as to track the movement of content” [8].

For example, Telesystem, which has been operating on the Russian market for more than 20 years, develops and manufactures EDIC-mini voice recorders [13]. Files with phonograms recorded on dictaphones of this brand are provided with certain digital markers of the authenticity of the recording (with additional metadata). It protects the recording from unauthorized use and verify the integrity of files. This function is in high demand in forensic investigation and expert practice.

Hour One, a company that creates AI avatars, uses the watermark “AV” (AlteredVisuals) [14] to mark its videos. As the developers point out, this is done out of respect for the end user’s right to know that the video was generated using AI technologies.

To prevent the spread of fake news and misinformation, large corporations already have experience confirming the authenticity of digital products. The Coalition for Content Provenance and Authenticity introduced an Official Content Credentials Icon (C2PA standard) [18].

The C2PA technology standard developed by the coalition allows creators to embed metadata into digital products to verify their origin and related information. The C2PA standard is intended not only for generative images, its use is also planned by camera manufacturers, media companies that create visual content to certify the source and origin of media content. Companies such as OpenAI, Adobe, Microsoft, PublicisGroupe, Leica, and Nikon have integrated this standard into their activities.

Such labeling will contain both metadata stored in the file that is invisible to the user’s eye, and a visible CR watermark that will appear in the upper-left corner of each image.

Images generated using neural networks such as ChatGPT and DALL·E have included C2PA metadata since February 2024. To check the “history” of an image, the user can use their Content Credentials Verify service [16]. However, this marking approach is applied only to

graphic forms of generative content. In addition, the user can remove the marking by taking a regular screenshot of the generated image, thereby creating a new file with “clean” metadata. A watermark can also be deleted when framing an image.

Moreover, Microsoft has developed Azure OpenAI Service, which adds invisible watermarks to all images generated using DALL·E [17]. Azure AI Speech service embeds watermarks for users to determine whether speech is synthesized using Azure AI Speech and which voice is used during generation [18].

Google has introduced a beta version of a tool for embedding digital watermarks directly into images, audio, text or video created using AI – SynthID [19]. This tool allows users to embed a digital watermark directly into digital products created by artificial intelligence. And subsequently, based on these watermarks, it is possible to verify content, but only if it was generated by Google’s AI tools.

There are services offering to embed watermarks for audio files to prevent the use of user data by artificial intelligence models, tracking them back to the source. The developers of systems for synthesizing and cloning sounding speech also offer their own technologies for creating watermarks. For instance, Assemble AI has developed a complex deep neural network watermark “PerTh” [20], which helps embed invisible data into the generated speech, creating an invisible watermark. According to the developers, this watermark is difficult to remove, but the verification option is available only for phonograms generated by Resemble AI.

The MyVocalAI neural network [21] offers various possibilities for synthesizing and cloning sounding speech and provides users with the ability to create watermarks for marking generative content. However, users with a paid subscription (starting with a standard subscription for about 1,000 rubles per month) get the technical ability to remove markings by creating phonograms with cloned voices not only by directly recording their voice, but also by downloading any phonograms of any speaker.

Due to the fact that a significant amount of generative content is distributed on social networks, it is reasonable to create services on various social platforms that would automatically recognize generative content and notify

users about it. Despite the technological complexity of this process, some corporations have sufficient resources to create such services.

For example, the Youtube video hosting service announces a new obligation for users to disclose information about whether the uploaded video is altered or synthesized [22]. In addition, the company states that their latest update will also automatically identify similar content and put these labels in the video description [22]. However, users mention that the mechanism for detecting generated content has not yet been debugged and is extremely unstable, there are cases when authentic content has been recognized as generated. The company also plans to adjust the algorithm for deleting generative content in the next few months if users determine that a custom face or voice is used to create it. However, cases of abuse of this right cannot be excluded. For example, public figures can apply for the removal of videos discrediting them, insisting on this content to be generated while it is authentic.

Meta announces plans about marking images, videos, and audio on their social networks (Facebook, Instagram and Threads) with the text “Made with AI”, if the developed algorithms themselves reveal signs of content generated using neural networks, or if the user notifies about it him/herself. If a photorealistic image is generated by their Meta AI neural network, it is already marked as “Imagined with AI” [23].

In June 2024, Meta introduced a AudioSeal technology for proactive detection of voice cloning with localized watermarking [24]. Along with the technology for creating watermarks, a tool for detecting watermark data was also introduced, which greatly simplifies the verification of a cloned voice. According to the developers, the applied watermarks are stable even in cases of various sound recording editing options. The watermark itself represents a certain signal in the generated phonogram, which is not distinguishable to the human ear. There is no information about the stability of marking in the situation of qualified installation of a phonogram in open print.

AudioSeal is a method of speech localized watermarking, it jointly trains a generator that embeds a watermark in the audio, and a detector that detects the watermarked fragments in longer audios.

Descript, a service for creating various types of content, also makes it possible to create AI speakers, having their 30-second consent to record. When saving a phonogram with a recording of a cloned voice, a user has a choice whether to save the file with metadata (which will contain information that the Descript service was used when creating the file) or without them.

In our opinion, an easy-to-implement mechanism for marking generative content, primarily for detecting it among authentic ones, is embedding information about the service used to generate it in the metadata of the file. The inclusion of an identification number of this generation can also become an additional authentication mechanism. But it is important to take into account the technological possibility of changing or deleting information in the metadata of generated objects, which significantly reduces the effectiveness of using such marking for the purpose of judicial establishment of circumstances.

Some mechanisms of legal regulation can be taken, for example, from blockchain technologies. For example, specialized resources [25] forecast technological solutions that, in our opinion, can be implemented in domestic legislation.

Despite obvious capacities of blockchain technologies in content marking, technological costs of implementing this process are high.

Technologically, watermarks are divided into two main types, namely “fragile” and “durable”. Fragile ones are easily destroyed when users manipulate the media. Durable ones are more resistant to manipulation, but such watermarks are more difficult to detect for an ordinary user who does not have special knowledge.

The video encoding technology can be used in immutable blockchains as a mechanism for verifying video authenticity (in the industry, such technologies are implemented by companies such as FactomAxiom).

Similar technologies can initially be implemented in procedural legislation, for example, for the formal evaluation of digital files by the court. In any case, such solutions seem to be real, applicable and in demand by law enforcement practice.

Thus, the existing methods of content marking represent a variety of technologies, each of

which has its own characteristics and areas of application. At the moment, there are the following main types of marking:

- watermarking;
- embedding service information in the file metadata;
- blockchain technologies;
- visual marking.

Each of these types has both advantages and limitations, and the choice of a specific marking method depends on the tasks and nature of the content itself.

Certain mechanisms for legal regulation of the distribution of generative content related to its mandatory marking have already been introduced in some countries. For example, Paragraph 133 of the Artificial Intelligence Act developed and approved by the European Parliament contains measures for marking generative content [26]:

- watermarks, metadata identification, cryptographic methods to confirm the origin and authenticity of content, record-keeping methods, fingerprints or other methods;
- such methods should be sufficiently reliable, compatible, and effective, as far as technically possible, taking into account available methods or a combination of them, such as watermarks, metadata identification, cryptographic methods for confirming the origin and authenticity of content, registration methods, fingerprints, etc.

Specific measures of legal regulation of the generative content turnover are developed in the People's Republic of China. The following provisions of the Regulation on the Administration of the Deep Information Synthesis Service on the Internet are applied at the level of inter-departmental interaction [27]:

- Article 7 provides for the responsibility of companies providing resources for content synthesis,
- Article 9 prescribes the use of mechanisms for identifying users of generative synthesis systems,
- Article 16 obliges to mark generative content. Such a measure not only reduces the criminogenic potential of generative content, but also creates conditions for establishing a single source of origin of distributed files.

The progressive experience of Chinese colleagues should be necessarily implemented

into domestic legislation. However, successful counteraction to crime associated with generative content requires development of framework international acts.

In the USA, the AI Disclosure Act of 2023 [28] requires generative artificial intelligence to disclose that their output has been generated by artificial intelligence.

However, it is important to note that anti-marking services already exist. For example, a popular open access service successfully removes watermarks from various images (<http://dewatermark.ai.ru>).

At the same time, a lack of international technological standards for marking generative content actually negates any legal regulation measures. Without joint coordinated efforts to create unified mechanisms for legal regulation of generative content marking, all of the above methods are not effective.

Experts of the High-Level Advisory Body on Artificial Intelligence of the United Nations proposed their international recommendations on the regulation of artificial intelligence and published "Governing AI for Humanity: Final Report" in September 2024 [29]. The report notes the danger of the spread of deepfakes and emphasizes the importance of developing common standards for authenticating content and its digital origin.

The importance of strengthening international cooperation in the use of artificial intelligence technologies as one of the main tasks of AI development in the Russian Federation is also mentioned in the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence [13].

Conclusion

Taking into account the considered structure of subjects, the mechanisms for legal regulation of generative content are reduced to the following:

- establishing the obligation of technology companies and users creating generative content to use watermarks to mark generative content;
- establishing liability for the refusal of marking or the removal of any type of marking;
- establishing liability for the misuse of biometric personal data to create a deepfake;
- taking into account public danger of acts committed using a deepfake as a means of committing an illegal act;

– development and procedural regulation of means to ensure the authenticity of digital evidence in court proceedings.

Summing up a certain intermediate result in considering the issue of developing legal regulation mechanisms and algorithms for marking generative content, it should be concluded that AI technologies for creating generative content have already become widespread both in various countries and legal systems, and have become part of many types of human activity. This is the reason for the actual

impossibility of establishing any effective legal prohibition on the creation of generative content.

Therefore, the creation of national legal norms is important, but will not ensure the information security of the state in the long term. Only international cooperation in the field of AI legal regulation and creation of uniform universal norms on mandatory marking of generative content will be an effective means in combating deepfakes and protecting society and the state from their harmful effects.

REFERENCES

1. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. The concept of deepfake in Russian law, classification of deepfake and issues of their legal regulation. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, 2023, no. 11, pp. 26–41. (In Russ.).
2. Finance worker pays out \$25 million after video call with deepfake chief financial officer. *CNN*. Available at: <https://edition.cnn.com/2024/02/04/asia/deepfake-cfo-scam-hong-kong-intl-hnk/index.html> (accessed September 20, 2024).
3. *Admitad otkazal vvyplate 600k, t.k skazal chto, ya dipfeik* [Admitad refused to pay 600k, because it said that I was a deepfake]. Available at: https://pikabu.ru/story/admitad_otkazal_v_vyplate_600k_tk_skazal_chno_ya_dipfeyk_11295845?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing (In Russ.). (Accessed September 20, 2024).
4. Deepfakes are coming for the financial sector. *The Wall Street Journal*. Available at: <https://www.wsj.com/articles/deepfakes-are-coming-for-the-financial-sector-0c72d1e5> (accessed September 20, 2024).
5. The government did not support a draft law on criminal liability for deepfakes. *Informatsionnoe agentstvo TASS* [TASS News Agency]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/17922853> (In Russ.). (Accessed September 24, 2024).
6. *O vnesenii izmenenii v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii : proekt federal'nogo zakona No. 718834-8 (vnesen 16.09.2024 senatorami Rossiiskoi Federatsii A.A. Klishasom, A.G. Sheikinym, N.S. Kuvshinovi, R.V. Smashnevym, deputatom Gosudarstvennoi Dumy D.V. Bessarabovym)* [On Introducing Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Draft Federal Law No. 718834-8 (introduced on September 16, 2024 by Senators of the Russian Federation A.A. Klishas, A.G. Sheikin, N.S. Kuvshinova, R.V. Smashnev, State Duma Deputy D.V. Bessarabov)]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8> (accessed September 24, 2024).
7. *O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: proekt federal'nogo zakona № 718538-8 (vnesen 16.09.2024 deputatom Gosudarstvennoi Dumy Ya.E. Nilovym, Senatorom Rossiiskoi Federatsii A.K. Pushkovym)* [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Draft Federal Law No. 718538-8 (introduced on September 16, 2024 by State Duma Deputy Ya.E. Nilov, Senator of the Russian Federation A.K. Pushkov)]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (accessed September 24, 2024).
8. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. The concept of a deepfake in Russian law, its classification of deepfakes and problems of legal regulation. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Dagestan State University*, 2023, vol. 48, no. 4 (68), pp. 173–181. (In Russ.).
9. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Threats and challenges in the era of generative artificial intelligence, taking into account the criminogenic potential of deepfakes. In: *Sankt-Peterburgskii mezhdunarodnyi kriminalisticheskii forum: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Saint Petersburg International Forensic Forum: proceedings of the international scientific and practical conference. Saint Petersburg, June 10–11, 2024]. Saint Petersburg, 2024. Pp. 62–65. (In Russ.).

10. *Ofitsial'nyi otzvyv ot 22 iyulya 2024 g. No DG-P4-23438 na proekt federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii", vnosimyi v Gosudarstvennyu Dumu deputatom Gosudarstvennoi Dumy Ya.E. Nilovym* [Official review No. DG-P4-23438 of July 22, 2024 on the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation", submitted to the State Duma by State Duma Deputy Ya.E. Nilov]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/> (accessed September 24, 2024).
11. Warning that "shallowfake" images are the "next big scam" to hit Britain: Fraudsters are mocking-up pictures of car damage to con insurers – with number of cases surging by 300 per cent in a year. *Mail Online*. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13373513/shallowflake-scam-warning-car-insurance.html> (accessed September 18, 2024).
12. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Deepfake as an object of forensic examination. In: *Natsional'nye i mezhdunarodnye tendentsii i perspektivy razvitiya sudebnoi ekspertizy: sb. dokladov nauch.-prakt. konf. s mezhd. uchastiem, g. Nizhnii Novgorod, 22–23 maya 2024 g.* [National and international trends and prospects for the development of forensic examination: collection of reports of the scientific and practical conference with international participation, Nizhny Novgorod, May 22–23, 2024]. Nizhny Novgorod, 2024. Pp. 42–50. (In Russ.).
13. *EDIC-mini – diktofony dlya vashei bezopasnosti* [EDIC-mini voice recorders for your safety]. Available at: <https://www.telesys.ru/Products/EM> (accessed September 16, 2024).
14. *Ethics*. Available at: <https://hourone.ai/ethics/> (accessed September 16, 2024).
15. Introducing official content credentials icon. Available at: <https://c2pa.org/post/contentcredentials/> (accessed September 16, 2024).
16. *Content credentials*. Available at: <https://contentcredentials.org/verify> (accessed September 16, 2024).
17. *Watermarks in preview in Azure OpenAI Service*. Available at: <https://techcommunity.microsoft.com/t5/ai-azure-ai-services-blog/watermarks-in-preview-in-azure-openai-service/ba-p/4253344> (accessed September 26, 2024).
18. Azure AI Speech. Available at: <https://azure.microsoft.com/en-us/products/ai-services/ai-speech?msocid=04b5abc717656a530541bfde16f56b4b> (accessed September 16, 2024).
19. *DeepMind*. Available at: <https://deepmind.google/technologies/synthid/> (accessed September 26, 2024).
20. *Resemble.ai*. Available at: <https://www.resemble.ai/watermarker/> (accessed September 20, 2024).
21. *Myvocal.ai*. Available at: <https://myvocal.ai/billing> (accessed September 20, 2024).
22. YouTube Blog – Official Blog for Latest YouTube News&Insights. Available at: <https://blog.youtube>. (accessed September 20, 2024).
23. *Cloud Level*. Available at: <https://about.fb.com/news/> (accessed September 20, 2024).
24. Roman R.S., Fernandez P., Défossez A., Furon T. et al. *Proactive detection of voice cloning with localized watermarking*. Available at: <https://arxiv.org/abs/2401.17264> (accessed September 20, 2024).
25. *Deep fake challenge*. Available at: <https://deepfakechallenge.com/> (accessed September 20, 2024).
26. *European Parliament legislative resolution of 13 March 2024 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union Legislative Acts (COM(2021)0206 – C9-0146/2021 – 2021/0106(COD))*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0138_EN.html (accessed September 6, 2024).
27. [Departmental rule "Regulation on the Administration of the Deep Information Synthesis Service on the Internet"]. Available at: https://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949318230.htm (accessed September 6, 2024).
28. *H.R.3831 – AI Disclosure Act of 2023*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/3831/text?s=1&r=1> (accessed September 6, 2024).
29. *Governing AI for humanity: final report*. Available at: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf (accessed September 30, 2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

NIKOLAI F. BODROV – Candidate of Sciences (Law), President of the Union of Criminalists and Criminologists, Moscow, Russia, associate professor at the Forensic Expertise Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, bodrovnf@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9005-3821>

ANTONINA K. LEBEDEVA – Candidate of Sciences (Law), Member of the Union of Criminalists and Criminologists, Moscow, Russia, associate professor at the Forensic Expertise Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, tonya109@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9344-2103>

Received October 10, 2024

Describing the Specifics of the Concept and Role of Legal Technique in the Development of Penitentiary Law at the Present Stage

VIKTORIYA V. KARPUNINA

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

Abstract

Introduction: modern conditions of the development of our state require new approaches to the concept and tools of legal technique. A broad approach to the concept of legal technique significantly increases the scope of its responsibility, going beyond the exclusively external processing of legal acts, ensuring internal consistency and social conditionality of the norms of law. In this regard, the implementation of instrumental capabilities of legal technique can have a positive impact on the development of new branches of law and, in particular, penitentiary law. *Methods:* principles of dialectical-materialistic cognition, requiring an objective and comprehensive study of the subject in the totality of its contradictory sides, as well as a set of general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and private legal (formal legal) methods. *Purpose:* to analyze applied possibilities of a broad approach to legal technique as a technique of legal regulation in the formation and development of new penitentiary law as a relatively independent branch of modern Russian law. *Conclusion:* the composition of legal technique as a technique of legal regulation directly includes normative and procedural technical and legal means (techniques), which help improve legislation and its social effectiveness. Improving social effectiveness of penal law is inseparable from the ideas and values of humanizing the execution of criminal penalties. Strengthening of this trend, combined with gradual expansion of the subject of penal law, create the necessary prerequisites for the formation of a relatively new branch of penitentiary law, the emergence of which is possible with the advent of either an updated version of the Penal Code or with the adoption of the Penitentiary Code. The article presents concrete proposals to improve both existing and new legal institutions, the emergence of which would make it possible to reasonably talk about penitentiary law.

Keywords: legal technique; legal regulation; branch of law; penitentiary law; legislation; norms of law.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Karpunina V.V. Describing the specifics of the concept and role of legal technique in the development of penitentiary law at the present stage. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 358–366. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.002.

Introduction

At the present stage of the development of legal science, there is a clear trend towards a broad understanding of legal technique. This approach is based on the idea of legal technique as a technique of legal regulation. It should be noted that back in the early 20th century, Western European legal scholars considered technique in close connection with law and legal regulation. Thus, G.I. Muromtsev focuses on the following approaches to this phenomenon: a view on the technique of the art of adapting abstract principles to legal life is reflected in the works of I. Kohler and J. Ripert; W. Stammler draws attention to the connection of technique with the intellectual side of lawmaking, development of scientific concepts and systematization of law; L. Duguit and R. Demogue perceive technic as an instrumental phenomenon, a set of tools and procedures that ensure achievement of legal goals [1, pp. 16–17].

Researchers also point to the inseparable nature of law, technique and regulation, while considering technique as a means of achieving certain goals, in particular establishment and maintenance of order in society [2, p. 7].

There is a certain return to the origins in the perception of legal technique. The initial approaches formulated at the beginning of the 20th century turn out to be very relevant in the 21st century. It seems that one of the important consequences of a broad understanding of legal technique is the desire to move away from the formal dogmatic perception of law, to consider it as a regulator that can and should adjust to the rhythm of public needs and interests. In other words, legal technique acts as a tool that ensures social conditionality and development of law, its improvement.

Legal technique as a means of forming penitentiary law

Formation of new branches of law is a rather complex process, largely determined by the objective laws of social development. In this regard, the branch of law is a sustainable entity that is less dependent on the discretion of the state and its officials than the content of any law.

Polar views on penitentiary law are expressed in legal science. Some scientists (A.M. Bobrov, N.A. Mel'nikova) consider it premature to assert the emergence of penitentiary law. Their

argument is based around the thesis of the absence of an independent subject and method of regulation, therefore, neither at present nor in the long term, there is no reason to single out penitentiary law as a new branch or sub-branch of law [3].

We partly agree with these authors. Nowadays, it would be a mistake to assert the existence of an independent subject and method of penitentiary law, qualitatively different from the subject and method of penal law. However, we believe that A.M. Bobrov and N.A. Mel'nikova are mistaken in excluding the very possibility of the emergence of penitentiary law as an independent branch. At least, this point of view is debatable due to the continuity of social and state development, therefore, it is impossible to exclude the gradual evolution of penal law into penitentiary law. In addition, the features of modern criminal and penal policy directly contain prerequisites that contribute to the formation of an appropriate regulatory complex. We will focus on the content of these features a little later.

It is worth mentioning that the term “penitentiary law” is gradually entering the circulation of legal science. Some scientists admit a direct analogy of penitentiary and penal law (R.B. Golovkin [4, p. 25], V.A. Utkin [5, p. 70]). Other researchers note that it is currently acceptable to talk about the existence of a complex phenomenon. Thus, S.M. Oganessian believes that penitentiary law should be considered as a complex branch of law [6], while R.A. Romashov – as an intersectoral normative community [7].

The broad approach is based on the idea of comprehensive regulation, according to which the subject of penitentiary law includes elements of other sectoral entities. For example, R.A. Romashov argues that penitentiary relations have a common object – *penitentiary environment*. It is precisely this feature that makes it possible to talk about penitentiary law as an intersectoral normative community that unites both specialized legal acts and acts indirectly related to penitentiary communications [8, p. 242]. That is why “the normative community of penitentiary law, along with the norms and institutions of penal law, includes the norms of criminal, criminal procedure, constitutional, administrative, civil, labor law and other branches” [9, p. 215].

In our opinion, the position of R.A. Romashov is only partially true. The phenomenon of intersectoral normative community is rather debatable. There is no clarity on the status, features and place of this community in the system of Russian law. It is unclear whether it should be considered as an intersectoral institution or a complex branch of law. The latter concept has been subjected to reasonable criticism in Russian legal science and has not been widely used, unlike the concept of "complex institution".

Complex institutions are quite common in Russian law, the simplest of them is the institution of property. In this regard, let us make an assumption clarifying the idea of penitentiary law as an intersectoral normative community. Penitentiary law includes penal law, as well as a number of complex institutions consisting of norms of various branches of law. Thus, it is necessary to talk about gradual expansion of the subject of penal law, quantitative changes at a certain stage can lead to the emergence of penitentiary law.

Nowadays, penitentiary legal relations and emerging penitentiary law are characterized by their complexity, as R.A. Romashov rightly writes. In this regard, we would like to note that penitentiary legal relations can serve as a law-forming factor for the development of criminal law and emergence of certain compositions. For example, in accordance with Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation, convicts' actions to harm the life and health of other convicts committed in order to prevent their correction are criminally punishable. In other words, correction and educational work as the most important guidelines of the penal legislation are provided by measures of a criminal legal nature. The establishment of liability is a direct consequence of the fact that opposition to the educational process has a serious disorganizing effect on activities of penitentiary institutions.

It seems that the complex nature of the subject of emerging penitentiary law has a corresponding impact on the method of regulation. As is known, the method of regulation is understood as a set of techniques and methods of influencing public relations, while the method of regulation is considered an additional criterion for the formation of the relevant branch.

Current penal law, and, accordingly, penitentiary law as its possible successor, regulates not only the process of serving a criminal sentence, but also a number of other relations (in particular, labor and educational relations). Unlike the dispositive method used in labor law, current penal legislation is based on imperative principles, since it contains a prohibition to stop work to resolve labor conflicts, while refusal to work or termination of work is a malicious violation (articles 103 and 116 of the Penal Code of the Russian Federation). A similar approach can be found in the analysis of the method of legal regulation. In particular, Article 108 of the Penal Code of the Russian Federation establishes the obligation of vocational training or secondary vocational education for convicts who do not have professional skills for work in a correctional institution.

Thus, the method of regulating labor and educational relations differs significantly from the method of labor and educational law. The given example justifies the position of R.A. Romashov, who emphasizes the complex nature of penitentiary legal relations.

The use of specific technical and legal tools makes it possible to ensure specifics in the content of the subject and method of legal regulation. First of all, this specifics manifests itself in the nature of legal structures and legal regulations.

In our opinion, the complex nature of public relations regulated by current penal law contains a prerequisite for further development and expansion of the subject of penal law. This trend is stable and in the foreseeable future may contribute to the emergence of penitentiary law as a full-fledged branch of Russian law. Legal technique plays an important role in this process.

At the present stage, humanistic principles prevail in the practice of execution of criminal penalties. The role of legal technique is to review certain provisions of current penal legislation in terms of increasing guarantees of the rights and legitimate interests of convicts. It should be noted that the current Concept for the Development of the Penal System up to 2030 stipulates improvement of the effectiveness of ensuring the rights of persons in custody and serving sentences. At the same time, it establishes specific measures to improve the

situation of these persons, such as increasing a number of visits, parcels, telephone conversations; realizing the right of suspected, accused and convicted persons to send and receive e-mails, electronic appeal to human rights commissioners; creating an accessible environment for the disabled; enhancing standards of clothing, food, and living space.

The implementation of these steps shows humanistic orientation of the penitentiary policy. In this regard, we back the statement of R.A. Romashov that punishment should be perceived not as punishment, which demonstrates the power and ruthlessness of the state against a small person, but as punishment that promotes awareness of guilt for the crime committed and active repentance. In other words, penitentiary law is not just a terminological “reinvention” of the name of penal law familiar to us, but ideological changes related to the perception, creation and implementation of technical and legal tools for legal regulation of penitentiary relations. At the same time, the changes should cover legal norms and the attitude towards them and their addressees.

Thus, large-scale changes in penitentiary legislation are impossible without the meaningful use of legal technique. It is worth mentioning that the role of technique should not be limited only to registration of the state will. The functional purpose of legal technique is to optimize and improve legislation.

Elimination of various kinds of defects is an important purpose of legal technique. For example, Yu.P. Kolesnikova points out the existence of drawbacks associated with the determination of the status of subjects, incorrect identification of the object, establishing the grounds for legally significant consequences, as well as inconsistency of the fixed consequences [10, pp. 45–48].

Besides, it is necessary not only to eliminate existing drawbacks, but also to develop existing institutions, and in some cases to form new ones. O.V. Demidov draws attention to the need to use legal techniques to clarify the content of penal legislation norms [11, pp. 30–31].

It is worth noting that a broad approach to the legal technique concept is associated with the perception of it as a means of implementing legal logic. The concept of the latter does not have an unambiguous interpretation. We

agree with the position of V.K. Babaev [12, p. 20], who includes formal and dialectical logic in the general concept of the logic of law, thereby objective state-legal patterns are at the heart of legal logic. A detailed analysis of these patterns is associated with characterization of the substantive rules of legal technique; however, due to the volume of the article and the nature of the subject matter, the analysis of these patterns in the context of the interaction of the logic of law and legal technique seems superfluous.

Consideration of legal technique as a technique of legal regulation actualizes the issue of its composition. In other words, it is necessary to analyze technical and legal tools with which the improvement and development of penitentiary law is carried out.

Technical and legal tools for improving penitentiary law

According to M.L. Davydova, the composition of legal technique should include technical and legal means (techniques) and rules. Of interest is the idea of including normative (legal prescriptions) and doctrinal (concepts, definitions, classifications) [2, p. 26], substantive (aimed at choosing a regulatory option, its correct consolidation and implementation) and procedural elements (various procedures of legal activity that can significantly improve its quality) [2, p. 28].

It seems to be extremely problematic to carry out an exhaustive review of the technical and legal tools. In this regard, the focus will be on only a few of them.

The concept of “conscientiousness in serving a criminal sentence” is among the relatively new technical and legal means, the use of which is necessary for further development of penitentiary law. Current penal legislation does not contain this concept. At the same time, individual institutions are closely linked to it. In particular, we are talking about malicious evasion from serving a sentence. This concept is used in relation to compulsory labor (Article 30 of the Penal Code of the Russian Federation), a fine (Article 32 of the Penal Code of the Russian Federation), correctional labor (Article 46 of the Penal Code of the Russian Federation), restriction of freedom (Article 58 of the Penal Code of the Russian Federation); however, for unknown reasons, it is absent in relation to deprivation of liberty.

It seems that the execution of punishment is connected with the convict's active performance of certain duties arising from the nature of criminal punishment. With regard to deprivation of liberty, the physical presence of a person within the institution cannot yet indicate the serving of a sentence in the sense of conscientious fulfillment of the duties assigned to him/her.

Unfortunately, at present, systematic commission of violations, including malicious violations of the established regime, cannot be qualified as malicious evasion from serving imprisonment. In fact, we can talk about consolidating a purely formal approach to the process of serving a criminal sentence. At the same time, the formation of penitentiary law should also be based on a balanced system of the duties conscientiously performed.

The concept of "conscientiousness of serving a criminal sentence" in legislation could be of the following wording: "convicts serve a sentence conscientiously". The period of evasion from fulfilling the duties established by the relevant criminal punishment cannot be included in the term of the criminal punishment served". It should be noted that specific signs indicating evasion from serving imprisonment require separate consideration. In our opinion, it is necessary to conduct separate studies aimed at identifying specific types and forms of evasion from serving a sentence. It can be assumed that these forms are associated with the systematic commission of malicious violations of the established regime of serving a sentence. However, the question whether a malicious violator is evading serving his/her sentence remains open and requires a separate analysis. At the same time, the legislative consolidation of this concept will help develop a unified approach to the organization of the execution of criminal penalties.

In addition, the presumption of conscientiousness could clarify the question of the conditionality or unconditionality of commutation. According to M.R. Balasanov, a conditional nature of the application of commutation is an effective way to eliminate the unjustifiably preferential position of persons who maliciously evade serving a substitute punishment [13, p. 192]. In other words, if a convicted person does not fulfill the assigned duties conscientiously

when serving a milder sentence than imprisonment, then there should be a mechanism for returning the original criminal punishment.

Prejudice is among the noteworthy technical and legal means of developing penitentiary law. D.S. Dalanov rightly points out the need for legislative consolidation of penitentiary prejudice [14, p. 33].

A striking example of normative technical and legal means are statutory concepts that not only organize and systematize legal regulation, but also act as a legal prescription themselves. For example, an important construction is the recognition of a convicted person as a malicious violator of the established regime of serving a sentence. Currently, the grounds and procedure for recognizing a convicted person as a malicious violator are regulated by Article 116 of the Penal Code of the Russian Federation. We would like to draw attention to two technical and legal disadvantages of the existing legal framework. First, the fact of recognition is directly dependent on the type of punishment and not on the personality of the convicted person and the nature of the violation committed by him/her. Second, the legal framework does not provide for a mechanism for removing the status of a malicious violator.

We believe that this gap should be eliminated. It should be borne in mind that recognizing a convicted person as a malicious violator is not a punishment measure, but it can lead to certain negative consequences for the convicted person in the form of changes in conditions of detention, transfer to prison, and establishment of administrative supervision after release. In this regard, we believe that convicts should be recognized as malicious violators exclusively for their commission of the most dangerous violations of the regime. In addition, in the absence of violations of the established regime during the year, the status of a malicious violator should be removed from the convicted person. This measure will increase convicts' motivation to correct and abandon violations of the regime of serving their sentences.

A relatively independent direction of improving penitentiary law is the development of its procedural nature. Let us draw attention to the fact that penal law occupies an intermediate position between norms of procedural and substantive law. On the one hand, penal law con-

tains norms that fix the procedure for serving a sentence, on the other hand, the procedural side is not sufficiently expressed, there are no clear stages that would be separated from one another. Legal procedures of penal law, having no procedural nature, actually turn out to be substantive. However, a full-fledged characterization of penal law as a branch of substantive law is also problematic, since it (at least at present) is derived from the branch of criminal law and is intended to logically complete the mechanism of protective legal relations.

The current model of the Penal Code of the Russian Federation mainly tends to the model of the substantive law code, since it does not contain separate procedural elements. In this regard, the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 of July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-Trial Detention Facilities of the Penal System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal System" (hereinafter – the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110) is noteworthy. The specified by-law actually defines numerous procedures for the execution of criminal punishment related to the receipt of parcels by convicts, the exercise of the right to a date, going to work, eating, purchasing food, providing additional paid services, conducting searches, seizure of prohibited items, as well as a number of other issues. Moreover, in addition to the procedural rules themselves, the order also contains material norms concerning the legal status of convicts, in particular lists their basic rights and obligations.

It seems that the subject of regulation of this order goes beyond the subordinate level, in terms of its role and significance, this act may well be characterized as "law in the material sense of the word". In this regard, it is worth paying attention to the content of Article 2 of the Penal Code of the Russian Federation, which in Part One establishes that penal legislation consists of the code and other federal laws, and in Part Two contains a list of individual legal procedures related to the subject of penal legislation (the procedure and conditions for the execution and serving of sentences, the use of means of correction of convicts; the procedure for activities of institutions and bodies executing punish-

ments; the procedure for release from punishment; the procedure for providing assistance to released persons).

Thus, formally, in accordance with Article 2 of the Penal Code of the Russian Federation, the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 cannot be included in penal legislation, although in fact the role and significance of this act are comparable to the Penal Code of the Russian Federation itself. The way out of the existing formal contradictions may be the inclusion of procedural norms in the Penal Code of the Russian Federation. Undoubtedly, this will lead to an increase in the volume of the code, but it will ensure greater stability of regulation, as well as change in the practice of the predominance of the role of subordinate regulation. The issue of attributing individual procedures to the level of legislative, rather than by-law regulation, should be the subject of separate consideration.

We consider it possible to talk about the gradual evolution of penal law as a related substantive procedural branch towards a full-fledged procedural branch of law due to the emergence of clear, formalized and separated legal stages. Nowadays, there are certain prerequisites for this. At least, we can talk about two major stages: 1) serving a sentence; 2) monitoring a person who has served a criminal sentence.

If everything is clear about the first stage, then objections may arise regarding the second: the person has served his sentence, which means that penitentiary law "loses contact with this person". However, this seems to be incorrect. First, it is necessary to point out the currently operating institution of administrative supervision as a preventive measure due both to the degree of public danger of a person who has previously committed a crime and the nature of penitentiary legal relations (in particular, we are talking about recognizing a convicted person as a malicious violator, which indicates significant or numerous violations of the regime). Second, the Law on Probation provides for assistance to certain categories of convicts.

We consider V.N. Chernyi's statement to be fair that the subject of penal legislation should not be limited to regulating the means of correcting convicts as the purpose of criminal punishment. This branch of legislation should become a resocialization branch, "to include

the regulation of those relations that arise in a convicted person as a subject who has served his/her sentence, but retains a restrictive legal status during his/her criminal record" [15, p. 28]. In other words, penitentiary law as "resocialization law", as interpreted by V.N. Chernyi, it should maintain its influence on individuals until the moment of repayment of the criminal record. V.E. Yuzhanin agrees with the researcher's position, noting that the expansion of the subject of penal law is possible only within the time limits of a criminal record [16, p. 36]. A.Ya. Grishko also adheres to the trend of expanding the subject of penal law and believes that relations related to administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty also relate to the subject of penal law [17, p. 89].

We believe that the currently operating institution of administrative supervision can be supplemented by the institution of administrative monitoring, which provides an opportunity for the state to obtain information about a person (at least about the place of residence and work) who has served a criminal sentence until the conviction is removed from his/her criminal record.

The attention to persons who have served a criminal sentence is conditioned by the following statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. So, in 2023, 99,891 people committed crimes with various types of recidivism; 13,894 people were released early and committed crimes; 111,161 people committed a crime without serving a criminal sentence; 216,521 people had unexpunged or outstanding convictions at the time of the judicial review of the case [18]. These figures clearly illustrate that after a person is released from a correctional institution, penitentiary legal relations should not be terminated.

We would also like to draw attention to the fact that in some cases there is a kind of substitution of technical and legal means. For instance, A.L. Santashov and co-authors make an interesting assumption about changes in legal technique in connection with the implementation of humanistic ideas. Thus, the axiom of public danger of a person is replaced by a specific presumption in connection with the exclusion of juvenile correctional facilities of enhanced re-

gime for juvenile convicts who have previously served imprisonment [19, pp. 108–109].

In conclusion, we would like to note that technical and legal tools can also be used to increase the level of social conditionality of norms. The Russian economy needs an influx of workers, that is why forced labor is one of the means to solve this problem. In particular, V.I. Seliverstov points out that in correctional centers, according to the results of the same census, 97.6% are provided with labor [20, p. 44]. At the same time, there is a negative trend associated with the imposition of this type of punishment. In fact, the proportion of those sentenced to forced labor by court verdict remains almost unchanged [20, p. 45]. In accordance with the statistical data of the Judicial Department, in 2023, forced labor was imposed to 15,342 people [21].

V.I. Seliverstov draws attention to the fact that the main obstacle to the appointment of forced labor is an "exotic" procedure for the appointment of forced labor provided for in the Criminal Code of the Russian Federation. It requires additional reasoning from the court [20, p. 46].

It seems that the current restriction on the discretion of judges regarding the appointment of forced labor is excessive and illogical. The clause on the alternative of forced labor to imprisonment contained in Part 1 of Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation seems excessive, and we also consider it unjustified to establish the procedure for assigning forced labor contained in Part 2 of Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. We believe that only the possibility of imposing additional punishment is subject to justification. If the punishment is one of the main ones, then the requirement to justify it is excessive and should be excluded. In this regard, it is necessary to invalidate parts 1, 2 of Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The removal of unnecessary restrictions will provide courts with more opportunities to assign forced labor.

Conclusion

In the framework of this article, an attempt is made to show how important it is to interpret legal technique as a technique of legal regulation. It is unacceptable to reduce the role of legal technique only to external attributes of legal acts, ensuring their "external beauty". Legal technique is connected with internal deep pro-

cesses of regulation in general and reflects the patterns and logic of legal regulation.

In this context, legal technique is designed to ensure social and legal effectiveness of legislation, as well as its corresponding change and development, the natural result of which may be the emergence of a relatively new branch of penitentiary law.

The formation of penitentiary law as an independent branch is closely dependent on the use of legal technique in terms of both improving existing and forming new legal institutions. In this regard, special attention should be paid not only to formal, but also to substantive, procedural, doctrinal and normative technical and legal instruments.

REFERENCES

1. Muromtsev G.I. Legal technique (some theoretical aspects). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Law Studies*, 2000, no. 1, pp. 9–20. (In Russ.).
2. *Teoriya i metateoriya yuridicheskoi tekhniki: ot pravosoznaniya k pravoporyadku: monogr.* [Theory and metatheory of legal technique: from legal awareness to law and order: monograph]. Ed. by Averin A.V., Davydova M.L. Vladimir, 2022. 242 p.
3. Bobrov A.M., Mel'nikova N.A. Is there any reason to single out penitentiary law in the system of Russian law? *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2, pp. 118–126. (In Russ.).
4. Golovkin R.B. Penitentiary law: some aspects of the theory and practice of its operation. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika = Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 1(1), pp. 25–32. (In Russ.).
5. Utkin V.A. Domestic science of penal enforcement law: an essay on history. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2017, no. 9, pp. 69–77. (In Russ.).
6. Oganesyans S.M. *Penitentsiarnaya sistema gosudarstva: istoriko-teoreticheskii i pravovoi analiz: dis. ... d-ra yurid. nauk* [penitentiary system of the state: historical, theoretical and legal analysis: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 2005. 554 p.
7. Romashov R.A. Penal and penitentiary law: the theoretical aspects of understanding and relationship. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 3, pp. 69–73. (In Russ.).
8. Romashov R.A. Penitentiary law: phenomenology and consistency. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, no. 3, pp. 234–244. (In Russ.).
9. Romashov R.A. Incentive sanctions in the norms of penitentiary law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Law Studies*, 2014, no. 4, pp. 213–224. (In Russ.).
10. Kolesnikova Yu.P. Certain legal and technical defects of criminal, criminal procedure and criminal executive legislation affecting the activities of institutions and bodies executing criminal penalties. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2019, no. 4, pp. 42–49. (In Russ.).
11. Demidova O.V. Criminal Executive Code of the Russian Federation: problems of formalization of legal norms. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2022, no. 3, pp. 25–34. (In Russ.).
12. Babaev V.K. *Sovetskoe pravo kak logicheskaya sistema: ucheb. posobie* [Soviet law as a logical system: study guide]. Moscow, 1978. 211 p.
13. Balasanov M.R. Conditional nature of the application of the substitution of the unserved part of punishment with a milder penalty as a way to improve this criminal law institution. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2, pp. 186–195. (In Russ.).
14. Dalanov D.S. On the question of the concept of penitentiary prejudice. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2011, no. 2, pp. 30–34. (In Russ.).
15. Chornyi V.N. Trends in the development of penal enforcement law in modern conditions. In: *Ot ispravitel'no-trudovogo prava k ugovolno-ispolnitel'noi otrasli: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. seminara* [From correctional labor law to the penal branch: materials of international scientific practice workshop]. Ryazan, 2006. Pp. 25–29. (In Russ.).
16. Yuzhanin V.E. Correlation of goals and tasks of criminal law, punishment and its execution. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 30–38. (In Russ.).

17. Grishko A.Ya. Penal law of the future: directions of reforming. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 4, pp. 88–93. (In Russ.).

18. *Otchet o kharakteristike prestupleniya, ego retsidiva i povtornosti po chislu osuzhdennykh po vsem sostavam prestuplenii Ugolovnogo kodeksa RF za 12 mesyatsev 2023 goda* [Report on the characteristics of the crime, its recidivism and recurrence by the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation for 12 months of 2023]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (accessed April 21, 2024).

19. Santashov A.L., Gerasimova E.V., Lastochkin A.N. On the means of legislative technique in criminal and penal enforcement law (static and dynamic aspects). *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, 2023, no. 9, pp. 104–110. (In Russ.).

20. Seliverstov V.I. Forced labor: prospects, limits and risks of development. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 43–50. (In Russ.).

21. *Otchet o chisle privilechennykh k ugolovnoi otvetstvennosti i vidakh ugolovnogo nakazaniya za 12 mesyatsev 2023 goda* [Report on the number of persons brought to criminal liability and types of criminal punishment for 12 months of 2023]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (accessed April 21, 2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VIKTORIYA V. KARPUNINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil Law and Process of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia, vikavi5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5201-7395>

Received April 25, 2024

Original article

UDC 343.2/7

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.003

Differentiation of Liability and Legislative Technique as Key Areas of Scientific Research of the Yaroslavl Criminal Law School (Case Study of Dissertation Research by Representatives of the Northwestern Region)

VALERII F. LAPSHIN Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>**VASILII N. NEKRASOV**Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

Abstract

Introduction: the article reveals the versatility and uniqueness of doctrinal scientific directions, such as differentiation of criminal liability and legislative technique in criminal law, through the prism of results of dissertation research prepared by representatives of educational organizations of the Northwestern region under the leadership of L.L. Kruglikov. *Purpose:* by considering works of L.L. Kruglikov's students, to describe a phenomenon of the Yaroslavl criminal law school of the XX-XXI century – the “Kruglikov School”. *Methods:* the study is based on legal, analytical, historical and comparative methods, as well as the method of deconstruction. *Results:* the analysis shows that the dissertation research prepared by representatives of universities in the Northwestern region covers a fairly wide range of problems of criminal law. At the same time, all the works mentioned in the article were carried out within the theory of differentiation of liability and the rules of legislative technique and became a contribution to the formation and development of the Yaroslavl criminal law school. *Conclusion:* the research of representatives of the school in its entirety made a significant contribution to the development of problems of sectoral and intersectoral differentiation of liability, as well as legislative techniques of domestic and foreign criminal law. The analysis of dissertation research conducted under the guidance of L.L. Kruglikov shows that the doctrinal direction of differentiation of liability and legislative technique chosen by him turned out to be universal for the entire theory of criminal law.

Key words: criminal law; differentiation of criminal liability; legislative technique; Yaroslavl criminal law school.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Lapshin V.F., Nekrasov V.N. Differentiation of liability and legislative technique as key areas of scientific research of the Yaroslavl criminal law school (case study of dissertation research by representatives of the Northwestern region). *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 367–375. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.003.

Introduction

On January 11, 2025, the outstanding Russian legal scientist Lev L. Kruglikov celebrates his 85th birthday. Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation – this is a far from complete list of official assessments of the scientific achievements that Lev Kruglikov currently has.

The Yaroslavl law school unites several generations of legal scholars who conducted their research at the P.G. Demidov Yaroslavl State University and (or) prepared their dissertation research under the guidance of professors of this university. This school is known for bright names of many researchers representing various branches of legal science. The name of L.L. Kruglikov deservedly occupies a special place among them, since he created a unique scientific criminal law school that combines problems of sectoral and intersectoral differentiation of liability, as well as legislative techniques of domestic and foreign criminal law.

The scientific foundation of the criminal law school created by Lev Kruglikov was formed by the results of his doctoral dissertation “Legal means of ensuring the fairness of punishment in the process of its individualization” [1]. This work received mixed reviews in the scientific community and generated a lot of controversy and discussion. Some scientists at that time generally denied the scientific significance of circumstances mitigating and aggravating punishment, believing that they perform a purely “technical” function for a minor quantitative adjustment of the size or duration of the chosen type of punishment. But, despite the above-mentioned negative sentiments that took place in the scientific community, Lev Kruglikov successfully defended his doctoral dissertation in 1986. Searching for answers to questions about legal categories that significantly change public danger of a committed crime and (or) the identity of the offender, as well as studying the importance of general principles of legal technology and their implementation in criminal law, Lev Kruglikov laid a basis for a new scientific direction – legislative technique and differentiation of liability in criminal law.

Nowadays, the works of the Yaroslavl criminal law school are the basis of the theory of differentiation of liability and legislative techniques in criminal law. No modern research in this field

can do without analyzing and taking into account the position of L.L. Kruglikov, contained both in his numerous scientific works and in the works of his students who prepared and defended candidate and doctoral dissertation research.

The Yaroslavl criminal law school unites several dozen researchers who took a postgraduate course at the Department of Criminal Law and Procedure (later – Criminal Law and Criminology) of the P.G. Demidov Yaroslavl State University. Many of them live and work in Yaroslavl. A considerable part of the scientific school of L.L. Kruglikov is formed by representatives of the Northwestern Federal District, who began their scientific career at the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Vologda State Pedagogical University, Northwestern Branch of the Kutafin Moscow State Law University, etc.

We can hardly present a complete review of all dissertations prepared under the scientific supervision of Lev Kruglikov due to the significant amount of scientific material. However, even a brief analysis of the research results of the Yaroslavl criminal law school, which were achieved by scientists of the Northwestern Federal District shows a full versatility and breadth of the scientific direction proposed by L.L. Kruglikov, as well as his unique talent as a scientist and teacher.

General Part

Dissertation studies prepared by representatives of universities of the Northwestern Federal District on the differentiation of criminal liability and legislative techniques for the formulation of criminal law prescriptions cover a fairly wide range of problems in criminal law. The effectiveness and high theoretical and practical significance of the research was confirmed by the decisions of the dissertation councils at the country’s leading universities, such as Kazan (Volga Region) Federal University, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Saratov State Law Academy, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, and Kuban State Agrarian University.

A number of L.L. Kruglikov’s students in their research addressed certain problems of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Thus, one of the first such

studies was the work of S.A. Manoilova "Emotions in criminal law". In her dissertation, she considers emotions as a legally significant feature that affects the choice and establishment of criminal liability. According to the author, the criminal legal significance of emotions should be made dependent not on their objective (to be established) manifestation, but on their influence on the mental (subjective) content of the criminal act (otherwise, on the degree of their severity, nature and intensity of their impact on conscious control of the individual). The paper examines in detail the influence of emotions on the qualification of crimes, criminal liability and punishment [2, pp. 12, 19–22].

V.N. Nekrasov continued the study of problematic aspects of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of unfinished criminal activity. In his work, he developed the concept of constructing norms on an unfinished crime using techniques and means of legislative technique and through the prism of differentiation of liability. The author proposes an original scientific concept, according to which the types of unfinished crime include not only preparation for a crime and attempted crime, but also voluntary refusal to complete the crime. Separate proposals for improving criminal legislation are formulated in the analysis of intersectoral differentiation of liability for unfinished criminal activity [3, pp. 8–9].

The dissertation of S.V. Shilovskii is devoted to the study of the method of committing a crime as an element of a criminally punishable act and a differentiating means. In the work, the author addresses a complex problem of the accuracy and uniformity of the description of objective elements of a criminal act in criminal law. Moreover, criminal law properties of the method of committing a crime are studied through the prism of the optimality of differentiation of criminal liability and legislative technique. Based on the noted circumstances, the author develops a conceptual idea of the method of committing a crime as an element of a criminally punishable act and a differentiating means (4, pp. 7–9).

Quite a large number of graduate students have identified the topics of their research in the field of the theory of punishment and other measures of criminal legal impact.

V.F. Shiryayev was one of the first researchers of the Northwestern region who defended

their candidate dissertation under the supervision of L.L. Kruglikov. In his work on punishment as one of the elements of criminal legal impact, he argues that criminal legal impact on a criminal is provided by a set of measures that differentiate criminal liability depending on the severity of the crime committed, typical personality traits of the perpetrator and other circumstances of legal importance. Analyzing the practice of implementing criminal liability, the author gives a critical assessment of the goals of punishment stated in the criminal law. In his opinion, the criminal legal impact should include not only retribution for the perpetrator, but also compensation for the victim of harm/damage caused as a result of the commission of a crime. V.F. Shiryayev proposes key legal characteristics of probation as a measure of effective criminal legal impact, which is implemented through individually selected programs of intensive educational, labor and other impact, without assuming isolation of the convict from society [5, pp. 7–10].

S.P. Donets continued to study the nature of mitigating and aggravating circumstances. He established key legally significant elements that are inherent in each of the circumstances listed in Articles 61 and 63 of the Criminal Code of the Russian Federation. This feature determines the possibility of a unified assessment of any factual circumstance that could claim to be mitigating or aggravating punishment in the process of individualization of criminal liability. On the same basis, the author attempted to prove the inexpediency of using a closed list technique in relation to the institution of aggravating circumstances. Such a restriction, in his opinion, deprives the court of the opportunity to objectively assess public danger of the criminal's personality and, accordingly, to make a decision that does not contradict the principle of justice. These and some other conclusions formed the basis for proposals to amend and supplement criminal law norms on general and special rules for sentencing [6, pp. 4–6].

A.L. Santashov became the only researcher who applied key provisions of the theory of differentiation of liability and legislative technique to the provisions of penal legislation. He successfully carried out the search and subsequent systematization of means of differentiation of liability, used not in the selection, but in

the process of executing an already imposed punishment in the form of imprisonment. At the same time, the subject of the study was reduced to limits of the application of this punishment in relation to juvenile convicts. As a result, the author identified a set of circumstances differentiating the execution of deprivation of liberty, characterizing the criminal legal status of a convicted person (minor), the regime of a penitentiary institution, conditions of serving a sentence, etc. [7, pp. 4–6].

The correlation of differentiation of liability implemented in the domestic criminal law and the criminal laws of individual states of Western Europe became the subject of O.N. Chuprova's dissertation research. A deep comparative analysis of criminal laws of some European states made it possible to classify the differentiation of liability according to several types of grounds, such as liability realization stage, number of crimes committed, and moment of the end of criminal activity. Each element of the proposed classification was studied in detail for the presence of its characteristic means of differentiating criminal liability. The author came to a conclusion about their impact on the decision to choose a liability measure, as well as about features and preference of techniques for technical and legal registration of the identified means differentiating criminal liability [8, pp. 7–9].

An attempt to consider criminal liability through the prism of a socio-legal conflict was made by E.V. Popadenko, although the subject of her scientific search was alternative preventive means used in domestic and foreign legislation. She drew attention to the fact that alternative punitive measures of criminal legal impact have significant preventive potential, and therefore are quite often used by law enforcement in foreign countries. In order to ensure a balance of interests of the individual (criminal), victim, society and state, the author proved the need to expand the practice of applying various types of exemption from criminal liability and punishment, which are also considered as separate types of differentiation of criminal liability – the starting point of their implementation [9, pp. 6–8].

The measures provided for by the criminal law applied to a convicted person evading punishment were studied by E.A. Timofeeva from

the position of differentiation of liability and legislative technique. "Evasion" and "malicious evasion" from serving a sentence have rather significant socio-negative potential. The latter, under certain conditions, may require the independent establishment of criminal liability. The author is inclined to consider evasion from serving a sentence as one of the means of intersectoral differentiation of both criminal and administrative liability. In this regard, the forms of liability for evading each type of punishment provided for by criminal law were proposed and the need for differentiation of criminal liability by types of compositions of relevant crimes against justice was proved [10, pp. 8–12].

Finally, O.L. Stroganova studied general principles and special rules for the imposition of criminal punishment and presented a comprehensive justification for a number of legally significant elements, the establishment of which in the process of choosing the type and size (term) of punishment significantly affects the determination of the final liability measure for the convicted person. The application of special rules for sentencing in the presence of certain means of differentiating criminal liability provided for by norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation should be based on median values of the most severe punishment, but not on its upper or lower limits.

The legal uncertainty of certain provisions of the institution of punishment naturally causes difficulties in the process of law enforcement. To ensure a uniform understanding of the essence of individual circumstances mitigating and aggravating punishment, the author indicated the need to correct the content of some special rules governing the imposition of punishment [11, pp. 8–17].

Special Part

Some of L.L. Kruglikov's students realized their scientific interests by studying individual institutions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Thus, V.F. Lapshin considered issues of differentiation of liability and legislative technique in relation to a separate group of economic crimes. At the time of defending his candidate dissertation, he attempted to substantiate the need to identify specific types of objects of criminal law protection, the totality of which forms the generic object of Chapter 22 of the Criminal Code "Crimes

in the field of economic activity". This made it possible to build a multi-level classification of these criminally punishable assaults, one of the elements of which were crimes in the field of financial resource allocation. Here, separate solutions were proposed for the formation of dispositions and sanctions of "financial" norms of criminal and administrative legislation [12, pp. 7–10].

E.V. Krasil'nikova devoted her work to the specifics of the criminal law protection of freedom of professional activity of journalists. The subject of her research was limited to the content of the disposition and sanction of Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation considered through the prism of differentiation of criminal liability and rules of technique for constructing norms of criminal law. She studied various means of legislative technique: legal language, legal constructions, presumptions, legal axioms, fictions and legal symbols from the standpoint of legal and linguistic science. Special attention was paid to the component of the legal language – legal idioms used as universal language models. A detailed analysis of the essence of public relations (an object of criminal law protection) arising in the course of professional activity of journalists predetermined a number of scientifically sound decisions on the establishment and implementation of intersectoral differentiation of legal liability for socially dangerous encroachments in this area. Based on the results of the study, proposals for amendments and additions to the Criminal and Administrative codes of the Russian regarding the specifics of protecting the rights of a journalist were formulated [13, pp. 6-9].

A successful attempt to combine theories of differentiation of criminal liability, legislative techniques and criminological theory of victimization was made by L.A. Kolpakova. Proposals to adjust the content of articles 150, 151 and 156 of the Criminal Code of the Russian Federation were developed on the basis of the study of the social, legal and criminological content of the family, conflict in the field of family relations and the victim – victim of family violence in its various variations, such as criminal, physical, mental. A comprehensive assessment of public danger of acts directed against the interests of the family made it possible to justify the need to include provisions on the means of

differentiating criminal liability in the norms of not only the Special, but also the General part of the Criminal Code of the Russian Federation [14, pp. 6–10].

Doctoral dissertations

After defending their candidate dissertations, some of L.L. Kruglikov's students expanded the previously announced boundaries of the subject of scientific research. Successful solutions in this area allowed them to reach a new level of effectiveness – to prepare and defend doctoral dissertations.

Thus, in 2004–2016, V.F. Lapshin studied the specifics of the group of financial crimes he identified in the context of the problems of differentiation of liability and legislative technique. To date, they are included in the system of socially dangerous encroachments provided for by the norms of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. After conducting a comprehensive analysis of financial relations as a subject of regulatory regulation of domestic financial, tax and administrative law, V.F. Lapshin reviewed the content of these public relations as an object of criminal law protection.

He proved that financial relations are a kind of public relations based on the principle of power-subordination, in which the authorized party is either the state as a whole, or its bodies and institutions at the regional and local levels. Business entities and citizens represent only an unauthorized party in financial legal relations, which is one of the main features distinguishing financial and economic relations.

The state, regional and municipal authorities, as participants in financial relations, pursue political, social and other goals that are not related to making a profit from targeted financing. Moreover, many projects and programs provided with budget financing can be obviously unprofitable, which from the point of view of economic business analysis is recognized as an unpromising and unacceptable economic activity. But at the same time, the state implements these projects within the framework of financial relations, performing functions that are not typical for business institutions. This is another distinctive feature of financial relations, which does not allow them to be recognized as an integral part of economic relations.

Finally, any financial offense primarily harms public interests, that is, the legally protected

interests of society and the state. Such legal specifics indicate the possibility of recognizing certain types of public relations in the field of economic activity as only an additional or optional object in the composition of financial crimes.

So, public relations in the field of economic activity and even relations in the field of economics protected by the norms of Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation only partially include financial relations – an independent object of criminal law protection.

Hence, public danger of all financial crimes requires reassessment. While remaining a part of crimes in the field of economic activity, financial crimes mainly belong to the categories of minor or moderate severity. Taking into account high social importance of finance, some legal features of the commission of financial crimes, as well as quantitative and qualitative characteristics of the negative consequences resulting from their commission, the researcher came to the conclusion about high public danger of crimes of the considered group. This determines the need to review not only sanctions of the relevant norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, but also excludes the possibility of using preferential mechanisms for exemption from criminal liability and punishment of those guilty of committing financial crimes.

Mainly, based on the results of L.L. Kruglikov's research on the specifics of legislative technique for the formation of criminal law prescriptions, V.F. Lapshin proposed a general algorithm for constructing compositions of financial crimes and also described features of the use of legislative technique in describing a socially dangerous act – a financial offense. Besides, he developed L.L. Kruglikov's ideas on the rules for systematic use of qualifying and especially qualifying elements with regard to all types of financial crimes.

In terms of the specifics of establishing and implementing liability for financial crimes, a set of evidence is proposed to increase the severity of the criminal legal impact. This is expressed not only in increasing upper limits of sanctions of the relevant criminal law norms and additional application of property measures, but also in refusing to release the perpetrator from criminal liability if the latter has fully compensated for

the damage caused by the crime. The practice of mandatory exemption from criminal liability based on the postulate, "if you pay, you will not be convicted", has been seriously criticized due to a decrease in the degree of prevention of the fight against financial crime [15, pp. 9–17].

A.L. Santashov was the first and, perhaps, the only student of L.L. Kruglikov who applied key provisions of the theory of differentiation of liability and legislative technique to the provisions of penal legislation in both his candidate and doctoral dissertations. So, if his candidate dissertation addresses issues of legislative technique and differentiation of liability in relation to the problems of execution of punishment in the form of deprivation of liberty in relation to minors, then the doctoral dissertation substantiates the concept for improving criminal law and penal content of juvenile responsibility.

The use of general provisions on the differentiation of liability allowed A.L. Santashov to identify the means of differentiating liability of minors not only in criminal law, but also in penal law. Moreover, the author managed not only to identify, but also to systematize the means of differentiating liability of minors. The paper substantiated the need to identify a category of "liability of minors in criminal law" including criminal and other types of liability of minors provided for by the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation; to consolidate in legislation the common cross-cutting goals of the measures of criminal legal influence exerted on them; to specify the legal status of juvenile convicts in legal relations with institutions and bodies executing criminal penalties.

Applying provisions of legislative technique, the researcher analyzed the use of technical and legal rules in their distribution and description in the norms of penal legislation. This made it possible to formulate proposals to improve the effectiveness of designing norms on liability of minors who violated the criminal law prohibition. The author's conclusions about a dynamic aspect of the components of legislative technique, the inconsistency of the means of differentiating liability of minors are original.

A.L. Santashov made an attempt to correlate the differentiation and individualization of liability on the example of juvenile convicts. Thus, the paper considers problems of differentiation

and individualization of liability of minors not only as a subject of crime, but also as a subject of responsibility. According to the scientist, differentiation and individualization of liability and punishment of minors should be cross-cutting and intersectoral in nature (in criminal, criminal procedure and penal legislation) and ensure the continuity of these branches of law. The author proved the idea of improving differentiation and individualization liability of minors in evading their punishment, as well as substantiated the expediency of transferring persons aged 18 to 21 years from juvenile correctional facilities to panel settlements. The author's revision of stages (milestones) of the development of domestic legislation on differentiation and individualization of criminal liability of minors, as well as the identified positive experience of some foreign countries in terms of deepening differentiation and individualization of liability, also deserves attention [16, pp. 9–15].

V.N. Nekrasov's doctoral dissertation is devoted to the search for an optimal scientific and theoretical concept for the protection of public relations in the field of innovation in criminal law. This research perspective is conditioned by modern social challenges in the field of innovation development and the need for proper safe application of its results. Traditionally, innovation is revealed mainly as a category used in economics and emphasizing the technical (scientific and technical) nature of the developments created and implemented in industry and production. However, at present, innovative activity has become an integral part of any sphere of public life and forms the basis of social development and relations in this area. This, in particular, finds expression in changes in public relations under the influence of digital transformation, development of robotics and artificial intelligence systems, etc. On this basis, V.N. Nekrasov applies "innovation" as an integral part of the modern object of criminal law protection and analyzes current criminal law for its compliance with the complex of challenges that come during the transformation of the form and content of public relations.

The dissertation defines a concept of "innovative activity" and reveals its connection with related categories, characterizes public relations in the field of innovation, and also pres-

ents a range of norms aimed at criminal law protection of relations in the field of innovation. Special attention is paid to characteristics of modern trends in criminal policy in the field of protection of innovative public relations and the retrospective and comparative analysis of liability for socially dangerous encroachments on relations in the field of innovation. On the basis of the classification carried out, the features of types of innovative activities in criminal law are revealed.

V.N. Nekrasov developed the author's scientific and theoretical concept for protecting public relations in the specified field of activity, which includes the justification for the need to identify innovative relations as an independent object of criminal law protection, as well as a reasoned statement according to which the norms on crimes in the field of innovation activities form separate relations formed by innovation and its subsequent use.

It should be noted that this dissertation in a number of aspects became a continuation of the candidate dissertation of V.N. Nekrasov, since in the work, already in relation to innovative relations, the issues of ensuring differentiation of liability for encroachments on these relations and improving the legislative technique of issuing relevant criminal law prescriptions received further scientific development. The paper formulates proposals for the use of individual components of legislative technology in the norms on crimes in the field of innovation, critically evaluates and clarifies a set of means of differentiating liability for crimes in the noted field of activity [17, pp. 9–15].

Conclusion

Now, analyzing the works prepared under the guidance of L.L. Kruglikov, we can say with confidence that the doctrinal direction of differentiation of liability and legislative technique chosen by him turned out to be universal for the entire theory of criminal law. There is not a single issue of criminal law science that does not come into contact with this area and which could not be considered through the prism of differentiation of criminal liability and legislative technique.

Lev Krugliov's students followed this direction in their research activities. Though all these young scientists, in fact, were engaged in solving particular problems of the science of crimi-

nal, penal law and criminology, as a result, each dissertation, without exception, became a contribution to the formation of the Yaroslavl criminal law school – the Kruglikov School. There-

fore, the scientific and organizational activity of the researcher is an unprecedented phenomenon that has no analogues in the modern history of post-Soviet and Russian criminal law.

REFERENCES

1. Kruglikov L.L. *Pravovye sredstva obespecheniya spravedlivosti nakazaniya v protsesse ego individualizatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal means of ensuring the fairness of punishment in the process of its individualization: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Yaroslavl, 1985. 365 p.
2. Manoilova S.A. *Emotsii v ugovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Emotions in criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2005. 28 p.
3. Nekrasov V.N. *Normy o neokonchennom prestuplenii: problemy zakonodatel'noi tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Norms on unfinished crime: problems of legislative technique and differentiation of liability: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2013. 27 p.
4. Shilovskii S.V. *Sposob soversheniya prestupleniya kak priznak ugovno-nakazuemogo deyaniya i differentsiruyushchee sredstvo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The method of committing a crime as a element of a criminally punishable act and a differentiating agent: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saratov, 2014. 28 p.
5. Shiryayev V.F. *Nakazanie v sisteme mer ugovno-pravovogo vozdeistviya: sodержanie, problemy sovershenstvovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Punishment in the system of measures of criminal legal impact: content, problems of improvement: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan', 2001. 28 p.
6. Donets S.P. *Smyagchayushchie i otyagchayushchie obstoyatel'stva v ugovnom prave (pravovaya priroda, klassifikatsiya. problemy ucheta): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mitigating and aggravating circumstances in criminal law (legal nature, classification. accounting problems): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2003. 20 p.
7. Santashov A.L. *Ispolnenie lisheniya svobody v otnoshenii nesovershennoletnikh: voprosy zakonodatel'noi tekhniki i differentsiatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Execution of deprivation of liberty in relation to minors: issues of legislative technique and differentiation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2006. 26 p.
8. Chuprova O.N. *Differentsiatsiya otvetstvennosti v ugovnom prave stran kontinental'noi Evropy i Rossii: komparativistskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Differentiation of responsibility in the criminal law of the countries of continental Europe and Russia: a comparative aspect: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Volgograd, 2008. 27 p.
9. Popadenko E.V. *Al'ternativnye sredstva razresheniya ugovno-pravovykh konfliktov: rossiiskii i zarubezhnyi opyt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Alternative means of resolving criminal law conflicts: Russian and foreign experience: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2008. 28 p.
10. Timofeeva E.A. *Ugovno-pravovye sredstva reagirovaniya na ukлонenie (zlostnoe ukлонenie) ot otbyvaniya nakazaniya: problemy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noi tekhniki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal law means of responding to evasion (malicious evasion) from serving a sentence: problems of differentiation of responsibility and legislative technique: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2008. 29 p.
11. Stroganova O.L. *Konstruirovaniye i primeneniye ugovno-pravovykh norm o sile vliyaniya otdel'nykh obstoyatel'stv dela na nakazaniye: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Construction and application of criminal law norms on the force of influence of individual circumstances of the case on punishment: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2014. 29 p.
12. Lapshin V.F. *Prestupleniya v sfere raspredeleniya finansovykh resursov: voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noi tekhniki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Crimes in the field of financial resource allocation: issues of differentiation of responsibility and legislative technique: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2004. 28 p.
13. Krasil'nikova E.V. *Vosprepyatstvovaniye zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov (st. 144 UK RF): voprosy zakonodatel'noi tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Obstruction of the legitimate professional activities of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of legislative technique and differentiation of responsibility: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2007. 29 p.

14. Kolpakova L.A. *Nasilie v sem'e: viktimologicheskii aspekt, differentsiatsiya otvetstvennosti i voprosy zakonodatel'noi tekhniki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Domestic violence: victimological aspect, differentiation of responsibility and issues of legislative technique: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2007. 28 p.
15. Lapshin V.F. *Teoreticheskie osnovy ustanovleniya i realizatsii otvetstvennosti za finansovye prestupleniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Theoretical foundations of the establishment and implementation of liability for financial crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2016. 50 p.
16. Santashov A.L. *Teoreticheskie osnovy differentsiatsii i individualizatsii otvetstvennosti ne-sovershennoletnikh v ugovnom i ugovno-ispolnitel'nom prave: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Theoretical foundations of differentiation and individualization of juvenile responsibility in criminal and penal enforcement law: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2019. 46 p.
17. Nekrasov V.N. *Ugolovno-pravovaya obshchestvennykh otnoshenii v sfere innovatsionnoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Criminal law of public relations in the field of innovation: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2022. 36 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VALERII F. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Vice Rector for Research and Legal Affairs of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

VASILII N. NEKRASOV – Doctor of Sciences (Law), Deputy Head for Academic Affairs of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

Received October 7, 2024

On Some Problems of Qualifying Criminally Punishable Mass Riots

ELENA B. KURGUZKINA

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

NATAL'YA A. VLASOVA

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Abstract

Introduction: the article is devoted to certain controversial issues of qualification of elements of criminally punishable mass riots committed in penitentiary institutions. *Purpose:* based on the analysis of the problems of applying some qualifying elements of mass riots, to develop proposals for improving criminal legislation. *Methods:* comparative-legal, structural-logical, method of dialectical cognition, induction, deduction, analysis, synthesis, etc. *Results:* the article has characterized legislative elements of mass riots, such as the use of weapons, provision of armed resistance, organization of mass riots, persuasion, recruitment or other involvement of a person in the commission of mass riots, etc. Controversial issues of individual elements of the composition of criminally punishable mass riots are studied. *Conclusion:* based on the study of theoretical provisions, norms of the criminal law and extensive empirical material, proposals are developed to clarify Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author's concept of the use of weapons and armed resistance during mass riots is proposed, the totality of persons belonging to government representatives within the framework of the application of Article 12 of the Criminal Code of the Russian Federation is determined, the need to specify citizens involved in the protection of public order is proved. The analysis of the organization of mass riots and the training of the organizer of mass riots is carried out. There is a need to distinguish between calls for violence against citizens and calls for mass riots. It is proposed to exclude an element of violence against citizens from the disposition of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation as redundant.

Key words: mass riots; government representative; use of weapons; calls for mass riots; penal system; Federal Penitentiary Service of Russia.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kurguzkina E.B., Vlasova N.A. On some problems of qualifying criminally punishable mass riots. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 376–384. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.004.

Introduction

A significant level of public danger and a sufficient prevalence of mass riots, especially in institutions of the Federal Penitentiary Ser-

vice of Russia, determine the urgency of developing and improving methods of countering these acts. One of the central tasks of the fight against mass riots is the improvement of crimi-

nal law measures to counter this criminal phenomenon.

The severity of such criminally punishable acts increases significantly when they are carried out in places of punishment. Preparation of the riots themselves, armament of the participants, training of their organizers and other participants, as well as direct management of the investigated criminal acts, lead to simultaneous harm to a significant number of objects of criminal protection.

Discussion

One of the elements of criminally punishable mass riots is the use of weapons, explosive devices, explosives, toxic or other substances and objects that pose a danger to others. The legislator does not specify what should be understood by their application. One can agree with A.M. Bagmet that the use of weapons and other listed items and substances during mass riots should entail criminal liability in case of encroachment on the life or health of citizens, as well as the destruction or damage of material objects [1, p. 80]. However, the threat of using weapons and other generally dangerous objects during mass riots can hardly be considered criminally punishable, since it is not specified as a qualifying element in the disposition of Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. If the act contains compositions of illegal manufacture, carrying, storage of weapons, then such acts are qualified separately. Perhaps the threat of the use of weapons and other items that can be used as weapons should be included in the norm under study. But while there are no such changes, it is impossible to impute this threat to the perpetrator of organizing mass riots or participants in mass riots, since the analogy of law and the analogy of legislation in Russian criminal law are unacceptable.

It is criminally punishable to use any weapon, firearms and non-firearms, as well as any explosives, toxic substances, as well as other objects that pose a danger to others and are used as weapons (this may be a stone, rod, stick, bottle, etc.).

We do not back the position of S.K. Kudashkin that the application of weapons and other objects in mass riots should also be understood as their demonstration and use for intimidation, etc. [2, p. 104]. It seems that such actions cannot be considered the use of weapons. This

follows from the analysis of Article 24 of the Federal Law "On Weapons" stipulating that the use of weapons must be preceded by a clearly expressed warning to the person against whom the weapon is used, except in cases where delay in the use of weapons creates an immediate danger to human life or may entail other grave consequences. At the same time, the use of weapons for necessary defense should not cause harm to third parties". So, the legislator defines the application as the use of its damaging properties.

Such an element of mass riots as the provision of armed resistance to government representatives is also quite uncertain. Such actions do not require additional qualifications under Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation. Since the legislator does not specify which weapons are in question, they can be any: firearms, cold, propellant, and gas. However, in this situation, the question arises about household items, such as an axe, a knife, an awl, etc. are not edged weapons, and probably their use would require additional qualifications if there were no qualifying element, such as violence, in the disposition. Consequently, in such cases, an additional qualification of the act under Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation seems unnecessary. Nevertheless, there is a position on the need for additional qualification. In this case, a reference is made to Paragraph 9 of the clarification of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45 of November 15, 2007 "On Judicial Practice in Criminal Cases of Hooliganism and Other Crimes Committed from Hooligan Motives" that hooligan actions related to resistance to a representative of power, during which violence was used, both non-dangerous and dangerous to life and health. It should be qualified according to the totality of crimes provided for in Part 2 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation and the corresponding part of Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation [3, p. 153].

We believe that this analogy is not entirely appropriate, since the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation is not a normative legal act. This is a comment by the country's highest judicial body, which refers to a different composition of the crime. Additional qualifications in the use of simple violence during mass riots and the non-use of

additional qualifications in armed resistance are clearly disproportionate.

The concept of “representative of the authorities” in relation to Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation also requires understanding. The definition of “representative of the authorities” is contained in the Note to Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation: “in this article and other articles of this Code, an official of a law enforcement or supervisory authority, as well as another official endowed with administrative powers in accordance with the procedure established by law in relation to persons who are not dependent on him, is recognized as a representative of the authorities”.

To some extent, this issue was resolved by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14 of June 1, 2023 “On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases of Crimes Provided for in Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation”. Paragraph 2 fixes bodies related to law enforcement: “the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, the Investigative Committee of the Russian Federation, internal affairs bodies of the Russian Federation, the Federal Security Service, the Federal Penitentiary Service, customs authorities of the Russian Federation, enforcement authorities of the Russian Federation, bodies of state fire supervision of the Federal Fire Service, the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, the military police of the Armed Forces of the Russian Federation and other state bodies in their law enforcement activities”.

However, the Resolution does not clarify who should be attributed to other officials who, in accordance with the procedure established by law, have administrative powers in relation to persons who are not dependent on them.

Paragraph 11 of the Resolution states that “officials of regulatory authorities are, for example, officials of the Federal Tax Service, the Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Supervision, the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Well-Being, authorized in accordance with the procedure established by law to organize and (or) implement the specified control (supervision) in the relevant fields of activity in relation to subjects beyond their jurisdiction”.

In accordance with Part 1 of Article 2 of the Federal Law No. 45 of March 22, 1995 “On State Protection of Judges, Officials of Law Enforcement and Supervisory Authorities”, law enforcement and supervisory authorities subject to protection are the following: 1) judges, commercial assessors, jurors; 2) prosecutors; 3) investigators; 4) persons conducting an inquiry; 5) persons carrying out law enforcement intelligence operations; 6) employees and federal state civil servants of the internal affairs bodies of the Russian Federation; 6.1) employees and federal state civil servants of institutions and bodies of the penal system; 6.3) military personnel, employees and federal state civil servants of the National Guard troops of the Russian Federation; 6.5) military personnel and federal state civil servants of the Armed Forces of the Russian Federation; 6.6) employees of the foreign intelligence agencies of the Russian Federation; 6.7) employees of the federal fire service of the State Fire Service, military personnel of rescue military formations and federal state civil servants of the federal executive authority in the field of emergency prevention and elimination of consequences of natural disasters; 7) employees of the Federal Security Service; 8.2) employees of the Investigative Committee of the Russian Federation; 9) employees and federal state civil servants of compulsory execution of the Russian Federation; 10) employees of control bodies of the President of the Russian Federation exercising control over the implementation of laws and other regulatory legal acts, detection and suppression of offenses; 11) employees of state security bodies; 12) employees of customs and tax authorities, antimonopoly authorities, federal state control bodies, the Federal Financial Monitoring Service, the Accounting Chamber of the Russian Federation, and also other categories of state and municipal employees according to the list established by the Government of the Russian Federation; 13) relatives of the persons listed in paragraphs 1–12 of Part 1 of this Article; 14) citizens of the Russian Federation dismissed from service (work) in the internal affairs bodies of the Russian Federation, the troops of the National Guard of the Russian Federation, bodies of the federal security service, state security bodies, in respect of which state protection is carried out in accordance with this Federal Law if there is a continuing threat of encroach-

ment on the life, health and property of these persons.

Based on this, all listed persons can be classified as victims of armed encroachment on them during mass riots or when resisting them during the suppression of such riots.

One of the unresolved issues is whether a serviceman who performs legitimate activities to protect public order and ensure public safety during mass riots should be considered a representative of the authorities? We believe so, since the above-mentioned Federal Law includes military personnel, as well as federal state civil servants of the Armed Forces of the Russian Federation, among representatives of the authorities and regulatory bodies.

However, the analysis of Article 317 of the Criminal Code of the Russian Federation indicates that a soldier who protects public order and security is not part of law enforcement agencies.

At the same time, from the meaning of practical activities of military personnel to protect public order and public safety, including during mass riots, they should be attributed to the authorities, however, they are not mentioned in the Note to Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation, therefore, encroachment on these persons during mass riots, apparently, should be additionally qualified under articles 317, 318 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.

It seems that this contradictory situation should be eliminated by amending the Note to Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation to fix there the military personnel guarding law and order.

We will also highlight the problem of armed resistance to citizens participating in the protection of public order during mass riots. Participation in such events is regulated by the Federal Law No. 44 of April 22, 2014 "On Participation of Citizens in Public Order Protection". Citizens are entitled to participate in public order protection events at the invitation of the police and other law enforcement agencies as freelance police officers, people's vigilantes, as part of law enforcement-oriented public associations.

Additional protection should be extended to all these persons if, during mass riots, the acts specified in Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation were used against them. The logic of the disposition of

Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation requires all listed persons involved in the protection of public order and security to be protected by criminal law measures on an equal basis with representatives of the authorities in case of encroachment on them during mass riots.

Organization of mass riots includes planning of actions that constitute criminally punishable mass riots, selection of people to participate in the crime, distribution of liabilities between them, search for tools and means to commit it, and direction of participants' actions during mass riots. Moreover, organizers can involve participants in illegal actions that have already begun. The organizer can plan and prepare mass riots in advance, or suddenly start organizing and directing them.

Thus, by the verdict of the Supreme Court of the Republic of Khakassia in Abakan on September 5, 2017, T. was convicted under Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation, who organized mass riots together with other persons in an institution of the penal system, accompanied by pogroms, arson, and destruction of property.

On July 24, 2016, from 12 to 22 pm, being in the premises of the detachment of the correctional facility No. 35, T. and persons No. 1, No. 2 met with persons No. 3, 4, 5, 6, 7, and 8, who were informed of criminal intentions to organize mass riots among convicts on the territory of the correctional facility No. 35 in order to violate (destabilize) the established order of serving their sentences, put pressure on the leadership of the correctional facility No. 35 and the Federal Penitentiary Service of Russia, weaken conditions of the regime of serving their sentences, and suggested participating in these riots as their organizers. They conspired to commit mass riots.

For preventing lawful actions of employees of the correctional facility No. 35, T. and persons No. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, and 8 agreed to disable the video surveillance system, barricade entrances, exits and window openings of residential premises, as well as organize the commission of similar actions by convicts of detachments No. 2–4, who were warned by person No. 5. After that, persons No. 3, 4, 6, and 7 were supposed to take part in negotiations with representatives of the facility administration. They planned to put forward demands

for easing regime conditions. On July 24, 2016, in 10.05 pm, the prepared mass riots began. T. caused property damage to the correctional institution in the total amount of 5,069.80 rubles by pogrom and arson. In addition, during the specified time period, T. barricaded window openings, entrances and exits from the detachment with the help of improvised means (beds, bedside tables, stools) and directed actions of other convicts who participated in mass riots, called for barricading windows and doors, gave instructions to monitor penitentiary facility employees from windows, called for mass suicide in case of an attempt to suppress their illegal actions, for which he distributed blades to convicts [4]. These actions continued until 5.30 a.m. on June 25, 2016, when the riots were suppressed. Thus, T. prepared mass riots in advance, and made adjustments to the plan and management in the process of their implementation.

Dynamically developing mass riots may go beyond actions of the participants intended by the organizer. The organizer's actions can serve as a trigger for the action of a mass of accomplices, which later develop spontaneously. However, for organizing mass riots accompanied by violence, destruction of property, pogroms, etc., the person who organized or led them should bear full responsibility, since his intention was aimed at organizing mass riots.

In accordance with Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation, a person who prepared the organizer of mass riots accompanied by the actions specified in the law and a person who prepared participants in criminally punishable mass riots are also subject to criminal liability.

It should be emphasized that the organizer's actions should be qualified as completed after the riots took place. In the case of prevention of mass riots by law enforcement or other bodies, the fact of their organization or preparation of the organizer or participant cannot be considered a completed crime. We believe that in such a situation, it is necessary to qualify these acts as preparation for the composition in question.

The expediency of the introduction by the legislator in 2016 of Part 11 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation is questionable, since the inducement, recruitment or other involvement of a person in committing mass riots accompanied by violence and

other acts specified in the disposition of Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation constitute nothing more than incitement to commit a crime (Part 4 of Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation). Therefore, if there is incitement to commit mass riots, the act of the perpetrator should be qualified under Part 4 of Article 33 and Part 1 or 2 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. In this regard, we should agree with the opinion of S.K. Kudashkina on the need to exclude Part 1.1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation [2, p. 104].

A place of mass riots can be any. There is an opinion that in most cases these are public places: parks, streets, and squares [9, p. 44]. It is difficult to agree with this statement, since our sample study of sentences leads to the conclusion that most often mass riots occur in places of deprivation or restriction of liberty.

For example, on June 5, 2019, P. was convicted by the verdict of the Kola District Court of the Murmansk Oblast under Part 2 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. "While serving a sentence of imprisonment in the correctional facility of the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the city of Murmansk, he decided to take an active part in mass riots taking place on the territory of the correctional institution, protesting and claiming general dissatisfaction with the order and conditions of serving a sentence. Pursuing personal interests and opposing them to the interests of society and the state ... he directly took part in mass riots, accompanied by pogroms and destruction of property, namely, P., breaking the glazing of the window ... damaged furniture and objects in the office, as well as a door block with a trim, electrical fittings ... which brought the room into a state unsuitable for further use. The wreckage of the damaged property was thrown out into the street through a broken window, where other convicts built a bonfire and burned the damaged property. As a result of deliberate criminal actions of P... the property belonging to the correctional facility was destroyed and damaged ... for a total amount of 12,531 rubles, and normal activities of the correctional institution were disrupted" [6].

It should be agreed that "riots and mass actions of convicts in penitentiary institutions are often caused by organizational and managerial

shortcomings, including incompetence of staff or ineffective organization of conditions and regime of serving sentences” [7, p. 79]. It can also be added that the concentration of persons with criminal tendencies in one place, often negatively disposed towards the requirements of discipline and regime, contributes to criminal explosions in the form of mass riots.

Qualifying participation in mass riots, it is necessary to comprehensively study specific actions of each participant in the crime. Just being in a crowd does not yet constitute participation in criminally punishable mass riots. Criminal liability is imposed only against those who committed violence, or destruction of property, or arson, or participated in a pogrom, or provided armed resistance to a representative of the authorities.

Criminal liability under Part 2 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation for participation in mass riots accompanied by violence, pogroms, arson, destruction of property, use of weapons, explosive devices, explosives, toxic or other substances and objects that pose a danger to others, as well as providing armed resistance to a representative of the authorities, as well as for preparing a person to organize mass riots or participate in them, begins at the age of 14 (Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation), and for all other compositions contained in Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation – at the age of 16. The list of offences for which criminal liability begins at the age of 14 is determined by the legislator according to minors’ possibility to realize public danger, illegality and punishability of such mass riots. It seems that at the age of 14 it is difficult to define the very concept of criminally punishable mass riots. The composition design proposed by the legislator is rather debatable. Sometimes even experts do not have a common opinion on many qualifying features due to the vagueness of legislative formulations and ambiguity in the interpretation of norms. Apparently, it is even more difficult for a teenager to figure this out. In this regard, we believe it necessary to raise the age threshold of criminal liability for committing mass riots to the age of 16. Teenagers at the age of 14 should bear criminal liability only for committing specific crimes specified in Part 2 of Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation during mass riots.

The subjective side of organizing criminally punishable mass riots is guilt in the form of intent. Some legal scholars believe that intent can be mostly only direct, other researchers speak about indirect intent. When committing these crimes, a motive is an obligatory optional feature, which is realized by striving to violate public order [8, p. 19; 4, p. 4].

It should be recognized that mass riots can be organized both with direct and indirect intent, since the organizer is not always able to anticipate and control all the actions of participants in mass riots. The specifics of mass riots is that participants often act spontaneously and do not adhere to any clear plan. However, the organizer should still be responsible for all participants’ actions, since it was he/she who planned mass riots.

The position of those who believe that mass riots are only intentionally organized seems to be incorrect. The organizer cannot plan in advance all the consequences of mass riots, but he/she can assume their onset or treat them indifferently, but it does not belittle his/her guilt. The very wording of the disposition of Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation on mass riots indicates the assessment of the organizer’s guilt after events, which just emphasizes the possibility of indirect intent. These acts are associated with the term “disorder”, which proves a spontaneous outbreak provoked and managed by the organizer.

Additional qualification during the period of mass riots requires the commission of other illegal actions not specified in the disposition of Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation, for example theft. At the same time, we cannot agree with the point of view of I.Yu. Konovalova that acts in mass riots involving violence do not include murder, rape, robbery, etc. and require additional qualification [10, p. 240].

Unfortunately, the legislator has not specified which actions are covered by the concept “violence” fixed in Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. So, any violent actions can be either included or not included in the objective side of mass riots, which creates difficulties in qualifying this crime. We believe that appropriate amendments should be made to the wording of Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. In our opinion, correct qualification of an act re-

quires establishment of the subjective side of a crime: if a person realizes that he/she commits violent acts while participating in mass riots, the crime should be qualified only according to the relevant part of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation.

However, if violent and other crimes are committed during the period of mass riots, but not in connection with them, such crimes are qualified only according to the relevant compositions without additional qualification under Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Part 3 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for criminal liability for calls to mass riots accompanied by violence, pogroms, arson, destruction of property and other acts listed in Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. Calls can be oral, written, or with the help of gestures and encourage people to commit criminally punishable mass riots. According to the legislator, responsibility for calls should occur only after the mass riots accompanied by the listed acts are committed. In this regard, we cannot agree with I.Yu. Konovalova that these calls should be considered successful regardless of the results [10, p. 240].

There are various points of view about the moment of the end of incitement both in science and law enforcement practice. For example, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in its Resolution of February 1, 2011 "On Judicial Practice of Applying Legislation Regulating the Specifics of Criminal Liability and Punishment of Minors" clarifies that crimes for which liability is provided for in articles 150 and 151 of the Criminal Code of the Russian Federation are completed from the moment when a minor commits a crime, prepares for a crime, attempts to commit a crime or after committing at least one of the antisocial actions provided for by the disposition of Part 1 of Article 151 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Along with this, in the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Judicial Practice in Cases of Crimes related to Narcotic Drugs, Psychotropic, Potent and Poisonous Substances", the inclination to consume narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues (Article 230 of the Criminal Code of the Russian Federation) can be found in any intentional actions aimed at arousing the desire of another person to consume them (persua-

sion, suggestion, giving advice, etc.), as well as deception, mental or physical violence, restriction of freedom and other actions committed with the aim of forcing the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues by the person being affected. At the same time, in order to recognize the crime as completed, it is not required that the person being incited actually use a narcotic drug, psychotropic substance or their equivalent.

Thus, according to articles 150 and 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, incitement is considered to be over only after the commission or the beginning of the commission of a crime, and according to Article 230 of the Criminal Code of the Russian Federation, only the very fact of inciting in any form is sufficient to recognize the crime, regardless of whether the incited person began to consume narcotic or other means.

As for calls for the commission of the composition under consideration, we believe that it is necessary to proceed from the following. In fact, calls constitute incitement to commit a crime if another person agrees to it by persuasion, bribery, threats or in another way (Part 4 of Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation). Incitement is considered to be over at the moment of obtaining the consent of the perpetrator or performers, regardless of whether the incited person has committed a crime or not. The wording of parts 1 and 3 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation indicates that in this case calls will be criminalized only after the instigated have committed acts that entail liability for mass riots.

In particular, on March 11, 2015, the Klintsovskii City Court of the Bryansk Oblast convicted O. under Part 2, Part 3 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. Being in the detachment No. 3 of the correctional facility No. 6 of the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia, O. together with other convicts violated public order and public safety, demonstrating obvious disrespect to society. Participating in the mass riot, he broke glass in the windows of the detachment No. 3, broke beds and stools and threw furniture out of the window openings of the detachment No. 3. In addition, O. tried to involve other convicts in the mass riot, realizing public danger of his acts that can paralyze normal functioning of the correctional institution. He called detachments No. 2, 5, 6, 8, and 9 to take part in the mass riot

by shouting “Support us!” from the window of the detachment No. 3.

During the mass riot, O. together with other persons committed pogroms and destroyed the property of the correctional facility for a total amount of 588,412 rubles 68 kopecks [11].

Specifying criminal liability for mass riots that have been accompanied by violence, pogroms, arson, destruction of property, use of weapons, explosive devices, toxic or other substances and objects that pose a danger to others, as well as armed resistance to a representative of the authorities, the legislator underlines that “riots have been accompanied”, thereby showing that it is possible to qualify any acts related to this only after the commission of these acts. If the legislator used the expression “mass riots being accompanied by ...”, it would mean that certain actions are carried out at the time of the call for them. However, it is possible to establish whether they are actually committed by certain persons only after the end of the act. Consequently, specific qualification of mass riots is also possible after their commission.

It is necessary to separately focus on criminal liability for calls to violence against citizens provided for in Part 3 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. This provision does not fit into the general scheme of liability for mass riots, since they include acts that have already been accompanied by violence; calls for violence against citizens are not related to mass riots at all and it is inappropriate to place them in Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. If we talk about calls for any violent actions, including against citizens during mass riots, then this is covered by the disposition of Part 3 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. We believe that calls for violence against citizens should be excluded from the disposition as excessive and unrelated to this crime.

Part 4 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for liability for a person who underwent training on the organization of mass riots or participation in them. The disposition of the specified norm lists skills and abilities, the acquisition of which knowingly for the purpose of organizing mass riots or participating in them entails criminal liability. This list is not exhaustive. The acquisition of skills and abilities other than those listed in order to commit mass riots should also entail criminal liability. The definition of other skills and abilities

belongs to the evaluation categories and is at the discretion of the law enforcement officer.

A comparative analysis of the sanction of Part 4 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation with other sanctions indicates some discrepancy with the principle of justice: punishment for completing training is imprisonment for 5–10 years, for incitement to mass riots under Part 11 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation – from 5 to 10 years, and for participation in criminally punishable mass riots under Part 2 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation – from 3 to 8 years.

Perhaps the norm on education should be separated into a separate article by analogy with Article 205.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, defining their sanctions correlatively with acts of organizing mass riots or participating in them.

The legislator allows a compromise in order to prevent a person from undergoing training for the purpose of organizing criminally punishable mass riots or for the purpose of participating in them. The Note to Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for the exemption from criminal liability of persons undergoing or having undergone such training if the person informed the authorities about its passage and actively contributed to the identification of persons who also underwent training, funded training, reported on places of study and other information specified in the law. If both conditions are fulfilled in combination, a person should be released from criminal liability.

In other words, a person should not only inform the authorities about his/her training, but also, in a way that is still regulated in criminal legislation, actively contribute to the identification of persons involved in the crime under investigation in one way or another.

Results

We believe that the use of weapons and other objects used in such a capacity during mass riots cannot be recognized as their demonstration, use for intimidation, etc. The fact of the use of weapons during mass riots should be imputed only if it is used for its intended purpose.

The provision of armed resistance to government representatives during mass riots does not require additional qualifications under Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Proposals have been made to determine the range of persons who should be classified as representatives of the authorities and other officials endowed with administrative powers in accordance with the procedure established by law in relation to persons who are not dependent on them, as well as to citizens involved in the protection of public order, with regard to the qualification of mass riots.

The question of the moment of the end of the crime in the form of organizing mass riots is studied. At the same time, it is proposed to consider the commission of organized mass riots as such a moment.

Direct participation in mass riots should be considered from a simple passive presence at the scene of mass riots, which does not form the composition of the crime.

REFERENCES

1. Bagmet A.M. Criminal law criminology: problems of legal control of riots as a type of violent criminality. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 1, pp. 76–84. (In Russ.).
2. Kudashkin S.K. On the issue of objective signs of corpus delicti for which responsibility is provided for by Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo un-ta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3, pp. 101–106. (In Russ.).
3. Vdovichenko K.G. Actual issues of qualification of mass riots. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2014, no. 4 (50), pp. 153–155. (In Russ.).
4. *Prigovor Verkhovnogo Suda Respubliki Khakasii No. 2-5/2017 ot 05.09.2017 po delu No. 2-5/2017* [Verdict of the Supreme Court of the Republic of Khakassia No. 2-5/2017 of September 5, 2017 in case No. 2-5/2017]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/oT7NsigCBnVH/> (accessed February 1, 2024).
5. Pavlov V.G. The objective side of mass riots. In: *Tsarskosel'skie chteniya* [Tsarskoye Selo readings]. 2014. No. 18. Pp. 41–44. (In Russ.).
6. *Prigovor Kol'skogo raionnogo suda Murmanskoi oblasti No. 1-81/2019 ot 05.06.2019 po delu No. 1-81/2019* [Verdict of the Kola District Court of the Murmansk region No. 1-81/2019 of June 05, 2019 in case No. 1-81/2019]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/JSsfMF1IXs1h/> (accessed February 1, 2024).
7. Kumysheva M.K. On the question of mass characterization in the criminal law characteristics of mass riots. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 3, pp. 79–81. (In Russ.).
8. Novikov A.V. *Prestupleniya protiv obshchestvennogo poryadka, sopryazhennyye s posyagatel'stvom na sobstvennost': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Crimes against public order involving encroachment on property: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saratov, 2009. 25 p.
9. Veklenko S.V., Yakunin A.I. Features of the subjective side of mass riots. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 3, pp. 4–11. (In Russ.).
10. Konovalova I.Yu. Mass riots. Socio-psychological and criminal-legal aspects. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific Notes of Kazan State University. Series: Humanities*, 2007, vol. 149, no. 6, pp. 238–241. (In Russ.).
11. *Prigovor Klintsovskogo gorodskogo suda Bryanskoi oblasti No. 1-70/2015 ot 11.03.2015 po delu No. 1-70/2015* [Verdict of the Klintsovsky City Court of the Bryansk region No. 1-70/2015 of March 11, 2015 in case No. 1-70/2015]. Available at: <https://actofact.ru/case-32RS0015-1-70-2015-2015-02-16-2-0/> (accessed February 1, 2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ELENA B. KURGUZKINA – Doctor of Sciences (Law), professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

NATAL'YA A. VLASOVA – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow Russia, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Received June 15, 2024

Original article

UDC 343.83

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.005

Humanizing Imposition and Enforcement of Sentences on Women

ELENA V. KUNTS Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>**LYUDMILA A. LATYSHEVA**Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Abstract

Introduction: humanization of assignment and execution of punishment is one of the priority vectors of modern criminal and penal policy. The existence of even the most humane and just legislation does not yet lead to the desired goal. In turn, this obliges to consider legislation as an integral element of criminal policy, which should timely respond to the ongoing changes in society, taking into account modern realities and trends. *Purpose:* to determine consistency of humanization of sentencing and its implementation, relationship between sanctions enshrined in domestic criminal legislation and effectiveness of the state's criminal legal response to crimes committed by women, as well as women with young children. *Methods:* historical-legal, formal-legal, comparative-legal, descriptive, statistical methods and the method of legal modeling. The *results* of the study confirm the need to formulate a strategy for the humanization of criminal and penal legislation on combating crimes committed by women. *Conclusion:* when choosing measures of procedural coercion and criminal punishment, it is necessary to take into account the data related to the characteristic of a woman, her age, state of health, occupation, marital status, presence of minor children, dependents and other individual circumstances.

Key words: humanism; enforcement of punishment; women's identity; punishment; criminal policy; penal policy

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kunts E.V., Latysheva L.A. Humanizing imposition and enforcement of sentences on women. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 385–390. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.005.

Introduction

Humanism manifests itself not only in the essence of domestic law, its legal nature, principles, but also in how it is practically implemented, in what forms and methods. In this regard, at present, certain institutions of domestic criminal and penal law have ceased to be ex-

clusively repressive in nature and have been strengthened to a greater extent by educational and correctional potential.

This state of affairs is associated with democratization and globalization of society, priority of freedom in choosing a preventive measure and imposing criminal punishment, as a

result, recognition of rights and freedoms as the highest value.

In this regard we back the point of view of M.R. Balasanov that the relevance of a particular legal phenomenon is justified by various factors, such as socio-economic and political conditions of the existence of society and the state [1, p. 187].

Consequently, humanization in the appointment and execution of criminal penalties obliges legislators and law enforcement officers to take into account the characteristics and specific needs of citizens, especially women.

In this regard, the formation of domestic legislation and the practice of its application should be not only gender-based, allowing for gender-specific characteristics, but also gender-sensitive, responding to specific characteristics and needs of a particular offender. Gender sensitivity is an approach that takes into account specific social, cultural, economic and political contexts of women and men's lives [2, p. 14].

With this in mind, the strategy for humanizing criminal and penal legislation aimed at combating crimes committed by women should be based on limiting the use of a preventive measure – detention of women who have committed nonviolent crimes, as well as against women with young children and suspects with serious illnesses.

In the light of the penal system reform, scientists pay close attention to the issues of humanization of criminal and penal legislation. Nowadays, certain aspects of humanization in the process of assigning and executing punishments against women are touched upon in the works of D.Yu. Alekseev, S.E. Apatov, I.V. Vetrova, V.Yu. Golubovskii, N.A. Ivanova, E.V. Kunts, L.A. Latysheva, N.I. Polishchuk, T.N. Radochina, V.I. Seliverstova, and Yu.P. Sinel'shchikov.

Research

Certain manifestations of humanized execution of punishment against women have been observed throughout the entire period of the Russian state. In the modern period, the activities of the penal system are aimed at improving the institution of parole, providing additional visits and visits to women with young children.

In turn, one of the main directions of the penal system development in the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the period up to 2030 indi-

cates the improvement of penal policy in order to humanize it, including regulatory and legal regulation. The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation approved in the first reading a draft law on limiting arrest in relation to certain categories of citizens, in particular women accused of committing minor crimes [3].

The Federal Law No. 591-FZ of December 12, 2023 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" introduced amendments aimed at humanizing criminal legislation in relation to women serving sentences of imprisonment for committing a minor crime and having children kept in the children's home of the correctional institution.

However, judicial practice confirms that imprisonment is still one of the most frequently imposed types of punishment for women. So, in 2023, 15,760 women were sentenced to imprisonment for a certain period. At the same time, 40,042 women were sentenced to other types of punishments that do not provide for isolation from society (restriction of freedom, restriction on military service, correctional labor, compulsory labor, forced labor, deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, a fine) [4]. This leads to the conclusion that almost 28% of the convicts are sentenced to imprisonment. Thus, the criminal penalty in the form of imprisonment is imposed on virtually every third woman. In this case, attention is drawn to the frequency of the appointment of this type of punishment in comparison with others. In addition, attention should be paid to the terms of imprisonment. For example, 3,222 women were sentenced to imprisonment for up to 1 year and 2,711 convicts for a term of 5–8 years [5]. Obviously, the difference is not significant.

Some scientists studying the specifics of the spread of criminal subculture among women have found that the prison subculture does not contribute to improving the process of correctional influence, adaptation in isolation and re-socialization after release. During the period of serving their sentence, some female convicts demonstrate norms of negative behavior, which significantly affect the correction process, limit possibilities of cooperation in the development of open constructive relations between employees and convicts [5, p. 349].

One could not but pay attention to the fact that the conditions of isolation can negatively affect women, they find it difficult to adapt to places of deprivation of liberty. For example, convicted women are more likely to experience stress and suffer from separation from their family [6, p. 107], divorce and unsettled personal life [7, p. 32].

As for punishments unrelated to isolation from society, this range is expanding, however, there are certain difficulties in their execution. For example, one of the recent changes supplementing the criminal law was the inclusion of a new type of punishment – forced labor. Since this type of punishment is relatively new, the practice of its appointment and execution has not been developed properly. Forced labor is not assigned to pregnant women and women with children under the age of three (Part 7 of Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Consequently, a convicted person with a child aged 3 years or older may be a priori sentenced to criminal punishment in the form of forced labor. Thus, it is impossible to avoid separation of the mother from the child, which, in turn, can negatively affect resocialization of the convicted woman and psychological well-being of her children. There are no children's homes in correctional centers. At the same time, not every female convict can realize the right to live with a child and close communication with him/her, since according to Part 6 of Article 60.4 of the Penal Code of the Russian Federation, only a convicted person who does not violate internal regulations of correctional centers and has served at least one third of the sentence can live with her family in a rented or own living space within the municipality on the territory of which the correctional center is located [8, p. 45].

It should be noted that the existing system of criminal penalties applied to women is not always effective in the context of achieving punishment goals. This applies, among other things, to punishments that do not provide for isolation from society. This is evidenced by the data on the recidivism of women.

With a relatively small difference in the number of men (46.5%) and women (53.5%) of the Russian population [9], the share of women in the total crime structure is only 16.3% [10], the share of convicted women serving imprisonment is significantly less (only 8.8%) [12], and

the share of women repeatedly serving a sentence is 5.7%, while the proportion of men is 94.3% [11].

These provisions necessitate updating of criminal and penal legislation in relation to women, improving the practice of its implementation, searching for and introducing new options for types of punishments and other criminal law measures that allow for a differentiated and individualized approach. It is important to understand that it is possible to influence women without resorting to punitive measures and without imposing severe punishments as part of repeat crime prevention. This includes, for example, the imposition of punishments for women that are not related to isolation from society and the use of other criminal law measures for committing nonviolent crimes of various categories.

Despite the fact that a woman has committed a crime, she continues to be a woman with her inherent characteristics, needs and problems. It, undoubtedly, should be taken into account when bringing her to criminal liability, which, in turn, should be reflected in the size and duration of punishments, the choice of a type of correctional institution and other aspects. The legislator is making attempts to differentiate and individualize criminal liability of women. For example, women who have committed a crime, regardless of the category, with the exception of crimes of minor and moderate severity and recidivism, serve a sentence only in a correctional facility of general regime.

It is necessary to provide additional privileges for certain categories of convicted women, in particular, pregnant women and women with young children. The reproductive function of a woman a priori determines a special "privileged position" of women. It should be pointed out that the differences between sexes, as implied by the sociocultural approach, are formed by society. According to Nancy Chodorow's concept of motherhood, girls initially prepare for motherhood [12]. Undoubtedly, this should be taken into account when forming criminal and penal policy towards women.

A woman is punished by serving a sentence imposed by the court, but at the same time it is advisable to realize her rights and legitimate interests. For example, in the conditions of a penitentiary institution, it is important to involve

women, if possible, not only in traditionally female types of work. Attention is drawn to the fact that sewing is the main type of production in correctional institutions [13, p. 42]. This, in turn, may make it difficult to find a job after release, since narrower specialties are becoming in demand on the labor market, which is dictated by the development of information and telecommunication technologies, and computerization of production processes. We are talking about various fields, including education, agriculture, the service sector, the financial sector, etc. A woman in this regard is in a somewhat discriminated position.

It should also be noted that the system of punishments and measures of a criminal legal nature applied to women, their implementation should initially assume humanistic principles. It is very interesting that the concept of humanization in relation to the penal system is revealed in the study of S.E. Apatov, in particular, he points out that humanization should be perceived as a set of measures that should contribute to changing the internal content of penitentiary institutions [14]. It is important to note that successful rehabilitation of convicts in places of detention is of particular importance in preventing recidivism [15].

In turn, E.V. Reshetnikova introduces the concept of "socialization of humanism", an important means of which is interpersonal interaction and regulation (humanization) of the immediate social environment [16, p. 10].

Summarizing the previous arguments, it can be said that today there is a need to impose punishments not related to isolation from society on women who have committed nonviolent crimes, in exceptional cases pregnant women and women with young children. Various alternatives should be developed, the list of criminal law measures – extended, and fundamentally new ones – searched for. Alternatively, it is possible to consider compulsory educational measures applied to minors.

Yu.P. Sinel'shchikov points out the use of arrest to achieve punishment goals, noting that arrest is considered as a promising punishment and can become an effective means of corrective action on women. Being held in an arrest house for several months, convicted women do not get used to isolation conditions, preserve socially useful connections, habits, and ways of

thinking, and do not get nervous diseases [17].

A fragmentary (interrupted) sentence is of scientific and practical interest, since it implies serving a criminal sentence in the form of imprisonment for a certain period in parts. In this regard, it is advisable to turn to foreign experience, which is reflected in the work of A.F. Kovalev. For example, in Brazil, a convicted person spends weekends and holidays in a special center and takes part in educational activities, and the duration of stay cannot be less than 5 hours [18, p. 687].

It is advisable to consider possible options for expanding the list of grounds for the release of women convicted of nonviolent crimes from criminal liability and punishment, as well as effective mechanisms for improving the application of early release from serving a sentence. It is possible to commute punishment for certain categories of convicted women, for example, those serving sentences for nonviolent crimes, pregnant women with young children, or provide additional types of conditions for serving sentences in correctional facilities.

Conclusion

Successful return of a woman to society is possible with the implementation of an individual approach to the appointment and execution of criminal penalties. Undoubtedly, specific needs and characteristics of a woman should be taken into account. In this context, we are talking about the formation of gender-sensitive legislation. The category of a crime and the degree of its public danger should be taken into account. So, V.R. Alekseitsev proposes to change the emphasis in criminal legislation in the direction of mitigating penalties for crimes not related to the threat to human life and health [19]. In this regard, it is advisable to impose punishments that are not related to isolation from society on women and to apply other criminal law measures for committing nonviolent crimes of various categories. In the future, it is reasonable to consider an analogy with compulsory educational measures applied to minors and to put into practice the use of fragmentary detention and arrest as an alternative to imprisonment.

In addition, the problem of preserving a woman's reproductive function requires special attention, since in most cases every woman is a mother, grandmother, and may have children in the future. Family and motherhood are an im-

portant criminogenic factor for a woman. At the same time, family and marital relations, which occupy an important place in a woman's life, have been increasingly prone to disintegration or distortion in recent years [20].

We believe it reasonable to establish rules according to which a woman with young children can be detained and subsequently sentenced to imprisonment only in connection with an accusation of committing a serious or especially

serious crime. The formulated recommendations can deepen the existing fundamental scientific knowledge about phenomena, events and processes related to further humanization of criminal and penal legislation as the main means of responding to crimes committed by women. They can serve as a basis for further promising scientific directions of humanization of domestic legislation in this scientific search.

REFERENCES

1. Balasanov M.R. Conditional nature of the application of the substitution of the unserved part of punishment with a milder penalty as a way to improve this criminal law institution. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 187–195. (In Russ.).
2. Krel' V.K. *Nauchno-teoreticheskie osnovy i praktiko-orientirovannaya spetsifika gendernoi chuvstvitel'nosti pri podgotovke i provedenii massovykh sobytiinykh meropriyati: magisterskaya dissertatsiya* [Scientific and theoretical foundations and practice-oriented specificity of gender sensitivity in the preparation and conduct of mass events: master's thesis]. Minsk, 2021. 75 p.
3. Deputies supported the draft law of the Supreme Court on the humanization of the Criminal Procedure Code. *Kommersant*: *ofitsial'nyi sait* [Kommersant: official website]. Available at: <https://www.kommersant.ru> (accessed June 20, 2024).
5. *Bibliodos'e. Zakonodatel'noe obespechenie protsessy gumanizatsii dlya zhenshchin, nakhodyashchikhsya v mestakh prinuditel'nogo sodержaniya: kruglyi stol komiteta Gosudarstvennoi Dumy po zashchite sem'i, voprosam otsovstva, materinstva i detstva* [Legislative support of the humanization process for women in places of forced detention: round table of the State Duma Committee on Family Protection, Paternity, Motherhood and Childhood]. Moscow, 2024. 34 p.
5. Minster M.V. Some conditions conducive to the commission of recidivism of crimes by women. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2019, no. 3, pp. 343–351. (In Russ.).
6. Radochina T. Convicted women in prisons in England. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2013, no. 6, pp. 103–108. (In Russ.).
7. Kunts E.V. *Prestupnost' sredi zhenshchin i ee preduprezhdenie v sovremennoi Rossii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Crime among women and its prevention in modern Russia: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2006. 49 p.
8. Krasil'nikov M.S. Problems of the implementation of forced labor and imprisonment in a colony settlement in relation to pregnant women and women with young children. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2017, no. 3 (32), pp. 39–46. (In Russ.).
9. The population of the Russian Federation by gender at the beginning of the year. Statistics. Demographics. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: ofitsial'nyi sait* [Federal State Statistics Service: official website]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (In Russ.). (Accessed July 24, 2024).
10. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–mai 2024 goda* [A brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–May 2024]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/51988292/> (In Russ.). (Accessed July 24, 2024).
11. *Dannye sudebnoi statistiki* [Judicial statistics data]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (In Russ.). (Accessed July 24, 2024).
12. Firsova E.M. Features of gender differences. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2016, no. 29 (133), pp. 336–339. Available at: <https://moluch.ru/archive/133/37027/> (In Russ.). (Accessed July 12, 2024).
13. Latysheva L.A. *Resotsializatsiya zhenshchin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody: otechestvenny i zarubezhnyi opyt: monogr.* [Resocialization of women sentenced to imprisonment: domestic and foreign experience: monograph]. Vologda, 2019. 121 p.
14. Apatov S.E. Humanization of punishments in Russian criminal legislation and its significance. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2023, no. 33 (480), pp. 20–22. Available at: <https://moluch.ru/archive/480/105526/> (In Russ.). (Accessed July 12, 2024).

15. Amali S.E., Sibanyoni E.K., Tshivhase N. Incarceration for reformation or deformation? *International Journal of Criminology and Sociologi*, 2021, no. 10, pp. 562–571.
16. Reshetnikova E.V. *Sushchnost' sovremennogo gumanizma i osnovnye napravleniya ego sotsializatsii: avtoref. diss. ... kand. filosof. nauk* [The essence of modern humanism and key directions of its socialization: Candidate of Sciences (Philosophy) dissertation abstract]. Irkutsk, 2005. 28 p.
17. Sinel'shchikov Yu.P. Legislative support of the humanization process for women in prison. *Kommunisticheskaya partiya Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Communist Party of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://kprf.ru> (In Russ.). (Accessed June 26, 2024).
18. Kovalev A.F. Fragmented imprisonment as an innovative alternative to criminal punishment in the form of imprisonment for a certain period. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2021, no. 15, pp. 685–688. (In Russ.).
19. Alekseitsev V.R. Movement for the humanization of society (theses). *Zdravyi smysl = Common Sense*, 2011, no. 4 (61), 2012, no. 1 (62). Available at: https://razumru.ru/humanism/journal2/61_62/alekseitsev.htm (In Russ.). (Accessed June 15, 2024).
20. Alekseev D.Yu. Features of the causal complex of female crime. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, 2009. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prichinnogo-kompleksa-zhenskoy-prestupnosti> (In Russ.). (Accessed June 15, 2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ELENA V. KUNTS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Sentences Associated with Deprivation of Liberty and the Study of Penitentiary Crime of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penitentiary System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>

LYUDMILA A. LATYSHEVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, mila.latysheva.1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6035-2559>

Received August 5, 2024

Original article

UDC 348.8

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.006

Category of “Threat” in the Theory and Practice of Penal Law

VALERII K. BAKULIN Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, peltonen_87@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1513-7355>

Abstract

Introduction: the article analyzes the content of the interdisciplinary category of “threat”, which is an integral element of the methodology of criminal law sciences. Understanding the complexity of developing a definition of this evaluative concept, we believe that its lack will affect the effectiveness of law enforcement and law-making activities. *Purpose:* based on the study of norms of the Penal Code of the Russian Federation containing the term of “threat”, used in that interpretation, to develop proposals and recommendations for boosting effectiveness of penal legislation and practice of its application and to define the concept of “threat” in penal law. *Methods:* a set of general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), private scientific and special methods (formal legal, comparative legal, statistical). *Results:* the study of the legal category of “threat” in the field of the execution of criminal penalties makes it possible to roughly group threats into the following types: a) threat to life and health in connection with the illness of a close relative of the convicted person; b) threat against convicts from other convicts, staff and other persons; c) threats that are created directly by the convicted; d) threats during the introduction of a regime of special conditions. The objects of influence of threats and sources (subjects) of threats in the penal system are identified. It is noted that the category of “threat” manifests itself in such social reality as penitentiary crime. *Conclusions:* it is proposed to limit the law enforcement discretion in ensuring the right to personal safety of convicts held in a special regime correctional facility intended to serve a sentence of imprisonment. The author defines concepts of “threat” in penal law and “penitentiary crime”, as well as in the light of recent amendments made to Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation describes concepts of “quarantine” and “real threat of an armed attack on a correctional facility” as new grounds for introducing a regime of special conditions in a correctional institution.

Keywords: category of “threat”; penitentiary crime; objects of threats; subjects of threats; classification of types of threats.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Bakulin V.K. Category of “threat” in the theory and practice of penal law, *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 391–397. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.006.

Introduction

Undoubtedly, the functioning of the system of execution of criminal penalties, covering

about 1 million 300 people in total (as of May 1, 2024), including those sentenced to criminal penalties associated with isolation from soci-

ety and without it, as well as the staffing of the Federal Penitentiary Service of Russia, is associated with the presence of risks (including corruption), dangers (including religious radicalization), and threats of a subjective and objective nature. In legal terminology, a threat is generally interpreted as an intention expressed in any form to cause harm to any person or public interests. According to L.B. Smirnov, in order to ensure the state of security of the penal system, it is important to achieve a balance between the security of institutions of this system and the degree of possible threats [1, p. 327]. This study will focus on types of threats regulated by norms of the Penal Code of the Russian Federation.

As a rule, each science uses a unique set of fundamental categories that form the methodological foundation of the relevant field of knowledge. These key categories set initial parameters for the theoretical structure of a given science, serving as guidelines that ensure scientific search and development of research methods [2].

Although the concept of threats does not belong to basic concepts of philosophy, it occupies a key position in the field of national security studies. In the context of the National Security Strategy of Russia, approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021, threat is defined as a set of circumstances and elements that can directly or indirectly harm the state interests. At the same time, the national interests of the Russian Federation cover vital aspects of the well-being of the individual, the stability of society and sovereignty of the state, as well as their safe and dynamic development.

The term of “threat” in the context of the national security theory, due to its universality and versatility, is reflected in legislation, especially in criminal law. However, despite its widespread use, the Criminal Code does not provide a clear definition of “threat”.

In Russian criminal law, the concept of “threat” is applied with various legal nuances. In the Criminal Code of the Russian Federation, this term is explicitly present in the headings of only two articles: Article 119 (threat of murder or serious harm to health) and Article 296 (crimes related to threats and violence in the context of judicial proceedings and preliminary investigation). However, as a criterion for evalu-

ating actions, this term is reflected in the text of over fifty articles of the Criminal Code of the Russian Federation, for example, articles 126, 127.1, 127.2, 131–133, 211, 247, 286, 318, 321 and others. This indicates that threat performs the function of a criminal legal category, taking different forms depending on the context: it can act as a way of committing a crime, characterize features of a criminal act or serve as a circumstance aggravating liability.

In the field of the execution of criminal penalties, the category of “threat” finds its expression in such a social phenomenon as penitentiary crime, which poses a threat to penitentiary security in particular and the national security of the state as a whole, as well as in the mechanism for ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of the parties to penal law relations.

Penitentiary crime is a set of crimes committed by subjects and participants of legal relations in penitentiary institutions, executing punishments requiring isolation from society for life or for a certain period, as well as not involving isolation, such as forced labor.

In the Penal Code of Russia, the word “threat” in different interpretations is present in eight articles, namely in parts 1, 2 of Article 13, Article 50, Part 12 and 2.1 of Article 85, Part 1 of Article 97, Part 1 of Article 116, Part 1 of Article 127, Part 1 of Article 162 and Part 2 of Article 60.18.

Considering that threats in the field of the execution of criminal penalties may concern the penal system directly and indirectly, have different objects and subjects (subjects ensuring security in the penal system and subjects – sources of threats), we classify these threats into the following types: 1) threat to life and health due to the illness of a close relative of the convicted person; 2) threat against convicts from other convicts, staff and other persons; 3) threats posed by convicts themselves; 4) threats during the introduction of a special conditions regime.

Research

Threat to life and health due to the illness of a close relative of the convicted person.

The presence of a serious illness in a family member of a convicted person is the basis for the application of humanistic principles in the system of execution of sentences, thereby allowing to expand the rights of convicts while

serving their sentence. Although the critical state of health of a relative is not a direct threat to the safety of the institution executing the punishment, but the refusal to provide an opportunity to meet with him/her can directly affect the situation in places of detention, provoke discontent and destabilization, which indirectly affects the security of the institution.

Threat to life of a close relative of a convicted person, according to the Penal Code of the Russian Federation, is a special case and is considered as an exceptional personal circumstance that may give the convicted person the opportunity to leave the territory of a correctional facility with certain conditions.

In exceptional personal circumstances, persons serving restriction of liberty may obtain permission from the criminal executive inspection to temporarily leave borders of their municipality in accordance with paragraph "a" of Part 4 of Article 50 of the Penal Code of the Russian Federation. Under similar conditions, persons sentenced to imprisonment may be given the opportunity to make short-term trips for up to one week, while travel time is not taken into account (paragraph "a" of Part 1 of Article 97 of the Penal Code of the Russian Federation). In this context, the possibility of departure for convicts is not an unconditional right, but rather a legitimate interest, the responsibility of the institution's administration for providing such an opportunity remains in question and is implemented at its discretion. In the same way, in specific personal situations, military personnel serving sentences in disciplinary military units may be allowed to travel outside their borders for up to seven days, excluding the time required to travel there and back (Article 162 of the Penal Code of the Russian Federation).

The natural character of the threat to life and health of a close relative of a convicted person due to a disease is expressed in an objective danger that has a universal nature and capacities to arise in any individual suffering from any disease. The source of such a threat is human disease.

So, in some cases, a life-threatening illness of a close relative of a convicted person may indirectly concern the safety of the functioning of correctional facilities if the administration unreasonably exceeds discretion limits fixed in the Penal Code of the Russian Federation by

prohibiting the convicted person from visiting a seriously ill relative.

Threats against convicts from other convicts, employees and other persons.

Threats against convicts described in the Penal Code of the Russian Federation include threats to personal safety of persons sentenced to serving sentences in the form of forced labor, arrest or urgent imprisonment (Part 2 of Article 13 of the Penal Code of the Russian Federation), as well as life imprisonment (Part 1 of Article 127 of the Penal Code of the Russian Federation).

Guaranteeing the personal safety of convicts includes a legally established right to protect their life and health while serving their sentence. In the event of a threat, responsible employees are instructed to take necessary measures to ensure the safety of the convicted person, including his/her transfer to conditions that exclude risks to life or health, as well as performing other actions to neutralize such threats [3, p. 72].

The object of threats in various institutions, including correctional centers, correctional institutions, detention houses, special regime correctional facilities for life convicts, are the rights, freedoms and legitimate interests of persons serving sentences in these institutions.

The subjects posing a security threat may be employees of correctional facilities, convicts, as well as other persons. Most offenses, as noted by V.V. Bochkarev, are committed by those arrested and convicted, but a small number of committed offenses are committed by other persons and staff, which increases possible threats to the penal system [4, p. 25].

In the first half of 2024, 139 applications were sent to the Federal Penitentiary Service of Russia from convicts and their family members for transfer in order to protect personal safety (same period of the previous year – 195) [5].

In this context, attention should be paid to the specifics of the procedure for exercising the right of convicts to personal safety. If there is a threat to personal safety, those sentenced to forced labor, arrest or imprisonment are entitled to apply to any official with a request to ensure personal safety, who is obliged to immediately take all necessary measures to guarantee this safety.

When there is a threat to the personal safety of a person serving a life sentence, they can

also file an appeal to the management of the correctional facility with a request for protection. However, the possible transfer to solitary confinement depends solely on the decision of the head of an institution. According to Part 1 of Article 127 of the Penal Code of the Russian Federation, those sentenced to life imprisonment do not formally have a direct right, but only a legitimate interest in ensuring personal safety, the execution of which is not mandatory for the administration of the institution, leaving it the right to make an appropriate decision at its own discretion.

We are convinced that the use of subjective law enforcement in this situation is unacceptable. Convicts serving a life sentence should have a guaranteed right to personal safety in accordance with Article 127 of the Penal Code of the Russian Federation, taking into account the risks associated with the possibility of committing murder in a small cell and the fact that the killer will actually go unpunished. However, practice demonstrates disregard for this aspect on the part of convicts serving life imprisonment. An example is the decision of the Torbeev District Court of the Republic of Mordovia of March 5, 2020, where D.A. Il'osov, sentenced to life imprisonment, was found guilty of murdering a cellmate and sentenced to 14 years in prison in the same correctional facility [6].

Threats created by convicts themselves.

According to the Penal Code of the Russian Federation, threats posed by convicts, are also divided into two types. First, the category of "threat" appears in Part 3 of Article 116 of the Penal Code of the Russian Federation "Malicious Violation of the Established Procedure for Serving Sentences by Persons Sentenced to Imprisonment" and, second, in Part 2 of Article 60.18 "Supervision over Persons Sentenced to Forced Labor and Measures to Prevent Violations of the Order and Conditions of Serving Forced Labor".

Thus, the legislation qualifies threats made by convicts without elements of committing a crime as a gross violation of the order of serving a sentence. According to V.A. Utkin, in the first half of 2021, 276,972 cases of regime violations were registered in correctional institutions, of which 9 thousand were recognized as malicious. Most of them are related to the manufacture, storage or shipment of prohibited items

(4,163), followed by repeated violations committed during the year (2,921) and refusals from work (1,005). In addition, a significant volume (719) consists of cases of threats or disobedience to officials, as well as their insults without evidence of a criminal act [7].

We back the point of view of R.Z. Useev that the current penal legislation lacks interpretation of fundamental terms and categories, except for definitions given in articles 9, 82 of the Penal Code of the Russian Federation [8, p. 118].

The essence of threat in the absence of elements of a criminal act is discussable. Considering that threat, according to Part 1 of Article 116 of the Penal Code of the Russian Federation, is not qualified as a criminal offense similar to those stipulated in articles 119, 321 of the Criminal Code of the Russian Federation, the question arises about the nature of threat as a violation of disciplinary procedure in the penitentiary context. What threats do not entail criminal liability and fall under disciplinary responsibility in the penitentiary system? A.A. Krashennnikov points out that there are articles in the Criminal Code of the Russian Federation providing for liability for actions that pose public danger, including threats (up to eighty different compositions in total) [9, p. 44]; however, the code does not contain an unambiguous definition of the concept of "threat". Similarly, the Penal Code of the Russian Federation does not contain clear legislative definitions covering "threat" as a serious violation of the regime of serving a sentence by persons sentenced to imprisonment.

In order to prevent subjectivity in the application of laws, reduce the corruption factor, as well as to improve the quality of laws and their effectiveness in the field of penal legislation, it is extremely important to introduce the terminology that is characterized by clarity of definitions, depth of meaning, accessibility to understanding and conciseness of presentation.

From our point of view, taking into account the danger to law and order in the penal system, it is advisable to exclude the category of "threat" from the number of malicious violations of the regime and transfer it to the rank of a criminally punishable crime if there is an evidence base. This conclusion correlates with the opinion of V.S. Epaneshnikov, who argues that threats against employees of penitentiary institutions should be qualified as criminal offenses [10, p. 336].

The category of “threat” is also used in the execution of punishments that do not involve isolation, such as forced labor.

In accordance with the functions of control and supervision, the administration of a correctional center, by its decision, may place in a safe room for short-term detention for a period of 24 hours a person sentenced to forced labor who poses a threat to the life or health of others or him/herself. In this case, the threat is specified; Part 2 of Article 60.18 of the Penal Code of the Russian Federation fixes a criminally punishable threat provided for in Part 1 of Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The objects of threats posed by convicts in correctional facilities and correctional centers are the procedure for the execution and serving of sentences in the form of imprisonment and forced labor, as well as the rights, freedoms and legitimate interests of convicts, staff and other persons. The subjects of threats are only those sentenced to imprisonment and forced labor.

Threats during the introduction of the special conditions regime.

There are threats that arise during the establishment of the special conditions regime in correctional facilities.

The special conditions regime is a unique legal regime for correctional institutions responsible for the execution of criminal penalties, which adapts standard norms of penal law concerning the status of subjects and participants in these legal relations. This includes modification of the process and conditions of the execution of punishments [11].

The occurrence of special events both around the territory and within the correctional institution itself serves as the basis for introducing the special conditions regime. According to Paragraph 1 of Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation, the introduction of emergency circumstances, including emergency or martial law, high alert, emergencies or quarantine in a limited territory of the Russian Federation, entails the possibility of implementing this regime in correctional facilities located in these areas. Such measures can also be applied during hostage-taking, mass riots or group disorderly conduct, as well as because of possible attacks on the object.

In the updated version of Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation, the term of “threat” is used in Part 1. It specifies two types

of threats during the introduction of the special conditions regime: external and internal. With the introduction of additions and amendments to Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation, the type of external and internal threats has increased.

Currently, external threats include threats related to the imposition of a state of emergency or martial law. For example, martial law is imposed in the event of an immediate threat of aggression, and a state of emergency is imposed to protect against an external or internal threat and maintain public order.

This group also includes a high alert regime, which is a set of measures carried out by emergency services and responsible persons in accordance with legally established powers, aimed at reducing and eliminating the threat of an emergency and minimizing possible negative consequences.

According to the Federal Law No. 68-FZ of December 21, 1994 (as amended of December 8, 2020) “On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies”, emergencies are characterized as conditions in a certain area caused by an accident, a terrible natural event, a catastrophe, an epidemic of diseases with a high risk to the population, a flood, an earthquake or other disaster. Such situations lead or may lead to the loss of life, harm to public health and the ecosystem, significant economic losses and disruptions in the normal functioning of society.

However, the emergency regime introduction can also be classified as internal threats, that is, taking place in institutions of the penal system (for example, epidemics of infectious diseases that threaten public health).

Among the circumstances in which a regime of special conditions may be declared are quarantine restrictions in correctional institutions located in certain areas. According to the Federal Law “On Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population” No. 52-FZ of March 30, 1999, quarantine is established at checkpoints of the state border of the Russian Federation, within the country, on the territories of certain regions, municipalities, as well as in institutions and enterprises of various fields of activity at the threat of the appearance and spread of infectious diseases.

It should be noted that the introduction of quarantine can also be attributed to the num-

ber of internal threats, because Part 1 of Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation emphasizes that the special conditions regime can be installed when restrictive measures (quarantine) are introduced within a correctional institution. In addition, quarantine, as it seems to us, is not an element of the concept of "emergency", since it is established in the event of the occurrence and spread of infectious diseases. It is also impossible to identify terms "quarantine department" (Part 2 of Article 79 of the Penal Code of the Russian Federation) and "quarantine" (Part 1, Part 2.1 of Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation). Quarantine is a combination of administrative restrictive and regime anti-epidemic measures aimed at breaking the mechanism for transmission of infections, established for a period of up to 40 days or more. A quarantine department is a residential building where a complex of organizational, technical, psychological, pedagogical, preventive and health measures aimed at adapting convicts in a correctional institution for the period of serving their sentence is carried out for 15 days.

Internal threats under Part 1, Part 2.1 of Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation include penitentiary threats: hostage-taking, mass riots or group disobedience.

An additional reason for establishing the special conditions regime in a correctional institution is the statement of a real threat accompanied by the use of weapons at the facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia. We believe external threats to be the basis for introducing the special conditions regime.

The threat of an armed raid on a correctional facility can only come from the outside. All kinds of attacks on convicts, employees and other persons committed inside the correctional institution, pogroms, arson, destruction and damage to property are classified as mass riots.

The grounds for applying the special conditions regime (Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation) are inextricably linked with the concepts of a real threat and an immediate threat, which, despite the variability of wording in the text of the article, are inherently synonymous. The real threat of an armed attack on a correctional facility is understood not just as a potential danger that may manifest itself in the

long term, but as a threat that already exists or is expected in the immediate future.

Taking into account the above, it should be emphasized that the implementation of an expanded list of criteria for the application of special conditions in a correctional institution is not aimed at narrowing the content and scope of the rights, freedoms and legitimate interests of convicts, but at their permissible and temporary restriction for socially significant purposes and strengthening legal guarantees for the rights and freedoms of convicts, staff and other persons during the period of operation of the penitentiary legal regime.

In accordance with Russian legislation, the authority to introduce the special conditions regime for a period of up to one month belongs to the Director of the Federal Penitentiary Service or the head of the territorial department of the regional penitentiary system. This action requires coordination with the Prosecutor General of the Russian Federation or the local prosecutor. However, the head of a correctional institution is not entitled to it. However, in the event of a direct danger to the life or health of convicts, employees of the institution or other persons, he may, on his own initiative, impose temporary restrictions specified in Part 2 of Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation, and must immediately notify the authorized person, who within three days after receiving the relevant notification must either approve the introduction of the special conditions regime, or cancel previously applied measures, according to Part 4 of Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation.

The object of threats during the introduction of the special conditions regime is the legal status of convicts, staff and other persons, as well as public safety and public order. The subjects of threats during the specified period may be convicts, staff and other persons located both on the territory of the correctional institution and outside it. As already noted, natural disasters and the introduction of special legal regimes in the area of the correctional facility can be a source of threats directly or indirectly.

Conclusion

The threat categorization system developed by us and the built-up classification model of the types of threats existing in the penal system

allow us to define the concept of “threat” as follows: a threat in penal law is a set of circumstances, factors and conditions of an objective and subjective nature that create a direct or indirect possibility of the violation of rights in the field of execution of criminal penalties, freedoms and legitimate interests of subjects and participants in penal relations.

An integral feature of any legal science is its explicit connection with law-making, law enforcement and legal realization activities. The legal doctrine and legal practice are insepara-

ble. The practice of execution of punishments currently cannot be effectively formed and developed without knowledge of the provisions, conclusions and recommendations of penitentiary science. Taking into account the above, we believe that the category of “threat” as an element of malicious violation of the established procedure for serving sentences by persons sentenced to imprisonment should be excluded from Part 1 of Article 116 of the Penal Code of the Russian Federation and transferred to the “rank” of a crime.

REFERENCES

1. Smirnov L.B. Penitentiary security and problems of its provision. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2019, vol. 14 (1–4), no. 4, pp. 326–334. (In Russ.).
2. Kulikov E.A. Philosophical categories in legal science and legal categories: problems of theory and methodology. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Research*, 2017, no. 10, pp. 59–77. (In Russ.).
3. Bakulin V.K., Bakulina L.V., Khalilov R.N. *Comparative European and International law and Russian Human Rights*. Mauritius, 2021. 92 p.
4. Bochkarev V.V. Security of the penal system: objects, threats, means and subjects of its security. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 2 (43), pp. 21–30. (In Russ.).
5. *Obzor o rabote s obrashcheniyami grazhdan v FSIN za I kvartal 2024 g.* [Overview of the work with citizens' appeals to the Federal Penitentiary Service for the first quarter of 2024]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/management/obzor-obrashcheniy-grazhdan/> (accessed June 1, 2024).
6. *Delo Il'esova D.A. ot 06.03.2022, Mordoviya, Tarbeevskii raionnyi sud* [The case of Il'esov D.A. of March 6, 2022, Mordovia, Tarbeev District Court]. Available at: http://torbeevsky.mor.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=351 (accessed June 1, 2024).
7. Utkin V.A. Rationality of coercion as a principle to regulate execution of prison sentences. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1(57), pp. 29–36. (In Russ.).
8. Useev R.Z. Malicious disobedience to the requirements of a correctional facility administration: problems of interpretation, liability and security in detention facilities. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2019, no. 13, pp. 117–121. (In Russ.).
9. Krashennikov A.A. *Ugroza v ugovnom prave Rossii (problemy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya)* [Threat in criminal law of Russia (problems of theory and practice of legal regulation)]. Ed. by Chuchaev A.I. Ul'yanovsk, 2002. 179 p.
10. Epaneshnikov V.S. *Kommentarii k ugovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Penal Code of the Russian Federation] Ed. by Mikhlin A.S. Moscow, 2008. 336 p.
11. Kashuba Yu.A., Alekseev A.Yu. The legal nature of the special conditions regime. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2021, vol. 16 (1–4), no. 3, pp. 306–311. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VALERII K. BAKULIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, peltonen_87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1513-7355>

Received July 12, 2024

Historical Aspect of Penitentiary Denazification

EVGENII N. YAKOVETS

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Abstract

Introduction: in the article, the author addresses a historical aspect of the issue of penitentiary denazification in the USSR and Russia. The historical experience of penitentiary denazification in the context of the special military operation on the territory of Ukraine is of theoretical and practical interest. *Purpose:* to describe historical experience of denazification in the conditions of the Soviet correctional labor system of the 1940-1950s. *Methods:* universal method of cognition – dialectical materialism based on the laws of dialectics; formal logical methods – analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, analogy; general scientific methods – observation, comparison, description, etc.; private scientific method of historical analogy. *Results:* the paper provides statistical data and examples that reveal various aspects of penitentiary practice in relation to Ukrainian nationalists. The formation and development of the idea of Ukrainian radical nationalism is analyzed. The material presented in the article can be used in practical activities of modern penitentiary bodies and institutions, in particular, to increase the effectiveness of work with adherents of the radical ideology of Ukrainian nationalism. *Conclusion:* the modern Russian penal system needs to ensure real denationalization of the neo-Banderites in places of detention. It is also necessary to initiate the creation of a regulatory framework that ensures an effective solution to this issue.

Key words: Ukrainian radical nationalism; the OUN members; the Banderites; atrocities of Ukrainian nationalists; penal system; clandestine terrorist actions; amnesty; neo-Nazis.

5.1.4. Criminal law sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Yakovets E.N. Historical aspect of penitentiary denazification. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 398–410. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.007.

There were animals
Near the door.
They were shot at,
They were dying.
But there were those who pitied them,
Those who opened these doors
to the animals.
The animals were greeted with songs
and loud laughter.
And the beasts came in and killed them all.

A. Strugatskii

After the USSR collapse, heirs of the Banderites and the OUN members – modern Ukrainian nationalists – created the myth that their ancestors fought against Hitler and Stalin, being the basis of the Ukrainian anti-fascist resistance movement. However, in fact, the Banderites and the OUN members did not even try to fight the Nazis, strongly emphasizing that their spiritual mentors were Italian fascists and German Na-

zis. The very appearance of armed groups of “Westerners” was directly related to the policy of the Third Reich in Western Ukraine [1].

In the towns and villages occupied by the Germans, creating their own “people’s committees”, radical Ukrainian nationalists stated the following: “Our government should be scary for its opponents. Terror is for foreign enemies and their traitors”. They divided ethnic minorities into friendly and hostile groups, considering the latter as “Muscovites, Poles and Jews”. Captured Russian soldiers were ordered to be handed over to the Nazis or shot on the spot. If the Banderites had come to power, they had intended to ban non-Ukrainians (“outsiders”) from holding public office [2].

Even Westerners themselves did not hide the existence of its genetic connection with fascism, clarifying that “the closest relatives of Ukrainian nationalism should be sought not so much in German Nazism or Italian fascism – products of industrial and urbanized communities, as in parties of this type of the agrarian, economically backward peoples of Eastern Europe, such as the Croatian Ustashe, the Romanian Iron Guard, the Slovak Glinkov party, the National Radical Camp (Oboz Narodowo-Radykalny, ONR), etc. Ukrainian nationalism was a genetically independent phenomenon, although in its development it experienced undeniable influences from the corresponding foreign counterparts” [3, p. 530].

Mass atrocities were carried out by the Nazis on the territory of the Soviet Union primarily within the framework of the ideology of German National Socialism. Accomplices of the Nazis from among the collaborators, among whom were not only Ukrainian nationalists, but also representatives of other nationalities, took an active part in these crimes.

A brief genesis of Ukrainian radical nationalism. It is known that the Banderites ideology originated in Western Ukraine back in the late 19th – early 20th century. The core of the so-called Ukrainian project was the statement that “Ukraine is not Russia, Ukrainians are not Russians”. The idea of Ukrainians could have remained a fiction if the special services of the Austro-Hungarian Empire, including Galician Russia, had not seized on it. By that time, by the will of history, the Russian people had become divided, and the Austrians’ goal was to further weaken the Russian Empire as their potential enemy.

During the World War I, armed Ukrainian formations were formed on the basis of nationalist ideas strenuously promoted by the countries of the Triple Alliance, fighting against the Triple Entente. The revolutionary events in Russia contributed to further strengthening of these forces, first as part of the creation of the Ukrainian People’s Republic, which collapsed during the Russian civil war, and then during the creation by leading European states of a “sanitary cordon” around the Soviet Union. Western diplomacy has always viewed Russia as a geopolitical threat and placed a special emphasis on inciting nationalist sentiments, separatist aspirations, and imposing self-appointed rulers within it. Back in December 1917, U.S. Secretary of State R. Lansing noted that any opposition movement in Russia had to be supported, even if there was little chance of its success [4].

After the incorporation of Galicia into the revived Poland, a new stage in the development of Ukrainian national identity began, which lasted until the World War II. Local organizations of Ukrainian nationalists played a key role in this process, which managed not only to achieve success in promoting their ideas, but also to become the head of a fairly powerful armed movement [5]. During the interwar period, the nationalist movement in Western Ukraine was involved in the circle of interests of the German special services, who intended to use it to weaken Poland, Czechoslovakia and the USSR. During this period, the Organization of Ukrainian Nationalists (OUN) was formed (an organization whose activities are recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation), which was led by E. Konovalets, A. Mel’nik, S. Bandera, etc.

Further development of nationalist ideas was associated with the outbreak of the Second World War. After the entry of Soviet troops into the territory of Poland and the annexation of Western Ukraine to the USSR in 1939, it would seem that the dreams of Ukrainian nationalists about the reunification of their homeland with the eastern regions came true. At first, the latter even helped the Red Army units in neutralizing the resistance of the Poles [6]. However, the “Westerners” realized quite quickly that the Soviet system was hostile to their goals and objectives. In this regard, in order to seize power on the territory of the whole of Ukraine, the Banderites reoriented to Germany, which they considered as a potential enemy of both Po-

land and the Soviet Union. In Berlin, they began to position this organization as the only official political representative of the Ukrainian emigration in Germany, and everyone who considered himself a Ukrainian had to register in its branches [7, p. 109].

Meanwhile, as a result of the internal party struggle in April 1941, the OUN (an organization whose activities are recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation) split into two parts: the OUN-M (supporters of A. Mel'nik, who, after the assassination of E. Konovalts in Rotterdam on May 23, 1938, took his place and was subsequently recruited by the Abwehr) and the OUN-B (supporters of S. Bandera, who was also recruited by the Germans).

The activity of armed nationalist formations in the west of Ukraine acquired the greatest scope after the attack of Nazi Germany on the Soviet Union. Already on June 28, 1941, the Ukrainian government was proclaimed in Lviv, headed by S. Bandera's closest associate, Ya. Stetsko. However, the German authorities had their own views on the territory of Ukraine. The Nazis did not intend to create an independent Ukrainian state. The Slavic population was "superfluous" for the ideologists and leaders of Nazism in these fertile lands. They did not hide their intentions to annex Ukraine to the Reich in order to gradually settle its territory with the Germans. It was planned to exterminate or expell from the Reich up to 75% of Ukrainians. Those who remained were to be cheap labor for the German colonists [8]. Therefore, Bandera, Stetsko and other leaders of the OUN (an organization whose activities are recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation), who were involved in the creation of the Ukrainian government, were arrested and placed in German concentration camps until their services were again required by the Germans. At that time, the Nazis placed the main bet on A. Mel'nik: it was his squad that was allowed to be the first to enter Kiev, captured by the Nazis.

In October 1942, the nationalists created the Ukrainian Insurgent Army (UPA) (an organization whose activities are recognized as extremist and banned on the territory of the Russian Federation), headed by the chief of the Main Military Staff R. Shukhevych [9, p. 432]. In February 1943, the organization was renamed the OUN-B under the leadership of Bandera. The

organization under Mel'nik's control became known as the "OUN" (without the letter "M"). The army was created taking into account all the necessary requirements for regular armed forces; it was a kind of army without a state. A clear organizational hierarchy, strict discipline, a system of military ranks, as well as attempts to create charters and introduce a single uniform played a role in increasing the combat capability of the Banderites. The organization even had a system of schools for training officers and junior commanders, hospitals, weapons workshops, warehouses, etc. Its strong point was the personnel. The vast majority of militants shared the ideas of radical Ukrainian nationalism. Over 65% of them were the rural youth who were well-versed in their native places and had connections with the local population. Many Ukrainian nationalists acquired combat skills in various formations of Nazi Germany, including the sabotage military formation "the Brandenburg Division" [10]. The occupying German forces helped the Banderites turn into well-armed, numerous units of Nazi accomplices. Their composition was the most diverse, since both ideological militants and forcibly mobilized villagers fought here. There were ordinary criminals, deserters, looters, as well as people who had learned to fight and did not want to return to civilian life. At the end of the war, the armed formations of the Banderites consisted of about 75 thousand people. In addition, a significant number of Ukrainian residents served in the "noise" battalions (local police) and self-defense detachments, which were subordinate to the SS and police chiefs of Reichskommissariats. Along with the Banderites, they actively participated in the anti-Partisan struggle and punitive operations, and also replaced German troops in the rear areas [11, pp. 90, 173].

Atrocities of the Banderites gangs on Soviet territories and their subsequent defeat. It is simply impossible to list all the crimes, since there are too many of them. Therefore, we will focus on the main ones. Acting in close alliance with the Nazis, Ukrainian nationalists took part in many actions to exterminate Jews, prisoners of war, and civilians. The Germans themselves often psychologically could not stand such dirty work and willingly shifted it to the Banderites. Ukrainian nationalists were involved in the most serious crimes of fascists.

So, at the end of June 1941, the "Westerners" carried out a sweep of Lviv: they killed So-

viet and party workers, intellectuals, primarily Polish and Jewish. It was the OUN members who were engaged in the extermination of Jews in Lviv, Tenopolsky, Rivne and other Western Ukrainian ghettos.

A significant part of the murders of Jews in Kiev's Babi Yar were also carried out by Ukrainian radical nationalists in the service of the Germans.

On the territory of Russia and Belarus, hundreds of villages were burned by the Banderites, including the Belarusian village of Khatyn on March 22, 1943. In the USSR, for reasons of interethnic tolerance, it was kept silent that most of these acts of intimidation were carried out by Ukrainian militants. They were a striking force in such punitive "anti-partisan" operations against the civilian population in Belarus as "Swamp Fever" in Vitebsk, "Cottbus" in Minsk and "Triangular" in the Brest regions.

They killed ethnic Ukrainians, who denied nationalistic ideas and supported the Soviet government, with particular cruelty [12].

Ukrainian nationalists murdered Army General, Commander of the 1st Ukrainian Front, Hero of the Soviet Union N.V. Vatutin, one of the leaders of the partisan movement in Ukraine, Hero of the Soviet Union, Major General S.V. Rudnev, legendary Soviet illegal intelligence officer, Hero of the Soviet Union N. I. Kuznetsov, Deputy Squadron Commander of the 104th Guards Fighter Aviation Regiment, Hero of the Soviet Union, Senior Lieutenant M.S. Likhovid, and others.

Special mention should be made of the atrocities committed by the Banderites in the spring of 1943 against representatives of Polish and other non-indigenous nationalities on the territory of Volhynia occupied by German troops. Surrounding Polish villages, they killed everyone – women, the elderly, children, even infants. The victims were shot, beaten with clubs, and hacked with axes. Corpses were buried in fields, victims' property was taken and their houses were burned. Only charred firebrands remained in place of some Polish villages. Mass killings of the Polish population reached their peak in July of the same year. More than 100 thousand people died in more than 150 settlements of the Volhynia region during the punitive actions of the Banderites, about half a million Poles were forced to flee [13].

The degree of cruelty caused amazement even among the SS men who were experienced in such matters [14].

The NKVD investigative teams investigating crimes of the gangsters compiled a list of 135 of the most frequently used methods of killing unarmed people. The atrocities they practiced are unprecedented and can only be associated with the deeds of the Roman emperor Caligula, who gained fame among his contemporaries and descendants as a cruel and mad tyrant [15].

In total, the Banderites murdered 850 thousand Jews, 220 thousand Poles, more than 400 thousand Soviet prisoners of war and about 500 thousand peaceful Ukrainians during the Great Patriotic War [16].

The most violent clashes of the Banderites with units of the Red Army and other law enforcement agencies were noted in 1944–1946. The certificate of the Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR of May 28, 1946 provides the following results of the fight against banditry in western regions of the Ukrainian SSR during this period: about 90 thousand Chekist-military operations were carried out, during which 110,835 bandits were killed, 250,676 people were detained, 11,485 people turned themselves in [17, pp. 145–146].

After the liberation of the territory of Western Ukraine by Soviet troops, the OUN-UPA (an organization whose activities are recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation) switched to terrorist activities (until the mid-1950s). According to official data, during this period they committed 4,904 terrorist acts, 195 sabotages, 457 attacks on fighter battalions from rural assets, 645 attacks on farms, authorities and institutions of the socio-cultural sphere, and 359 military expropriations.

Some detachments of Ukrainian radical nationalists, despite the local measures taken by the border troops of the USSR, the People's Republic of Poland and the Czechoslovakia, managed to fight their way through the territory of Poland and Czechoslovakia abroad – to West Germany and Austria [10].

During 10 years of the struggle against the Banderites (from 1945 to 1955), about 25 thousand Soviet servicemen, employees of state security agencies, police and border guards, as well as more than 32 thousand from among the Soviet party activists, died [18].

The Banderites – prisoners of the Soviet correctional labor system. The first Banderites prisoners were sentenced to Soviet correc-

tional labor institutions at a time when the final defeat of their main forces was still far away. The Soviet authorities were very determined to counteract the latter in places of detention, as evidenced by the adoption of appropriate organizational and legal measures. So, on April 19, 1943, M.I. Kalinin signed a closed Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On Punishment Measures for Nazi Evildoers Guilty of Murder and Torture of the Soviet Civilian Population and Captured Red Army Soldiers, for Spies, Traitors to the Motherland from among Soviet Citizens and Their Accomplices", which stipulated that these categories of Soviet citizens were punishable by death by hanging. Accomplices from the local population, convicted of assisting atrocities in committing reprisals and violence against civilians and captured Red Army soldiers, were punishable by exile to hard labor for a period of 15 to 20 years. The consideration of cases on their charges was entrusted to the military field courts established at the army divisions [19].

As a follow-up to the provisions of this decree, on June 11, 1943, L.P. Beria signed the Order of the NKVD of the USSR No. 00968 "On the Organization of Hard Labor Departments at NKVD Correctional Labor Camps" [20]. In the Vorkuta, Norilsk and Northeastern (Magadan) camps, 10 thousand convicts of these categories could be held. As part of the NKVD Karlag, a department was organized for the disabled and the sick, who were sentenced to hard labor. The same order approved the Instruction on the procedure for the detention of convicts sentenced to hard labor in NKVD camps.

As is known, from the time of tsarist Russia until 1943, such a type of punishment as hard labor was not imposed in the USSR. However, in the prevailing conditions, taking into account the special gravity of the crimes committed by the Banderites, the introduction of this type of punishment, which was used as an alternative to the death penalty, was quite justified.

Conditions of serving sentences for convicts were characterized by stricter regime requirements and increased isolation. Criminals (traitors) were kept separately from the rest of the convicts and were used in the most difficult underground work in coal mines, in the extraction of gold, tin, iron ore, granite stone, etc. [21, p. 106].

As of May 1, 1950, 61,572 convicts sentenced to hard labor were held in the camps

of the Ministry of Internal Affairs of the USSR (GARF. Archive R-9414. List 1. Case 368. Pages 85–86) [22]. In this regard, attention is drawn to the memo prepared in May 1945 by Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the USSR V.V. Chernyshev and stating the following: "the experience of working with convicts in the Vorkuta coal camp shows that those sentenced to hard labor for 15–20 years, in conditions of a special regime for convicts, lose the prospect of enduring the regime and conditions of hard labor until the end of their term – 15–20 years. This leads to moral depression and a complete lack of motivation to work, and as a result, their work is much less effective than that of ordinary campers, while the loss of prisoners' ability to work after 5–6 years is almost inevitable" [23]. Apparently, for this reason, in the early 1950s, the courts stopped to sentence the Banderites to hard labor. Persons previously sentenced to this type of punishment were transferred to special camps of the Ministry of Internal Affairs, which began to be established in 1948, and later – to ordinary correctional labor camps (ITL) and correctional labor colonies (ITK) with a strengthened regime.

General characteristics of the contingent of prisoners from among the Ukrainian nationalists. The position of the Banderites among other categories of convicts. At the end of the war, there were a few ideological militants, most of whom died during the liquidation of nationalist gangs by Soviet law enforcement agencies, among the Banderites prisoners. Most of them were accomplices of bandits – people from the farm environment who had not yet managed to fit into the collective farm life and assimilate the Soviet ideology. These persons were mainly brought to criminal liability under parts 2, 8, 9 of Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR (counterrevolutionary crimes) and were sentenced to terms of imprisonment from 10 to 25 years with serving in corrective labor institutions located in remote areas. Some of them were convicted of ordinary crimes.

The Soviet government was not as bloodthirsty as various liberal ideologists of the Perestroika era tried to describe. Even I.V. Stalin allowed amnesties for the Banderites and other "forest brothers". The Soviet state skillfully combined the policy of carrot and stick, trying not only to suppress ideological nationalists, but also to return the bulk of ordinary militants to peaceful life. In Ukraine, the initiator of many

amnesties was personally First Secretary of the Communist Party of Ukraine N.S. Khrushchev. His first memo addressed to I.V. Stalin was prepared on August 4, 1945. As a result of this amnesty, over 5,000 the Banderites turned themselves in.

In 1947, a very significant step was taken in the USSR towards humanization of Soviet criminal legislation – the death penalty was abolished [24]. In this regard, inveterate Banderites and other radical nationalists were no longer threatened with the highest measure of social protection for particularly dangerous war crimes and acts of genocide committed during the Great Patriotic War and after its end [25].

Against this background, in 1947–1948, N.S. Khrushchev made efforts related to the announcement of a number of amnesties for militants on condition of their voluntary renunciation of armed struggle against the Soviet government and return to peaceful labor. The population of Western Ukraine was tired of the war and the brutality of bandits. Gradually, people began to turn away from the Banderites and the latter began to surrender arms. The Banderites who had organizational skills and wide connections in the nationalist environment turned out in correctional labor institutions. This led to the strengthening of their positions in places of detention and the complication of the operational situation there.

Confrontation between “blatnye” (authorities) and “suki” (convicts belonging to the category of “blatnye” who fought on the front, were returned to the correctional labor institution and were not accepted by the community of “blatnye”, weakened powers of “blatnye” in penitentiary facilities. The Banderites, who kept themselves apart and possessed specific skills of survival in the underground organization, gradually began to occupy an empty power niche in correctional labor institutions, as well as positions in the camp structure available to convicts. At the same time, they successfully adopted the experience of “parasitic survival” inherent in communities of “blatnye” in camps [26].

The Banderites’s relations with various ethnic camp diasporas and categories of prisoners developed in different ways. They had the most acute contradictions with Chechens, who were supported by Asian prisoners. The Banderites tried to attract Georgians and Armenians to their side, but in the end they also did not have a good relationship with the latter. For ideologi-

cal reasons, the most solid was the alliance of Ukrainian radical nationalists with the Baltic “forest brothers” and the Vlasovites, who supported them in every possible way [27].

The “Westerners” could establish stable illegal contacts with accomplices who remained at large or were held in other detention centers. Their contacts with convicts transferred to remote areas of the USSR from western regions of Ukraine strengthened [28; 29]. As of January 1, 1955, 137,578 special settlers from among the family members of the OUN and band members with families evicted from western regions of Ukraine were registered with the 9th Directorate of the MGB of the USSR in 1945–1952 [30].

In 1948, Bandera could create a sub-political organization within the framework of the penitentiary system called “OUN-Pivnic” (“OUN-North”, it is also called “Polar Wire (center) of the OUN”). The OUN–North coordinated activities of the Banderites underground organization in most places of detention and special settlements. In this regard, the ITL and ITK leadership practically lost the opportunity to introduce its agents into the environment of Ukrainian nationalists. Under the circumstances, they were easily found and eliminated. It was also impossible to talk those who wanted to break with the Banderites over. The transfer of the latter to another camp as a measure to ensure their safety did not bring results. As a result, the administration of places of detention was unable to identify and isolate ideological, most active leaders of this organization [31], as it was unable to develop effective measures to counter nationalist propaganda among other prisoners, which in the specific conditions under consideration brought the desired results to the Banderites [32, p. 420].

In 1952, Ukrainian radical nationalists constituted a significant majority in the GULAG system. With a clear hierarchy, preserved from the days of the underground struggle against the Soviet government, they were able first to suppress “blatnye” and representatives of ethnic groups among the prisoners, and then, using already proven skills of conspiratorial activity, to proceed to the gradual realization of their main goal - release from prison.

At this time, the Banderites changed the paradigm of their actions radically. They moved from the idea of anti-Semitism and nationalism to active cooperation with all destructive forc-

es opposed to the Soviet government. Ethnic groups and Russian collaborationists hoped that a global military conflict between the USSR and the United States would soon begin. Insurgent sentiments in correctional labor institutions fueled by rumors that “America will help us”, began to spread widely among prisoners of various nationalities. This caused them to be somewhat optimistic, instilled confidence in their abilities and pushed them to take decisive action in confrontation with the administration of places of detention [31].

As a first step in this direction, the Banderites managed to achieve relaxation of the detention regime in the correctional facility. Their mass strikes led to the establishment of a 9-hour working day, permission of visits and correspondence with relatives, transfer of earned money to families, increase in salaries, etc. In addition, work in correctional labor institutions were counted in the total work experience [33].

The next stage of opposition of the OUN to the administration of places of detention took on a more serious character and was associated with the preparation of mass riots. To do this, they created their own security services, departments of political education, material and technical support, combat units and groups for carrying out terrorist acts – all as in the old days of active military confrontation with Soviet power structures. Being experienced conspirators, the OUN began to practice intimidation and blackmail of employees, primarily persons of Ukrainian nationality, in order to persuade them to their side, which they often succeeded in doing. It was almost impossible to recruit the “Westerners” themselves: even if they agreed, then, as a rule, employees of operational units or security officers found “double-dealers” in their person. The nationalists killed the identified informants of the administration of penitentiary institutions without hesitation. As a rule, murderers were people sentenced to maximum terms of imprisonment, since they had nothing to lose.

From 1952 to 1953, a wave of riots swept through the GULAG. Moreover, in 1953, six correctional labor institutions (about 30 thousand prisoners) rose up at the same time. Very serious consequences of the riots were recorded in the Steplag (another name is the Kengir camp), where Ukrainian and Baltic nationalists made up the majority – about 67%. They were supported by the Vlasovites, as well as a significant

part of the camp contingent. The planned mass riots in Steplag began on the morning of May 18, 1954 and lasted for 43 days. As a result, they were suppressed, although even tanks had to be used for this. According to official data, 46 prisoners died as a result of these events, 7 leaders of the riot were sentenced to death [33], which by that time had been partially restored for traitors to the Motherland, spies and subversive saboteurs [34].

Beria and Khrushchev's amnesties. What is their difference? Some sources note that it was due to the deadlocked situation associated with the increased aggressiveness of the “Westerners” who sought to break free, that relaxations were introduced in the regime of detention of the latter in penal institutions and eventually a decision was made to grant them amnesty. They note that it became practically impossible to correct the situation by forceful measures, therefore, on the initiative of L.P. Beria, who was the Minister of Internal Affairs at that time, in March 1953, after Stalin's death, an amnesty for prisoners was announced, on the basis of which many former Banderites were released [26].

However, only a small part of the accomplices and minor members of Banderites formations, who had an unserved term of imprisonment of less than five years, were able to get out of prison during that period. The draft decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, proposed by L.P. Beria, assumed the release, first of all, of women with children under 10 years old, pregnant women, minors under the age of 18, the elderly and seriously ill people. L.P. Beria, in an explanatory note to this draft law, noted that of the 2.5 million prisoners held in the Soviet correctional labor system, only 220 thousand were particularly dangerous state criminals. Amnesty should not be extended to them and other dangerous criminals (bandits, murderers), counter-revolutionaries, as well as persons convicted of theft of socialist property on a particularly large scale. The Minister proposed halving the punishment of persons sentenced to more than five years in prison and abolishing exile for those who served sentences under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR. L.P. Beria also proposed to immediately decriminalize less serious economic, domestic and official crimes with their transfer to the category of administrative offenses. Besides, he sent a separate submission

to the Chairman of the Council of Ministers of the USSR G.M. Malenkov on the amnesty for all persons convicted by extrajudicial bodies and complete removal of their criminal records. It was mainly about those persons who were convicted during the period of political repression in 1937–1938.

The day after receiving the note (March 27, 1953), the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR adopted a decree “On Amnesty” [35], the content of which fully corresponded to the proposals of the Minister. Thus, L. P. Beria initiated the rehabilitation not of spies, saboteurs, wreckers, terrorists, the Vlasovites and Banderites, who caused real damage to the Soviet people and the state, but of illegally convicted persons. However, in the years of the Khrushchev thaw, a different trend prevailed, actually aimed at rehabilitating true enemies of the Soviet state [25]. This is evidenced, in particular, by the content of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of September 17, 1955 “On Amnesty for Soviet Citizens Who Collaborated with the Occupiers during the Great Patriotic War of 1941–1945” [36].

Some authors believe that this amnesty was caused by the continuing “daring antics of Banderita members in the camps”, and the Soviet law enforcement system finally signed its inability to resist it. Formally, it was timed to coincide with the 10th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War [37].

A.I. Solzhenitsyn, in turn, called it an “Adenauer amnesty”. In his opinion, this action was a kind of demonstration of the Soviet government’s goodwill towards Nazi collaborators [38]. In September 1955, the Chancellor of the FRG K. Adenauer visited the Soviet Union, who, in particular, asked N.S. Khrushchev to release 38 thousand German prisoners of war who were still in Soviet correctional labor institutions. First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the USSR went to meet the Chancellor, but simultaneously with the release of former German soldiers, for some reason, he granted amnesty to the accomplices of the occupiers. According to the decree, only punishers and persons convicted under Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR (and the relevant articles of the Republic’s laws) for terms of more than ten years were not subject to amnesty (moreover, those who received long sentences were reduced by half). The criminal record and loss of rights were immediately removed

from the released. The amnesty also extended to collaborators who were abroad [39].

There is an opinion that the amnesty for the Banderites was facilitated by N.S. Khrushchev’s third wife N.P. Kukharchuk, who was a native of Western Ukraine [40]. According to a number of contemporaries, from the very beginning of married life Nina Kukharchuk, who was characterized by a very strong and powerful character, had influence on her husband [41].

Most of the Banderites, including those whose imprisonment terms were quite significant, were released after Khrushchev’s amnesty. This is confirmed by the documents showing that if on January 1, 1951 in ITLs and ITKs of the USSR Ministry of Internal Affairs were 129,476 persons convicted of insurgency and political banditry, then on April 1, 1956 there remained only 520 people (GARF. Archive R-9414. List 1. Case 258. Pages 1–17) [22], and this number included not only the Banderites, but also radical nationalists from Belarus, the Baltic States and other regions of the USSR.

In fact, most radical Ukrainian nationalists spent no more than 5–8 years in prison. In order to calm public opinion, a rumor was spread that those who had hands “with blood on their elbows” would forever remain exiles in harsh northern lands [32]. In fact, the closed Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR No. 134/27 of March 10, 1956 “On the Abolition of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of February 21, 1948 ‘On Sending Especially Dangerous State Criminals after Serving Their Sentences in Exile for Settlement in Remote Areas’” [42] was issued, which abolished the additional measure of punishment in the form of indefinite exile to a settlement for persons who had been serving and had served imprisonment for particularly dangerous state crimes by the time it was issued. The preservation of indefinite exile to a settlement and, moreover, in the extrajudicial order, which by that time had been abolished, was recognized as inexpedient. Persons who had been in settlements were exempted from further exile [43].

Soon, in accordance with the secret decree of the Council of Ministers of the USSR No. 644-376s of May 15, 1956 “On the Removal of Restrictions on Special Settlement from Family Members of Ukrainian and Belarusian Nationalists Released from Exile in the Settlement” (GARF. Archive R-9401. List 1a. Case 568.

Pages 338–339) [22], persons of this category were released from administrative supervision of internal affairs bodies.

Further fate of the Banderites not fully “denazified”. As is known, quite a few former Ukrainian fighters stayed permanently in remote areas of detention centers. They were employed without any restrictions at Soviet enterprises, where some of them, who had relevant specialized education, were appointed to managerial positions. They were provided with housing and the conditions to run households on homestead plots. Many families left for other regions of the country in search of a better life. Some unmarried women, who decided to forget about their past, tried to marry non-resident men and change their surname. Over time, such families produced children who had no idea that their mother was an accomplice of the Banderites. However, not all “Westerners” chose such a fate. Too serious forces (both external and internal) were interested in keeping the Banderite ideology alive [40].

The overwhelming majority of former Banderites prisoners returned to their native places. According to various estimates, as of August 1, 1956, more than 200 thousand former active members of Banderite formations and exiled members of their families returned to the territory of the Ukrainian SSR. In accordance with the above-mentioned decree, another 40 to 60 thousand of their associates returned to Ukraine from abroad. Without undergoing the procedure of real denazification, both of them began to spread the bacillus of nationalism throughout the republic, settling not only in western but also in eastern (Odessa, Kharkov, Donetsk, Dnepropetrovsk, Kherson, etc.) regions of the republic.

Western mentors defined a new vector of confrontation with the USSR authorities for their mentees. This time they were instructed to infiltrate the party and soviet bodies of Ukraine, to occupy leading positions in them and, under plausible pretexts, to gradually promote nationalist ideas among the masses, creating an alternative to the Russian world in the republic. Already by the 1970s, many rehabilitated Banderites had been employed at district committees, regional executive committees, and other power structures. Their children, having received higher education, also became officials and responsible managers, including in law enforcement agencies. According to Soviet

party archives, in the 1980s, from 35 to 50% of the staff of district committees and regional committees of the CPSU in Western Ukraine were persons who had been amnestied for participation in the Banderite movement [44].

Thus, in May 1972, First Secretary of the Central Committee of the Communist Party P.E. Shelest was removed from office with the wording “in connection with the transition to another job”. However, according to V.V. Shcherbitskii, who headed the Central Committee of the Communist Party for 17 years after P.E. Shelest’s dismissal, his nationalist views was the real reason for his resignation. During his tenure former Banderites enrolled in the party, were employed at state bodies of the republic, and made good [45].

In the first years of Ukraine’s independence, the ideas of neo-Nazism began to regenerate at an accelerated pace, taking advantage of the patronage of the first persons of the state. Suffice it to recall President L. Kravchuk, who took part in the collapse of the USSR, and who was once proud of the fact that as a teenager he used to carry foodstuffs to the Banderovite cache. The second president of the republic L. Kuchma wrote a book “Ukraine is not Russia”, thus putting himself on a par with the founders of Ukrainian radical nationalism. V. Yushchenko awarded the title of hero of Ukraine to S. Bandera and R. Shukhevych, and P. Poroshenko, who actually unleashed a “hot war” with the Russian world, initiated the use of the nationalist greeting “Glory to Ukraine – glory to heroes!” by Ukrainian security forces. The current president of Ukraine, V. Zelensky, being a “worthy successor” of the traditions of his predecessors, despite his Jewish roots, openly preaches the ideas of neo-Nazism of the Bandera type.

Conclusions

The Soviet government did not humanize relations with its implacable enemies – radical nationalists – because of the weakness of the Soviet power structures, including the penal authorities, and their inability to cope with the situation in places of detention. In case of acute necessity, it would have been possible even in the times of Stalin-Beria to use the repressive apparatus at full capacity and put the Banderites in their place. The matter here is different. The main reason is political. The authorities tried to socialize participants of the collaborationist movements and make a social compro-

mise with them, the main goal of which was to find ideological approaches to them.

Let us recall the steps taken by the authorities in this direction: 1) the first amnesty for militants, initiated by N.S. Khrushchev (1945); 2) abolition of the death penalty for all categories of criminals (1947); 3) additional amnesties for militants, initiated by N.S. Khrushchev (1947–1948); 4) abolition of hard labor for the category of convicts in question (early 1950s); 5) significant relaxation of the detention regime in correctional labor institutions; 6) Beria's amnesty of March 27, 1953; 47) Khrushchev's amnesty of September 17, 1955, which opened the way to freedom for the majority of the Banderites; 8) abolition of exile for them (1956).

However, this strategy did not succeed in the end.

We see the reasons for this situation in the following: insufficiently active operational response to the emergence of the underground organization "OUN-North" (1948); spread of the ideas of Ukrainian radical nationalism among prisoners (the special camps created in due time to facilitate this did not solve this problem). Undoubtedly, the situation was aggravated by the advancement of the amnestied Banderites into the power structures of the Ukrainian SSR.

Thus, there was no official denazification of Western Ukraine in the 1940s–1950s. The USSR did not adopt a law condemning the OUN-UPA (an organization whose activities are recognized as extremist and banned in the Russian Federation).

As is known, after the end of World War II, denazification was carried out in some Western countries by the decision of the Yalta and Potsdam conferences, on the basis of the law on denazification. It provided for a set of measures to purify German and Austrian society from the ideas of Nazism. Subsequently, the process of denazification also affected some former satellites of the defeated Nazi Germany – Italy, Hungary, Romania, Bulgaria and others.

The main disadvantage of these measures in that period was their mass character; they played the role not of a catalyst, but, on the contrary, of a retarder of these processes. With such a mass purge in German society, a second negative factor became apparent: the difference between ordinary members of the NSDAP and the ideological inspirers of the Nazi movement was practically leveled, which often allowed the latter to avoid more serious criminal

punishment. Having initially focused on working with ordinary citizens, the state authorities had to gradually soften the regime of repressive measures, including amnesties for convicted Nazis, which undermined the essence of the denazification process itself [46].

In 2022, after the start of the Special Military Operation (SVO), Supreme Commander-in-Chief of the Armed Forces of the Russian Federation V.V. Putin set to demilitarize and denazify Ukraine. During an interview with T. Carlson, he explained that denazification of Ukraine should be understood as the prohibition of all neo-Nazi movements and the need to get rid of those people who spread this theory [47].

In this regard, denazification in general can be presented as a process of eliminating Nazism. Penitentiary denazification, which is the subject of this article, is one of the elements of general denazification, realized through penitentiary action against specific individuals involved in committing crimes against humanity based on Nazi ideology.

Unfortunately, due to the limited scope of this article, it is impossible to pay special attention to analyzing the events taking place today in the SVO zone. However, we would like to dwell on one circumstance. Everything that is happening there today has not arisen out of nothing, but solely due to reanimation of the Bandera neo-fascist ideology. In this regard, the ideology of the neo-Banderites should be burned with a hot iron in the current conditions not only on the political fronts and battlefields of the NVO, but also in places of imprisonment, where captured Nazi supporters guilty of committing crimes against humanity end up after conviction.

In this regard, it is necessary to make appropriate amendments and additions to certain provisions of Russian criminal, criminal procedure and penal legislation. Along with this, it is advisable to develop a draft law on denazification which should define the concept of this process, as well as measures, including penitentiary measures, designed to prevent the ideology of the Banderites. It seems reasonable to establish for ideological neo-Nazis such optimum terms of imprisonment, which will help ensure their further resocialization in a normal human society. To assess the actual state of their correction, it is necessary to use methods of instrumental diagnostics of the emotional state of a person and profiling, as well as artificial intelligence technologies. Only the use of such

radical measures can ensure the achievement of the goals of punishment [48] of the neo-Ban- derites and suppress the spread of nationalist ideas.

REFERENCES

1. Samsonov A. *Mif o bor'be ukrainskikh natsionalistov protiv Gitlera* [The myth of the struggle of Ukrainian nationalists against Hitler]. Available at: <https://topwar.ru/195127-mif-o-borbe-ukrain-skih-nacionalistov-protiv-gitlera.html> (accessed May 4, 2024).
2. Nazarov O. Our power must be terrible. *Istoriik = Historian*, 2021, no. 78, pp. 32–35. Available at: <https://istorik.rf/journal/post/6522> (accessed May 16, 2024).
3. Lysyak-Rudnitskii I.P. *Mezhdru istoriei i politikoii* [Between history and politics]. Moscow; Saint Petersburg, 2007. 636 p.
4. *Istoriya vneshnei politiki SSSR. 1917–1985 gg.: v 2 t. T. 1 (1917–1945 gg.)* [The history of the USSR's foreign policy. 1917–1985: in 2 volumes, 1986. Vol. 1 (1917–1945)]. Moscow, 1986. 534 p.
5. Pavlov D. Bandera and the formation of national identity in Ukraine. *Voprosy natsionalizma = Issues of Nationalism*, 2014, no. 2 (18), pp. 68–74. (In Russ.).
6. Sidorchik A. The Polish campaign of the Red Army. Why the USSR had no choice in September 1939. *Argumenty i fakty = Arguments and Facts*, 2019, September 18.
7. Semiryaga M.I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow, 2000. 862 p.
8. Polonskii I. *Zhiznennoe prostranstvo dlya izbrannykh. Ukrainu khoteli zachistit' ot prezhnego naseleniya* [Living space for the elite. They wanted to purge Ukraine of its former population]. Available at: <https://topwar.ru/130322-zhiznennoe-prostranstvo-dlya-izbrannykh-ukrainu-hoteli-zachistit-ot-prezhnego-naseleniya.html> (accessed May 16, 2024).
9. Zaleskii K.A. *Kto byl kto vo Vtoroi mirovoi voine. Soyuzniki Germanii* [Who was who in the Second World War. Allies of Germany]. Moscow, 2003. 492 p.
10. Lebedev A. *NKVD protiv UPA – voina posle Pobedy* [NKVD against the UPA – the war after the Victory]. Available at: <https://topwar.ru/17965-nkvd-protiv-upa-voyna-posle-pobedy.html> (accessed May 13, 2024).
11. Okorokov A.V. *Antisovetskie voinskie formirovaniya v gody Vtoroi mirovoi voiny: monogr.* [Anti-Soviet military formations during the Second World War: monograph]. Moscow, 2000. 174 p.
12. *O prestupleniyakh banderovtsev ot 1940-kh godov do nashikh dnei* [About crimes of the Banderites from the 1940s to the present day]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/istoricheskie_materialy/1904942/ (accessed May 7, 2024).
13. Makarychev M. 80 years ago Ukrainian nationalists began the Volhynia massacre – a mass genocide of civilians. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2023, February 11.
14. *Zverstvami banderovtsev byl vozmushchen dazhe Gitler* [Even Hitler was outraged by atrocities of the Banderites]. Available at: <https://rplawyer.ru/prestupleniya-bandery-protiv-rossii/> (accessed June 21, 2024).
15. Panov V. *Ot Petlyury do Zelenskogo. Zlodeyaniya ukrainskogo natsionalizma kak metod bor'by za "nezalezhnost"* [From Petliura to Zelensky. Atrocities of Ukrainian nationalism as a method of fighting for "independence"]. Available at: https://www.stoletie.ru/politika/ot_petlury_do_zelenskogo_181.htm (accessed May 17, 2024).
16. Sokolova E. People, be vigilant: fascism is reborn. *Pravda = Truth*, 2017, no. 132 (In Russ.).
17. *Banderovshchina* [Banderites]. Comp. by Andreev A.R., Shumov S.A. Moscow, 2005. 304 p.
18. Koryakin O. How the Soviet secret services defeated the OUN-UPA. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2015, May 19.
19. *O merakh nakazaniya dlya nemetsko-fashistskikh zlodeev, vinovnykh v ubiistvakh i istyazaniyakh sovetskogo grazhdanskogo naseleniya i plennykh krasnoarmeitsev, dlya shpionov, izmennikov rodiny iz chisla sovetskikh grazhdan i dlya ikh posobnikov: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 19.04.1943* [On Punishment Measures for Nazi Evildoers Guilty of Murder and Torture of the Soviet Civilian Population and Captured Red Army Soldiers, for Spies, Traitors to the Motherland from among Soviet Citizens and Their Accomplices: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 19, 1943]. Available at: <https://nurnberg1945.ru/posts/ukaz-prezidiuma-verkhovnogo-soveta-sssr-ot-19-aprelya-1943-goda> (accessed May 7, 2024).
20. *Ob organizatsii otdelenii katorzhnykh rabot pri ispravitel'no-trudovykh lageryakh NKVD: prikaz NKVD SSSR ot 11.06.1943 No. 00968* [On the Organization of Hard Labor Departments at NKVD

- Correctional Labor Camps: Order of the NKVD of the USSR No. 00968 of June 11, 1943]. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/177247> (accessed May 7, 2024).
21. Lukanin V.V. Hard labor in the USSR as a measure of criminal punishment. *Ugolovno-ispravitel'noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 2 (20), pp. 105–109. (In Russ.).
22. *NKVD–MVD SSSR v bor'be s banditizmom i vooruzhennym natsionalisticheskim podpol'em na Zapadnoi Ukraine, v Zapadnoi Belo-russii i Pribaltike (1939–1956 gg.): sb. dok.* [NKVD–Ministry of Internal Affairs of the USSR in the fight against banditry and armed nationalist underground in Western Ukraine, Western White Russia and the Baltic States (1939–1956): collection of documents]. Comp. by Vladimirtsev N.I., Kokurin A.I. Moscow, 2008. 640 p.
23. Ivanova G.M. *Istoriya GULAGa. 1918–1958* [History of the Gulag. 1918–1958]. Moscow, 2006. 438 p.
24. *Ob otmene smertnoi kazni: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26.05.1947* [On the Abolition of the Death Penalty: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of May 26, 1947]. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/Ukaz_Prezidiuma_VS_SSSR_ot_26.05.1947_ob_otmene_smertnoi_kazni (accessed April 12, 2024).
25. Samsonov A. *Zachem Khrushchev amnistiroval banderovtsev i vlasov-tsev* [Why Khrushchev amnestied the Banderites and Vlasovites]. Available at: <https://msk.kprf.ru/2021/06/03/161398/> (accessed May 2 2024).
26. Sidorov A.A. *Velikie bitvy ugolovnogo mira. Istoriya professional'noi prestupnosti Sovetskoi Rossii. Kniga vtoraya (1941–1991 gg.)* [Great battles of the criminal world. History of professional crime in Soviet Russia. Book 2 (1941–1991)]. Rostov on Don, 1999. 64 p.
27. Polonskii I. *Kengirskoe vosstanie: banderovtsy i «lesnye bra-t'ya» protiv GULAGa* [Kengir uprising: the Banderites and “forest brothers: against the GULAG]. Available at: <https://topwar.ru/157976-kengirskoe-vosstanie-banderovcy-i-lesnye-bratja-protiv-gulaga.html> (accessed July 9, 2024).
28. *O vyselenii v poryadke otvetnykh mer chlenov semei ounovtsev i aktivnykh banditov v severnye raiony strany: postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 04.10.1948 № 3728-1524ss* [On the eviction of family members of the OUN and active bandits to the northern regions of the country: Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 3728-1524ss of October 4, 1948]. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165721-sovet-ministrov-sssr-postanovlenie-3728-1524-ss-o-vyselenii-na-spetsposelenie-s-territorii-zapadnyh-oblastey-ussr-semey-banditov-natsionalistov-i-bandposobnikov-v-otvet-na-sovershennye-banditami-diversionno-terroristicheskie-akty-moskva-kreml> (accessed July 9, 2024).
29. On the eviction of Kulaks with their families from the territory of Volyn, Drogo-Bych, Lviv, Rivne, Stanislavsky, Ternopil, Chernovitsky and Transcarpathian regions of the Ukrainian SSR: Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 189-88ss of January 23, 1951. In: *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov: v 7 t. T. 1* [History of the Stalinist GULAG. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: collection of documents: in 7 volumes. Vol. 1]. Moscow, 2004. Pp. 541–542. (In Russ.).
30. Zemskov V.N. *Spetsposelentsy v SSSR: 1930–1960* [Special settlers in the USSR: 1930–1960]. Moscow, 2005. 306 p.
31. Svetlov M. *Istoriya protivostoyaniya OUN-UPA v ispravitel'no-trudovykh lageryakh NKVD-MGB-MVD* [History of the OUN-UPA confrontation in the NKVD-MGB-MIA correctional labor camps.]. Available at: <https://topwar.ru/235107-istoriya-protivostojaniya-oun-upa-v-ispravitelnoe-trudovykh-lagerjah-nkvd-mgb-mvd.html> (accessed May 3, 2024).
32. Bovin B.G., Kazberov P.N., Bovina I.B. Radicalization in prison: social identity perspective. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 415–424. (In Russ.).
33. Yakunin I. Why thousands of Ukrainian nationalists were released in the USSR in the mid-1950s. Historian Yurii Yemelyanov told KP.RU how Khrushchev released the Banderites from camps and how it turned out. *Komsomol'skaya Pravda = Komsomol Truth*, 2022, August 29.
34. *O primenenii smertnoi kazni k izmennikam Rodiny, shpionam, podryvnikam-diversantam: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 12.01.1950* [On the Application of the Death Penalty to Traitors to the Motherland, Spies, Subversive Saboteur: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of January 12, 1950]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5964#OSHo1DUYfBy9v3pw> (accessed May 12, 2024).
35. *Ob amnistii: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 27.03.1953* [On Amnesty: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of March 27, 1953]. Available at: <https://base.garant.ru/70805432/> (accessed May 4, 2024).

36. *Ob amnistii sovetskikh grazhdan, sotrudnichavshikh s okkupantami v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 17.09.1955* [On Amnesty for Soviet Citizens Who Collaborated with the Occupiers during the Great Patriotic War of 1941–1945: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of September 17, 1955]. Available at: <https://base.garant.ru/70805408/> (accessed May 4, 2024).
37. Zotov S. *Kak sudili banderovtsev* [How the Banderites were tried]. Available at: <https://topwar.ru/62286-kak-sudili-banderovcev.html> (accessed May 2, 2024).
38. Solzhenitsyn A.I. *Arhipelag GULAG. 1918–1956: Opyt khu-dozhestvennogo issledovaniya: v 3 kn. Kn. 3. Chast' shestaya. Ssylka. Gl. 6. Ssyl'noe blagodenstvie* [The GULAG Archipelago. 1918–1956: Experience of scientific research: in 3 books. Book 3. Part 6. Exile. Chapter 6. Exile welfare]. Ed. by Solzhenitsyna N.D., 2006. 394 p.
39. Mirnaya E. The Banderites are honored. Why Khrushchev obtained amnesty for them in the USSR. *Argumenty i fakty = Arguments and Facts*, 2022, May 12. (In Russ.).
40. *Okhota na Banderu. 1 seriya. Naiti i obezredit'* [Hunting for Bandera. 1 episode. Find and neutralize]. Available at: https://www.ntv.ru/peredacha/based_on_real_events/m75060/o763265 (accessed May 11, 2024).
41. Spitsyn E. How Khrushchev became a Ukrainian. *Literaturnaya gazeta = Literature Newspaper*, 2019, October 16. (In Russ.).
42. *Ob otmene Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 21 fevralya 1948 g. "O napravlenii osobo opasnykh gosudarstvennykh prestupnikov po otbytii nakazaniya v ssylku na poselenie v otdalennye mestnosti": ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 10.03.1956 No. 134/27* [On the Abolition of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of February 21, 1948 "On Sending Especially Dangerous State Criminals after Serving Their Sentences in Exile for Settlement in Remote Areas": Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR No. 134/27 of March 10, 1956]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8146#ChLxRCU2blEMDgit> (accessed May 11, 2024).
43. *Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy: v 3 t. T. 1* [Rehabilitation: How it was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials: in 3 volumes. Vol. 1]. Moscow, 2000. 503 p.
44. The amnesty of 1955 opened the way for Bandera's revenge, the RVI Scientific Director M.Yu. Myagkov: Khrushchev's army opened the way for Bandera's revenge. *RIA Novosti = RIA News*, 2022, March 22. Available at: <https://ria.ru/20220322/ukraina-1779473358.html> (In Russ.). (Accessed July 9, 2024).
45. Spitsyn E. *Ukrainskaya khimera ili 23 stupeni v propast'. Chast' 1. Kravchuk* [The Ukrainian chimera or 23 steps into the abyss. Part 1. Kravchuk]. Available at: <https://www.fssb.su/history-state-security/history-state-security-traitors/1418-ukrainskaya-himera-ili-23-stupeni-v-propast'-chast-1-kravchuk.html> (accessed May 15, 2024).
46. Skomorokhov R. *Denatsifikatsiya: kak i kogo?* [Denazification: How and whom?]. Available at: <https://topwar.ru/193242-denatsifikatsiya-kak-i-kogo.html> (accessed June 20, 2024).
47. Rinaeva I. Full text of Vladimir Putin's interview with Tucker Carlson: what the president said. *Komsomol'skaya Pravda = Komsomol Truth*, 2024, February 9. (In Russ.).
48. Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

EVGENII N. YAKOVETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Criminal Law Department of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Received May 18, 2024

Original article

UDC 343

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.008

Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (Systematic Analysis of Current Official Criminal Policy and Controversial Judicial Practice)

NIKITA A. KOLOKOLOV

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract

Introduction: with this publication we conclude the coverage of results of the study of the paired category “significant – insignificant” in criminal law of modern Russia. *Purpose:* to present the previously announced research material on the practice of applying the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation contained in the decisions of the First Court of Cassation of General Jurisdiction, to give a substantive analysis of the rational and irrational in classifying certain actions as criminally punishable acts, and to present results of the monitoring of the practice of applying Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Methods:* historical, comparative legal, dialectical cognition, analysis and synthesis, method of collecting information (interviewing a number of scientists and practitioners on the issue of their interpretation of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article contains *results* of the comparative analysis of both typical and organizational situations. The cumulative doctrinal knowledge about each of the analyzed categories is clarified. *Conclusion:* there is still no properly developed concept for correlating categories of “form” and “content”, “significant” and “insignificant” in Russian legal science. The author argues that the insignificance of the act does not depend on whether the corpus delicti incriminated to a particular person is material or formal. The main thing in the crime is the reality of the degree of public danger. The author supports theorists and practitioners who propose to bring the socially significant problem of the insignificance of an act in criminal law to the discussion of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: insignificance of the act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation); paired categories; criminal law; fundamental principle of law; freedom of judicial choice; public danger; punitive law; offense; offense provided for by the Administrative Code of the Russian Federation; criminal misconduct; virtual (alleged) benefit of punishment; real social harm of punishment; judicial practice; unity of judicial practice.

5.1.4. Criminal law sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (systematic analysis of current official criminal policy and controversial judicial practice). *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 411–427. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.008.

Categories of “significant” and “insignificant” are indicative elements of current criminal policy

Determining the ratio of concepts of significance and minor significance in criminal law in relation to the categories of “degree of public danger” and “degree of social harmfulness” is the exclusive competence of the federal legislator, since only it, within the framework of the concept for separation of powers in accordance with the Constitution of the Russian Federation (Article 10, paragraph “o” of Article 71), is granted the right to official criminalization and decriminalization (including partial) of specific acts.

Taking into account the significance of what was done, the classic example of such partial decriminalization of crimes a priori dangerous in their anti-state nature (taking a bribe (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation), giving a bribe (Article 291 of the Criminal Code of the Russian Federation) and mediation in bribery (Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) is “petty bribery” (Article 291.2) added to the Criminal Code of the Russian Federation on July 3, 2016 [1].

Taking this important decision for many state and municipal employees in conjunction with “significant – insignificant”, the legislator reasonably proceeded from the following facts: first, according to statistics, the amount of a bribe (as a rule, a quick gift) rarely exceeds 10 thousand rubles; second, the bulk of bribe-takers are generally positive in their socio-legal attitude and, most importantly, not only harmless to society, but also very necessary for it (doctors, teachers) [2]; third, a bribe-taker believes that in the case of a minor offense, it is easier to pay off with small money than to incur some kind of formal punishment [3].

For comparison, on the same day (July 3, 2016), the legislator, realizing that the tools of the Administrative Code of the Russian Federation in relation to obviously incorrigible “petty thieves” had been clearly ineffective, criminalized the commission of all minor thefts without exception by persons who had already been punished with an administrative fine for petty theft (Part 2 of Article 7.27) [4].

Similarly, in 2007–2022, the legislator resolved the issue of partial or even complete decriminalization of beatings and minor harm to the victim’s health during domestic conflicts both on the basis of personal hostility (Articles 116, 116.1 of the Criminal Code of the Russian

Federation) and when committing hooliganism (Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation), referred to as malicious only due to the presence of qualifying elements of “special audacity” and “exceptional cynicism” [5].

As we can see, the categories of “significant” and “insignificant” in the criminal law of post-Soviet Russia (1991–2024) are not something immutable, on the contrary, it turns out that these ideological stamps are quite mobile, and their rapid, often even contradictory transformation is due to socio-political factors [6].

It is obvious that the legislator criminalizes and decriminalizes certain actions within the framework of official criminal policy. Many theorists and practitioners, brought up on concepts (with Marxist-Leninist roots) implying the possibility of an early elimination of crime, demand from the legislator clear algorithms for combating crime which could be used for decades to come [7]. It seems that such expectations in relation to criminal policy are naive, first, due to the fact that the main postulate of criminology has not been refuted: crime is an eternal companion of human society.

It is no coincidence that Professor A. I. Klimenko, analyzing the policy of the state, stated in the first paragraph of his Candidate of Sciences (Law) dissertation, “each state has an inherent ideological function, which it performs both explicitly and covertly” [8]. It should be noted that the dissertation council fully agreed with this conclusion.

If part of criminal policy is a priori a state secret, then the state apparatus in the field of combating crime is often forced to act according to the rules of legal experiment.

The author of these lines has always assumed that criminal policy is a “mysterious evidence” [9]. Since, on the one hand, it is necessary to fight crime, and on the other hand, the state has other goals. As Academician V.N. Kudryavtsev notes, “crime control strategies are a derivative product” [10, p. 55].

The study of a number of explanatory notes to draft federal laws, the initiators of which proposed to modernize the current Criminal Code of the Russian Federation (mainly to expand criminalization and tighten sanctions), as well as confidential conversations with some of them (included observation) allow us to draw a disappointing conclusion: the authors of most draft laws are not professionals in their field, act solely on a whim, within the framework of a legislative experiment recognized by the general

theory of law. This indicates that there is no empirical basis for almost all the latest legislative initiatives, and their lobbyists do not know indicators of real and latent crime, are determined to combat it decisively with the help of the “cudgel” of criminal law, and poorly foresee results of the adopted laws in the future.

So, how does one fight crime anyway? Professor V.V. Lunev liked asking the reader what had to be done in case of theft of a valuable thing in an isolated audience: 1) to search everyone at once, find the object and the culprit, or 2) to investigate the case for many months and find nothing [11]. It is obvious that the famous scientist was at least lying (there is a substitution of the basis in the dispute), because it is possible to subject all those present in the audience to a thorough and complete search, of course, thereby humiliating everyone. Perhaps, the desired thing will even be found, but an experienced thief will find a way to get rid of it in a timely manner.

Illegal provocation and falsification of criminal case materials are often found in modern reality.

So, members of the task force, headed by Police Colonel G. (who officially “proceeded from the falsely understood interests of the service”), consistently gave the same “entrance ticket” to the city managers of Smolensk as a bribe to participate in the improvement of the city (a package with 5 million rubles), after which officials were required to transfer this money to higher authorities, including the governor of the region. The provocation mechanism started by G. worked flawlessly up to a certain point, frightened administration staff, provided “assistance” to law enforcement agencies and transferred money to colleagues. And only one head of the city categorically refused to participate in this farce, did not bear the money to the governor of the region, for which he was detained in the pre-trial detention center. As a result, justice is served, the employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, headed by Police Lieutenant General S., the head of G., were punished (appellate rulings of the judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-APU17-103ss of December 19, 2017, No. 36-APU17-10ss of April 12, 2017).

Let us ask ourselves, whether any methods are good in the fight against crime, taking into account the significance of its specific manifestations? Let us recall the law “On three spikelets” now condemned by legal science (resolution of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People’s Commissars of the USSR of August 7, 1932 “On the Protection of Property of State Enterprises, Collective Farms and Cooperatives and the Strengthening of Public (Socialist) Property”), according to which theft of state property was punished as

severely as possible regardless of the volume and value of the stolen (while the institution of insignificance was not canceled).

What can we do about the fact that our law was harsh in some years? For example, in 1942, “for systematic counterrevolutionary sabotage (in fact, only for 34 days of absenteeism and production of fictitious certificates), locksmith Ch. was twice (!) sentenced to death under Articles 58-12 of the Criminal Code of the RSFSR in 1926”. However, there were judges who, even in those harsh years, guessed to redefine the act under Article 58-12 of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 and sentence Ch. to only 10 years in prison. The Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, in the resolution No. 201p10pr of July 21, 2010, redefined the act of Ch. under Part 1 of Article 72 of the Criminal Code of the RSFSR of 1926, commuting the punishment to two years in prison.

As is known, any judicial action is by its nature sacred, because it has a deeply religious content. Therefore, every conscious or unconscious cognitive distortion – an error in the perception and interpretation of reality by the courts – has negative consequences, regardless of what goals were pursued.

The strategies for combating crime, which Academician V.N. Kudryavtsev wrote about, do not exclude the use of any measures against the offender, from his/her destruction (murder during detention, death penalty) to a mutually beneficial (albeit forced) contract between a criminal and the state [10]. We emphasize that the forms of cooperation between the state and a criminal can be very different – from the imposition of a mild punishment for organizing a particularly serious crime [12] to the consistent promotion of initially false ideas, mistakenly interpreted by someone as true. For example, actions of a determined fighter against poachers in the Kurgan Oblast were intentionally qualified as an insignificant act [13].

It is only accepted that the goals of criminal policy are extremely simple and understandable to everyone. It is no coincidence that Professor L.V. Golovko notes, “if there is anything really relevant in criminal procedure science today, it is the problem of the state and its role in the organization and functioning of judicial proceedings” [14, p. 5].

Regarding the problem of correlating categories of “significant” and “insignificant”, the legislator states its existence in Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation clearly, unequivocally transferring (albeit not without reservations) the solution of this issue to the discretion of the law enforcement officer (inquirer, investigator, prosecutor and court).

Let us conclude that the legislator’s decisiveness is an extremely complex correlation (mutual dependence of the compared con-

cepts) with the boldness of judicial discretion. We have already described some examples of this practice. In particular, the judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation equated individual property relations of cohabitants with similar relations of spouses, therefore, it was concluded that there was no **property** crime at all [15]. At the same time, the same judges refused F. (a mistress of the husband of the ex-senator V.A. Petrenko) in recognition of her right to a car got de facto (but not de jure) as a present [16]. Similarly, the judicial board regarded arbitrariness as an insignificant act – in fact, the self-defense of owners from unscrupulous counterparties in civil law transactions [17].

This means that the same form of social phenomena can receive both a positive and a negative assessment in the courts. In the first case, the act is regarded as insignificant, in the second – as significant.

In any case, the guilt of a particular person must be proved. The system of algorithms for detecting illegal (criminal) manifestations is focused, first, on mass offenses (crimes), and second, on exposing the offender (criminal). The study of the paired category “the ratio of significant and insignificant” in criminal law allowed us to identify unique mass illegal manifestations, which, despite their social significance, have not received a proper legal assessment [18].

For example, in modern Russia, an obviously criminal business is openly flourishing – the manufacture and sale of forged checks for a moderate fee, with the help of which, first of all, truckers legalize their expenses allegedly incurred by them when paying for travel on toll roads, for hotel accommodation and parking. Property damage in this case is caused to the owner of the funds, who advances the expenses of a particular driver in advance. In this illegal combination: the driver is a robber (Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation), and the person making forged checks (“chekist”) is his/her accomplice.

Law enforcement agencies have repeatedly tried to develop a methodology for detecting this type of offense (taking into account the volume of criminal turnover – crimes), to bring those responsible for the sale of forged checks to criminal liability, but unsuccessfully, since current legislation requires preliminary investigation and court authorities in each case to establish not only: 1) the identity of a particular “security officer” who openly advertises his/her activities, 2) the fact that he/she sold a forged check, but also 3) all consumers of his/her criminal services and 4) all victims. It takes a lot of time to trace the entire chain of movement of a forged check, therefore, criminal prosecution of “chekists” was simply dismissed, arguing that these acts could be qualified as petty

theft (Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation; law enforcement intelligence in this case are not provided for by law), by virtue of which, according to Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, each act is insignificant [19]. At the same time, it is obvious that “chekists” [20; 21] are a criminal category, often the sale of deliberately forged checks is organized by previously convicted persons. What is more, mass demonstrative collection of “dirty money” by criminal authorities [22] is far from insignificant, therefore, counteraction to it should be organized.

The method of combating this kind of illegal manifestations is objective imputation, that is a criminal ban on clearly criminal behavior that brings considerable income to offenders.

At the same time, certain measures in the field of combating “chekists” are taken sometimes. However, in a specific situation, it is not “chekists”, but unsuccessful consumers of their criminal services who endure consequences of this struggle; for example, four officers of the Russian Guard who bought fake checks for officers’ housing expenses on a business trip from persons not identified in the case. The modern accounting systems existing in the National Guard made it possible to quickly prove that the checks were forged.

However, no one began to look for criminal business owners. The criminal phenomenon did not interest either the preliminary investigation authorities, the prosecutor’s office, or the court. Despite the fact that a total of 23 court decisions were made in the cases of the Russian Guardsmen (all cases were eventually dismissed for insignificance [23]), not a single court instance even had the desire to issue a private definition to the preliminary investigation bodies and prosecutors to search for producers of the forged checks sold to the officers? We have to state that within the framework of the current criminal policy, the activities of “chekists” are secondary and insignificant; the presence of Russian organized crime is not denied, but no one is fighting it [24].

Here is a second example of the prosecution’s denial of the existence of significant illegal behavior. A corporation selling fuels and lubricants through a network of gas stations identified a system of fuel theft on its own. The scheme of criminal activity, on the one hand, turned out to be extremely simple, and on the other – high-tech. With the help of special equipment, criminals supervised by previously convicted persons organized a massive shortage of fuel to consumers: (they withheld a liter of fuel from each client). The resulting surpluses were also sold to consumers, and the money earned as a result of this massive criminal activity was appropriated.

As you can see, the scale of deception, if we talk about a specific buyer, is minimal, a single

offense in this case does not go beyond the scope of the act punishable under Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation. Therefore, there is no criminal liability under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in such circumstances. Formally, no damage was caused to the owner, since only unaccounted-for surpluses were plundered by the perpetrators, to which only deceived consumers have a legitimate right.

How can actions of the perpetrators be qualified? In accordance with the response of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation to the corporation's request No. 22-73602 of November 29, 2012, in the described situation, there are no grounds for initiating a criminal case under Article 159 or Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is proposed to qualify illegal enrichment under Article 165 of the Criminal Code (causing property damage by deception or abuse of trust in the absence of signs of theft) and it is recommended to fight violators without the use of criminal law measures. At the same time, the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in response to the corporation's request No. 3,206 of November 8, 2012, proposed to qualify this under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation.

So, the business independently identified and documented an obvious crime, however, as in the case of "chekists", law enforcement officers could not find the necessary article in the Criminal Code of the Russian Federation. The reader can contemplate whether it is a gap in Russian criminal law or the dishonesty of a particular law enforcement officer. We state that the significant in illegal activity was once again dismissed and transferred to the category of the insignificant.

The third example. For economic reasons, "Avtodor" ("Russian Roads") liquidated checkpoint systems and, from March 1, 2022, introduced a barrier-free payment system aimed only at bona fide consumers. As a result, 3–4% of the customers hide car numbers and do not pay for travel on toll roads. In fact, we are talking about another kind of mass petty theft, there are no effective methods to expose the perpetrators yet.

If we take into account that the fare for a passenger car on the M-12 from Moscow to Kazan officially amounts to 4,481 rubles, then fare evasion is no longer petty theft, but criminally punishable fraud. According to the road owner, 80 million cars pass through the Central Ring Road alone annually, therefore, the damage caused by 3–4% of drivers is a significant amount.

In a number of cases, the law enforcement system is not focused on combating a real mass offender (despite an obvious degree of increased public danger of his/her activities), which it prefers not to notice for the time be-

ing, but strives to "crack down" on small, but really exposed "thieves". Indeed, the effort has been spent on their registration, therefore, the costs must be recouped. The authors of this approach to solving the problem prefer not to think about negative consequences of convicting an actually innocent person.

What should happen for a real mass offender to finally interest the law enforcement system? Probably, we are talking about a set of negative consequences of a specific criminal activity. It is generally accepted that a drunk driver at the wheel is a killer. Has the driver's state of intoxication always been unambiguously interpreted as criminal? Let us recall the waves of criminalization and decriminalization of this act. On October 5, 1968, the Criminal Code of the RSFSR of 1960 was supplemented by Article 211.1; on November 30, 1972, this norm was supplemented by Part 2. At the end of the 1980s, a taboo was actually introduced on the application of Article 211.1 of the Criminal Code of the Russian Federation at the level of "judicial management". It was substantiated in the following way: if the driver is deprived of his/her license, where will he/she work? Finally, on December 24, 1992, Article 211.1 of the Criminal Code of the RSFSR was deleted from the code.

The authors of the new Criminal Code of the Russian Federation did not rush to criminalize driving under the influence of alcohol. The corresponding norm (Article 264.1) was introduced in the Code only by the law of December 31, 2014 and entered into force on July 1, 2015.

No matter how many times a "killer at the wheel" drives a car again, what he/she has done will not go beyond the scope of a minor crime (Part 2 of Article 15, parts 1 and 2 of Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The only serious punishment is the possibility of confiscating a car, that is why potential violators of traffic rules make their relatives the owners of cars.

Traffic police officers use weapons to detain a potential "killer at the wheel", while passengers, including minors, suffer. So, the use of weapons against potential criminals is rather debatable.

The head of state personally pointed out the severity and significance of the act! The case of currency traders of Rokotov and others.

It is no coincidence that the compilers of the book "The Supreme Court of Russia" cited the text of the transcript of the meeting of the Presidium of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union of June 17, 1961, at which the leader of the USSR N.S. Khrushchev demanded the execution of currency traders in the absence of a rule of criminal law, otherwise threatening the Chairman of the Supreme Court of the USSR A.F. Gorkin with dismissal. As a result, the presumption of "retroactive force" was

overcome by a strong-willed decision, the currency traders were shot [25].

The Farber case: the prosecutor and the court “listened” to the opinion of President of the Russian Federation V.V. Putin. The preliminary investigation bodies accused the director of the House of Culture Farber under Articles 285 and 290 of the Criminal Code of the Russian Federation of receiving money from contractor Kh., who carried out the repair of the building. Being controlled by the special services, Farber received 132 thousand rubles from Kh. for signing the act of completed works. The high-profile case, which received an ambiguous assessment, was repeatedly considered by various judicial instances (Cassation ruling of the judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 28, 2012). Finally, according to the verdict of the Ostashkovsky City Court of the Tver Oblast of August 1, 2014, Farber was sentenced to 7 years and 1 month in prison. Vladimir Putin, in an interview with Channel One and the AR news agency, called the punishment imposed on Farber “egregious”, considering it a mistake. These words turned out to be enough for the Prosecutor’s Office to make a submission beyond the time limits for appeal, in which it refused to charge Farber under Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation and asked to reduce the sentence to 5 years in prison under Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation. The appeal instance of the Tver Regional Court wisely went even further, reduced the sentence to 3 years in prison, that is, to the time actually served. The convict was released. The society took it favorably.

A thief was caught red-handed, but what he/she was planning to steal?

According to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal liability for theft must inevitably occur.

Usually, the police are reproached for not rushing to find thieves. It would seem that it is a completely different matter when a thief is caught red-handed by the victim him/herself and handed over to police officers. However, criminal proceedings against perpetrators are not always initiated. Here is an example in which police officers prove that valuable things were taken out, but the perpetrator was not a thief.

On November 2, 2014, the warehouse security received a signal that glass was broken in one of the rooms. Later, security officers discovered that two unidentified men had taken out three boxes of expensive electrical appliances from the warehouse. Police officers were called to the scene, who were given a statement on bringing the perpetrators to criminal liability. However, on November 11, 2014, the operative of the criminal investigation department OP-5 of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Kursk issued a decision to refuse to initiate

criminal proceedings, approved by the head of the relevant police department.

The law enforcement officers motivated their position by the simple curiosity of the perpetrators, who, opening one of the boxes, saw a device that they were not going to steal. The prosecutor’s office also found no violations of the law in this situation [26].

One word – explosives!

Usually, the legislator, forming a criminal norm that establishes a ban on the circulation of any dangerous substance, lays down its minimum size, from which its acquisition and storage become socially dangerous (a threshold for liability). In a number of cases, the legislator also distinguishes the motive for the illegal acquisition and storage of a certain substance.

According to Part 1 of Article 222.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (introduced in the Code on November 24, 2014 by the Federal Law No. 370-FZ, currently valid as amended by the Federal Law No. 281-FZ of July 1, 2021), regardless of the motive and timing, the storage of any explosives in any amount constitutes a crime, for which real imprisonment (for a period of 6 to 8 years) and a fine is provided.

We believe that any non-alternative sanction is a negative artificial formation, which, without reasonable grounds, significantly limits judicial discretion and often puts the courts at a dead end. As is known, in the framework of partial decriminalization, the legislator in a number of cases foresightedly expanded limits of judicial discretion. For example, the lower limit of the sanction under Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation (intentional infliction of serious harm, resulting in the death of the victim by negligence) is actually reduced to nothing, but often de facto this is premeditated murder with special cruelty. At one of the conferences, Professor A.V. Naumov, having heard the condemnation of this novel, directly asked its critic, “Are you aware of cases when the courts were limited to the minimum of two months specified in Part 2 of Article 56 of the Criminal Code of the Russian Federation?” There was no response. Anatolii Naumov concluded, “Our judges are wise people, therefore they do not need strict instructions from the legislator”.

We will return to the criticism of non-alternative sanctions prescribed in Article 222.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is possible that our critics will object that no one has abolished articles 64 and 73 of the Criminal Code of the Russian Federation. Yes, this is true, but sometimes it is difficult to find grounds for applying these norms if it is already clear that the degree of public danger is extremely low.

Here are examples from judicial practice, how the dispute was resolved about the significance or insignificance of aimless (accidental)

storage of 137 to 293 g of gunpowder – officially explosives. However, under certain conditions, not only gunpowder explodes, but many substances, for example: fertilizers (explosions: 1947 – Texas City, 2015 – Tianjin, 2020 – Beirut), coal and sugar dust, etc.

The gunpowder “flared up” two years later. According to the court verdict, N. was found guilty of illegally acquiring and storing explosives at home in 2011–2013 (137 g of “hunting, smokeless” gunpowder). For committing this act under Part 1 of Article 222 of the Criminal Code of the Russian Federation (still under the old law), she was sentenced to restriction of liberty for 4 months. The court of second instance changed the verdict: 1) excluded the qualifying element “illegal acquisition of explosives” from the conviction; 2) recognized the retirement age of the convicted person as a mitigating circumstance; 3) commuted the punishment to 3 months of restriction of freedom.

The Court of Cassation established the following: N. inherited gunpowder from her hunter husband, which she voluntarily reported to the police. Result: the verdict and the appeal decision were canceled, the criminal case was terminated due to the absence of corpus delicti in N.’s actions for insignificance (Review of the cassation practice in criminal cases of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan (November–December 2014). Case No. 44u–554/2014). So, first the form defeated the content, and then the content corrected the form [27; 28].

A criminal case against S. According to the preliminary investigation authorities, S. found somewhere and appropriated a jar with 140.62 g of smokeless gunpowder, which he kept at home for about a year. S.’s actions were qualified under Part 1 of Article 222.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In accordance with the Decision of the Taldom District Court No. 1-68/22 of April 25, 2022, the chairman of the court, having personally examined the criminal case against S., did not notice any real danger in the latter’s actions, therefore he considered it possible to terminate the proceedings for the insignificance of what he had done. The public prosecutor brought an appeal against this decision, in which he indicated that 1) the crime of which S. was accused had been intentional, belonged to the category of serious, as it was directed against public safety; 2) this act was punished by imprisonment; 3) S. did not voluntarily extradite gunpowder at the suggestion of the police officers who came to him.

According to the appellate ruling of the judicial board for criminal cases of the Moscow Regional Court No. 22-4283/2022 of July 19, 2022, the court of second instance did not check the above arguments, preferred to see a fundamental appeal reason in the proceedings – the defendant was not notified of the trial date

in time, therefore he could not prepare for it. As a result, the court’s decision was cancelled, the case was sent for a new trial to the same court with a different composition of judges. Besides, a private ruling of the judicial board for criminal cases of the Moscow Regional Court No. 22-4283/2022 of July 19, 2022 was issued to the chairman of the court, which drew the latter’s attention to the fact that “the parties must be notified of the date and time of the court session at least 5 days in advance days before it begins” (Part 4 of Article 231 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation), and a copy is sent to the accused (Part 4 of Article 227 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation).

The general jurisdiction courts of cassation (in the appellate ruling of the judicial board for criminal cases of the Moscow Regional Court No. 22-4283/2022 of July 19, 2022) canceled a private ruling against the judge who terminated the criminal case against S. (which, by the way, was also requested by the prosecutor of the Cassation Department of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation), since there were no fundamental violations of procedural law on the part of the chairman.

Upon reconsideration of the criminal case, the Taldom District Court, according to the rules of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation, imposed a punishment below the lowest limit specified in the law, namely three years of imprisonment with a fine of 5,000 rubles. Moreover, according to the rules of Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation, it was decided that the main punishment should be considered conditional with a probation period of one year.

So, the “keeper” of 140 g of gunpowder that had come “out of nowhere” was fined only 5,000 rubles. It should be especially noted that if the convicted person had voluntarily handed over a can of gunpowder to the police, he could well have avoided not only punishment, but also criminal prosecution (Note to Article 222.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The author of the decision to terminate the criminal case for insignificance referring to the obvious contrivance of the position of the appellate instance complained that the procedural law does not provide for a mechanism for canceling such decisions on the initiative of the judge of the first instance. Indeed, if S. had appealed against the appeal ruling to the First General Jurisdiction Court of Cassation simultaneously with the receipt of the cassation appeal of the presiding judge there, the second instance would have reconsidered the case of S., dwelt on the significant and insignificant and evaluated all the arguments of the public prosecutor. However, this is a completely different topic.

Legally acquired gunpowder is sold illegally. The ruling of the Constitutional Court

of the Russian Federation stipulates that at one time, B. (formerly a hunter) legally purchased 185 g of smokeless gunpowder within the framework of the rules in force at that time and then sold it to Sh. B.'s actions were qualified under parts 1 and 2 of Articles 221.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, since at the time of sale B. no longer had the status of a hunter. The Vichug City Court of the Ivanovo Oblast, considering a criminal case against B. in the first instance, appealed to the Constitutional Court of the Russian Federation with a request about the presence or absence of the right to sell gunpowder after B. lost the status of a hunter.

The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 52-P of November 13, 2023 "In the case of checking the constitutionality of Paragraph 2 of the Notes to Article 222.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Vichug City Court of the Ivanovo Oblast" states the absence of violations of the constitutionality principle in the construction of Article 222.1 of the Criminal Code of the Russian Federation on the part of the legislator and does not admit the storage and sale of gunpowder as an insignificant act. However, the Constitutional Court transparently hinted that the punishment to the perpetrator in any case should be adequate to the severity and public danger of the act.

In this case, the court confirmed its position on the right of the legislator, due to the degree of public danger, to criminalize any action with any weapon, even if it is an antique dirk (resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of June 17, 2014 "In the case of checking the constitutionality of Part 4 of Article 222 of the Criminal Code of the Russian Federation and articles 1, 3, 6, 8, 13 and 20 of the Federal Law "On Weapons" in connection with the complaint of N.V. Uryupina").

Storage and sale of gunpowder is the latest judicial practice. According to the verdict of the Liman District Court of the Astrakhan Oblast of July 7, 2023, S.A. was sentenced under Part 1 of Article 222.1 of the Criminal Code of the Russian Federation to 4 years in prison with a fine of 30 thousand rubles. The courts of the second and third instance upheld the verdict.

The defender of the convicted person brought a cassation appeal to the judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation, in which he proposed to terminate the criminal case against S.A. for insignificance. According to the surveyed representatives of the judicial community, since the volume of explosives stored is extremely insignificant, public danger of the act tends to zero in any case. There is a contradiction between General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation: despite the fact that when qualifying the deed according to Article

222.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the motive for storing explosives does not make the difference, according to the general rules of sentencing, the court is obliged in any case to take into account the direction of the perpetrator's actions [29].

According to the minutes of the court session on the consideration of case No. 25-UD24-11-K4 in cassation order of August 27, 2024, the prosecutor of the General Prosecutor's Office participating in the second cassation court, relying on the above-mentioned resolution No. 52-P, proposed to mitigate the punishment and the judicial board agreed with it. As a result, in accordance with the cassation ruling of the judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25-UD24-11-K4 of August 27, 2024, the court rulings in the case were changed, the punishment was commuted to 1 year 4 months of imprisonment with a fine of 10 thousand rubles. It was also taken into account that S.A. was an active participant in the special military operation.

The **moral** is obvious. All weapons and ammunition inherited must be registered, surrendered or destroyed. Law enforcement agencies are focused on searching for weapons and explosives stored without registration.

An old sofa: you can throw it away, but you cannot take it for yourself.

B.T. was accused by the preliminary investigation authorities of appropriating an old sofa (Part 3 of Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation), which was on the balance sheet of the kindergarten and transferred to the latter for write-off. By resolution of the Yegoryev City Court of the Moscow Oblast of March 5, 2019, the criminal case against B.T. was terminated for insignificance (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The representative of the kindergarten in the appeal requested the decision to be canceled, arguing that the sofa: 1) had not lost its consumer properties and was suitable for operation; 2) had not been written off in accordance with the procedure established by law, as a result, damage was caused to the kindergarten in the amount of 4,080 rubles (according to the expert's conclusion – 4,185 rubles).

The prosecutor involved in the case believed that the decision of the first instance should be left unchanged. According to the appellate ruling of the judicial board for criminal cases of the Moscow Regional Court No. 22-2553/2019 of April 16, 2019, the court of second instance, leaving the court's decision unchanged, referred to the explanations of the kindergarten representative, who admitted that the head of the kindergarten verbally asked B.T. to throw out the sofa, also indicating the need to write it off.

Correlation of the significant and the insignificant in the norms of law and morality.

As you know, human relations are regulated by norms, primarily morality, as well as law (including positive, written law), if the potential of morality is not enough for some reason. It is also known that the norms of law may turn out to be unconstitutional and even immoral, but any court decision cannot be immoral. Let us consider court decisions, the authors of which clearly know that morality is primary, therefore, the norms of the criminal law should not contradict it.

“Be human, then!”

At the event dedicated to the memory of the chairman of the Moscow City Court, Z.I. Koneva (years of life – 1930–2012, years in office – 1989–2000), her colleague O.V. Svirengo told a story characterizing Zoya Ivanovna’s attitude to the problem of the ratio of the significant and insignificant in the act of a particular person. The presidium considered a supervisory protest in the case in which a woman who came to Moscow was convicted of assault, as she needed money for her daughter’s treatment. The author of the protest was hungry for “blood”. The members of the presidium were in some confusion, since the crime was indeed serious, and the situation was non-standard. The chairman of the court realized that it was necessary to bring some arguments that would reach everyone. She looked at the presidium members and said, “Be human, then!” The Presidium unanimously refused to satisfy the protest [30].

There is another example. What should the court do in the following situation? A woman was sentenced under Part 4 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation to 6 years in prison, the court applied Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation to her – a postponement of execution of the sentence until the child reaches the age of 14. The second instance court canceled the postponement, but the third instance court again applied Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation. The prosecution appealed this decision to the Judicial Board for Criminal Cases, arguing that there was no need to send the child to a social institution, since he had a father. The woman was convicted of going to Belarus to visit her mother.

We think that the convict is not a murderer, it is difficult to understand what she has done to annoy the prosecution, especially considering that victims of fraud themselves are happy to be deceived sometimes.

Leave children with their mother.

The Judicial Board has recently suggested that the courts should find a way not to separate children from their mother. So, a woman was convicted under Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation. It was established that Sh. had been beaten by her husband. Due to this circumstance, Sh., being in a long-term traumatic situation, delib-

erately stabbed her husband in the process of another beating, the latter died from the injury (cassation ruling of the judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 44-UD23-17-K7 of October 24, 2023).

It should also be noted that the categories of “significant” and “insignificant” have an interdisciplinary character, which, in particular, is noted by M. V. Vostrikov and O.V. Polikashina [31]. It should also be emphasized that the Russian law enforcement officer, accustomed to specific figures and amounts, complains about a lack of detailed regulations in substantive law not only in criminal cases. So, the prosecutor E.V. Yakovenko complains that the courts refuse to satisfy the prosecutor’s office claims for the transfer of property of officials to the income of the Russian Federation (in accordance with the Federal Law No. 230-FZ of December 3, 2012 “On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Positions and Other Persons with Their Incomes”) only because their expenses slightly exceeded their income [32]. This means that the prosecutor actually denies the courts even the right to discretion permitted by law, depending on specific circumstances of the case.

Insignificance in the field of economics. Damage in the amount of 4,919,350 rubles is not large.

ZAO “PO “Elektrotechnik”, using patents of AO “KEAZ” illegally stored and sold counterfeit products. At the initiative of the copyright holder, as part of operational investigative measures in 2014, verification purchases of illegally sold products were carried out: on October 1 in the amount of 111,995 rubles and on October 27 in the amount of 4,807,355 rubles.

On March 24, 2015, the deputy head of the interdistrict investigation department issued a resolution refusing to initiate criminal proceedings and handed over all seized (counterfeit) products, including circuit breakers purchased as part of operational search activities with the money of OOO “Complexstorg-S” to ZAO “PO “Elektrotechnik”. The prosecutor’s office ignored this fact.

AO “KEAZ” appealed the decision in accordance with Article 125 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. In order to get out of the zone of judicial control, the head of the Investigative Department for the South-Eastern Administrative District of Moscow of the Investigative Committee of the Russian Federation promptly issued a decree on the cancellation of the decision to refuse to initiate criminal proceedings, the contractor was given a formal instruction: to interview a Rospatent specialist about possible violations of the patent rights of AO “KEAZ” and to perform other verification measures. On August 25, 2015, the deputy head of the interdistrict investigation

department again issued a decision to refuse to initiate criminal proceedings.

The author justified his decision by saying that the damage in the amount of 4,919,350 rubles is not large for AO "KEAZ" [26].

Analysis of the cassation practice of the First General Jurisdiction Court of Cassation.

In the process of studying problems related to the application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, we analyzed the relevant cassation practice in cases considered by the district courts (2021–2022, 1st half of 2023). It was established that during the specified period, with the application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, the judicial board for criminal cases of the First General Jurisdiction Court of Cassation overturned the decisions of lower courts in 15 cases, including 1 criminal case in 2021, 4 in 2022, and 10 in the first half of 2023.

If we take 2021 as the starting point in our monitoring, then there is a rapid increase in the practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation: in 2022 by 4 times, in the 1st half of 2023 – by 10 times!

We summarize that, applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, the judges of the First General Jurisdiction Court of Cassation proceeded from the priority of the degree of public danger of the act. At the same time, they considered the totality of socially significant circumstances, such as:

- 1) degree of realization of criminal intentions;
- 2) quantitative and qualitative characteristics of the stolen item;
- 3) defendant's role in the crime committed in complicity;
- 4) nature of the circumstances that contributed to the commission of the act;
- 5) actual harmful consequences that have occurred;
- 6) method of commission;
- 7) form of guilt;
- 8) motives and goals of the guilty person;
- 9) his/her previous criminal and post-criminal behavior.

In most cases, when discussing the insignificance of an act, the court was guided by 1) the insignificant amount of material damage caused, 2) the absence of evidence in the case materials confirming that the actions of a person caused significant harm to the state, to the interests of society protected by criminal law, 3) full compensation for damage and its size.

In two cases, the judicial board having overturned decisions of the courts of the first and appellate instances decided to terminate the criminal case due to the absence of *corpus delicti* in the actions of persons due to its insignificance on the basis of Paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation recognizing the right

to rehabilitation, motivating its conclusions by the absence of reasoned conclusions in the appealed court decisions on the presence of public danger.

Example 1. According to the verdict of the justice of the peace of the judicial district No. 52 of the Starodub judicial district of the Bryansk Oblast of April 29, 2022 left unchanged by the court of appeal, N.(T.) was convicted under Part 1 of Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation to a fine in the amount of 30 thousand rubles for embezzlement of 30,190 rubles 55 kopecks. The First General Jurisdiction Court of Cassation cancelled the decisions taken in the case and terminated the case for lack of *corpus delicti* in its decision No. 77-3028/2023 of June 27, 2023, indicating that N.(T.):

- committed crimes of minor gravity;
- was brought to criminal liability for the first time;
- was a student at the time of the commission of the incriminated act;
- was characterized exclusively positively;
- fully compensated for the damage, there were no property claims against her;
- the justice of the peace did not prove: a) the presence of significant harm, the occurrence of which was caused by the commission of the convicted act, b) the degree of public danger in the actions of N. (T.), c) significant consequences resulting from the crime.

Example 2. According to the verdict of the justice of the peace of the judicial district No. 2 of the Pochinkov judicial district of the Nizhny Novgorod Oblast of April 20, 2022 left unchanged in the second instance, P. was sentenced under Part 1 of Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation to a fine of 5 thousand rubles for searching for S.D.S. without obtaining the consent of S.N.A. She entered the apartment of the latter, thereby violating the constitutional right of the latter to inviolability of the home (Article 25 of the Constitution of the Russian Federation). The court of third instance, overturning court decisions, referred to the reasons of the act conditioned by the life situation. The victim's son owed money to the store, P. came to the apartment of S.N.A. to talk to the debtor. This does not indicate an increased public danger of P.'s actions, especially given that the victim herself opened the door and reported that her son was at home (Cassation decision of the First General Jurisdiction Court of Cassation No. 77-1213/2023 of March 14, 2023).

On similar grounds, the sentences of magistrates and the decisions of the second instance in the Bryansk and Lipetsk oblasts were canceled (Cassation decisions of the First Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-1868/2023 of April 19, 2023 and No. 77-3164/2023 of June 28, 2023).

Along with the terms “insignificance of the act”, “absence of its public danger”, directly provided for by the Criminal Code of the Russian Federation, the judges used the concept of “insignificance of the harm caused”. We will analyze sentences and appeals decisions of:

– the Volokolamsk City Court of the Moscow Oblast of June 7, 2022 in respect of Ch., convicted under Part 1 of Article 161 of the Criminal Code of the Russian Federation (unqualified robbery) (cassation ruling of the First General Jurisdiction Court of Cassation No. 77-2735/2023 of May 30, 2023);

– the acting justice of the peace of the judicial district No. 1 of the judicial district of Rylsk and Rylsky District of the Kursk Oblast of December 10, 2021 in relation to S., convicted under Part 1 of Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation (Cassation decision of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 06/15/2022 No. 77-3002/2022).

The analysis of procedural documents shows that the judges of the First General Jurisdiction Court of Cassation believe that the decision on the insignificance of an act that does not pose public danger is conditioned by: 1) the nature of the act; 2) the role and data on the identity of the subject of criminal liability; 3) the amount of harm and the severity of consequences; 4) the degree of implementation of the criminal intent; 5) the method of committing the crime; 6) the role of the defendant in the crime committed in complicity; 7) the presence of circumstances entailing a more severe punishment in accordance with the sanctions of articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The judges believe that the decision to dismiss the case due to the insignificance of the act may contribute to: 1) the presence of negative consequences; 2) the object of criminal encroachment. However, if the application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation is refused, the significance for the victim of a particular good that acted as an object of encroachment may be taken into account.

In accordance with the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, the act is insignificant, although formally containing elements of a crime, but not posing public danger due to the nature of the committed act and the role of the person in its commission, the severity of the consequences, the content of motives, goals and other circumstances.

It is necessary to take into account all circumstances of the act, information characterizing the subject of criminal liability, including information about his/her personality, material, social status, degree of his/her guilt in committing the incriminated act, as well as other circumstances important for correct resolution of a particular case, including those reducing

public danger of a crime, in particular his/her behavior, presence of mitigating and absence of aggravating circumstances.

Circumstances related to post-criminal behavior, for example, provision of medical and other assistance to the victim immediately after the commission of a crime, voluntary compensation for property damage and compensation for moral damage, if the damage and harm were caused as a result of a crime, other actions aimed at making amends for the harm caused to the victim, in themselves are not an unconditional basis for recognizing the act as insignificant and entailing the cancellation of the sentence due to the insignificance of the act, but they can be taken into account when deciding on exemption from criminal liability on other grounds or when imposing criminal punishment.

Taking into account that the concept of insignificance of an act belongs exclusively to evaluative categories, and the law connects the concept of insignificance with significant harm, since the element of public danger of a crime implies exactly such a qualitative definition, the First General Jurisdiction Court of Cassation took into account actual harmful consequences.

Example 3. According to the verdict of the justice of the peace of the judicial district No. 1 of the Engels district of the Saratov Oblast of December 9, 2021 left unchanged in the second instance, Sh. was convicted under paragraph “c” of Part 1 of Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation. In accordance with the cassation resolution of the First General Jurisdiction Court of Cassation No. 77-5384/2023 of October 19, 2022, it was established that Sh. had illegally caught 6 crucians worth 500 rubles each and 2 bream worth 1000 rubles each. Canceling court decisions and terminating the criminal case on the basis of Paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation due to insignificance, the court indicated:

- a number and cost of fish caught;
- that it had been released it back into the river;
- a lack of evidence that the act of Sh. had caused significant damage to aquatic biological resources;

that the extraction method used was not dangerous for biological resources.

Judges in their decisions note that the onset or possibility of harm as a criterion affecting insignificance is characteristic of acts with material compositions, since harm, as a rule, has a certain monetary expression. Nevertheless, cases of termination of criminal cases for insignificance and formal compositions are not uncommon.

Example 4. According to the verdict of the justice of the peace of Dolgorukov judicial district of the Terbun judicial district of the Lipetsk Oblast of June 3, 2022, V. was convicted

of two crimes under Part 1 of Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation. The sentence was changed in accordance with the appeal decision of the district court of August 31, 2022. V. was released from the punishment imposed on him upon penetration into P.'s home; upon penetration into S.'s home, the case was terminated due to the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution. The case established that V. entered other people's houses in order to clarify relations with S., and the latter hid from him in P.'s home. The prosecution saw this as a violation of Article 25 of the Constitution of the Russian Federation. The First General Jurisdiction Court of Cassation, terminating the criminal case against V. due to the insignificance of the act, indicated that the latter's actions had been conditioned by "family" problems. The court decisions that took place in the case did not contain reasoned conclusions about public danger of V.'s actions (Cassation decision of the First General Jurisdiction Court of Cassation No. 77-2966/2023 of June 14, 2023).

The judges believe that the mere presence of an aggravating circumstance in actions of the subject of criminal liability is not an obstacle to the recognition of the act as insignificant.

We have established that the First General Jurisdiction Court of Cassation applied the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on the insignificance of an act in the presence of circumstances aggravating punishment provided for in Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation in one case.

Example 5. According to the verdict of the justice of the peace of the judicial district No. 299 of the Zhukov judicial district of the Moscow Oblast of December 22, 2020, K. and L. were convicted under Part 1 of Article 330 of the Criminal Code of the Russian Federation each. The commission of a crime as part of a group of persons is recognized as an aggravating circumstance. The second instance court upheld the verdict. The court established in the ruling No. 77-6112/2022 of November 29, 2022 that in order to force G. to return funds from L. for substandard manicure services, K. and L. took 18 gel varnishes belonging to G. with a total cost of 10,720 rubles. When deciding to terminate the criminal case against each convicted person under Paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the court indicated that the convicts had no purpose to steal property.

Judging by the procedural acts, the judges believe that the law does not define the range or categories of crimes that can be considered insignificant. As a general rule, Part 2 of Article 14 of the Criminal Code applies to all categories of crimes.

In the practice of the First General Jurisdiction Court of Cassation, we have identified only

two cases of cancellation of court decisions with the termination of criminal cases due to the absence of a serious crime in the actions of subjects of criminal liability due to its insignificance under Paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation with recognition of the right to rehabilitation.

Example 6. According to the verdict of the Obninsk City Court of the Kaluga Oblast of June 1, 2021, taking into account the changes made by the appellate ruling, D. was convicted under paragraph "d" of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is proved that D. found a lost bank card and used it to make a purchase in the amount of **445 rubles 17 kopecks**. By terminating the criminal case on the basis of Paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the Court of Cassation indicated the amount of material damage not exceeding the amount of petty theft (cassation ruling of the First General Jurisdiction Court of Cassation No. 77-630/2022 (No. 77-6024/2021) of February 10, 2022).

Example 7. According to the verdict of the Bogoroditsk District Court of the Tula Oblast of August 23, 2019 (left unchanged in the appellate court), B. was convicted under Part 3 of Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation, acquitted under Part 1 of Article 330 of the Criminal Code of the Russian Federation on the basis of Paragraph 2 of Part 1 of Article 24, Paragraph 3 of Part 2 of Article 302 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation due to the absence in his actions of the corpus delicti. His right to rehabilitation was recognized under Paragraph 1 of Part 2 of Article 133 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. It was established that B., the director of the Water Analysis Management Company, using his official position, refueled his personal vehicle with fuel belonging to the Water Analysis Management Company, which caused damage to the latter in the amount of 2,928 rubles. Terminating the criminal case under Paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the court pointed out that there was no evidence in the case that B.'s act had caused significant harm to the company's interests (cassation ruling of the First General Jurisdiction Court of Cassation No. 77-1207/2022 of May 13, 2021).

In addition, the court noted that the method of theft (B. – using official position, D. – theft from a bank account) was imputed to them without taking into account specific circumstances of the case.

As follows from the documents indicated above, the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation were not applied to acts with administra-

tive prejudice by the First General Jurisdiction Court of Cassation. Criminal law does not contain a direct prohibition on recognizing acts committed with administrative prejudice as insignificant in accordance with Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. Meanwhile, when deciding whether an act is insignificant, the court must take into account the specifics of the composition of a crime with an administrative prejudice, circumstances of a socially dangerous act committed, and data on the identity of the person who committed it. Thus, the circumstances of a socially dangerous act committed may include the amount of damage caused, its significance for the victim, the period of commission of illegal actions and motives for their commission. Personal data may include information about the propensity to commit socially dangerous acts, their specific orientation, and the execution of court decisions regarding the imposed administrative punishment.

It should be particularly noted that the court applied the provisions on insignificance in the presence of qualifying elements in the acts. When making the decision, the court took into account that the method of committing crimes in itself, including by theft from a bank account, using official position, which are qualifying elements of the relevant acts, without taking into account the specific circumstances of the case, could not be recognized as a basis indicating the impossibility of recognizing the act as insignificant.

It is quite natural that in the practice of the court there were cases of refusal to satisfy the defense request to terminate the criminal case due to the insignificance of the act.

Example 8. According to the verdict of the Sovetsky District Court of Orel of September 8, 2021 (left unchanged in the appellate court), A. was convicted under paragraph “d” of Part 2 of Article 161 of the Criminal Code of the Russian Federation for robbery committed with violence not dangerous to life or health. Leaving the court decisions unchanged and the cassation appeal of the convicted person without satisfaction, the First General Jurisdiction Court of Cassation concluded about the absence of grounds for terminating the criminal case, including due to the insignificance of the act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation) and indicated the degree of public danger of the crime committed (ruling No. 77-6224/2022 of December 1, 2022).

Example 9. According to the verdict of the Rovenky District Court of the Belgorod Oblast of November 11, 2021, K. and R. were each sentenced to a fine under Part 3 of Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation. The verdict was changed by the appeal decision of the Belgorod Regional Court of January 17, 2022. A qualifying element “using the method of mass

destruction of aquatic biological resources” was excluded from the qualification of the actions of the convicts. It was decided to consider the correct qualification of their actions under Part 3 of Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation as illegal extraction of biological resources using prohibited tools. Leaving the court decisions unchanged, the court in the ruling No. 77-2721/2022 of May 31, 2022, based on the circumstances of what the convicts had done, did not see any grounds for applying provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation to them.

As is known, by resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 22 of June 29, 2021 “On Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Cases”, Paragraph 12 is excluded from the resolution of the Plenum No. 60 of December 5, 2006 “On the Application by Courts of a Special Trial Procedure for Criminal Cases”, according to which Chapter 40 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation does not contain norms prohibiting the adoption of judicial decisions other than a guilty verdict in a case considered in a special order, in particular, what the accused has done can be redefined, and the criminal case itself is terminated (for example, due to the expiration of the statute of limitations, changes in criminal law, reconciliation with the victim, amnesty, refusal of the public prosecutor to charge), etc., if this does not require a study of the evidence collected in the case and the actual circumstances do not change. At the same time, in accordance with the explanations contained in Paragraph 2 of Resolution No. 60 of December 5, 2006, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation draws attention to the fact that when considering the possibility of making a judicial decision on the petition of the accused to pronounce a sentence without conducting a trial in the general procedure, the courts should establish whether there are necessary conditions for this in a criminal case. According to requirements of the norms of Chapter 40 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, these are also the absence of grounds for terminating the criminal case.

Since an insignificant act is not a crime due to the absence of public danger (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation), the criminal case in this case is subject to termination for lack of *corpus delicti*, and the person is not subject to criminal liability, we believe that when considering a criminal case in a special order, making a decision on the insignificance of the act is excluded.

It is established that the First General Jurisdiction Court of Cassation applied provisions on the insignificance of the act in one criminal case considered in a special judicial procedure.

Example 10. According to the verdict of the Kromy District Court of the Oryol Oblast of September 27, 2022, Ts. was sentenced under Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation to correctional labor with deprivation of the right to engage in activities related to the sale of alcoholic beverages to the public for a period of one year. On the basis of Part 5 of Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation, the postponement of the execution of the sentence of the Zheleznodorozhny District Court of Orel of March 26, 2021 was canceled. On the basis of Article 70, paragraph "c" of Part 1 of Article 71 of the Criminal Code of the Russian Federation on the totality of sentences by fully attaching the unserved part of the punishment by the verdict of the Zheleznodorozhny District Court of Orel of March 26, 2021. Ts. was sentenced to real imprisonment for 2 years and 1 month with deprivation of the right to engage in activities related to the sale of alcoholic beverages to the public for one year. The verdict was not appealed. It was established that Ts., being brought to administrative liability under Part 2.1 of Article 14.16 of the Administrative Code of the Russian Federation for the retail sale of alcoholic beverages to a minor by the decision of the justice of the peace, illegally for selfish reasons, realizing the socially dangerous and illegal nature of their actions, knowing about the ban on the retail sale of alcoholic beverages to persons under the age of 18, acting intentionally, in violation of the requirements of Paragraph 11 of Part 2 of Article 16 of the Federal Law No. 171-FZ of November 22, 1995 "On State Regulation of the Production and Turnover of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products and on Restriction of Consumption (Drinking) of Alcoholic Products", sold one can of beer to a minor E., born on August 10, 2004. The specified actions of the Ts. were qualified according to Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as the retail sale of alcoholic beverages to minors, if this act has been committed repeatedly. Canceling court decisions against Ts. and deciding to terminate the criminal case against her on the basis of paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation for the absence of *corpus delicti* in the act due to its insignificance, the judicial board for criminal cases of the First Cassation Court of General Jurisdiction pointed to the absence in the case materials of evidence that the act of Ts. caused significant harm to the interests of the minor E., who was 17 years and 4 months old at the time of the commission of the incriminated convicted act. There were no socially dangerous consequences, the act did not have elements of sufficient public danger that would allow it to be recognized as a crime (cassation ruling of the First General Jurisdiction Court of Cassation No. 77-1650/2023 of April 5, 2023).

The documents presented above show that when recognizing an act as insignificant, the court may acquit a defendant on the basis of provisions of articles 254, 302 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. However, taking into account the prevailing judicial practice, including that of the Supreme Court of the Russian Federation, it is possible to terminate the criminal case for lack of *corpus delicti* due to the insignificance on the basis of paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation with the issuance of a court ruling or ruling, which does not contradict the requirements of the law.

When making a decision to terminate a criminal case on the basis of paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, due to the absence of *corpus delicti* in the act due to its insignificance, the judicial board for criminal cases dismissed the victim's civil claim.

Example 11. By the verdict of the justice of the peace of the judicial district No. 2 of the Pochinky Judicial District of the Nizhny Novgorod Oblast of April 20, 2022, P. was convicted under Part 1 of Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation. It was decided to collect 5 thousand rubles from P. in favor of S. on account of compensation for moral damage and 8 thousand rubles to the federal budget for procedural costs of paying for the services of a representative of the victim. The verdict was upheld on appeal. The third instance court overturned court decisions regarding the claim (Paragraph 2 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation), the civil claim of the victim by virtue of Part 2 of Article 306 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation was left without consideration, as a decision was made to terminate the criminal case on rehabilitative grounds (cassation decision of the First General Jurisdiction Court of Cassation No. 77-1213/2023 of March 14, 2023).

According to the opinion of the judges revealed on the basis of studying procedural documents, by virtue of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, an action (inaction) is not a crime, although formally containing elements of any act provided for by the Criminal Code of the Russian Federation, but due to insignificance it does not pose public danger. In accordance with Paragraph 3 of Part 3 of Article 133 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the basis for the right to rehabilitation, including the right to compensation for damage related to criminal prosecution, is the termination of a criminal case on the grounds provided for in paragraphs 1, 2, 5 and 6 of Part 1 of Article 24 and paragraphs 1, 4–6 of Part 1 of Article 27 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Considering that, within the meaning of the law, an act is insignificant not by virtue of the law, but can be recognized as such at the discretion of the court, which established that the act did not pose that degree of public danger that would allow it to be regarded as criminal, we believe it impossible to recognize an act as insignificant in accordance with norms of Chapter 18 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

We have not identified any examples of denial of the right to rehabilitation when the court applied norms on the insignificance of an act in the practice of the First General Jurisdiction Court of Cassation. Apparently, the practice of this court has no cases when the petition for termination of the criminal case filed in the court of first and appellate instances due to the insignificance of the committed act was not satisfied if there were grounds for applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation.

At the same time, judicial decisions of the First General Jurisdiction Court of Cassation and lower courts in two criminal cases, taking into account provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, were annulled by the Supreme Court of the Russian Federation [23].

Based on the decisions of the First General Jurisdiction Court of Cassation, it can be concluded that the judges consider that, since, according to Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, an action (inaction) is not a crime, although it formally contains elements of an act provided for by the Criminal Code of the Russian Federation, but due to the insignificance does not pose public danger and a judicial fine imposed on the basis of Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation to a person released from criminal liability is not a criminal punishment, but refers to other measures of a criminal legal nature provided for in Section VI of the Criminal Code of the Russian Federation "Other Measures of a Criminal Legal Nature", we believe that the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on the insignificance of the act are subject to priority application.

As the analysis of judicial practice has shown, the district courts served by the First General Jurisdiction Court of Cassation experience difficulties in law enforcement practice when applying the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on the insignificance of an act, requiring clarification by the Supreme Court of the Russian Federation, which are related to the definition of criteria to be taken into account when determining the insignificance of an act.

Judges of almost all levels of the judicial system are at least in no hurry to apply Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, and at most they are afraid of this.

At the same time, it should be noted that some problems concerning the ratio of the significant and insignificant began to be discussed by the authorities that form criminal policy. In particular, First Deputy Minister of Justice of the Russian Federation E.L. Zaburchuk speaking at the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor M.N. Gernet admitted that in practice the termination of a criminal case for insignificance with subsequent rehabilitation of the perpetrator was nonsense. We cannot but agree with the speaker, because it turns out that it is not the thief who owes society and the state, but we all have to compensate him/her for moral harm.

However, the situation is not as simple as it seems at first glance. The problem of insignificance resolved by the courts is aggravated by the fact that some cases terminated under Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation were initially initiated illegally, since there was no crime event (Paragraph 1 of Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation).

Thus, the judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dismissed the case against S., convicted under Part 3 of Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation for embezzlement of 16,391 rubles (cassation ruling of the judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51-UD24-10-K8 of September 4, 2024). At the same time, the study of this case against the head of S. makes it possible to doubt that the specified amount was stolen by someone at all. There should be no such omissions in court decisions.

Key scientific and practical conclusions

1. The interdisciplinary paired category of "significant – insignificant" is actively being developed by legal science. The analyzed ratio is a social, political category and, by virtue of this, historically variable.

2. As a general rule (Part 1 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation), only an act that poses real public danger is criminal and criminally punishable.

3. Attribution of certain acts to the category of significant or insignificant is the exclusive competence of the federal legislator (Article 10, paragraph "o" of Article 71 of the Criminal Code of the Russian Federation).

4. At the same time, in Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator recognizes that some acts that formally fall under the description of a specific crime, the disposition of which is given in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, do not have a degree of public danger. Thus, the legislator transfers the resolution of the issue of significance or minor significance of the act to the discretion of the law enforcement officer (inquirer, investigator,

prosecutor and court). In our opinion, sending a criminal case to the court against a person who has committed an obviously insignificant act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation) is a drawback in the work of the prosecution.

5. We assert that the insignificance of the act does not depend on whether the corpus delicti incriminated to a particular person is material or formal. The main thing in the crime is the reality of the degree of public danger.

6. Data on the identity of the perpetrator plays an extremely important role in determining the degree of public danger of an act.

7. There has been a steady trend towards the termination of controversial (artificial) criminal cases for insignificance in the practice of the judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation and all eight general jurisdiction courts of cassation in recent years (2020–2024).

8. The roots of this practice can be seen to a certain extent in the prolonged lag between the norms of substantive law (Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation and Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the realities of life.

9. Bodies carrying out law enforcement intelligence, as well as preliminary investigation

bodies and prosecutors, are in no hurry to deviate from the letter of the law, citing the need to comply with the principle of legality, as well as the fact that impunity for persons who have committed minor acts pushes them to commit serious crimes.

10. Judges of lower courts, in the absence of special explanations, are also in no hurry to apply Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. It seems that the analyzed issue could be clarified within the framework of the preparation of an appropriate thematic resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

11. Article 7.27 of the Administrative Code of the Russian Federation provides for liability for petty theft of other people's property in the amount of up to 1,000 rubles (Part 1) and up to 2,500 rubles (Part 2). A person guilty of committing petty theft can automatically be punished administratively, including actually imprisonment for up to half a month. The cancellation of sentences on embezzlement of large amounts for insignificance (Part 1 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation) with subsequent rehabilitation generally takes many perpetrators of an offense beyond all types of liability. The current situation cannot be considered acceptable.

REFERENCES

1. Kolokolov N.A. Petty bribery (Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): paradoxes of law enforcement. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1, pp. 156–161. (In Russ.).
2. Kolokolov N.A. Put in a word about the poor bribe taker. *EZh-Yurist = EJ-Lawyer*, 2012, no. 10 (713), p. 16. (In Russ.).
3. Kolokolov N.A. Caught on a petty bribe: who is to blame? *Yurist speshit na pomoshch' = The Lawyer Rushes to the Rescue*, 2018, no. 1. 34–37. (In Russ.).
4. Kolokolov N.A. Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (Features of Criminal Prosecution of Persons Subject to Administrative Punishment for Petty Theft). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 297–310. (In Russ.).
5. Kolokolov N.A. Hooliganism: the apotheosis of evolution – the special audacity of boarding. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii = Library of Criminal Law and Criminology*, 2014, no. 1 (5), pp. 153–174. (In Russ.).
6. Kolokolov N.A. Criminal law: innovations, innovations, voluntarism of the legislator and legal awareness of practice. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2015, no. 5, pp. 89–114. (In Russ.).
7. Kolokolov N.A. Criminal policy: from “concepts” to the “roadmap”. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii = Library of Criminal Law and Criminology*, 2018, no. 1, pp. 33–53. (In Russ.).
8. Klimenko A.I. *Vzaimosvyaz' pravovogo i politicheskogo soznaniya v osushchestvlenii ideologicheskoi funktsii gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The relationship of legal and political consciousness in the implementation of the ideological function of the state: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2005. 28 p.
9. Kolokolov N.A. *Ugolovnaya politika zagadochnaya ochevidnost'* [Criminal policy mysterious evidence]. Moscow, 2014. Pp. 3–6.
10. Kudryavtsev V.N. *Strategii bor'by s prestupnost'yu* [Strategies for combating crime]. Moscow, 2003. 352 p.
11. Lunev V.V. ssay 1. Problems of criminal law and other sciences of the criminal cycle. In: Lunev V.V. (Ed.). *Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik ocherkov* [Criminal law. Actual problems of theory and practice: a collection of essays]. Moscow, 2010. 779 p.
12. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: v 3 t. T. 3* [Criminal proceedings: in 3 volumes. Volume 3]. Moscow, 2019. Pp. 168–188. (In Russ.).

13. Kolokolov N.A. UAZ poacher: The Judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation, not without reason, doubted the legality and validity of the verdict issued by the justice of the peace under part 2 of Article 114 of the Criminal Code in relation to the huntsman. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2023, no. 1, pp. 2–12. (In Russ.).
14. Golovko L.V. *Gosudarstvo i ego ugolovnoe sudoproizvodstvo* [The state and its criminal proceedings]. Moscow, 2022. 458 p.
15. Kolokolov N.A. A classified precedent? Yes, no, after all: the “Sparrow case” has already flown out – you won’t catch it! We analyze a sample of bold and exceptionally principled judicial discretion – the definition of the Judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation in relation to a person hastily convicted of “stealing” a car from his concubine. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Proceedings*, 2004, no. 1, pp. 2–12. (In Russ.).
16. Azarova E.V. On the question of the boldness of judicial discretion in criminal proceedings (critical analysis of some publications by Prof. N.A. Kolokolov). *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Proceedings*, 2004, no. 1, pp. 17–22. (In Russ.).
17. Kolokolov N.A. Arbitrariness: two examples of the cancellation of illegal convictions. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2024, no. 7, pp. 89–93. (In Russ.).
18. Kolokolov N.A. There is a crime, there are no guilty. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2014, no. 4, pp. 68–71. (In Russ.).
19. Kolokolov N.A. Making a fake cash receipt: opportunities and obstacles for bringing to criminal liability. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2010, no. 2, pp. 36–40. (In Russ.).
20. Kolokolov N.A. “Chekist” business. *EZh-Yurist = EJ-Lawyer*, 2010, no. 28 (633), pp. 6–7. (In Russ.).
21. Kolokolov N.A. Are “chekists” outside the jurisdiction? Making a fake cash receipt: a crime or a profitable business? *Chelovek i zakon = Man and the Law*, 2010, no. 5, pp. 85–95. (In Russ.).
22. Kolokolov N.A. “Dirty money”: fighting their laundering or ... *Bezopasnost' biznesa = Business Security*, 2009, no. 2, pp. 19–24. (In Russ.).
23. Kolokolov N.A. “The great deception” for 6,800 rubles: analysis of the sentences of magistrates and some subsequent decisions of the First CCOI and the Judicial board for criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2023, no. 10, pp. 2–14. (In Russ.).
24. Kolokolov N.A. Russian cosa nostra. *EZh-Yurist = EJ-Lawyer*, 2010, no. 25 (630), pp. 1, 4–5. (In Russ.).
25. Lebedev V.M., Korchagin A.Yu., Svechnikova L.G. *Verkhovnyi Sud Rossii: monogr.* [The Supreme Court of Russia: monograph]. Pyatigorsk, 2012. Pp. 320–323. (In Russ.).
26. Potapova A.V. Lawyer prosecutor. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Proceedings*, 2016, no. 4, pp. 7–10. (In Russ.).
27. Kolokolov N.A. Illegal arms trafficking: the form wins the content. *Ugolovnyi protsess = Criminal Process*, 2014, no. 7, pp. 34–37. (In Russ.).
28. Kolokolov N.A. Weapons – a dangerous inheritance. *EZh-Yurist = EJ-Lawyer*, 2015, no. 15, p. 8. (In Russ.).
29. Kolokolov N.A. Philosophy of punishment: evolution morality. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2016, no. 10, pp. 42–47. (In Russ.).
30. Evening of remembrance. Zoya Korneva. *Sud'ya = Judge*, 2012, no. 10, pp. 63–64. (In Russ.).
31. Vostrikov M.V., Polikashina O.V. On the question of the insignificance of an act: what signs of public danger classify an act as insignificant. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Proceedings*, 2024, no. 4, pp. 29–31. (In Russ.).
32. Yakovenko E.V. Conversion of property to the income of the Russian Federation as a civil law instrument for combating corruption: problems of law enforcement and the main ways to solve them. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2024, no. 4 (102), pp. 45–51. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NIKITA A. KOLOKOLOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of A.S. Griboyedov Moscow University, professor at the Department of Theory and History of Government and Law of the Institute of Social Studies and Humanities of Moscow Pedagogical State University, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in Honorable Retirement, Chairman of the editorial boards of the journals “Justice of the Peace” and “Criminal Judicial Proceeding”, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Received September 18, 2024

Discretionary Powers in the Field of Public Administration and Principles of Their Implementation in the Activities of the Penal System

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Abstract

Introduction: the article is devoted to topical problems of the use of discretionary powers by public authorities in modern conditions of the development of the state and society, as well as the study of basic principles of the application of administrative discretion in the activities of the penal system. *Purpose:* to highlight theoretical and applied problems in the field of administrative discretion in the activities of public administration bodies and officials in general and the penal system in particular. *The methodological basis* of the work is formed by general scientific and private scientific (historical-legal, comparative-legal, descriptive, content analysis) methods of cognition of legal reality. The *conclusions* are substantiated that at present the problem of administrative discretion in the activities of public administration is gaining new importance. In the context of the constant expansion of the sphere of public administration, its complexity, multitasking and situational uncertainty, making even an outwardly legitimate decision in the future may entail adverse consequences that are not obvious or difficult to forecast at the time of making a management decision. In this regard, the question arises of establishing legal boundaries (guidelines) for the actions of public administration bodies in the exercise of powers within the framework of administrative discretion. Such guidelines should be administrative and legal principles of the activities of public administration bodies fixed in legislation in the field of implementation of various areas of subordinate administrative activities, including in the field of subordinate rulemaking, adoption of general administrative acts, individual law enforcement acts, administrative contracts, etc. One of the main advantages of using discretionary powers in activities of the penal system is their ability to provide flexibility and adaptability in the development and adoption of managerial decisions, the search and testing of new advanced management forms and methods. Scientific and practical significance of the work consists in substantiating the provisions that discretionary powers play an important role in improving activities of the Federal Penitentiary Service of Russia, allow it to adapt to changing conditions, and ensure legality and fairness in making managerial decisions. At the same time, in order to exclude abuses and unfair decisions, discretionary powers should be limited and controlled, that is, applied in compliance with the principles of transparency, liability and control.

Keywords: administrative law; discretionary powers; administrative discretion; administrative procedures; penal system.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Nagornykh R.V. Discretionary powers in the field of public administration and principles of their implementation in the activities of the penal system. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 428–433. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.009.

Introduction

Development of the public administration system in Russia has actualized a large layer of theoretical and applied problems in the field of administrative discretion in the activities of public administration bodies and officials [1, p. 61; 2, p. 51]. As noted in the special literature, “with regard to administrative discretion, neither domestic legal science nor legislative activity has a unified approach nowadays” [3, p. 197]. In this regard, the question arises acutely about what should be understood by administrative discretion today, what is its content and essence, on what principles it should be applied in public administration, etc.

The dialectical nature of administrative discretion and its internal inconsistency make it possible to consider it in diametrically opposite meanings. On the one hand, the exercise of public administration’s powers is always discretionary and is associated with the need to choose the optimal solution from a large number of possible alternatives in conditions of situational uncertainty, multitasking and multilevel management processes, the necessity to simultaneously achieve goals of economic and social efficiency, eliminate contradictions and fill gaps in regulatory regulation, etc. On the other hand, when choosing one or another variant of a management decision, there are always risks of violating current law and harming the interests of various participants in public administration. Moreover, sometimes there are situations when harming the interests of individual subjects of public legal relations is simply inevitable due to the urgent need to make a management decision.

Administrative discretion in activities of public administration in new conditions

Today, the problem of administrative discretion in activities of public administration is gaining new importance. In the context of constant expansion of the sphere of public administration, its complexity, multitasking and situational

uncertainty, making even an outwardly legitimate decision in the future may entail adverse consequences that are not obvious or difficult to predict at the time of making a management decision.

In this regard, the question arises of establishing legal boundaries (guidelines) for the actions of public administration bodies in the exercise of powers within the framework of administrative discretion. Such guidelines should be the administrative and legal principles of activities of public administration bodies fixed in legislation in the field of implementation of various areas of subordinate administrative activities, including in the field of subordinate rulemaking, adoption of general administrative acts, individual law enforcement acts, administrative contracts, etc.

Legislative consolidation of the principles of exercising discretionary powers should be the starting point in regulating the exercise of administrative power by public administration bodies and officials. The practical significance of this issue cannot be overestimated, since it directly affects the creation of effective guarantees for the observance of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens and organizations, protection from crime by public authorities, and exceeding permissible limits of the exercise of administrative powers.

Legal regulation of public relations in any sphere is constrained by objective limits, which implies the need for public management activities, including those aimed at eliminating gaps in the current legal regulation, adapting the norms of law to real living conditions of people, which, as a rule, is discretionary. In other words, a number of powers of state bodies, despite legislative declaration, do not have strictly regulated administrative procedures for implementation. At the same time, it is necessary to take into account that legal regulation in the field of public administration has objective limits, which necessitates the provision of discre-

tionary powers to public administration bodies. In this regard, the problem arises of setting the limits of administrative discretion and limiting the discretionary powers of public administration bodies and officials.

The European experience in solving this problem is primarily related to the normative definition of administrative discretion principles. Thus, the Committee of Ministers of the Council of Europe adopted Recommendation No. R (80) 2 of the Committee of Ministers concerning the exercise of discretionary powers by administrative authorities (hereinafter referred to as Recommendations) [4, p. 1, 2], in which discretionary powers are defined as the powers of public authorities to choose one of the most appropriate solutions among several legally acceptable. At the same time, attention is drawn to the fact that “the possibility of such a choice requires representatives of public authorities to exercise their (administrative) discretion” [5, p. 73].

Of particular interest is the fact that the main scope of application of the principles of limitation of discretionary powers in accordance with these Recommendations is the protection of the rights, freedoms and interests of persons when adopting administrative acts. In turn, an administrative act refers to administrative measures or decisions taken in the exercise of public authority and directly affecting the rights, freedoms or interests of individuals or legal entities.

The recommendations also define basic principles of the activities of administrative bodies in the exercise of discretionary powers, which include the following requirements:

1. The obligation not to pursue a purpose other than the one for which the authority was granted.

2. The obligation to observe objectivity and impartiality, taking into account only the factors relevant to the particular case.

3. The obligation to respect the principle of equality before the law and to avoid unfair discrimination.

4. The obligation to maintain an appropriate balance between any adverse consequences that its decision may have for the rights, freedoms or interests of persons and the goals that are pursued when adopting an administrative act.

5. The obligation to make a decision within a reasonable time, taking into account the issue under consideration.

6. The obligation to consistently apply general administrative rules and taking into account specific circumstances of each case.

At the same time, there are no acts in domestic legislation that would enshrine a system of principles for the exercise of discretionary powers by the public administration. Currently, there are only separate, fragmentary provisions contained in normative legal acts of various legal force and subject matter, which in one way or another express such principles or at least contain a mention of them [6, p. 44]. At the same time, the presence of disparate provisions contained in normative legal acts of various levels only exacerbates the situation, since it reduces the level of importance of these principles and discretion as a category.

At the same time, a number of these principles are reflected in the acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, which indicates certain positive dynamics in resolving the issue of regulating discretion in Russian legal reality. In particular, the Constitutional Court of the Russian Federation repeatedly mentioned the categories of discretionary powers and discretion in its Resolution No. 42-P of October 16, 2020 and rulings No. 2386-O and No. 2492-O of October 29, 2020, which indicates recognition of the existence of these institutions of administrative law at the highest level.

Theoretically, the discretionary powers of public administration bodies are usually attributed to the powers that are granted to public administration bodies and their officials to make decisions within their competence at their discretion within the framework of laws and regulations.

As noted in the specialized literature, administrative discretion is an important element of state (public) management, which allows making managerial decisions aimed at protecting public interests promptly, taking into account the current situation and on the basis of current legislation [3, p. 199]. Discretionary powers are provided to ensure flexibility and efficiency of public administration. They allow public administration bodies and officials to independently determine the ways and methods of performing their tasks, choose the most optimal and appropriate measures and areas of activity.

The main features of discretionary powers are the following:

- freedom of choice of managerial decisions, which allows public administration bodies and officials to choose the most appropriate solutions and methods of work in terms of their effectiveness and expediency;

- restriction by law, which determines the establishment of regulatory limits for making managerial decisions and the obligations of bodies and officials of public administration to strictly comply with the requirements of legality;

- judicial control, which provides the possibility of judicial appeal against decisions of bodies and officials of public administration;

- transparency of the activities and mandatory reporting of bodies and officials of public administration.

The introduction of these principles into activities of public administration will allow to properly limit administrative discretion, provide necessary legal guidelines for administrative management and control over the activities of public administration bodies on the application of discretionary acts and other actions of public administration, that is, provide effective guarantees for the protection of the rights, freedoms and legitimate interests of the individual and society from administrative arbitrariness.

Discretionary powers in activities of the penal system

Discretionary powers are applied in various spheres and areas of public administration, including in law enforcement in general and in the activities of the penal enforcement system in particular [7, p. 509].

The penal system is a complex organizational management system in which various bodies and institutions perform tasks in the field of the execution of criminal penalties. One of its important features of activity is the presence of extensive discretionary powers of bodies and institutions executing criminal penalties in the field of making managerial decisions on resolving specific cases, responding to individual cases or situations. Discretionary powers play an important role in the effective functioning of the penal system [8, p. 18], allowing its bodies and institutions to adapt to changing conditions and ensure legality and efficiency in their work.

Discretionary powers or administrative discretion in activities of the penal system are the powers of bodies and institutions executing

criminal penalties and their officials to carry out official tasks on the basis of independent discretion in choosing possible alternatives. These powers enable authorities and institutions to respond to different situations and solve emerging problems in accordance with specific circumstances.

Discretionary powers play an important role in the effective functioning of bodies and institutions executing punishments, in the mechanism of countering corruption and other types of penitentiary crime [9, p. 195], allow them to adapt to changing conditions and ensure the fairness and effectiveness of penitentiary activities [10, p. 80].

One of the main advantages of using discretionary powers in activities of the penal system is their ability to provide flexibility and adaptability in the development and adoption of managerial decisions, the search and testing of advanced forms and methods of management. In an ever-changing political, economic and social situation, bodies and institutions executing criminal penalties should be able to make decisions based on a constant analysis of their practical activities, an expert assessment of their effectiveness and expediency in order to respond in a timely manner to changes and adapt to new tasks, challenges and threats.

An important aspect of discretionary powers in activities of the penal system is their role in ensuring fairness and maintaining a balance of interests of different parties [11, p. 84; 12, p. 82]. Unlike general rules and regulations, discretionary powers help penal system employees to take into account the specific situation and characteristics of each individual case. This allows officials to take into account the individual needs and interests of various categories of persons [13, pp. 792–794], guaranteeing the adoption of a fair and equitable decision.

An important issue in the exercise of discretionary powers in activities of the penal system is the control over their application and their limitation in cases of unfair decisions and abuses.

In this regard, various types of external (state and public) and intra-organizational control are important means of ensuring legality, transparency and openness of decision-making, which imply checking the legality and validity of the decision, the possibility of its cancellation in administrative or judicial proceedings.

Discretionary powers play an important role in the development and improvement of the functioning of the penal system. They allow the implementation of innovative solutions and technologies, for example, in the field of:

digitalization of the sphere of the execution of criminal penalties;

– using telecommunication technologies in conducting procedural actions against persons held in institutions;

– preparing convicts for release;

– carrying out social and psychological adaptation activities;

– development of the manufacturing sector;

– organization of training and education of employees;

– resource support for activities, etc.

Conclusions

The use of discretionary powers should imply the liability of officials for the decisions tak-

en. Voluntarism in the use of discretionary powers is extremely possible and this circumstance implies the need to develop effective criteria for evaluating managerial activities both in the penal system as a whole and in certain areas of its functioning (execution of punishments, resocialization and social adaptation, personnel and other resources, the production sector, etc.).

In general, it should be concluded that discretionary powers play an important role in improving activities of the penal system, allowing it to adapt to changing conditions, ensure legality and fairness in making managerial decisions. At the same time, in order to exclude abuses and unfair decisions, discretionary powers should be limited and controlled, that is, applied on the basis of compliance with the principles of transparency, responsibility and control.

REFERENCES

1. Nagornyykh R.V. Transformation of the subject of administrative law in the conditions of the formation of administrative constitutionalism in modern Russia. In: *Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Vyp. 20*. [Scientific works. The Russian Academy of Legal Sciences. Issue 20]. Moscow, 2020. Pp. 61–66. (In Russ.).
2. Nagornyykh R.V. On the goals of systematization of administrative law and legislation in the context of the implementation of the doctrine of administrative constitutionalism in modern Russia. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 2021, no. 6, pp. 50–54. (In Russ.).
3. Starostin S.A. Administrative discretion in activities of the Federal Penitentiary Service: theoretical and doctrinal interpretation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 196–202. (In Russ.).
4. *Recommendation No. R (80) 2 of the Committee of Ministers concerning the exercise of discretionary powers by administrative authorities (adopted by the Committee of Ministers on 11 March 1980 at the 316th meeting of the Ministers' Deputies)*. Available at: <https://rm.coe.int/16804f22ae> (accessed October 25, 2024).
5. Solovei Yu.P. The discretionary nature of an administrative act as a circumstance precluding judicial verification of its legality. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 4, pp. 72–99. (In Russ.).
6. Andriyanov V.N. On the problem of formation of principles of public administration in administrative law. In: Kaplunov A.I. (Ed.). *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava: sb. st. po materialam X yubileinoi mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sorokinskii chteniya), Sankt-Peterburg, 22 marta 2019 g.* [Actual problems of administrative and administrative procedural law: collection of articles based on the materials of the X anniversary International Scientific AND Practical Conference (Sorokin readings), Saint Petersburg, March 22, 2019]. Saint Petersburg, 2019. Pp. 44–48. (In Russ.).
7. Nagornyykh R.V. State service in the law enforcement sphere and its major features. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 507–513.
8. Aniskina N.V., Mel'nikova N.A. Administrative jurisdiction of penal system and authorities in view of the new draft of the Administrative Offense Code of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2023, no. 7. S. 17–23. (In Russ.).
9. Kirilovskii O.V., Mel'nikova N.A. Legal regulation of social protection measures in respect of protected persons from the number of penitentiary system employees and ways to improve it. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2020, no. 2 (37), pp. 78–83. (In Russ.).

10. *Professional'noe obuchenie grazhdan, v pervye prinyatykh na sluzhbu vugolovno-ispolnitel'nyu sistemu Rossiiskoi Federatsii: ucheb. posobie: v 2 t. T. 1* [Vocational training of citizens who were first recruited into the penal system of the Russian Federation: study manual: in 2 volumes. Volume 1]. Ed. by Yanchuk I.A. Vologda, 2021. Pp. 183–217.

11. Oboturova N.S. The idea of human rights: modern challenges and development trends. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Penitentsiarnaya sistema Rossii v sovremennykh usloviyakh razvitiya obshchestva: ot paradigmy nakazaniya k ispravleniyu i resotsializatsii: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 9–11 dekabrya 2021 g.): v 3 ch. Ch. 2* [The penitentiary system of Russia in modern conditions of society development: from the paradigm of punishment to correction and re-socialization: collection of materials of the international scientific and practical conference. (Vologda, December 9–11, 2021)]. Vologda, 2022. Pp. 67–74. (In Russ.).

12. Oboturova N.S. The problem of spiritual security of modern society, *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 80–86. (In Russ.).

13. Nagornykh R.V., Vasil'eva Ya.V., Mel'nikova N.A. Modernization issues of staffing the penal enforcement system in the context of formation of an administrative constitutionalism doctrine in modern Russia. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 791–801. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Received September 20, 2024

Psychological Aspects of Analyzing and Assessing the Current State of Personnel Provision of the Penal System

MARINA A. KALUZHINA

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

kaluzhina.marishka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4603-4129>

TAT'YANA S. PUKHAREVA

Kuban State University, Krasnodar, Russia, puchareva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>

Abstract

Introduction: the problem of personnel shortage in the penal system is complex and requires implementation of economic, educational, organizational, legal and other social measures. In solving this problem, an important role belongs to complex studies of various branches of scientific knowledge. In particular, specific features of the psychological study of the personnel structure in order to determine personal and professional qualities of employees, their professional attitudes regarding those necessary for the successful solution of large and complex tasks have applied potential. The above circumstances determine the advisability of developing new approaches to the study of the issues under consideration, in particular, they require research into the creation of favorable working and living conditions in the context of securing experienced and qualified workers in the staff in the modern conditions of the labor market. *Purpose:* to study ideas about professional activities of the penal system employees on the example of the Southern Federal District of the Russian Federation, to determine their generalized personality profile, to identify their professional attitudes and opinions regarding their individual professional career and current problems of the legal institution of personnel recruitment in the penal system as a whole; to determine current risks of "potential staff turnover", to assess them by identifying and defining the signs that influence this social phenomenon. *Methods:* theoretical analysis, comparative analysis, online survey, statistical method, ranking method. *Results:* methods of studying a candidate for service in the penal system play a significant role, taking into account modern realities of the functioning of correctional institutions. It is crucial to timely assess "potential staff turnover" and identify signs that influence the subjective attitude of the employee. The signs include guaranteed confidence in the future, prestige of service in the penal system, its social approval, a competitive level of cash payments, and social guarantees. It is necessary to pay attention to penal system employees' motivation to serve, the ability to fulfill their mission of rehabilitation and adaptation of criminals to integration into society. *Conclusions:* guidelines for solving the problems of the modern Russian penitentiary system should be based on an integrated approach to solving the key problem – staffing of institutions and bodies of the penal sys-

tem: selection of candidates for service, selection and placement of personnel, adaptation, prevention of staff turnover.

Key words: public and state security; staffing; penal system; staff turnover; penal system employee; career guidance; personal and professional qualities

5.1.2. Public law (state-legal) sciences.

5.3.9. Legal psychology and security psychology

For citation: Kaluzhina M.A., Pukhareva T.S. Psychological aspects of analyzing and assessing the current state of personnel provision of the penal system. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 434–442. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.010.

Introduction

In modern conditions of transformations, expansion of the sphere of rationalized application of coercive measures, and improvement of the functions of the penal system of the Russian Federation, the relevance of studying the staffing of this type of law enforcement activity increases and the social importance of the institution of execution of punishments skyrockets. The adoption of the Federal Law “On Probation in the Russian Federation” can be defined as a new stage in the development of society, its fundamental goals and objectives are aimed at working out new conceptual approaches to the rational application of coercive measures, measures of correctional, social and other nature, as well as measures to stimulate law-abiding behavior.

The management of the Federal Penitentiary Service pays constant attention to the introduction of new correctional technologies for work with convicts, the creation of conditions for providing comprehensive assistance to released persons, the use of information technologies and scientific achievements in the implementation of social behavior correction programs. The solution of these tasks is an essential component of ensuring state and public security in the long term.

The main resource for achieving the set goals are penal system employees, their potential, personal and business qualities as a significant factor and condition for ensuring the fulfillment of state functions in accordance with the assigned powers. The staff shortage in the penal system causes concern, since it leads to the overwork of employees, their physical and psychological fatigue, as well as the complication of the work of lawyers, investigators, and judges. The Director of the Federal Penitentiary

Service A.A. Gostev in his report on the results of work in 2023 and the main tasks for 2024 at the extended collegium voiced the problematic issues, including the shortage of staff in the Federal Penitentiary Service (for the past year it increased to 19%), stated the need to continue work on improving the conditions of service, staffing and training of personnel.

The formulated sum of available knowledge characterizes the problem as the core of the present research aimed at its resolution. It is worth noting that some issues of the problem under study have been subjected to studies that have significantly approached their resolution. Thus, the authors point out that the development of the penal system and its compliance with the needs of Russian society and international standards is impossible without the training of personnel capable of optimizing the activities of its structural units in fundamentally new social conditions, taking into account the psychological and pedagogical training of employees [1]. O.V. Kochkina conducts a comprehensive analysis of organizational and legal activities on staffing and proposes to create a system for assessing the effectiveness of staffing activities of penal institutions and bodies [2]. The paper considers personnel activities in bodies and institutions of the penal system, reveals the causes of staff turnover and the main factors of personnel risks in the penal system, and also reveals the role of mentoring in the process of socio-psychological adaptation to professional activity [3–5]. At the same time, the researchers also pay attention to the indicators of personnel composition of territorial bodies, and on the basis of a survey of dismissed employees identify one of the main reasons for the outflow of professionally trained personnel – salary [6]. Researchers discuss introduc-

tion of the institute of probation and study issues of training personnel capable of providing comprehensive assistance to suspected, accused, convicted people and persons released from serving a sentence [7], as well as analyze prospects for the development of the probation service, such as establishing a system of qualification requirements for the positions of the probation service, solving the issues of proper material and resource and scientific support, the need to improve the normative and legal framework of the probation service [8–10]. The authors rightfully consider psychological aspects of staff turnover and the importance of non-material stimulation of personnel [11], the psychological content of professional competence of employees of the penal system [12–15]. It is repeatedly emphasized that the strategy of personnel training as a whole should provide a stable and optimally balanced staff composition, professional performance by the employees of the penal system of their official tasks in both normal and complex operational conditions [16; 17]. It is postulated that along with personnel work it is necessary to carry out psychological support of personnel, including psychological diagnostics and other psychological procedures, because the quality of service is influenced by psychological factors, for example, the level of psychological stability and ability to cope with stress or psychological well-being of the employee in general [18; 19].

Foreign researchers note similar problems in this direction [20–23]. To date, penitentiary institutions in a number of European countries face great problems due to the lack of staff, poor quality relations between staff and prisoners, difficulties in performing the rehabilitation work expected of them, they believe that it is necessary to improve the training of prison staff [24]. Specialists underline the necessity of developing eligibility criteria for the initial selection of staff and the importance of moral and professional orientations of those entering the service. The ability of correctional officers to fulfill their mission to rehabilitate and safely reintegrate offenders into society is critical. It is reasonable to test values, knowledge and capabilities of penal system employees during their initial training to ensure that applicants have a realistic understanding of prisons, have visited prisons and understand the nuances of prison

life. Foreign researchers consider the presence of rational grounds for candidates to be especially valuable, for example, life experience is necessary to build constructive relationships with prisoners, personal safety, overcoming criticism, comfort in the work environment. Life experience is desirable for working with inmates in prison spaces to prevent destructive actions, causing riots, violations of the regime and security and safety of the facility [25].

Procedure and methods of the empirical study.

The purpose of the empirical study is to consider perceptions of the professional sphere of life of penal system employees on the example of the Southern Federal District of the Russian Federation, to determine their generalized profile, to conduct subsequent analysis of personal and professional status, and to identify professional attitudes and opinions about individual professional career and current problems of staffing of the penal system in general on the basis of self-reports.

In order to realize this goal, an author's questionnaire including 28 open-ended and closed-ended questions was compiled and posted in Google form, and an anonymous survey was conducted.

Description of the study sample. The sample covers 70 penal system employees aged 23–50 years, 74% of them are men and 26% women, the average age is 32 ± 7 .

47% of the respondents are married, 19% is in unregistered relations, 34% is single or divorced, 15% of the married employees note that their marriage is repeated. 47% of the respondents are raising one child, 19% – two children, 3% of respondents – three or more children, and 31% of the respondents have no children.

69% of the respondents have higher professional education, of them 48% of the respondents have higher legal education, 27% – higher pedagogical or psychological education, and 25% – higher technical education. 31% of the respondents have a secondary level of education. At the same time, 19% of the respondents received education in departmental higher education institutions, 81% – in “civil” educational institutions.

According to the length of service in the penal system, the respondents are distributed as follows: 50% of the respondents have up

to three years of service, 7% – three to seven years of service, 29% – seven to fifteen years of service, and 14% – fifteen years of service or more. 39% of the respondents joined the penal system immediately after their education or military service.

It should be noted that 43% of the survey participants have not changed their place of work during their professional career. Other respondents note career growth (4%), conditions of employment (4%), relocation (8%) and low wages as the main reasons for changing their place of work (13% of the married/remarried respondents with children have changed their main place of work up to three or four times).

At present, 50% of the respondents are serving in the correctional facility, 26% – in pre-trial detention centers, 14% – in territorial bodies, 10% – other structures, respectively. 14% of the respondents work as heads of detachments, 29% – as inspectors of security departments, the rest hold positions of educators, educational psychologists, duty assistants to the head of the institution and others.

Results of the study of employees' perceptions of service in the penal system and their professional path. The analysis of motives for service in the penal system reveals that it is early retirement (39% of the respondents), the possibility of professional growth and development (23%), stable salary (20%), and proximity to work from home (19%). Some of the respondents mention such motives as guaranteed confidence in the future (16%), prestige of service and its social approval (7%). Among the answers there are indications that the choice of service in the penal system was accidental (6%), as well as non-standard responses, "I consider my head as a competent specialist" (6%), "there is an opportunity to defend a thesis" (1%), "it was interesting to see how things are from the inside" (1%).

The respondents got employed in the penal system due to:

- recommendations from friends, acquaintances, relatives (61%);
- recommendations of employees working in the penal system (23%);
- advertisements of existing vacancies, including on the websites of organizations (14%);

- recruitment from higher education institutions (7%);
- assistance of state agencies (employment services) (3%).

The opinions of employees about prospects of continuing their service (answers to the question "How long do you plan to work in the penal system?") can be conditionally summarized as follows:

- first, the interviewees focus on their own well-being and professional competence: "as long as I am able" (36%), "as long as my competencies and knowledge correspond to the position I hold in the penal system" (26%);
- second, it is about orientation to the stipulated (limited) term of service and obtaining social guarantees: "as soon as I reach the age of service entitling me to a pension, I will leave immediately" (24%);
- third, some employees admit to looking for another job: "I will quit as soon as a better-paid job is offered" (19%), "I am constantly looking for an alternative to this job" (4%).

The question about wages is important for the respondents; the topic of allowances is repeatedly mentioned in the answers to open-ended questions. The respondents note that in the modern life realities it is necessary to increase the level of monetary payments. Thus, they would like to receive the following allowances: from 70,000 to 100,000 rubles (66%), from 100,000 to 120,000 rubles (6%), from 120,000 and more (28%).

As for the question "Is it possible, in your opinion, that you will come back to serve in the penal system after dismissal?", 33% of the respondents answer positively, 37% – negatively, and 30% of the respondents are unsure of the answer.

The attractiveness of service in the penal system and employees' attitude towards a professional career in the law enforcement system are indirectly reflected in the answers to the question "If you had to choose, which law enforcement agency would you prefer to serve in?". Figure 1 shows that the majority of interviewees choose such law enforcement structures as the penal system, the Federal Penitentiary Service (30% of the respondents), the Ministry of Internal Affairs, internal affairs department (24%), and the Federal Security Service (20%).

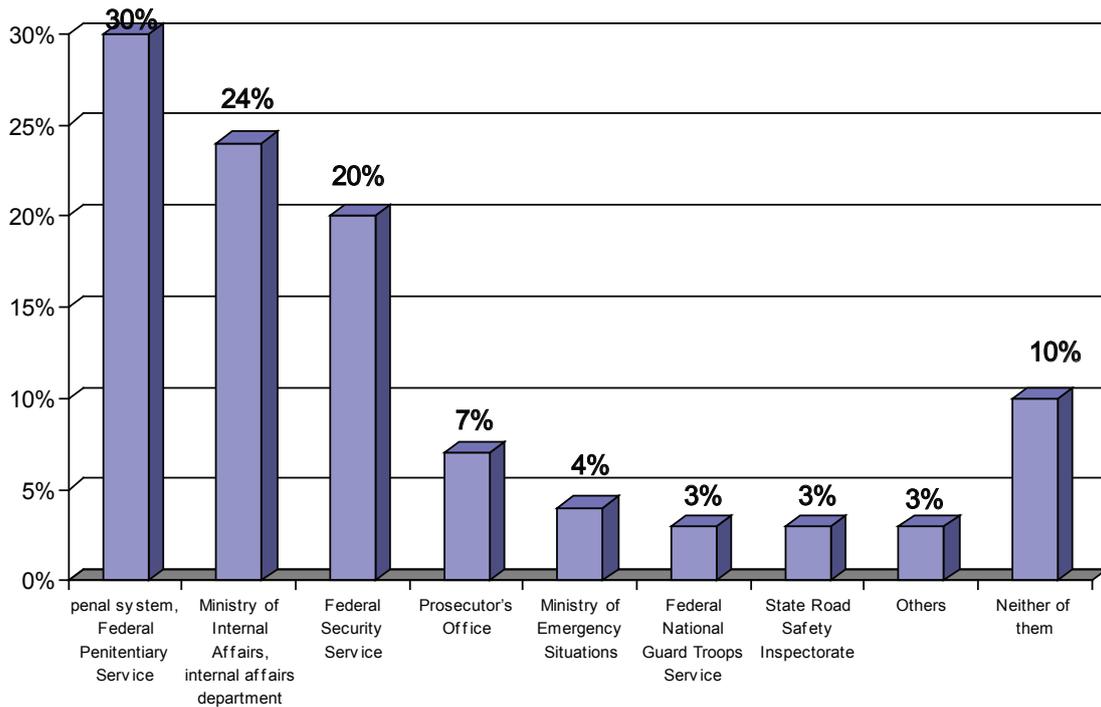

Figure 1. Distribution of respondents' opinions about the priority place of service in law enforcement agencies, % (answers to the question "If you had to choose, which law enforcement agency would you prefer to serve in?")

In general, the data indicate that the majority of respondents single out prestige of the profession, stability of the place of work and social packages.

One of the normatively enshrined guarantees of employment is the institution of personal surety, the purpose of which is the functional impact on the subjects of legal relations of a stimulating nature through the implementation of a wide range of personnel technologies, including those aimed at strengthening official discipline, legality, prevention of offenses; reducing staff turnover; eliminating corruption risks; stimulating the behavior of a candidate for service, corresponding to the prescriptions of service in the penal system.

Results of the study of employees' perceptions of organizational aspects of the service and directions for improving (optimizing the functioning) of the penal system. Figure 2 shows results of the study of respondents' opinions about the surety institution in the penal system. They show that this institution does not realize its potential in full and requires improvement of its organization.

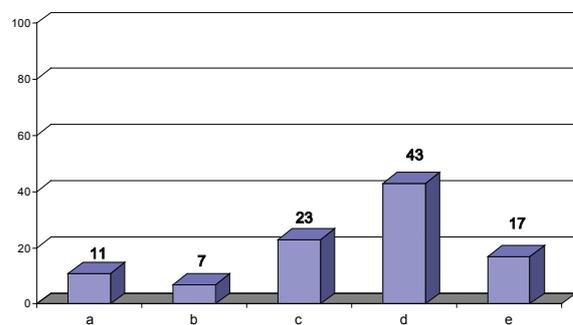

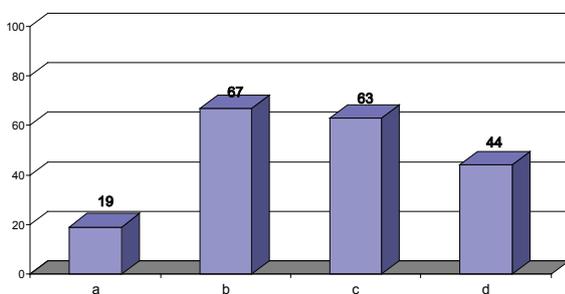
Figure 2. Distribution of respondents' opinions about the surety institution in the penal system, %
 Note: a) the surety procedure is necessary; b) the surety institution creates additional difficulties in employment; c) the surety institution guarantees quality selection of employees for service; d) I have not heard anything about it; e) the surety institution is a mere formality.

It turns out that 43% of the employees have not heard of such a procedure, and 17% of the respondents consider it an "empty formality". At the same time, according to 23% of the respondents, the surety institution is a guarantee of quality selection of employees for service, 11% of the respondents recognize that this procedure is necessary because they have gone through it, and 7% of the respondents note that

surety creates additional difficulties in employment, as there are difficulties in finding someone to stand surety.

Personnel turnover is a complex social phenomenon that depends on many circumstances of both subjective and objective nature. The complexity of the phenomenon of turnover predetermines the need to consider psychological aspects of the mechanism of its formation. It takes time to make a decision to dismiss. The decision to change the place of work is made in most cases in the presence of dissatisfaction with their situation, which arises from the discrepancy between the actually achieved working conditions and those conditions to which the employee seeks and considers really achievable. In case of elimination of this discrepancy, he/she may change his/her intentions and stay at the previous place of work.

The study of potential turnover can be based on a comparative analysis of two groups of employees – those who are satisfied with their position and who are dissatisfied. There are different stages of dissatisfaction (persons who are dissatisfied, but not willing to change the place of work; who are willing to change the place of work within the system; who have decided to leave). For a more in-depth study of potential turnover and development of practical measures to reduce its volume on the basis of the study, we believe it is necessary to identify attributes and characteristics that significantly affect the formation of the decision to change the place of work (age, length of service, education, marital status, income per family member); to determine key motives for changing the place of work and leaving the service, as well as the level of claims underlying the decision.

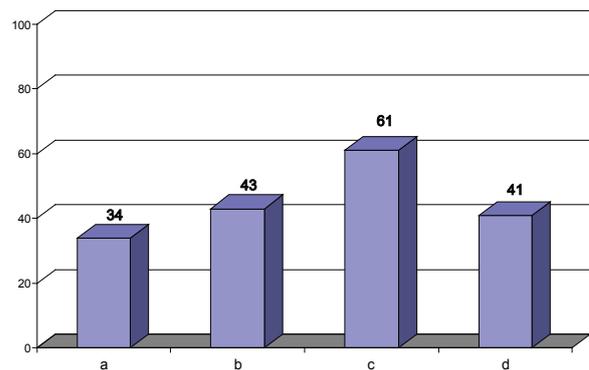

Figure 3. Distribution of respondents' opinions about causes of the staff turnover in the penal system, %
Note: a) unsatisfactory work of personnel department staff in personnel selection; b) low monetary allowance; c) heavy workload of an employee; d) irregular working hours.

Figure 3 shows results of the study of respondents' judgments about the causes of staff turnover in the penitentiary system. Most respondents speaking about the problem of staff turnover underline a low level of monetary allowance and heavy workload (67% and 63%, respectively), as well as irregular working hours and unsatisfactory work of personnel department staff (44% and 19%, respectively).

Answering the question "What circumstances can contribute to reducing the number of violations of official discipline by employees?", the respondents assume that the problem can be leveled by:

- increasing salaries (61% of the respondents);
- improving the quality of staffing for vacant positions (43%);
- increasing the prestige of service in the penal system (41%);
- reducing the workload of an employee (34%) (Figure 4).

Figure 4. Distribution of respondents' opinions on the circumstances contributing to a reduction in the number of service discipline violations, %

Note: a) reducing the workload of the employee; b) improving the quality of staffing for vacant positions; c) increasing salaries; d) increasing the prestige of service in the penal system.

As for the possibility of receiving additional education in the penitentiary system, 80% of the respondents positively assess this opportunity, while 20% of them are indifferent.

The value of respondents' opinions about organizational problems of the penal system is undoubted; however, the respondents themselves note "unfortunately, during the performance of official duties and in general during the service any initiatives are unacceptable and not welcome at all".

Results of the survey of personal and professional qualities of employees.

The questionnaire has a number of questions regarding employees' perceptions of their professional and personal characteristics.

First of all, attention is paid to the respondents' assessment of their legal training

(knowledge of the current legislation) in the field of execution of criminal punishments. The results are presented as follows. The level of legal knowledge is assessed as high by 20% of the respondents, average – by 63%, and low – by 9%, while 9% of the surveyed find it difficult to answer.

Rank values of respondents' assessment of professional and personal qualities

Table 1

Professional and personal qualities	Rank (in descending order)	Average value
Stress resistance	1	6.2
Ability to react quickly to the situation	1	6.2
Patience	2	3.7
Ability to finish what has been started	3	2.7
Perseverance	3	2.7
Personal responsibility	4	2.4
Ability to adapt to situations	5	2.1
Mobility	6	1.7
Ability to concentrate and persevere	7	0.3

Thus, from the respondents' point of view, professional performance of an employee largely depends on the ability to cope with stressful situations, timely and promptly respond to emerging difficulties and changing conditions, on the possession of endurance and increased stamina.

Table 2 presents the results of ranking of respondents' life goals. Among the priority individual life goals, the employees noted living well, raising children, and creating a family. Actualization of corresponding needs shows that respondents are oriented to harmonization of all spheres of their life (family, children, work).

Rank values of self-assessment of life goals by respondents

Table 2

Life goals	Rank (in descending order)	Mean gain
To live well	1	7.2
To raise a child	2	4.8
Start a family	3	2.7
To find an interesting job	4	1.7
To unlock one's personal potential	5	0.6
To make a lot of money	5	0.6
To go abroad	6	0.3
Difficult to answer	6	0.3

It is also noteworthy that according to the survey results, 70% of the respondents have a positive attitude to religion, 3% have a negative attitude to it, 18% are indifferent, and 9% of them find it difficult to answer.

According to the data of the conducted research, the average personal-professional profile of a penal system employee looks as follows: an average level of legal training, intellectual abilities corresponding to the position held, ac-

tive life position, stress resistance, ability to react quickly to the situation, patience, desire to live in prosperity, raise children, create a family, and a positive attitude to religion.

Conclusion

First, when solving problems of the modern Russian penitentiary system, one should focus on staffing institutions and bodies of the penitentiary system: selection of candidates for service, selection and placement of person-

nel, adaptation, prevention of staff turnover. We consider a basic educational level of the candidate, such as knowledge, skills, abilities, skills, profile and departmental affiliation of educational institutions, demographic level, personal, business qualities, subjective attitudes, life priorities as preventive factors of staff turnover. At the stage of personnel selection in order to reduce economic costs by conducting test surveys and tests, it is important to find out whether the applicant has a real understanding of the specifics of the penal system and current realities.

Second, it is crucial to assess “potential staff turnover”, which differs significantly from the real one in that dissatisfaction with one's position and the desire to change the place of work requires solving the problems of identifying and

determining the signs that influence the adoption of such a decision. These are guaranteed confidence in the future, prestige of service in the penal system, social approval, competitive level of monetary payments and social guarantees.

Third, it is important to pay attention to the motivation of penal system employees, their ability to fulfill their mission to rehabilitate and adapt offenders to life at large, the formation of law-abiding attitudes to the choice and construction of their own way of life approved in society, their aspiration to restore social functions and integration into society.

In general, the results of this study may be useful in assessing the experience of implementing programs of personnel selection of candidates for service in the penal system.

REFERENCES

1. Ogorodnikov V.I., Letunov V.N. Personnel of the penal system of Russia at the present stage. *Ugolovno-isspolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 3 (21), pp. 116–121. (In Russ.).
2. Kochkina O.V. *Organizatsionno-pravovaya deyatel'nost' po kadrovomu komplektovaniyu sotrudnikami uchrezhdenii i organov ugolovno-isspolnitel'noi sistem: dis. ... kand. jurid. nauk* [Organizational and legal activity on staffing by employees of institutions and bodies of the penal system: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2019. 257 p.
3. Brykov D.A. The current state of staffing of the penal enforcement system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2022, vol. 30 (1–4), no. 2, pp. 188–196. (In Russ.).
4. Dolinin A.Yu. The concept, types and main factors of the occurrence of personnel risks in the penal enforcement system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2022, vol. 30 (1–4), no. 1, pp. 48–57. (In Russ.).
5. Brykov D.A., Dolinin A.Yu., Parshkov A.V. The role of managers and staff in the recruitment and socio-psychological adaptation of personnel in the penal system. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2020, no. 3 (52), pp. 106–110. (In Russ.).
6. Zlotnikov S.A., Kolesova A.V. Human resourcing in the Federal Penitentiary Service on the example of the FPS of Russia Department in the Vologda Region: problems and ways to solve them. *Vedomosti ugolovno-isspolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2023, no. 1, pp. 23–29. (In Russ.).
7. Sokolova E.A. Pedagogical aspects of the functioning of the probation institution in Russia: towards posing the question. *Vedomosti ugolovno-isspolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2024, no. 3, pp. 52–57. (In Russ.).
8. Starostin S.A., Aniskina N.V. Probation service in Russia: policy choice and development prospects. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 204–212. (In Russ.).
9. Ermasov E.V. Improvement of regulatory and legal regulation in the field of execution of criminal penalties during the introduction of probation. *Ugolovno-isspolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2023, vol. 18 (1–4), no. 2, pp. 200–210. (In Russ.).
10. Smirnova I.N., Borisenko I.V. Some aspects of the professional activities of employees penitentiary inspectorates in the context of reform penal system. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State Service and Personnel*, 2022, no. 1, pp. 216–219. (In Russ.).
11. Shreder O.B. On the issue of the psychological mechanisms of staff turnover and non-material incentives for the Personnel of the Penal enforcement system of the Russian Federation. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2023, no. 2 (63), pp. 129–138. (In Russ.).
12. Kirillova T.V., Pashukova A.D. Professional competence of employees of the penal enforcement system working with convicted persons-former employees of courts and law enforcement agencies. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 64–76. (In Russ.).

13. Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Levitskaya L.V. Construction of a radicalization model and its empirical testing. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024, vol. 14, no. 1, pp. 121–139. (In Russ.).
14. Kazberov P.N. The content aspects of the psychological training of russian federal penitentiary service officers to work with those convicted of terrorist activity. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 70–82. (In Russ.).
15. Gornostaev S.V. Psychological obstacles to the formation of loyalty of employees of the penitentiary system to professional-service groups. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 40–50. (In Russ.).
16. Kaluzhina M.V., Pukhareva T.S. *Psikhologiya operativno-rozysknogo protivodeistviya protivopravnomu povedeniyu: monogr.* [Psychology of operational investigative counteraction to illegal behavior: monograph]. Krasnodar, 2023. 238 p.
17. Motorova N.V. Personnel training strategy as an element of personnel policy of the federal penitentiary service of Russia and tasks of educational organizations for its implementation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 66–76. (In Russ.).
18. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Characteristics of the psychological well-being of employees depending on the length of service in the penitentiary system of the Russian Federation. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2022, no. 8, pp. 57–66. (In Russ.).
19. Zautorova E.V. Psychological stability of armed employees on duty according to the term of service in the penal-executive system. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2023, vol. 28, no. 1 (92), pp. 15–20. (In Russ.).
20. Boag E., Wilson D. Inside experience: engagement empathy and prejudice towards prisoners. *Journal of Criminal Psychology*, 2014, vol. 4 (1), pp. 33–43.
21. Minoura S. Offender rehabilitation reform in japan: effective cooperation between professional and volunteer probation officers. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 2018, vol. 54, pp. 111–120. (In Russ.).
22. Tyler T.R., Shultz J. Procedural justice and the future of corrections. *Annual Review of Law and Social Science*, 2017, vol. 13, pp. 299–320.
23. Kratcoski P.C., Das D.K. *Police education and training in a global society*. Lexington books, 2007. 430 p.
24. Carrie K. Prison officer training and Scotland and Norway: is it fit for purpose. *Prison Service Journal*, 2023, no. 267, pp. 38–42.
25. Ricciardelli R. Correctional officer recruitment in Canada's federal prison system: an analysis from the perspective of the correctional officer. *Prison Service Journal*, 2023, no. 267, pp. 56–65.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

MARINA A. KALUZHINA – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Forensic Science and Legal Informatics of the Kuban State University, Krasnodar, Russia, kaluzhina.marishka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4603-4129>

TAT'YANA S. PUKHAREVA – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, associate professor at the Department of Social Psychology and Sociology of Management of the Kuban State University, Krasnodar, Russia, puchareva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>

Received July 30, 2024

Original article

UDC 340:159.9.07

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.011

On the Formation of a Favorable Socio-Psychological Climate in Territorial Divisions of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation

MIKHAIL I. MAR'IN

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, marin_misha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>

OKSANA A. TEREKULOVA

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, Ksunchik.88@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9309-1690>

Abstract

Introduction: the process and results of joint activities and their effectiveness, the attitude of members of this team to results of their own activities as part of the group, satisfaction with this activity, interpersonal relationships and communication significantly depend on the characteristics and state of a socio-psychological climate in the team. The socio-psychological climate plays an essential role in the formation and development of organizational culture, ensuring the service and social efficiency of a production organization. Scientists' interest in this issue is mainly determined by increasing demands on a person in joint work, complication of business and interpersonal relations in a group, and constant growth of personal claims of team members. It seems natural that there is a resurgent interest of researchers and practitioners in studying the socio-psychological climate in service teams of the internal affairs bodies of the Russian Federation and its management. *Methods:* the study covered 98 respondents – employees of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Oblast, the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Altai Krai, and the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Novosibirsk Oblast. The express methodology developed by A.Yu. Shalyto in collaboration with O.S. Mikhalyuk and the expert evaluation methodology of the management activity of the head of the internal affairs body are used. *Results:* the authors assess a socio-psychological climate in service teams of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Oblast, the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Altai Krai, and the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Novosibirsk Oblast, the nature of interpersonal relations in terms of 3 components of this interaction:

emotional, cognitive and behavioral. In addition, with the help of expert assessment methods, the severity of professional qualities of the head of the internal affairs body at the regional level is established. *Conclusion*: the interrelation between interpersonal relations in the team, a certain set of professional and personal qualities of the head and their influence on the socio-psychological climate in the service staff of the internal affairs body at the regional level is identified.

Key words: socio-psychological climate, competencies, interpersonal relations, internal affairs body, office staff, head.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Mar'in M.I., Teregulova O.A. On the formation of a favorable socio-psychological climate in territorial divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 443–448. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.011.

Introduction

The head of a territorial body of internal affairs (IAB) is personally responsible not only for the fulfillment of general and special law enforcement tasks set by the state and society by its personnel, but also for the creation of the most favorable conditions for employees to carry out official activities [1, p. 20]. Such conditions undoubtedly include both the creation and maintenance of a favorable socio-psychological climate in the service team [2, p. 58].

Studying a socio-psychological climate is important for any service team, in particular for internal affairs departments, as it contributes to improving the efficiency of performing operational and official tasks, increases discipline and organization in departments, and also raises employees' satisfaction with the conditions and results of their activities [3, p. 22; 4, p. 145]. A positive socio-psychological climate based on the principles of justice, respect, objectivity, and trust cannot be formed spontaneously [5, p. 58]. It is the result of systematic and painstaking activities of the entire management staff of the internal affairs body aimed at establishing trusting relationships between employees, developing their personal and moral qualities, increasing a sense of responsibility for joint activities, developing cohesion and mutual assistance, consistency among colleagues [6, p. 320; 7, p. 280,].

A competent and effective activity of the IAB head to administer law enforcement and other activities of the service team entrusted to him implies that he has the appropriate competence, as well as a certain set of personal quali-

ties [8, p. 54; 9, p. 186]. The head of the internal affairs body should be able to both form and subsequently maintain a favorable socio-psychological climate, pursuing the goal of maximizing the optimization of activities of the territorial IAB [10, p. 131].

The relatively recent reform of the structure of the Central Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia in terms of establishing the Main Directorate for Work with Personnel in its structure and introducing the position of Deputy Minister of Internal Affairs of Russia for work with personnel and the position of deputy head in the relevant field of official activity into the staffing tables of territorial internal affairs bodies clearly indicates the importance of ensuring proper conditions of official activity, organization of work and recreation of IAB personnel [11, p. 35; 12, p.48]. It is extremely important to form a favorable socio-psychological climate in service teams of internal affairs bodies [13, p.52].

The purpose of this work is to study activities of the IAB head and his professional qualities that affect the creation and maintenance of a favorable socio-psychological climate in the internal affairs body entrusted to him [14, p. 43].

Research methods

The study covers 98 respondents – employees of three service teams, of which 21 heads and 77 subordinates (the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kemerovo Oblast, the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Altai Krai, and the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Novosibirsk Oblast).

1. The express methodology developed by A.Yu. Shalyto in collaboration with O.S. Mikhalyuk and designed for the fastest and most objective study of the state of the socio-psychological climate in the team. The express methodology helps not only to assess a socio-psychological climate in the team at the time of the study, but also to identify specific aspects of its progressive creation and development, which can be used in practice by the IAB head to increase the favorability of the socio-psychological climate [15, p. 19].

During the research, the information obtained is systematized according to several parameters that have a direct impact on the indicators of the socio-psychological climate: 1) general data illustrating basic social as well as demographic indicators of IAB teams. In particular, they reflect information on the list and actual number of IAB personnel, the number of certified officers and employees, their gender, and, in addition, data on the main age groups of persons forming the service team, 2) information reflecting the most typical characteristics of those interpersonal relations that most often and steadily arise in the service team. When collecting information on this parameter, we identify the specifics of perception by the surveyed IAB officers and employees of both those relations of interpersonal nature that exist in the team and the team itself. The components of behavioral, cognitive and emotional nature influencing the respondents are taken into account. The surveyed are asked 3 questions with a template of possible answers. Each of the questions offered to the respondent implies a relatively formulaic answer, rated from "+1" to "-1".

In order for each specific component to have the most holistic and objective illustration possible, the answers to the questions received from respondents are considered according to a pre-designed template. In order to characterize each component of the response block in the questionnaire as objectively as possible, we apply the following methodology: in those cases when respondents mark answer options as "+++", "++0" or "++-", we regard this reaction as positive; in those cases when respondents mark answer options as "-- --", "-- - +" or "-- - 0" we regard this reaction as negative;

all other reactions, as well as the omission of the respondent's reaction to the proposed task, are categorized as indeterminate. After all the questionnaires are processed and positive, negative and indeterminate reactions of respondents from among officers and employees of the relevant internal affairs bodies are identified, we calculate the average score for each block of questions in the questionnaire. Questions in the questionnaire are grouped into three basic components: emotional, cognitive and behavioral. According to the survey results, the climate is assessed as favorable, unfavorable, or indeterminate.

2. The expert evaluation methodology of the management activity of the head of the internal affairs body. An essential characteristic and system-forming link of any law enforcement team is its head – the head of the IAB. In this connection, within the framework of studying the IAB chief's role in creating and maintaining a favorable socio-psychological climate, it is crucial to identify his managerial qualities. The assessment was made by subordinates and the head of the internal affairs body himself.

Several most typical characteristics of an IAB head are displayed in the proposed sheets of the expert assessment of managerial qualities. The respondents assess each quality of an IAB head taking as a basis a five-point rating scale from one to five. The average score of the expert assessment of the IAB head's managerial qualities allows us to make a judgment about the level of IAB head's managerial competence to form and maintain a favorable socio-psychological climate in the team.

Results

The methods used in the course of the research allow us to assess the nature of interpersonal relations in IAB service teams at the regional level in terms of three components of this interaction: emotional, cognitive and behavioral. The data presented in Table 1 shows a positive estimation of all three components (emotional, cognitive and behavioral) of mutual relations between members of the surveyed service teams (indices of indicators lie in the interval 0.33 – 1). This demonstrates a friendly and respectful atmosphere in the team and a favorable socio-psychological climate (Table 1).

Table 1
Features of interpersonal relations in the team

Parameters studied	Components		
	emotional	cognitive	behavioral
Average values in the group	0.9	0.8	1

Figure 2 shows results of the assessment of behavioral, cognitive and emotional components of relationships between officers of various services and divisions of the internal affairs body.

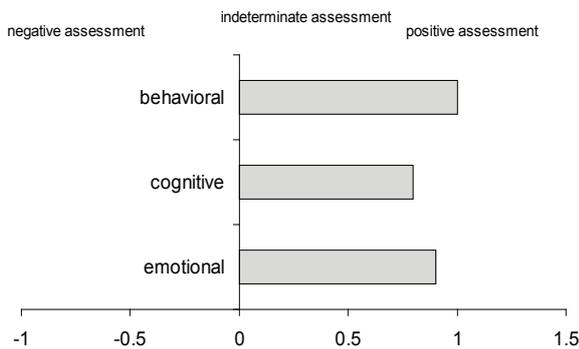

Figure 2. Nature of relationships in the team of territorial internal affairs bodies at the regional level

According to the data obtained in the course of the expert survey of subordinate officers reflected in Table 2, heads of the surveyed internal affairs bodies have highly developed managerial competence.

Table 2 shows assessments characterizing the degree of expression of certain qualities among the heads of the surveyed internal affairs bodies, as well as the indicators characterizing the estimation of the same qualities by the heads themselves.

Table 2
Assessment of qualities of the head of the territorial internal affairs body

Parameters studied	Expert assessment	Self-assessment	
	2	3	
1			
Qualities of the head	Hard work	5	4
	Social activity	5	4
	Care for people	5	3
	Insistence on high standards	4	3
	Tactfulness	5	4
	Sociability	5	5

	1	2	3
Ability to understand people		5	3
Criticality		3	3
Responsibility		5	5
Average values		4.7	4

The surveyed heads of internal affairs bodies assess the level of criticality, ability to understand people, insistence on high standards and care for subordinate personnel as low. The subordinates assess qualities of the head of internal affairs bodies somewhat higher, although they believe that an average head of internal affairs bodies lacks criticality insistence on high standards.

Discussion of the results

In the course of the research, it is found that the socio-psychological climate in the surveyed teams can be considered favorable. Managers and subordinate employees tend to spend together not only working but also free time (behavioral component). They treat each other well and appreciate their colleagues (emotional component). Besides, they know each other well, as most of them have been working together for quite a long time (cognitive component).

The research data indicate a high degree of development of horizontal ties in the team of the internal affairs body. It reveals great capacities of the analyzed service teams, associated with the resource of using not only official-legal, enshrined in departmental normative legal acts and job descriptions, but also personal relationships.

A high level of managerial competence of heads of territorial internal affairs bodies largely determines the nature of a socio-psychological climate in the studied teams.

The identified trends (high expert assessments), combined with the data on employees' satisfaction of their leadership, demonstrate a positive nature of the development of hierarchical interrelationships of the team structure, which are a significant factor in the favorability of a socio-psychological climate in service teams of the internal affairs bodies.

Conclusion

A favorable socio-psychological climate depends on and influences many factors. If the socio-psychological climate is not positive, it will have a serious impact on interpersonal relations [16, p. 47; 17, p. 43].

The primary functions of a socio-psychological climate in the team of the internal affairs body are the following:

- consolidation;
- stimulation;
- stabilization;
- regulation [18, p. 65; 19, p. 66].

The structural organization of a favorable socio-psychological climate in the service team is directly dependent on two complementary elements: an attitude of service team members to the joint law enforcement activity and social relations between them, arising and implemented both within the hierarchical subordination and at the horizontal level.

The results of the conducted research show that the IAB head creates and maintains a favorable socio-psychological climate in his subordinate service team, as he is tactful to the personnel of services, divisions and apparatus-

es of the IAB. In fact, the respondents indicate that the team leader is always ready to help. He makes sufficient efforts to prevent conflicts in the subordinate service team. The IAB head strives to distribute official duties among employees of various services and divisions of the IAB, but in case of failure to fulfill the assigned task, he takes responsibility for himself and using administrative and power resources personally supervises the fulfillment of law enforcement tasks assigned to the IAB by the superior management.

It is crucial that the head aspire to self-improve and develop managerial competencies and personal qualities that influence a psychological atmosphere in the team and effectiveness of its work. In case self-control skills are not formed in managers, work stresses lead to nervous breakdowns, diseases, premature burnout and professional deformation.

REFERENCES

1. Vakhnina V.V., Nuriev R.R. Psychological features of self-regulation of employees of internal affairs bodies with various types of behavioral activity. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2023, no. 1 (22), pp. 20–25. (In Russ.).
2. Polyakova O.B. Category and structure of professional deformations. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2014, no. 1 (13), pp. 55–62. (In Russ.).
3. Stepanishchev A.G. *Psikhologicheskie osobennosti deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del v ekstremal'nykh usloviyakh: uchebno-metodicheskoe metod. posobie* [Psychological features of the activities of law enforcement officers in extreme conditions: educational and methodical method: manual]. 2017. 25 p.
4. Romanov V.V. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. Moscow. 2017. 488 p.
5. Shelepova M.A. Professional activity as a factor forming the communicative competence of the employee of the internal affairs. *Pedagogicheskie nauki = Pedagogical Sciences*, 2020, no. 5, pp. 302–306. (In Russ.).
6. Moeller C., Kwantes C.T. Too much of a good thing? emotional intelligence and interpersonal conflict behaviors. *The Journal of Social Psychology*, vol. 155 (4), pp. 314–324.
7. Zeidner M., Kloda I. Emotional intelligence (EI), conflict resolution patterns, and relationship satisfaction: actor and partner effects revisited. *Personality and Individual Differences*, vol. 54 (2), pp. 278–283.
8. Tkachenko T.S. Moral deformation of police officers. In: *Filosofskie problemy prava i pravookhranitel'noi deyatel'nosti sotrudnikov OVD* [Philosophical problems of law and law enforcement activities of police officers]. Moscow, 2015. 96 p.
9. Prokhorov A.A. *Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyanii: fenomenologiya, mekhanizmy, zakonomernosti* [Self-regulation of mental states: phenomenology, mechanisms, patterns]. Moscow, 2015. P. 350.
10. Yip J.A., Schweitzer M.E., Nurmohamed S. Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2018, vol. 144, pp. 1250–144.
11. Bochkova M.N. Deviant behavior of law enforcement officers: a review of research in modern Russian psychology. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika = Applied Psychology and Pedagogy*, 2023, vol. 8, no. 1, pp. 43–50. (In Russ.).
12. Rybnikov V.Yu., Mar'in M.I. Coping-behavior of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia and their individual stability in extreme and emergency situations. *Chelovecheskii faktor: problemy psikhologii i ergonomiki = Human Factor: Problems of Psychology and Ergonomics*, 2005, no. 3, pp. 46–50. (In Russ.).

13. Bochkova M.N., Meshkova N.V. Emotional intelligence and social interaction: foreign studies. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 49–59. (In Russ.).
14. Ul'yanina O.A. *Psikhologicheskaya podgotovka lits, v pervye prinyatykh na sluzhbu v organy vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii po dolzhnosti sluzhashchego "Politseiskii": ucheb.-metod. posob.* [Psychological training of persons who were first recruited to the internal affairs bodies of the Russian Federation as a Policeman: educational and methodical manual]. Moscow, 2021. 65 p.
15. Stepanishchev A.G., Rybin D.N. *Metody psikhologicheskoi samoregulyatsii v deyatel'nosti uchastkovykh upolnomochennykh politzii: ucheb.-metod. posob.* [Methods of psychological self-regulation in the activities of district police commissioners: educational and methodological manual]. Barnaul, 2020. Pp. 76–78.
16. Tkachenko T.S. Moral deformation of police officers. In: *Filosofskie problemy prava i pravookhranitel'noi deyatel'nosti sotrudnikov OVD* [Philosophical problems of law and law enforcement activities of police officers]. Moscow, 2015. 96 p. (In Russ.).
17. Pryakhina M.V., Sharapov A.O., Shekh O.I. Technologies of psychological prevention of organizational stress of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, vol. 53, no. 1, pp. 261–268. (In Russ.).
18. Wolhendler B. *Creativity, delinquency, and production of unsolicited violent content in drawings: Doctor of Philosophy in Psychology Dissertation*, 2015.
19. Chunosov M.A., Taranin M.A. Psychological self-regulation as a condition for successful performance by an employee of the Department of Internal Affairs of operational and service tasks. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2018, no. 58–3, pp. 371–373. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

MIKHAIL I. MAR'IN – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, marin_misha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>

OKSANA A. TEREGULOVA – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor at the Department of Psychology, Pedagogy and HR Management of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, Ksunchik.88@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9309-1690>

Received July 22, 2024

Original article

UDC 37

doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.012

Methodological Foundations for Developing the Mentoring Institution in Law Enforcement Agencies

INNA S. SKLYARENKO

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
ic-k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9520-6797>

MARIYA A. BLAGOVESHCHENSKAYA

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
bmatula@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4395-5514>

Abstract

Introduction: the article discusses methodological foundations for the development of the institution of mentoring in law enforcement agencies with an emphasis on the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The stated problem is actualized by the authors by providing concretized modern statistics of dismissals from the internal affairs bodies of the Russian Federation. Accordingly, the authors consider the institution of mentoring in law enforcement agencies to be a form of pedagogical support of professional activities of young employees. Justifying the institution of mentoring as a formal social institution, its functionality is revealed, which focuses on interaction with young employees and providing them with assistance within the framework of pedagogical support. *Purpose:* to theoretically comprehend the concept of mentoring in the law enforcement system, including the Ministry of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service on the basis of the category of pedagogical support of young employees. *Methods:* a dialectical approach to the problem under consideration using general and particular methods of scientific cognition, such as: system-structural, dogmatic, logical, as well as the study of generalized experience and the method of studying products of activity. *Results:* the author's position is expressed in the need to determine methodological foundations for the institution of mentoring in law enforcement agencies, including principles, content, tools for pedagogical support of young employees and, in general, the process of training mentors. *Conclusion:* it is important and necessary to develop methodological foundations of the institution of mentoring in law enforcement agencies. The methodological foundations for developing the institution of mentoring in law enforcement agencies, including the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal Penitentiary Service of Russia, most likely affect the effectiveness of young employees due to pedagogical support of their activities.

Keywords: methodological foundations, mentoring institution, mentor, young employee, law enforcement agencies, pedagogical support, professional development.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Sklyarenko I.S., Blagoveshchenskaya M.A. Methodological foundations for developing the mentoring institution in law enforcement agencies. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 449–458. doi 10.46741/2686-9764.2024.68.4.012.

Introduction

The problem of understaffing in law enforcement agencies continues to be one of the most pressing, requiring an urgent constructive solution especially in the conditions of the special military operation.

Statistics shows a four-year upward trend in the number of dismissed young law enforcement officers even in the first year of service. This concerns both the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the system of the Federal Penitentiary Service of Russia. According to the statement of Director of the Federal Penitentiary Service of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Colonel General of the Internal Service A.A. Gostev, in 2023 understaffing increased by 4% and reached 19.6% of the total staff of the agency, and most of the dismissed are young officers who have served less than a year [1].

Let us consider more specific examples for the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. If in 2020 more than 1,100 people were dismissed from the internal affairs bodies, which amounted to about 8% of the number of those recruited, in 2021 – more than 2,000 people (12%), and in 2022 - more than 2,100 people (15%). For the last three years, more than 9,000 young specialists have been dismissed from the internal affairs bodies [2 p. 35, 3 p. 43].

In addition, in 2022, more than 68,000 people aged 20–25 were recruited for service in internal affairs bodies. More than 30% of the internal affairs officers have not reached the age of 30, 17% of officers have up to 3 years of service in the internal affairs bodies, and 19% have served in the system for less than 1 year [2 p. 37, 3 p. 45]. It is also noteworthy that every third young officer in two to three years after the beginning of service expresses a desire to change the place of service and one third of those dis-

missed, as a rule, who has received departmental free education, finds a job in commercial structures and advocacy.

These quantitative and qualitative facts indicate the need for specific managerial activities with newly recruited employees.

We cannot but mention the concern of the President, the Government and the leadership of various departments and organizations. Thus, in 2024, the government developed the National Project “Personnel” for 2025–2030. It implies interaction between the education system and enterprises, opening of sites for familiarization with production, participation of employers in the development of curricula and professional orientation of schoolchildren from the 6th grade. The law enforcement system is actively involved in the realization of this project. The above said, of course, actualizes the stated topic.

We agree with researchers (G.N. Vasilenko, E.S. Denisenko, D.A. Kemenev, A.A. Nikitin, etc.) who are convinced that one of the ways of solving the personnel problem in law enforcement agencies is the creation of the mentoring institution [4 p. 140; 5 p. 42; 6 p.198].

According to M.V. Pryakhina, A.S. Dushkin, N.V. Martirosova, etc. mentoring is a form of ensuring professional formation, development and adaptation to the qualified performance of official duties of persons in respect of whom it is carried out [7 p. 57].

G.V. Atamanchuk and I.P. Marchenko emphasize that mentoring has features of the personnel technology used in law enforcement agencies, which helps employees to improve their qualifications, develop professionally and adapt to new conditions of service [8 p. 141; 9 p. 128].

Emphasizing pedagogical functions of a mentor, we believe it appropriate to present the

category of “mentoring” through pedagogical support of young law enforcement officers in professional and service activities. Considering mentoring under the prism of “pedagogical support”, we will give a brief characterization of it.

First of all, it should be said that the concept of pedagogical support at the present stage of pedagogical science is quite widespread. There is a great variety of interpretations, where pedagogical support is considered to be a process of pedagogical interaction between an object and a subject to help the latter [10 p. 72], a process of creating conditions for development [11 p. 178], creative activity of a teacher [12 p. 98], extended pedagogical support [13 p. 72], a toolkit of pedagogical activity [14 p. 167], a mechanism for pedagogical interaction [15 p. 54], and a system of measures to influence processes of the educational sphere [16 p.78].

Summarizing the above, we see pedagogical support of young law enforcement officers as a process of providing them with timely professional and socio-pedagogical assistance from a mentor in the form of pedagogical (corrective, preventive) influence on the basis of diagnostics, tracking changes in professional and personal development through the use of general and private methods [17 p. 208].

The term “institution” in the context of the topic under study means a certain social phenomenon, particularly in the professional sphere. So, the institution of mentoring is a social institution, a sustainable form of organizing professional activity that includes a set of bodies, organizations and employees, including those endowed with power, material means for the implementation of professional and social functions, roles, management, control over compliance with legal norms, professional and service ethics.

The institution of mentoring as a social institution is formal, because it operates under strictly established prescriptions (legislative and regulatory documents, job descriptions), has formal control and can be considered a social elevator that promotes adaptability, professional socialization, and mobility of young employees.

As is known, the emergence of any social institution is a response to the needs of soci-

ety. Consequently, the emergence of mentoring institution is a response to the needs of the professional community. These needs are associated with guarantees in the framework of lifelong education, professional protection, maintenance of professional order, cohesion of the professional community, implementation of communications within the team, and division of people by certain professional strata.

Accordingly, the institution of mentoring in law enforcement agencies is a formal social institution, a form of pedagogical support of professional activities of young law enforcement officers, including a set of bodies, organizations of the law enforcement system of Russia, employees, their managers, vested with managerial powers and material means to assist young officers in their professional development, effective implementation of their professional, official, law enforcement and other activities.

On the other hand, mentoring in law enforcement agencies is quite reasonably considered as a social institution due to the fact that it performs a number of social functions. Moreover, the function itself as a duty or activity has an instrumental characteristic, and their number indicates the variety of mentoring tools in law enforcement agencies:

- an integrative function – assistance in rallying and strengthening ties between young and experienced employees united by the institution of mentoring in the professional community;
- the function of reproduction of professional and social relations, through which the mentoring institution supports stability of the professional law enforcement system of Russia;
- a regulatory function – assistance to young employees in regulating relations with the authorities, other members of the professional community, and citizens based on norms, rules of conduct, taking into account existing sanctions and professional ethics;
- a communicative function is to assist young employees in ensuring interaction with each other, other members of the professional community through certain rules and ethics of professional activity.

Also, the pedagogical component of mentoring includes a whole range of functions, among which:

- a humanistic function – helping young employees in the formation and development of

intellectual, spiritual and moral, civil-patriotic, physical potential of the individual;

- a professional and economic function is to assist young employees in mastering professional competencies, which means training qualified personnel for the law enforcement system;

- a socio-political function – providing assistance to young employees in acquiring a certain social status;

- a cultural function – assistance to young employees in mastering social and professional culture and developing creative abilities;

- a socializing function – assistance to young employees in their professional activities that benefit society, the state, the department and themselves.

It is impossible to ignore the issue of dysfunction in mentoring, which demonstrates a violation of stability, personnel balance in the Russian law enforcement system through the appearance of failures and destructive situations in the work of the mentoring institution. The modern history of law enforcement agencies has experienced negative consequences from the absence of mentors or a formal approach to their appointment. So, in the noughties, the Federal Penitentiary Service of Russia faced the problem of a shortage of experienced employees who could pass on their experience to young people due to their superannuation.

The institution of mentoring as a practice of working with novice employees has a rich history and is developing today, acquiring various forms of implementation. In particular, I.A. Zorina, considering mentoring types, describes the specifics of tutoring, mentoring, coaching and facilitation [18, p. 184].

The institution of mentoring in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, being a formal social institution, is defined by specific requirements – federal laws No. 3-FZ of February 7, 2011 “On Police” and No. 342-FZ of November 30, 2011 “On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”, as well as orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 460 of June 26, 2020 “On Approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation” and No. 50 of February 1, 2018 “On Approval

of the Procedure for Organizing Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation”. For example, the latter establishes that a mentor is assigned to each mentee for the period of his/her individual training, as well as to “an employee transferred to a higher, equivalent or lower position in the internal affairs bodies corresponding to a different functional purpose or field of activity”. It should be noted that none of the normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia contains clear criteria for the selection of mentors, describes a process of their training and evaluating results of their activities.

So, the regulatory framework for mentoring is far from perfect, but it still exists. The leadership of law enforcement agencies and departments, as well as ordinary employees, understand the need to improve it, which is confirmed by the availability of scientific and theoretical research and practical proposals.

In turn, we note that the institution of mentoring in law enforcement agencies assumes some methodological foundations, including principles of mentors, the content and tools of pedagogical support of young employees, the process of training and work of a mentor.

The role of the head of the body, organization, department in the mentoring institution should be discussed separately. The head, embodying pedagogical functions, acts as a mentor to mentors, carries out their training using general and private methods.

We will highlight stages of the head’s work with mentors.

Stage I (diagnostic) involves selection of mentors through conversation, studying materials of the applicants’ personal files and monitoring their activities.

Stage II (preparatory) includes a methodology for training mentors: setting goals and objectives of mentoring activities; conducting classes with mentors, organizing individual and group forms of work; presenting the content of mentoring activities through pedagogical support of young employees; presenting mentoring tools (methods of conversation, clarification, instruction, counseling, etc.).

Let us consider methodological foundations for the development of the mentoring institution in law enforcement agencies. The methodology of mentor training assumes the following:

1. Goal-setting in the work of mentors includes setting tasks related to the implementation of pedagogical support of young employees. It is obvious that goal-setting will be associated with the diagnosis of a young employee, which will reveal a level of professional competencies and set tasks for providing mentoring assistance.

2. Principles of work of mentors who provide pedagogical support to young employees.

Researchers propose different sets of pedagogical support principles. Thus, E.I. Kazakova highlights principles of the advisory nature of mentor's advice, the priority of mentee's interests, continuity, multidisciplinary, striving for autonomy. A. N. Kopeikin described the principles of trust, openness, complexity, prevention, creation of favorable conditions, activation of independent work [19, p. 8]. N. V. Poyarkova [20, p. 5] considers the principles of orientation to moral values, dialogism, integrity, activity, AM. Tkachenko – complementarity and variability, subject-subject interaction, sphericity, reliance on the internal potential of the subject [21, p. 9]. E.V. Yakovlev and N.O. Yakovleva focus on ensuring the completeness of the set of principles and believe that the grounds for their selection should be theoretical and methodological approaches to the study of the problem, patterns of pedagogical support, subjects of support and their activities, and stages of pedagogical support.

Based on the results of empirical research (E.I. Kazakova, A.N. Kopeikin, N.V. Poyarkova, E.L. Cherepanov, E.V. Yakovlev, N.O. Yakovleva, etc.), we believe that the following principles will be relevant for mentors in the aspect of pedagogical support of young law enforcement officers:

- purposefulness of pedagogical support of a young employee. The goal determines a direction and method of mentor's actions. Comparing the current level of professional and personal development of a young employee's personality with his/her ideal model will allow us to develop a program for providing pedagogical support and assistance and a plan for its implementation, as well as to select tools to achieve the goal;

- consistency of pedagogical support of a young employee. The essence of this principle is that pedagogical support is considered as a

system. The system is a collection of related elements mutually influencing each other. At the same time, pedagogical support of a young employee will be a subsystem in relation to the holistic process of lifelong education. Pedagogical support as a subsystem has its own structure of elements (purpose and objectives, content and tools), interconnected and interdependent with each other;

- humanism in pedagogical support of a young employee. It assumes the value of a person and his/her life and is considered in the field of an axiological approach that calls for the need for assistance. At the same time, the combination of the goals of the state, department, society and individual triggers a mentee to develop professional competences in accordance with his/her professional interests, capabilities and needs;

- respect for the personality of a young employee combined with reasonable demands on him/her. Reasonable demands as assistance are appropriate and determined by the needs of pedagogical support aimed at developing positive professional and personal qualities in a young employee. A mentor using the method of pedagogical requirement should make sure that a young employee clearly understands the meaning of the requirement imposed on him/her, be sure that this method will help to correct professional activities and behavior of a young employee without harming his/her self-esteem and dignity;

- reliance on positive personality traits of a young employee. Laying emphasis on mentee's positive qualities that can compensate for negative ones, a mentor forms a positive professional orientation of a young employee. The latter acquires a sense of success in mastering new forms of behavior, satisfaction from professional realization, self-confidence, and confidence in achieving professional goals. This principle is connected with pedagogical support stages and the specifics of professional activity of a young employee;

- consciousness and activity of an individual. A young employee should realize the need for positive changes in his/her professional activities and be motivated to make these changes. Only then he/she becomes an active participant in these changes and will strive to accelerate them. In this case, a young law enforce-

ment officer requires assistance to turn from a pedagogical support object to his/her subject, which guarantees a positive result. Under this condition, there is a favorable subject-subject interaction in activities of a mentor and a young employee;

- combinations of direct and parallel impact in pedagogical support. In addition to the direct influence of a mentor on the personality of a young employee, mobilization of socially significant forces plays an important role in optimizing pedagogical support. This creates an additional vector of influence. Such forces include a team of employees. Using the power of public opinion, we get an unconditional effect in pedagogical support. For a young employee, for example, the opinion of experienced employees and authorities is an important factor in choosing the direction of behavior and becoming a professional.

- unity of diagnosis and pedagogical influence in pedagogical support. This principle ensures the integrity of the process of pedagogical support of a young employee. It is impossible to influence effectively without knowing the source data about an object. It is difficult to choose methods and techniques if there is no data about a young employee, the causes and nature of his/her behavioral reactions and the specifics of his/her relationships in the team. Pedagogical support requires: 1) analysis of individual personality characteristics of a young employee, his/her level of training and professional interests; 2) tracking the dynamics of changes as a response to the assistance provided; 3) conducting diagnostics in the process of pedagogical support. Knowledge of individual characteristics helps quickly identify strengths and weaknesses of an employee and adjust the support provision process;

- inverse proportionality, “hyperbole”. An important component of mentoring is the systematic interaction between a mentor and a young employee. Feedback helps the latter to understand their successes and mistakes, which stimulates self-development and self-improvement. However, there is a need to gradually reduce assistance on the part of a mentor and increase the independence of a young employee.

Thus, the main provisions of the pedagogical support principle form its basis, determine the

logic of influence, and outline a general strategy and specific tactics at the appropriate stages of the mentoring process.

3. Providing assistance to young employees in professional training and education within the framework of lifelong education.

Speaking of vocational training, we note that we are talking about practice-oriented complementary training, a process organized directly in the activity, since mentees already have a diploma of vocational education and a certificate of completion of initial training. However, when performing official duties, young employees have a number of questions and difficulties, since each professional activity is specific, has a special order of official activity, preparation of documentation, etc. The mentor’s help is invaluable here.

Equally important is the content of education implemented by the mentor, which includes its various directions. First of all, this is professional education, which involves development of personal qualities in a young employee, taking into account requirements of professional and official activity in modern conditions. This is a willingness to fulfill the official duty to protect the rights and legitimate interests of citizens and to protect public order.

Patriotic education is also becoming a priority today. Talking about heroism of colleagues, rituals and traditions existing in the department, a mentor should emphasize the importance of preserving historical memory.

Although the professional activity of a law enforcement officer involves knowledge of the regulatory framework, nevertheless, a mentor should not neglect legal education. It is necessary to develop a respectful attitude towards the law in a young employee.

Moral education of young employees should also be in focus, since it contributes to the development of moral qualities of a citizen (responsibility for the fate of the country and the value of goodness, justice, duty, honor).

Aesthetic education in the work of a mentor is less in demand, but a competent mentor understands the value of introducing a young employee to the beautiful. In this regard, we agree with the thesis of I.A. Kalinichenko, O.V. Ziborov, A.I. Klimenko that today “a policeman-“enforcer” is being replaced by a policeman-“intellectual” [22, p. 7].

4. Tools of pedagogical support. This is a pedagogical category that implies methods and techniques, forms and means that contribute to the achievement of the goals and objectives stated.

We will consider the most effective tools of pedagogical support, methods, techniques and tools used by mentors, identified during the empirical study:

– a method of the example. A method of education and training in which a mentor influences the consciousness and emotions of young employees by presenting a positive or negative pattern. Something perceived by vision is simultaneously fixed by consciousness, due to the fact that it does not need to be decoded, unlike the word [23, p. 63]. Practical demonstration of professional actions, participation in real office situations and analysis of specific examples contribute to more effective mastery of professional competencies. By demonstrating how to perform certain tasks, a mentor helps a young employee to understand, remember, and then reproduce correct actions;

– a method of explanation. A method of education and training, in the process of which a mentor directly influences the cognitive sphere of a young employee's personality by presenting specific facts, interpreting laws and patterns, the most important features of the subject of professional activity, individual concepts, phenomena, during which information significant for professional activity is realized. This method involves consistent disclosure of information and establishment of cause-and-effect relationships through logically constructed argumentation.;

– a method of clarification. A method of education and training, in the process of which there is a detailed interpretation of the subject of professional activity with emotional and verbal influence and orientation to a specific young employee;

– a method of instruction. A method of teaching, which consists in modeling the process and result of the upcoming professional activity by combining explanation and showing samples of activity, as well as analyzing situations from professional and official activities. For this method to be effective, the mentor's instructions and results of the activity should be

distinct, a young employee should be aware of the importance of the upcoming activity;

– a method of persuasion. A method of teaching and education consisting in direct communicative influence on the mind, emotions and feelings, during which there is a conscious acceptance of a certain position by a young employee. In order to achieve a deep understanding of the information necessary for professional activity, the method of persuasion uses a method of proof (a pedagogical technique, considered as part of the method). Any proof is based on the laws of formal logic, but various options are used. A regulatory appeal is a method that implies a reference to legislative acts as something irrefutable, previously proven, and already established. A method of analogies involves bringing a similar case, a comparative characteristic with the one under consideration, which justifies the need for a similar solution. According to a graphical method, a mentor accompanies the evidentiary reasoning with diagrams and drawings. Proof by contradiction begins with the phrase "suppose that...". The stated assumption is analyzed in detail, justifications of the existing and proposed alternative positions, as well as consequences of both, are compared. This method is appropriate when a young employee is skeptical, does not seek to understand the truth, and embarks on lengthy discussions. The method of focusing attention is justified by the following facts. A mentee hears the proof for the first time and needs to understand it, accept it here and now, unlike a mentor, who has already thought through the logic and arguments. To do this, a mentor focuses on his/her own speech: slow pace, paraphrasing during repetition, detailing, brevity of wording, highlighting significant information in tone and timbre, underlining, paying attention, and keywords [23, p. 84].

We have described only a part of the tools used by a mentor in pedagogical support of young employees. In the aspect of professional education, we also note methods of conversation and support, criticism of actions, moral choice and creating a situation of success.

Stage III (reflexive) is focused on discussing results of mentoring, reflection, and using incentive methods.

The effectiveness of mentoring activities is connected with results of the work of both

mentees and mentors. Of particular importance here is the method of encouragement – a method based on the expression of a public positive assessment of professional activity, recognition of merit and consolidating the desired behavior of the object. There are quite a lot of types of encouragement.

Let us take a closer look at awards. Our empirical research has shown the following: 87% of the respondents indicate effectiveness of awarding in the form of a certificate of honor from the Ministry of Internal Affairs of Russia, 76% – a valuable gift, 69.5% – a declaration of gratitude, and 56.5% – a departmental award [24, p. 265].

The results indicate the need to recognize the merits of mentors in the formation of young employees, strengthening their desire to remain in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In the department's award policy, there is an award for mentors, but the pilot survey has showed the rarity of its use. Many employees do not know about its existence, have no idea who is awarded it, for what merits.

Unfortunately, the complexity of the mentor's activity, associated with high resource costs (time, energy) and distraction from solving their own professional tasks, discourages experienced employees to become mentors. In fact, this indicates that it is long overdue to review the procedure for appointing mentors and evaluating their activities.

We assume that clarifying the value meaning of a special award in the form of a lapel badge "Honorary Mentor of the Ministry of Internal Affairs" will to some extent contribute to solving this problem.

Historians in the field of heraldry believe that this sign is a prototype of the honorary title "Honored Mentor of the Youth" that existed in

the RSFSR since 1981. Today, the lapel badge "Honorary Mentor of the Ministry of Internal Affairs" is awarded to the best mentors of internal affairs bodies who have served for 15 years or more and were previously awarded the state award of the Russian Federation or the departmental insignia of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The badge is a laurel wreath with fruits, the base of which is intertwined with a ribbon with the inscription "MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA". In the upper part of the wreath there is an image of the emblem of the internal affairs bodies, inside the wreath there is an image of a shining torch against the background of two crossed swords in a scabbard, the inscription "HONORARY MENTOR" is superimposed on top of the images. In heraldry, the symbol of laurel trees means mediation in the transfer of knowledge, is associated with wisdom and the will to win, and fruits are interpreted as the result and outcome of activity.

Understanding the meaning of symbols included in the image of the award is an important motivational, historical, ideological, psychological and pedagogical component.

It should be noted that a similar departmental award is established in the system of the Federal Penitentiary Service of Russia – the badge "Honorary Mentor".

Conclusion.

Summarizing the above, we note that the highlighted methodological foundations for the development of the institution of mentoring in law enforcement agencies most likely affect the effectiveness of young employees through pedagogical support, which implies providing them with timely assistance in various areas of official and professional activity, contribute to strengthening human resources and require further study and testing.

REFERENCES

1. *Glava FSIN zayavil o ser'eznom nekomplekte i poprosil povysit' zarplaty* [Head of the Federal Penitentiary Service of Russia announced a serious shortage and asked for a salary increase]. Available at: <https://news.ru/russia/glava-fsin-zayavil-o-sereznom-nekomplekte-i-poprosil-povysit-zarplaty/> (accessed October 3, 2024).
2. *Svedeniya o sostoyanii raboty s kadrami organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii za 2021 god: sb. analit. i inform. materialov* [Information on the state of work with the personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation for 2021: collection of analytical and informational materials]. Moscow, 2022. 70 p.
3. *Svedeniya o sostoyanii raboty s kadrami organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii v 2022 godu: sb. analit. i inform. materialov* [Information on the state of work with the personnel of the

- internal affairs bodies of the Russian Federation for 2022: collection of analytical and informational materials]. Moscow, 2023. 78 p.
4. Vasilenko G.N., Denisenko E.S. Individual training and prospects for the development of the Institute of mentoring in internal affairs bodies. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2, pp. 139–144. (In Russ.).
  5. Kemenev D.A. Conceptual model of the Institute of mentoring in public service. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii = Personnel and Intellectual Resources Management in Russia*, 2019, no. 5, vol. 8, pp. 41–46. (In Russ.).
  6. Nikitin A.A. Institute of mentoring in the Prosecutor's office and other state bodies of Russia. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2023, no. 2 (151), pp. 196–203. (In Russ.).
  7. Pryakhina M.V., Dushkin A.S., Martirosova N.V. *Professiograficheskoe opisanie osnovnykh vidov deyatelnosti v sisteme MVD Rossii na osnove kompetentnostnogo podkhoda: monogr.* [A professionographic description of the main types of activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia based on a competence-based approach: monograph]. Saint Petersburg, 2012. 136 p.
  8. Atamanchuk G.V. *Sushchnost' gosudarstvennoi sluzhby: istoriya, teoriya, zakon, praktika: monogr.* [The essence of public service: history, theory, law, practice: monograph]. Moscow, 2008. 312 p.
  9. Marchenko I.P. *Osobennosti protsessa transformatsii kadrovogo potentsiala gosudarstvennoi (munitsipal'noi) sluzhby v Rossii rubezha XX–XXI vekov: dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Features of the process of transformation of the personnel potential of the state (municipal) service in Russia at the turn of the XX–XXI centuries: Doctor of Sciences (Sociology) dissertation]. Barnaul, 2005. 376 p.
  10. Umanskii A.L. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie detskogo liderstva: monogr.* [Pedagogical support of children's leadership: monograph]. Kostroma, 2004. 117 p.
  11. Lazarev V.A. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie odarennykh starsheklassnikov: dis. ... d-ra ped. nauk* [Pedagogical support of gifted high school students: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Yaroslavl, 2005. 329 p.
  12. Shishkina V.A. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie lichnostno-professional'nogo stanovleniya budushchikh uchitelei izobrazitel'nogo iskusstva: dis. ... d-ra ped. nauk* [Pedagogical support of personal and professional development of future teachers of fine arts: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2006. 386 p.
  13. El'kanova P.A. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie sotsializatsii podrostka: na primere Zapolyar'ya: dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical support of adolescent socialization: on the example of the Arctic: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2000. 184 p.
  14. Kulikovskaya I.E., Titova A.I. Pedagogical support for the development of children's creativity in the educational space of a preschool organization. In: *Vospitanie i obuchenie detei mladshogo vozrasta: sb. materialov ezhegod. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Education and training of young children: collection of annual international scientific and practical conference]. Rostov on Don, 2016. Pp. 167–169. (In Russ.).
  15. Shakurova M.V. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie stanovleniya i razvitiya sotsiokul'turnoi identichnosti shkol'nikov: dis. ... d-ra ped. nauk* [Pedagogical support for the formation and development of socio-cultural identity of schoolchildren: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2007. 361 p.
  16. Yakovlev E.V., Yakovleva N.O. Accompaniment as a pedagogical phenomenon. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt = Modern Higher School: Innovative Aspect*, 2010, no. 4, pp. 74–83. (In Russ.).
  17. Sklyarenko I.S., Cherepanov E.L. Principles of pedagogical support for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation during the period of preparation for actions in the conditions of their own. In: *Istoriya i perspektivy issledovaniya problem raboty s lichnym sostavom (k 50-letiyu kafedry psikhologii, pedagogiki i organizatsii raboty s kadrami Akademii upravleniya MVD Rossii)* [History and prospects of research on problems of working with personnel (to the 50th anniversary of the Department of Psychology, Pedagogy and organization of work with personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia)]. Moscow, 2023. Pp. 206–220. (In Russ.).
  18. Zorina I.A. Mentoring as a social institution and its types in modern realities. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Managerial Consulting*, 2023, no. 10 (178), pp. 179–187. (In Russ.).

19. Kopeikin A.N. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie boevoi podgotovki budushchikh milit-sionerov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical support of combat training of future policemen: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Volgograd, 2007. 20 p.
20. Poyarkova N.V. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie professional'no-nravstvennogo stanovleniya budushchego uchitelya v pedagogicheskom kolledzhe: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical support of the professional and moral formation of a future teacher in a pedagogical college: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Volgograd, 2009. 24 p.
21. Tkachenko A.M. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie sotsial'no-professional'noi samoaktualizatsii kursantov obrazovatel'nykh uchrezhdenii FSB Rossii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical support of socio-professional self-actualization of cadets of educational institutions of the FSB of Russia: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Khabarovsk, 2008. 24 p.
22. Kalinichenko I.A., Ziborov O.V., Klimenko A.I. Formation of the value bases of professional legal awareness of a police officer in the process of educational activity of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*, 2020, no. 10, pp. 3–10. (In Russ.).
23. Serdyuk N.V., Khodyakova N.V., Sklyarenko I.S. *Obshchaya pedagogika: ucheb.* [General pedagogy: textbook]. Moscow, 2023. 188 p.
24. Sklyarenko I.S., Blagoveshchenskaya M.A. *Razvitie professional'nykh i upravlencheskikh kompetentsii sotrudnikov organov vnutrennikh del, vklyuchennykh v kadrovyi rezerv, sredstvami obrazovaniya // Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki: materialy mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 28 oktyabrya 2022 goda)* [Development of professional and managerial competencies of employees of internal affairs bodies included in the reserve pool by means of education. Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice: proceedings of the International scientific and practical conference (Saint Petersburg, October 28, 2022)]. Saint Petersburg, 2022. Pp. 263–268. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

INNA S. SKLYARENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Psychology, Pedagogy and HR Management at the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, ic-k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9520-6797>

MARIYA A. BLAGOVESHCHENSKAYA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Psychology, Pedagogy and HR Management at the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, bmatula@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4395-5514>

Received September 30, 2024

JOURNAL INDEXING IN DATABASES

eLIBRARY.RU: yes (contract 407-10/2019)

DOIprefix: yes (10.46741/2686-9764)

RSCI: yes

Core of the RSCI: no

HACLlist: yes (In the current List of the Higher Attestation Commission, the journal is classified as K2)

CrossRef: yes

East View Information Services: yes

GARANT system: yes

On the Web of Science platform: no

Web of Science: no

Scopus: no

EBSCO: yes

WorldCat: yes

CyberLeninka: yes

DOAJ: yes

<https://jurnauka-vipe.ru/?lang=en>